

СПАРТАК

Валентин
Лесков

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Имя фракийца Спартака, римского гладиатора и вождя самого знаменитого восстания рабов в древнем Риме (74–71 годы до н. э.), обладает несомненной притягательной силой. Бессмертный роман Раффаэло Джованьоли и балет Арама Хачатуряна, голливудский боевик 1960 года с блистательной актерской работой Кёрка Дугласа и даже гладиатор на флаге болельщиков «народного» футбольного клуба — всё это зримые воплощения образа Спартака — героя, чье имя давно уже живет своей жизнью и по своим законам. Но каким был реальный Спартак? Какова была жизнь гладиаторов в древнем Риме? Почему в течение долгого времени восставшим удавалось одерживать верх над лучшей армией тогдашнего мира, а сам Спартак заслужил уважение даже своих врагов — римлян? Об этом рассказывается в книге историка и писателя Валентина Лескова, новое, дополненное и исправленное издание которой предлагается вниманию читателей.

[Адаптировано для AlReader]

-
- [Валентин Лесков](#)
 -
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [Глава первая](#)

- [Глава вторая](#)
- [Глава третья](#)
- [Глава четвертая](#)
- [Глава пятая](#)
- [Глава шестая](#)
- [Глава седьмая](#)
- [Глава восьмая](#)
- [Глава девятая](#)
- [Глава десятая](#)
- [Глава одиннадцатая](#)
- [Глава двенадцатая](#)
- [Глава тринадцатая](#)
- [Глава четырнадцатая](#)
- [Глава пятнадцатая](#)
- [Глава шестнадцатая](#)
- [Глава семнадцатая](#)
- [Глава восемнадцатая](#)
- [Глава девятнадцатая](#)
- [Глава двадцатая](#)
- [Глава двадцать первая](#)
- [Глава двадцать вторая](#)
- [Глава двадцать третья](#)
- [Глава двадцать четвертая](#)
- [Глава двадцать пятая](#)
- [Глава двадцать шестая](#)
- [Глава двадцать седьмая](#)
- [Глава двадцать восьмая](#)
- [Глава двадцать девятая](#)
- [Глава тридцатая](#)
- [Глава тридцать первая](#)
- [Глава тридцать вторая](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

■

■

■

■

■

■

[illegible]

-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [INFO](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)

- [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
-

ЖИЗНЬ[®] ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1516

(1316)

Валентин Лесков

СПАРТАК

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

*Издание третье,
исправленное и дополненное*

*Научный редактор, автор предисловия —
доктор исторических наук,
профессор В. И. Кузищин*

© Лесков В. А., 2011

© Кузищин В. И., предисловие, 2011

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Спартаку повезло в истории. Забылись многие политики, игравшие довольно крупную роль в истории, их имена и деятельность исследуют лишь специалисты-историки, тщательно сопоставляя различные документальные материалы, а вот имя и основные вехи жизни Спартака известны сейчас почти каждому школьнику, каждому грамотному человеку.

Почему так произошло? Почему имя и дела Спартака ярким метеором промелькнули в истории и оставили в ней неизгладимый след, а, например, имена таких крупных римских политиков, как Луций Катулл, Эмилий Лепид, Квинт Серторий, Гней Помпей, известны только специалистам? Почему забылись имена таких вождей восставших сицилийских рабов, как Эвн и Клеон, как Сальвий и Афинион, хотя и первое восстание рабов в Сицилии (138–132 до н. э.), и второе сицилийское восстание (104–101 до н. э.) были продолжительными (даже более продолжительными, чем спартаковское восстание) и собирали под свои знамена не меньшее количество восставших, чем спартаковская армия?

Почему? Мы бы сделали ошибку, если бы удивительную судьбу Спартака в мировой истории приписали только его выдающимся личным качествам, его полководческому и организаторскому таланту, его культурному кругозору, гуманности и благородству, бесстрашию и одухотворенности высокими идеалами борьбы за свободу человеческой личности. Бесспорно, всеми этими качествами Спартак обладал, и это обстоятельство делает его личность одной из самых привлекательных в мировой истории. Но дело не только в этом. Великая личность раскрывается во всей своей полноте, проявляет заложенные в ней качества лишь в определенной исторической обстановке, в конкретных исторических условиях.

Общая историческая ситуация в Риме последнего века до нашей эры оказалась именно такой, когда сложились условия для столь мощного революционного взрыва, как восстание италийских рабов 74–71 годов до н. э., а во главе его оказался выдающийся вождь. Таким вождем и стал Спартак. Иначе говоря, Спартак был не снисшедшим свыше героем, а плоть от плоти своей эпохи, своего класса, класса италийских (в широком, то есть средиземноморском смысле) рабов, так сказать, сыном своего времени.

Вот почему, чтобы понять феномен Спартака, особенности его

незаурядной личности, величие его дел и его историческое значение, необходимо знание исторических особенностей того времени, на котором разворачивалась героическая деятельность этого замечательного исторического деятеля.

Итак, что же представляло собой римское общество конца II — первой четверти I века до н. э.? Почему именно в это время созрели условия и для вспышки грандиозного рабского восстания, и для появления его выдающихся представителей, достойно возглавивших это крупнейшее революционное движение своего времени?

Римское общество конца II — первой четверти I века до н. э. — это прежде всего бурно развивающееся общество; рабовладельческие отношения в Риме приближались к своему апогею, своей вершине. Особенно заметным было экономическое развитие, создание сложной и относительно производительной экономики, основанной на рабстве. Это предполагало прежде всего развитие главной ветви античного хозяйства — сельскохозяйственного производства. Именно во II—I веках до н. э. в римском сельском хозяйстве формируется новая структура, предполагающая преимущественное развитие интенсивных отраслей: оливководства, виноградарства, выращивания плодовых деревьев и овощей. Больших успехов достигает хлебопашество. Традиционное скотоводство трансформируется в высокодоходное стойловое животноводство, предполагающее постоянную кормовую базу, рациональные методы откорма скота, его селекцию и получение больших доходов. Выделяется такая ветвь животноводства, как птицеводство, превращающаяся в высокодоходную отрасль. Осваиваются новые земли, ранее считавшиеся неудобными, корчуются леса, вырубаются кустарники, осушаются болота, расширяется сельскохозяйственная площадь.

II—I века до н. э. — время бурного развития городов и городской жизни, расширение и благоустройство существующих городов, возникновение новых из племенных центров и поселков. Резко возрастает численность городского населения, которое пополняется за счет уходящего из сельской местности разоряющегося крестьянства, за счет прибывающего из провинций разного люда, и в первую очередь свозимых в Италию многочисленных рабов. Резко возрастающее городское население, естественно, теряет связи с земледелием, активно включается в ремесленное производство, торговые и другие коммерческие операции, а то и просто превращается в не занятое трудом население, античный люмпен-пролетариат. Этот люд нужно было кормить, и потому возникает большая потребность в решении продовольственной проблемы. Требуется

значительно большее количество продовольствия, чем это было раньше. Эти возрастающие потребности могло удовлетворить лишь динамичное сельское хозяйство — прежде всего самой Италии, но также и продовольствие, выкачиваемое римлянами из завоеванных провинций.

Бурная урбанизация Италии вела к созданию благоприятных условий для успехов ремесленного производства в городах и интенсивных торговых и всяких других коммерческих операций, естественным средоточием которых были прежде всего города. Основой хозяйственного развития римского общества было прежде всего широкое внедрение рабского труда в римскую экономику и возможность вложения различных материальных средств, выкачиваемых завоевателями-римлянами из провинций. В книге В. А. Лескова хорошо показаны методы управления провинциями со стороны римских наместников на примере Сицилии. Наместник этой богатой и развитой в хозяйственном отношении провинции Гай Веррес, пользуясь своей бесконтрольной властью, беззастенчиво вымогал, попросту занимался неприкрытым грабежом, начиная с продовольствия и кончая предметами греческого искусства. По сведениям Цицерона, Веррес за три года своего правления нагребил огромную добычу — в 40 (!) миллионов сестерций. Эти награбленные ценности, толпы рабов, захваченных во время войн, поработанных за долги, по большей части переправлялись в Италию, вкладывались в организацию поместий в сельской местности и рабовладельческих мастерских в городах.

Подъем римской экономики, увеличение продуктивности рабовладельческих вилл и ремесленных мастерских было возможно только за счет более изощренной, более умелой организации рабского труда, более многообразной ее эксплуатации, за счет более обильного пота и крови беспощадно эксплуатируемых невольников. Увеличение нормы и степени эксплуатации рабов, естественно, было источником большого социального напряжения, питало непримиримое противоречие между рабами и их владельцами. Только на фоне такого коренного противоречия возможны были проявления конкретных всплесков классовой борьбы, высшим из которых было спартаковское восстание.

Однако острые классовые противоречия, большое социальное напряжение в римском обществе создавали лишь основу для открытых классовых конфликтов. Для того чтобы на этой основе мог развиваться открытый классовый конфликт и воплотиться в конкретное вооруженное восстание, необходимы были и другие факторы, в частности характер взаимоотношений других классов римского общества и состояние политической власти, того аппарата насилия, который обеспечивает

господствующему классу, в данном случае рабовладельцам, возможность их паразитического существования.

Опять-таки и здесь положение было благоприятным для возникновения мощного революционного взрыва. Римское общество II–I веков до н. э. было наполнено социальными конфликтами внутри свободного населения. Эти конфликты дополнили и расширяли основное классовое противоречие между классами рабов и рабовладельцев. Прежде всего следует отметить, что свободное население римского общества не было однородным, оно делилось на разные классы и социальные прослойки. Классу римских господ, землевладельцев, коммерсантов, собственников мастерских, кораблей противостоял класс мелких производителей, бедных земледельцев, ремесленников, торговцев, не применяющих рабской силы и живущих трудом собственных рук. Этот класс мелких производителей страдал от произвола высших классов и ненавидел их, хотя характер этих противоречий был иной, чем у рабов как таковых. Разоряющиеся земледельцы, ремесленники-бедняки, с трудом сводящие концы с концами, арендаторы, батраки, влачащие жалкое существование мелкие торговцы требовали более прочных условий своего существования, гарантированного участка земли, экономического порядка, протекции государства. Линия противоречий: господствующий класс — мелкие свободные производители отчетливо прослеживается в последние столетия Римской республики. Она, в свою очередь, осложняла общую социальную обстановку Рима конца II — первой четверти I века до н. э.

Развитие рабовладельческих хозяйств наносило определенный ущерб существованию мелкого производства, делало его нестабильным, и это в целом питало недовольство малоимущих свободных людей. В таких условиях часть недовольных условиями своего существования свободных мелких производителей могла использовать революционное движение рабов в своих целях, часть даже принять участие в самом движении, о чем сообщают наши источники. Тем не менее было бы неправильно полагать, что на почве обостряющихся социальных противоречий конца II — начала I века до н. э. создавались условия для своего рода союза римских рабов и свободной бедноты, римского плебса. Подобная точка зрения была высказана в 30-х годах прошлого века в советской историографии (в частности, ее развивал крупный советский ученый А. В. Мишулин, автор известной монографии «Спартакосское восстание»). Однако исследования советских специалистов более позднего времени показали, что линии борьбы рабов с рабовладельцами и разоряющегося римского плебса за свои права мало пересекались друг с другом, и каких-либо серьезных оснований

для совместного объединения этих линий классовой борьбы в Риме не было.

Да и общая ситуация среди римской правящей элиты в целом была достаточно сложной. Правящий класс не был единым и монолитным: он был расколот на разные социальные слои. Нобилитет, всадничество, местная верхушка италийских городов, провинциальные богачи при едином отношении к развитию рабовладельческих отношений имели разные интересы, которые не совпадали друг с другом, имели разные социально-политические программы дальнейшего развития и за осуществление этих программ вели ожесточенную политическую борьбу, перераставшую зачастую в кровопролитные вооруженные столкновения.

Эта внутривластная борьба разных фракций господствующего класса ослабляла в целом силу и мощь республиканского государственного аппарата, создавала слабые места, через которые могло прорваться недовольство угнетенных классов. Более того, отдельные политические группировки правящего класса пытались использовать растущее недовольство основных слоев производителей, в том числе и рабов, в своих узкокорыстных целях. Тем самым они создавали благоприятные условия не только для созревания, но и вспышек такого недовольства, проявления социального напряжения в виде вооруженного восстания.

В предлагаемой читателю книге В. А. Лескова этот момент показан достаточно убедительно и подробно. Конечно, сказанное никоим образом нельзя понять как создание своего рода, хотя бы даже временного, альянса между отдельными политическими группировками римской аристократии и восставшими рабами, между отдельными римскими политическими деятелями, будь то Эмилий Лепид, Катилина или Серторий, и, например, Спартак. Здесь позиции сторон были жестко непримиримы и абсолютно ясны. Речь могла идти лишь об использовании осложнившейся ситуации в результате вспыхнувшего восстания в интересах той или иной аристократической группировки, не более.

И еще один немаловажный момент общей социальной обстановки в Риме накануне восстания Спартака: о характере взаимоотношений между Римом и превращенными в римские провинции эллинистическими государствами или отдельными странами, между римской аристократией и провинциальным населением. Эти отношения были достаточно острыми и еще более накаляли общую напряженную социальную обстановку. Римляне рассматривали свои провинции как доходные поместья римского народа, то есть области, предназначенные, так сказать, по своему юридическому положению быть объектом не прикрытой эксплуатации. И эта эксплуатация

осуществлялась в самых циничных формах: в виде колоссального налогового обложения, официальных многочисленных поборов и реквизиций, сбором средств для содержания наместника, его аппарата и вооруженного контингента, состоящего при нем, в форме полуофициального ограбления компаниями римских коммерсантов-откупщиков, свирепого долгового права и т. п. Обиравое римскими должностными и частными лицами провинциальное население, включая провинциальную знать, выражало глубокое недовольство террористическими методами римского управления. Провинциальная знать в целом поддерживала римскую власть как основу стабильного социально-политического порядка, но добивалась смягчения жестоких методов управления, требовала допуска к делам своей провинции и государства в целом, в то время как низы провинциального населения выступали против власти римских завоевателей, за свободу своей страны, за отделение ее от римского государства.

Положение в провинциях было очень сложным, и Римскому государству приходилось выступать против постоянных вспышек провинциального сепаратизма, держать в провинциях сильные армейские части. Недовольством провинциального населения пытались воспользоваться правители соседних с римскими провинциями государств. Так, царь небольшого Понтийского царства энергичный Митридат VI Евпатор попытался использовать слабость римской власти в восточных провинциях, недовольство ее деспотическими методами и путем военных действий свергнуть римское господство в Малой Азии, создать собственное обширное государственное образование. К тому же Митридат, желая ослабить своего противника — Римскую республику, — проводил демагогическую политику поддержки народных движений в провинциях, предоставлял рабам свободу в захваченных им городах, использовал эскадры средиземноморских пиратов, действующих на римских коммуникациях, установил контакты с римской оппозицией, ведущей вооруженную борьбу в Испании против римского сената, во главе с Серторием. Не исключено (во всяком случае, это вполне укладывается в русло общей политики Митридата, не пренебрегавшего поддержкой любого врага Рима), что Митридат мог связаться со Спартаксом и другими руководителями восстания для известной координации своих действий против римской армии Лициния Лукулла, действующего в Малой Азии. Все это очень возможно, хотя в распоряжении науки отсутствуют ныне данные, прямо подтверждающие это положение. Тем не менее автор данной работы, используя косвенные свидетельства, в определенной степени прав,

допуская такое сотрудничество между предводителем восставших рабов и восточным царем.

Как бы там ни было, положение в римских провинциях было еще одним источником социальной напряженности в Римском государстве. Вообще оно составляло часть того общего социально-политического фона, на котором развернулось спартаковское движение.

Итак, 70-е годы были временем большой напряженности в классовых и социальных отношениях в римском обществе, временем обострения разных линий классовой и социальной борьбы. Таков был социальный фон восстания. Конкретно разные линии социально-политических противоречий реализовались в напряженной борьбе римского плебса за отмену сулланской олигархии, восстановление полномочий народного собрания и прав народных трибунов, решение долгового вопроса, возвращение к дешевым ценам на продаваемый хлеб, что нашло свое выражение в движении Эмилия Лепила. В Испании остатки марианцев во главе с Серторием сумели завоевать расположение провинциалов своей либеральной политикой, так резко контрастирующей с террористическими методами управления, поощряемыми сенатом, создали сильную армию и представляли большую угрозу для власти римского сената. Наконец, во второй половине 70-х годов понтийский царь Митридат вновь попытался использовать социальную напряженность и ненависть провинциального населения к Риму в восточных провинциях. После тщательной подготовки он начал решающую войну за свои интересы. Еще одна римская армия вынуждена была воевать на Балканах с фракийцами, опустошавшими северные границы провинции Македонии. Нам мало известно о таких периодах римской истории, когда основные римские армии были заняты тяжелыми войнами в провинциях, при общей накаленной социальной обстановке в центре государства — в Италии, при взаимной грызне среди разных групп римской аристократии. Сложилась благоприятная общая обстановка для того, чтобы недовольство рабов своим тяжелейшим положением, накопившаяся ненависть получили благоприятную историческую возможность для своего проявления в форме вооруженного восстания.

Восстание 74–71 годов до н. э. получило вполне единодушную оценку у всех специалистов как рабское восстание, восстание италийских рабов, хотя некоторые источники упоминают об участии в восстании и некоторых категорий свободных людей. Однако последних, бесспорно, было ничтожное меньшинство, и это никак не меняет общего характера восстания как сугубо рабского. Насколько нам известны исторические

источники, спартаковское восстание имело наиболее ярко выраженный классовый характер по составу своих основных участников. Среди восставших бойцов в 74–71 годах до н. э. было меньше представителей других классов из свободных или зависимых людей (не рабского статуса), чем, например, в 1-м или 2-м Сицилийском восстании, не говоря о каких-либо других восстаниях в странах Древнего Востока или Древней Греции. Иначе говоря, спартаковское восстание лучше, чем какое-либо другое, отражает особенности классового антагонизма рабов против рабовладельцев, его, так сказать, сильные и слабые стороны, его организаторские возможности, взаимоотношения с другими социальными слоями и государством, его военные потенции, его программные установки и его историческое значение.

Восстание италийских рабов некоторые наши источники и вслед за ними некоторые современные историки называют гладиаторской войной. Вряд ли следует признать такое определение точным и отражающим существо спартаковского революционного взрыва. Спартаковское движение было восстанием всех категорий италийских рабов, а не только гладиаторов. Верно, что восстание началось с заговора в одной из гладиаторских школ города Капуи, что сам Спартак, его ближайшее окружение — Крикс, Эномай, Ганник, Каст и другие были гладиаторами. По всей вероятности, высший и средний командный состав в повстанческих легионах состоял из бывших гладиаторов — мужественных, хорошо тренированных, знакомых с военным делом, бесстрашных людей. Однако все имеющиеся в нашем распоряжении данные о комплектовании спартаковских отрядов свидетельствуют о том, что рабы разных профессий, и прежде всего сельские рабы (движение повстанцев шло главным образом по сельской местности), составляли основной контингент повстанческой армии. Здесь были и пастухи-рабы со скотоводческих пастбищ Лукании и Апулии, которые составили знаменитую рабскую кавалерию, не раз опрокидывавшую римские легионы. В рядах повстанцев находились и городские рабы, особенно полезны были рабы-ремесленники, работающие над производством оружия, которого повстанцам всегда не хватало.

В научной литературе о спартаковском восстании большое внимание уделялось вопросу о племенном составе повстанцев. Высказывались предположения о том, что спартаковская армия состояла, так сказать, из отдельных корпусов германцев, галлов, самнитов, фракийцев. Эти предположения были, видимо, навеяны различным племенным происхождением руководителей восстания (из них один был фракиец

Спартак, другой — германец Эномай, третий — самнит Крикс и т. д.), а также условными обозначениями разных групп гладиаторов, которым обычно произвольно давали оружие и название: «фракиец», «самнит», «галл» ит. п. Бесспорно, громадное большинство рабов в Италии начала I века до н. э. были доставлены сюда из разных стран Средиземноморья, в том числе из Галлии, Германии, Фракии, Испании, Африки, Малой Азии, Греции, Македонии и других стран, и национальный элемент играл немаловажную роль в быту, поведении, религиозных верованиях италийских рабов.

Но вряд ли правомерно подчеркивать только этот аспект. За долгие годы пребывания в рабстве различия в происхождении сглаживались, рождались устойчивые элементы новой, так сказать, рабской психологии, поведения и культуры рабского класса в целом. Во всяком случае, в нашем распоряжении нет надежных данных, которые могли бы подтвердить гипотезу о существовании особых корпусов повстанческой армии, которые формировались бы по племенному признаку. Более вероятно другое предположение: что спартаковские легионы и конница формировались по существу военных нужд, по степени вооруженности, выучки бойцов, тактическим данным, хотя нельзя исключать целиком и племенной признак комплектования. Во всяком случае, на современном этапе исследования нельзя преувеличивать племенное деление спартаковской армии вплоть до того, что возводить к ним программные или иные разногласия в движении в целом.

Вопрос о программе восстания — один из самых интригующих и самых спорных вопросов спартаковского восстания. В исторической литературе существуют самые разные точки зрения на этот счет: от приписывания Спартаку сознательных и продуманных планов построения чуть ли не бесклассового справедливого общества до нехитрого плана вывода рабов германского, галльского или фракийского происхождения из пределов Италии на свою первоначальную родину. В распоряжении ученых слишком мало данных, чтобы ответить на этот вопрос исчерпывающе и вполне достоверно. Тем не менее даже без предположительного ответа — в порядке гипотезы — обойтись невозможно. Естественно, дается свой ответ и в предлагаемой вниманию читателей книге. Сущность этой программы автор видит в том, чтобы сокрушить Римское рабовладельческое государство. Для этого Спартак и его ближайшее окружение пытались использовать все оппозиционные римскому сенату силы, включая армию Сертория, марианское движение в Италии, военную мощь Митридата VI, средиземноморских пиратов. Уничтожение Римского государства должно

было быть дополнено если не полной отменой, то, во всяком случае, сильным смягчением рабства и созданием нового общественного порядка в духе «заветов предков».

Конечно, такое авторское понимание программы восставших уязвимо. Но как одно из предположений, имея в виду большую неясность вопроса, оно имеет право на существование. Во всяком случае, не приходится отрицать наличие социальных моментов в спартаковской программе, хотя бы в форме фантастически-религиозных (вроде мечты о государстве Солнца и обществе гелиополитов, как это было в народном восстании Аристоника в Пергамском царстве в 132–129 годах до н. э.). Неправоммерно (нет фактов!) сводить программу восставших к элементарному выводу в места первоначального обитания и самороспуску повстанческих легионов.

Таковы некоторые, так сказать, общие особенности спартаковского восстания — так, как они понимаются в современной историографии и как они представлены в настоящей книге.

На фоне всех вышеуказанных событий становится понятной деятельность главного действующего лица — фракийца Спартака и самого восстания италийских рабов. История, исторический процесс не абстрактны. История не безлика. Она делается конкретными людьми, наделенными волей, умом, страстями. Великая эпоха рождает и великие личности. Как было сказано, последнее столетие Римской республики было необычной эпохой римской истории, когда традиционный порядок полисного типа, который мы называем Римской республикой, пережил серьезный кризис, показывал свою историческую обреченность перед лицом развивающегося классического рабства, усложнившейся социальной структуры римского общества. На смену традиционным полисным порядкам шел новый — рождалась империя. Любопытно, что именно на этом разломе римской истории мы сталкиваемся с особой насыщенностью исторического процесса важными событиями, с таким обилием крупных политических и культурных деятелей, которых принято называть великими, какого не рождала римская история за предшествующие несколько сотен лет: братья Гракхи, Марий и Сулла, Помпей, Катилина, Цезарь, Цицерон, Лукреций, Катулл, Варрон и многие другие.

В их ряду достойное место занимает и вождь революционного движения италийских рабов фракиец Спартак. Читатель, наверное, обратил внимание, как часто мы называем революционное движение 74–71 годов до н. э. восстанием Спартака, спартаковской войной. И это, конечно, не случайно. Такое крупное историческое событие, как восстание италийских рабов, носит на себе неизгладимый отпечаток личности его вождя

Спартака, также как лучшие качества вождя объясняются особенностями и характером рабского восстания. К. Маркс очень тонко отметил центральную особенность личности Спартака, назвав его «истинным представителем античного пролетариата», понимая под последним основной производящий класс римского общества — рабов. Этим объясняются особенности личности Спартака, которая как бы вобрала в себя и дала полное проявление лучших сторон римского рабского класса. Общим местом всей античной идеологии, глубоко рабовладельческой, была презрительно-пренебрежительная характеристика рабов как нелюдей, полулюдей, лишенных элементарных основ морали, нравственности и культуры. Раб по своей природе не человек, он близок к животным, он лишен добродетели, чувства долга, чести, он груб, недоступен тонким движениям человеческой души, лжив, коварен, жесток.

Личность Спартака многогранна, и в предлагаемой книге как раз много внимания уделено именно личности Спартака, и притом в процессе многоплановой деятельности Спартака, так сказать, в жизни, а не в статике. Хотелось бы подчеркнуть несколько моментов и разъяснить некоторые черты его личности, которые, может быть, вызовут сомнение. Одно из таких сомнений может вызвать характеристика Спартака как хорошо образованного, культурного человека. Казалось бы, это особенность, совершенно не свойственная если не персонально Спартаку, родившемуся, видимо, в достаточно культурной фракийской семье, то римскому рабу как таковому. Здесь необходимо некоторое разъяснение. Дело в том, что представлять себе римского раба I века до н. э. как забитую, жалкую, невежественную личность, тупо выполняющую свою работу, как домашнее животное, было бы неверно. В условиях римского классического рабства, когда рабский труд овладел производством и глубоко проник во все поры римского общества, рабовладельцы были вынуждены дать части своих рабов возможность быть грамотными, сведущими в некоторых вопросах, например правовой компетенции, чтобы умело вести дела своего хозяина. В Риме именно в I веке до н. э. выделился из общей массы слой, занятый интеллектуальной работой, — своего рода рабская интеллигенция, которая обслуживала паразитирующих римских рабовладельцев. Рабы — философы, архитекторы, скульпторы, писатели, библиотекари, писцы, редакторы — были в каждом аристократическом доме.

В этом отношении Спартак, получивший в молодости неплохое образование, видимо, знал литературу и философию, был не чужд прогрессивным течениям эллинистической философии, мог слушать философов и ораторов в Риме и Капуе. Он, конечно, знал учение стоиков о

природном равенстве людей и рабстве как институте, противоречащем человеческой природе. Видимо, знал он и о некоторых утопических проектах переустройства общества, которые стали распространяться в период эллинизма, в частности, учение Аристоники и Блоссия, друга Тиберия Гракха, о создании государства Солнца и справедливом обществе гелиополитов.

Как всякий культурный человек, Спартак был воплощением человеческого благородства. Враги Спартака, немало от него претерпевшие, и выразители их чувств, римские писатели, почти единодушно (редчайший случай в наших источниках) отмечают благородство, великодушие, храбрость — лучшие человеческие качества у Спартака. Спартак не объявлял себя царем, как Евн или Сальвий в Сицилии. Он был чужд корыстолюбия и накопления богатств, был бесстрашен и осмотрителен, умерен и справедлив. Он показал себя заботливым командиром и верным товарищем. Именно эти качества следует особо отметить как проявления лучших сторон рабов-тружеников, которым представители рабовладельческой идеологии отказывали даже в обычных человеческих качествах.

И еще один немаловажный аспект личности Спартака — его полководческое искусство. Римские авторы очень высоко оценивают военное искусство Спартака, которого иногда сравнивали с одним из самых талантливых полководцев древности — Ганнибалом. Фронтон, авторитетный оратор и преподаватель в Риме (II век н. э.), называет Спартака самым выдающимся полководцем из всех. Такие оценки в устах противников, конечно, заслуживают самого пристального внимания. И дело не только в общих оценках (хотя они базировались на громадной литературе, не дошедшей до нас!). Анализ военных действий и методов формирования повстанческой армии показывает несомненный полководческий талант Спартака. Из случайно сбежавшихся, не обученных военной дисциплине (нередко не признававших ее!) разношерстных контингентов, не имея денег, какой-либо базы для производства вооружения, создать боеспособную армию, вооружить ее и наносить тяжелые поражения знаменитой римской легионной пехоте мог только выдающийся полководец и организатор.

Спартак сформировал свою армию по принципу римской военной организации как самой лучшей для того времени. Но гениальность Спартака состояла еще и в том, что зорким взглядом он видел недостатки римской военной организации и внес в нее ряд усовершенствований. В частности, Спартак усилил роль кавалерии, увеличил значение

легковооруженных частей, избавил армию от громоздких обозов, что сделало повстанческую армию более маневренной, способной к быстрым и неожиданным перемещениям, что не раз приводило спартаковцев к победам над более громоздкой легионной организацией. На высоком уровне была разведка повстанцев. Через два десятилетия именно Цезарь начал реформирование римской армии в этом же направлении. Не исключено, что Цезарь здесь использовал опыт рабского вождя, который выступал некоторым образом как предшественник Цезаря, как реформатор вооруженных сил.

Спартак показал себя великолепным тактиком, умело сочетающим нападение и оборону, военные ловушки и сокрушительные атаки. Он показал образцы умелого маневрирования. Оказавшись зажатым между двумя консульскими армиями в Пицене и попав в критическое положение, Спартак благодаря скорости действий и введению в заблуждение своих противников сначала всей мощью сокрушает одного консула, затем другого. Он блестяще решил сложную задачу прорыва мощных оборонительных сооружений Красса в Брутии. В последнем сражении около Брундизия он повторяет маневр Александра Македонского при Иссе (333 год до н. э.).

Спартак, как настоящий полководец, понимал важность дисциплины и высокого морального духа рядовых воинов, доверия и близости между полководцем и рядовым воином. Вся его деятельность показывает, что он добился своих целей: он был близок своим воинам, и они, несмотря на отдельные эксцессы, соблюдали воинскую дисциплину в течение всех военных кампаний.

Предводителю такого сложного движения, каким было восстание рабов 74–71 годов до н. э., неизбежно приходилось решать не только военные, но и политические вопросы: отношение к различным политическим силам в Италии, в самом Риме, и в провинциях, с Митридатом, с пиратами, с населением завоеванных городов и деревень Италии. Нам очень плохо известна эта сторона деятельности Спартака. Здесь мы вступаем в область догадок. Но, насколько позволяют судить наши источники (например, сам маршрут движения повстанческой армии, отсутствие жалоб местных жителей на притеснения), Спартак умело решал и эти сложные проблемы.

Автор настоящей книги склоняется к мысли о наличии контактов Спартака — явных и тайных — с различными представителями римского политического мира до восстания и во время восстания. Представляется, однако, более справедливой точка зрения, распространенная в научной

литературе, о практической невозможности таких сношений или по крайней мере о их минимальности. Отказ Красса вести переговоры со Спартаксом характеризует в целом сугубо отрицательное отношение римской аристократии всех оттенков, включая оппозиционные круги, к переговорам с предводителем восставших рабов. Конфликт был слишком глубок, чтобы об этом могли забыть как римские аристократы всех политических оттенков, так и сами предводители восставших рабов.

Подводя некоторый итог характеристике личности Спартака, можно сослаться на чеканные формулировки К. Маркса: «Великий, генерал... благородный характер, истинный представитель античного пролетариата». Нужно сказать, что в настоящей книге характеристика именно личности Спартака, его культурного кругозора, его человеческих качеств, его полководческого и политического талантов дана более обстоятельно и полно, чем в каком-либо другом труде, посвященном Спартаксу.

И последний вопрос: каково историческое значение, с одной стороны, революционного движения 74–71 годов до н. э., с другой — личности предводителя, гениального Спартака? Восстание италийских рабов второй половины 70-х годов I века до н. э. было порождено глубинными процессами развития рабовладельческого общества, отражало основное классовое противоречие этого общества. Это восстание показало, что его острота стала такой, что потребовала со стороны правящего класса новых мер по обеспечению социального порядка. Это восстание показало, что традиционный государственный аппарат Римской республики слишком слаб, раздроблен, неэффективен, чтобы успешно осуществлять основную функцию по подавлению недовольства основного класса-антагониста. Эти новые задачи по укреплению социального порядка и рабовладельческого государства были возложены историей на рождающуюся Римскую империю. Вот почему спартаксовское движение может рассматриваться как один из важнейших факторов в сложной эволюции римского общества, от полисных республиканских структур к общественно-политическим порядкам средиземноморской Римской империи.

Героическая личность вождя этого революционного движения Спартака навсегда вошла в историю. Она вошла в римскую, а затем и мировую историю прежде всего как личность руководителя и организатора такого яркого исторического события, как революционное движение италийских рабов. Личность Спартака оказалась уникальной. В ней воплотились лучшие качества италийских рабов как основного производящего класса. Спартак как носитель этих качеств столь контрастировал с традиционной характеристикой рабов, что его личность

не могла не остаться в памяти как своего рода неповторимое явление.

Среди великих деятелей этого переломного этапа римской истории Спартак — безотносительно к тому, чьи классовые интересы он выражал, — предстает выдающимся полководцем и политиком, и это всегда привлекало внимание не только друзей, но и врагов.

В глазах же римских рабов Спартак стал героем, благоговейно почитаемым бесчисленными поколениями, пришедшими на смену повстанцам 74–71 годов до н. э., как символ их чаяний и надежд на избавление от их рабской доли, как концентрация их лучших человеческих и интеллектуальных качеств, как образец беспредельной преданности идеалам труда, гуманности и благородства. Это отношение к Спартаку после гибели Римского рабовладельческого государства было воспринято представителями прогрессивных политических направлений, народных движений. Имя Спартака стало символом борьбы за человеческую честь, свободу и лучшие стороны человеческой личности вообще и тем самым было органически включено в ткань современной цивилизации.

В. И. Кузищин,

профессор, доктор исторических наук

Глава первая

ФРАКИЯ — РОДИНА СПАРТАКА

Издавна славилась в Италии богатая и плодородная область Кампания. Все племена Италии, включая и римлян, питали к кампанцам страшную зависть — они жили в величайшем достатке, богатстве и роскоши.

В этой области поздней осенью 73 года стояла лагерем победоносная армия гладиатора Спартака. Она праздновала полную победу над войском претора Публия Вариния...

Неумолчно гремели цикады. Нагретый задень воздух наполняли терпкие ароматы земли и зелени. Крестьяне и рабы из соседних имений возвращались с полей и виноградников с щедрыми дарами осени.

С соседних холмов территория военного лагеря повстанцев — четырехугольник, обнесенный рвом и мощным валом, — видна как на ладони. Вдоль вала и у ворот стояли на страже легковооруженные: их обязанность охранять лагерь от внезапных нападений врагов.

По всему стану горело множество костров. Воины сидели у огня дружескими кружками. С ними женщины — из местных и бывших рабынь. Все насыщались, радуясь покоем и тишине. Воины с удовольствием пили местное вино, вспоминали свои подвиги и подвиги близких товарищей. Некоторые не упускали возможности прихвастнуть. Несогласные беззлобно шутили над ними.

В палатках военных трибунов — молодых людей, едва достигших тридцатилетнего возраста, было еще оживленнее. В промежутках между разговорами певицы исполняли песенки, мимы разыгрывали веселые сценки, фокусники и акробаты выделывали свои штуки...

Высшие командиры, как обычно, собрались в палатке Спартака. Они старались вести себя сдержанно: этого требовало присутствие вождя и их высокое положение. Начальники легионов, командиры конницы, разведки, охраны военачальников тоже вспоминали прошедшие бои, совершенные подвиги, воздавали должное памяти погибших героев, говорили о гладиаторской школе ланисты Батиата, о своих надеждах. Некоторые припоминали дом, покинутую семью, скитания в чужих землях. Самый лучший аэд лагеря пел избранные места из «Илиады» Гомера — величайшей духовной сокровищницы всех воинов, вплоть до наиболее

знаменитых...

— Наш Спартак, бесспорно, герой! — воскликнул Крикс, когда аэд кончил петь. — И он, и фракийская конница заслуживают величайшей похвалы за доблесть: она одолела римскую конницу в жестоком бою, а Спартак лично вступил в схватку с римским претором, на глазах у множества воинов одолел врага, отнял у него коня и едва-едва не взял Вариния в плен...

— Слава Спартаку! Слава нашему доблестному вождю! — раздавалось вокруг.

Крикс поднял руку, призывая всех замолчать. Когда товарищи успокоились, он продолжил речь:

— Счастлива земля, имеющая таких героев! Расскажи, Спартак, о своей родине, поведай нам о себе! Тебе приятно будет вспомнить о земле, где ты родился!

— Расскажи, Спартак, о себе и Фракии! — дружно поддержали его собравшиеся.

Спартак, обычно сдержанный в проявлении чувств, начал речь так:

— Мои дорогие соратники, прекрасные люди, храбрые полководцы! Рассказать о моей стране нелегко! Фракия очень велика: на севере она упирается в Истр, на востоке — в Понт Эвксинский и Эгейское море, на западе имеет общую границу с иллирийцами, на юге — с греками.

Наша Фракия — страна горячего солнца, ветров и суровых морозов, страна гор и дремучих лесов, ущелий и плодородных равнин, бурных и многочисленных рек и озер, множества сел и цветущих городов, людей храбрых и честных, любящих богов, войну, пиры, вино, женщин, подарки, лошадей и овец, но больше всего — свободу!

Горы Фракии высоки, сопоставимы только с Альпами! Величайшие среди них: Родопы, Гем, Дунак, Рипейские, Сколий, Орбел, Пангей. Все они отличаются различными богатствами, овеяны поэтичнейшими сказаниями! По одному из фракийских мифов, жила когда-то красавица Родопа, дочь бога реки Стримона. Она являлась нимфой, спутницей богини Персефоны. И она, и муж ее со временем — от постоянного общения с богами — так загордились, что присвоили себе божеские почести. Разгневанные небожители превратили их за это в горы!

А сколько интересного рассказывают у нас о владыке Аресе, людобойце, твердынь сокрушителе! Фракию он считает своей родиной. Вместе с сыном Ужасом ходит Арес войной на племена эфиров и флегийцев, заставляя их воевать между собой, попеременно даруя им победу.

Племен во Фракии много: агриане, асты, бессы, бисалты, киклопы, кикконы, мисы, одриссы, пеоны, сатры... всех не перечислишь! Живущие за Петром геты тоже фракийцы. Фракийцами являются и македоняне, живущие в Македонии. Даже герои скифы в наших сказаниях также признаются фракийцами!

Равнинная Фракия — богатая сельскохозяйственная и ремесленная страна, край замечательных городов. На полях обильные хлеба — пшеница, ячмень, рожь, просо. А каких только фруктов нет на нашей земле! Черные смоквы, кажется, сочатся сладчайшим соком, груши и яблоки с алым румянцем. Сорванные с деревьев и сложенные кучей, они золотятся на солнце и дивно пахнут. Известны нам также и сливы, вишня, орех, шелковица, айва. Знаем мы и маслину. А чудесный виноград — можно ли забыть о нем?! Увидев огромные кисти, от радости поцелуешь каждую виноградину, вспомнишь с благодарностью владыку Диониса, покровителя виноградарства и виноделия!

— О, Дионис! — горячо воскликнул фракиец Милет. — Каких только историй не рассказывают о нем!

— Да! — согласился Спартак. — В Европе и Азии Дионис очень древний бог. Еще до Троянской войны знали его троянцы. Гефест в качестве друга сделал прекрасное изображение нового бога, положил его в дивный ларец собственной работы и вручил Зевсу. Громовержец из расположения подарил ларец сыну своему — царю Дардану (он стал родоначальником троянцев) с повелением не показывать посторонним. «Тот, кто увидит изображение Диониса, сойдет с ума!» — предупредил он. Из поколения в поколение чудесный ларец бога Гефеста передавался старшему в роде. Наконец он попал в руки Энея. Когда Илион пал во время войны с ахейцами Агамемнона, ларец вместе с другой добычей греки поделили по жребию. И достался он царю Фессалии герою Эврипиду, сыну Эмона. Несчастный Эврипид, не зная о предупреждении Зевса, открыл ларец, увидел изображение Диониса — и тотчас сошел с ума. С трудом излечился он от безумия согласно божественному изречению Дельфийского оракула.

— Спартак! А какая погода у вас во Фракии преобладает? — перевел разговор на другую тему германец Нитим. — Нам, германцам, достались, наверное, самые плохие территории по климату. Вот почему так часты у германцев выселения...

— У нас, во Фракии, Нитим, — ответил Спартак, — самое суровое время года — зима. Вся земля скрывается под глубоким снегом. От холодов трещат скалы. Только вода ручьев и ключей еще видна, с ней не сразу

может справиться и лютый мороз! Повсюду в домах разводят жаркий огонь в очагах. Все надевают овчины, теплые сапоги и лисьи шапки. Женщины прядут лен, овечью шерсть или выходят ненадолго, чтобы накормить домашних животных. Земледельцы и пастухи с радостью сидят дома, будучи свободны от летних и осенних трудов. Для птиц и зверей зима тяжела. Пищи мало — и они смело приближаются к жилью человека. Нередко увидишь, как голуби, черные дрозды и другие птицы с удовольствием клюют крупные ягоды плюща...

— Зато весна во Фракии — чудо! — вскричал фракиец Си-талк.

— Да, — опять согласился Спартак. — Уж и не знаю, какими словами изобразить мне начало весны, когда солнце уничтожает живительным теплом жуткий холод! На деревьях и кустах появляется зелень, на земле — свежая трава. Птицы звонко поют в густых зарослях. Повсюду летают пчелы, наполняя воздух жужжанием. Полные весенних радостей, по холмам резво прыгают бараны и овцы. Пастухи гонят стада на пастбища. Девушки, нежно-улыбчатые и прекрасные, вяжут венки своим возлюбленным и украшают их головы. Овчары, склеив воском очищенные тростинки, наигрывают на новых свирелях. Сходясь вместе, пастухи пьют молоко и вино, ведут бесконечные разговоры о стадах и надеждах. Потом они снова отправляются в дорогу, и перед ними скачут лесные божества — радостные сатиры, и можно увидеть покровителя пастухов, рыболовов, охотников бога Пана с его нимфами и шумных вакханок — свиту великого Диониса, а в лесах — звонкоголосых дриад, владычиц деревьев, живущих и умирающих вместе с ними.

О, Дионис! Имя твое чтится повсюду: у нас во Фракии, в Элладе, Малой Азии, Лидии, Эфиопии, далекой Индии! Ты, который лично спустился в мрачный, внушающий ужас Аид, чтобы выручить оттуда мать свою Семелу — о, козни ужасно ревнивой Геры! — ты, Дионис, фиванский бог, приносишь всем нам весну! Покинув далекую Нису и земли Эфиопии, в буйном шествии вместе с вакханками и сатирами ты появляешься на берегах Тмола, золотого Пактола у лидийцев, у нас на Стримоне. Тогда справляются повсюду оргии Диониса. Ты склоняешь людей к пляскам и исступлению! Тебе поют радостные птицы, для тебя зеленеют и сладостно благоухают луга, а земля украшается цветами, мужчины в горах, подражая голосам различных животных, возвещают твое прибытие! Правду сказал когда-то Еврипид:

*Счастлив, когда приобщен ты
К оргиям Кибелы-матери.*

*Если тирсом потрясая,
Плюща зеленью увенчан,
В мире служишь ты Дионису
Вы бога и божьего сына
Домой Диониса ведите.
Вперед, вакханки! Вперед!*

И соседнее нам Эгейское море в дни весны открывает свои покровы. Тогда можно снова увидеть nereид, хоры нимф и великого Посейдона, владыку морей, брата Зевса-громовержца, — того, кто обучал мальчика Пелопса скакать верхом и гнать колесницу по морским волнам, кто пел ему свадебную песнь и воздвигал вместе с хороводом нимф свадебное ложе, на которое возлег он с красавицей Гипподамией, дочерью погибшего на скачках царя Писы Эномая!

— Спартак! — Фракиец Астеропей коснулся плеча вождя. — Расскажи подробнее о наших богах. Соседи о нас говорят: «Фракийцы — народ богобоязненный, они ревностно относятся к своей вере».

— Так, Астеропей! Бесспорно! — согласился Спартак. — Богов у нас почитают, как и героев, совершивших великие подвиги!

Героям воздают хвалы, ставят статуи в общественных местах, отводят почетные места на пиру, угощают почетным кушаньем, их удостоивают почетного погребения на общественный счет. Богам приносят жертвы, совершают возлияния, для них воздвигают жертвенники и храмы, им курят фимиам, отводят священные земли, слагают гимны, чтут земными поклонами, хороводами и пеанами. Вера в богов — признак благочестия у всех народов. Что есть бог? Бог — это некое совершенное и возвышенное начало, никем не осязаемое, удаленное от соприкосновения с материей. Он могущественнее времени и вечности, древнее земли, неба и солнца. Человек не в состоянии постичь его сути. Но он чтит его в разных обликах: в золоте и серебре, в слоновой кости, в виде рек, горных вершин, источников, растений, животных, птиц, даже насекомых. Не будем спорить о богах! Пусть каждый останется при своем убеждении! Следует уважать мнения других, чужие имена одного и того же божества!

— А ведь у вас, как я слышал, в прежние времена почитали других богов! — вступил в беседу Крикс.

— Да, — ответил Спартак. — Самые древние культы у нас, как говорят старики, связаны с богами-титанами, детьми Неба — Урана и Земли — Геи: Океаном, Кеем, Крием, Кроном, Гиперионом, Япетом и их

братьями — циклопами и сторукими великанами — гекатонхейрами, обитавшими на горе Титан в Фессалии. Культ богов-титанов распространяли среди фракийцев могущественные и богатые пеоны, выходцы из Македонии и Фессалии. В течение веков мы охотно принимали разных богов от многих народов, в том числе и от эллинов, да и сами многим давали своих богов.

Мы, фракийцы, любим и почитаем богов, охотно приобщаемся ко всяким тайным культам. В самом большом почете у нас Дионис, Пан, Арес, Гелиос, Деметра, Асклепий, Салмоксис, Бендида, Посейдон-Конник (эллины часто зовут его «Фракийский всадник», даже изображают возницей в статуях, приносят ему жертвы на Истме!). Почему бы нам не верить в истинность богов, если признавали их всегда самые великие мужи: у нас — Орфей, Тамирас, Мусей, у эллинов — Гомер, Гесиод, Геродот, Демосфен, Фукидид и множество других, не менее славных мужей?!

— Справедливо говорится, Спартак, — вновь вмешался в разговор Крикс, — что «дары богов прекрасны и превосходят все наши надежды»!

Витул и Декорат, оба галлы, с любопытством спросили:

— А какие божества у вас, Спартак, главные?

Спартак ответил:

— У всех племен божества свои. У нас, медов, как и всех пеонов, главное всех — Гелиос. Кумир его — небольшой диск на шесте, это почитание Солнца заимствовано нами от египтян. Другие главные боги медов: река Стримон и Арес-людобойца. Чтим мы и Гермеса, бога торговли, ведь мы, меды, ведем большую торговлю с разными странами. Высоко ценят у нас Диониса-Эагра, бога виноделия. В его честь и у нас устраивают праздники — Большие и Малые Дионисии. Тут мы ничем не отличаемся от афинян, наших кровных братьев. А геты величайшими богами называют свою реку Истр, Ареса и еще Салмоксиса. Салмоксис был, говорят, когда-то рабом у великого философа Пифагора, получил свободу и, прибыв к гетам, дал им полезные законы. За это простым поднятием руки, как у нас принято, его зачислили в число местных богов.

Эллины называют Элевсин — город, где Деметра вновь обрела исчезнувшую дочь Персефону, где она установила свои таинства и даровала афинянам хлеб, а афиняне другим эллинам и варварам, — «святыней для всей земли»! Мы, фракийцы, убеждены в ином: самым блистательным святилищем, внушающим всем благоговейный трепет, является древнейший храм богов кабиров на острове Самофракия. Вот где действительно происходят удивительные события! Там улады для слуха и

глаз соревнуются между собой! Этот остров — священное место, дающее утешение духу в изваяниях богов, картинах, украшениях, выставленных в храмах и на улицах, а посвящения в таинства — сладкую надежду обрести прекрасную жизнь после смерти с надеждой на возрождение, чего не имеют непосвященные!

Четыре древнейших бога с Самофракии называются еще «Великими восточными богами». В обиходе они известны также под именами Адониса, Ваала, Аписа, Озириса. У них есть и женские ипостаси. Они считаются владыками неба и моря, плодородия и подземного огня. Подлинные имена богов и облик их хранятся в тайне. Только жрец может входить в святилище. Говорят, однако, что два первых кабира — это нагие мужчины с воздетыми к небу руками. Культ кабиров ввели в употребление пеласги — «народ моря». Они разнесли его во все отдаленные уголки мира. О кабирах знают, им поклоняются даже в далекой Британии. Кабирам по справедливости приписывается великое могущество. Они покровители царей, знати, мореплавателей, искателей славы и добычи. Филипп Македонский и его жена Олимпиада еще детьми были посвящены в самофракийские мистерии. Сейчас кабиров отождествляют чаще всего с братьями Диоскурами. Но бывает и с куретами, корибантами, идейскими дактилями и тельхинами. Диоскуры, если кто не знает, — это греческие покровители воинов и мореходов, они сыновья царя Тиндарея и красавицы Леды. Куреты — это жрецы богини Реи, корибанты — жрецы богини Кибелы, дактили — демоны, живущие на горе Иде во Фракии, спутники Реи-Кибелы, тельхины — морские демоны, сыновья Понта и Геи, спутники Посейдона, они славятся огромным могуществом.

Самофракийские мистерии учат праведно жить. Но они же учат и умирать с надеждой на неперменное возрождение. Все признают: мистерии оказывают огромное влияние на поднятие нравственного уровня посвященных в него лиц.

На торжествах в честь самофракийских богов — в мае, августе, сентябре — собирается множество людей. Они всегда оставляют свои имена на особых камнях у святилищ. Главную роль в отправлении религиозных обрядов у нас, как и у германцев, играют женщины-жрицы. Но бывают и жрецы. Пророками выступают и цари. Наши жрецы занимаются также и науками. Они хранители тайного знания: секретов получения различных металлов, стекла, древнего письма, геометрии, составления законов, приемов наблюдения за Солнцем, Луной, землетрясениями, их предсказаниями и многим другим.

Наши храмы отличаются большими богатствами. Верующие

увешивают их посвященными плитками с изображениями богов. Празднества в честь богов — Диониса, Бендиды и многих других — всегда собирают множество поклонников.

Мы, меды, часто бываем в Афинах, великом городе, отечестве нашего славного предка Меда. Особенно мы любим здесь бывать в дни праздника Великих Панафинеи. Прекрасен этот день! Священная триера, которую афиняне посылают за богиней Афиной, выходит из городских ворот и движется посуху на колесах. Триера идет неторопливо и величаво через Дром — улицу в квартале Керамик — между портиками, где бойко торгуют афиняне и чужеземцы, к храму Паллады. Корабль наполняют жрецы и жрицы. Местная знать — в золотых венках, все остальные — в венках из цветов следуют за триерой, везущей новое покрывало богини, вытканное красивейшими девушками Афин. Священный хор афинских граждан поет кеосскую песню Симонида. Под нее отвязывают причальный канат, все призывают ветер сопутствовать священному кораблю. И ветер, вняв общим мольбам, начинает мощно дуть в корму, подгоняя корабль. Аттические флейты звучат вслед священной триере, и звуки, как ветер, сопутствуют ее быстрому бегу. Вечер, единственный среди звезд, показывается тогда вместе с Солнцем среди света дня, зажигает над кораблем свое дивное пламя. «О, — восклицают тогда собравшиеся, — прекрасный светоч! Ты возвещаешь нам будущие счастливые дни!»

Вот самое важное, что относится к нашей религии!

Во всем у нас имеются значительные достижения! Особенно гордимся мы успехами в скотоводстве! Недаром еще великий Гомер назвал Фракию «страной овец», «страной укротителей конных»! Да, фракийцы любят овечьи стада, стада коров, коз и свиней, табуны лошадей, седые от времени горы, зеленые луга, полные сочной травы и ярких цветов, ласковые ветерки, несущие неповторимые ароматы земли, цветов и трав, горячее солнце, свои песни и гимны величайших певцов нашей земли — царей и жрецов Тамираса, Орфея, Мусея. В благоговейном молчании слушает их каждый фракиец! Невыразимо трогают они душу, повергают ее в трепет!

Наши ремесленники очень искусны! Они умеют всё, я не преувеличиваю: плавить различные металлы, обрабатывать железо, олово, бронзу, ковать отличное оружие (каждый из вас мог в этом убедиться: ведь мы сражаемся с римлянами оружием, изготовленным нашими фракийцами и галлами!), выделывать дивные украшения, обрабатывать дерево и кость, искусно сооружать здания, расписывать стены и сосуды, ваять скульптуру, работать на самые прихотливые греческие и скифские заказы! Живет население и в селах, и в городах, больше — в селах. В племенах, где

имеется тесная торговля и культурная связь с Элладой, богатые люди живут во многом подобно грекам.

— Это фракийцы с равнин! — вставил реплику Крикс. — А горные фракийцы? Они живут не так, как фракийцы с равнин!

— С этим я согласен, — ответил Спартак. — У них быт действительно проще, нравы — грубее. Их дома — круглые бревенчатые хижины. Рядом пристройки для скота, огороды с овощами. Подчиняются они своим родовым старейшинам. На общие собрания не сходятся, власти царей не знают. Землю почти не обрабатывают, что получают от простого разбрасывания зерен, тем и довольны. Пасут скот, живут военными набегами. Но и у них ремесла на высоком уровне.

Города Фракии поддерживают торговые и культурные связи с городами Эллады. Оттуда выводят к нам колонии. Фракийские приморские города очень богаты, обладают сильным народным собранием и советом старейшин, имеют свой флот, совершающий дальние плавания. Наиболее крупные города Фракии выпускают монету, заключают друг с другом союзы. С ними считаются и одрисские цари, самые сильные во Фракии. Греческие города Абдеры, Истрия, Томи и другие распространяют во Фракии греческий язык и культуру, знакомят с эллинскими богами.

Наша знать по-местному именуется «дзибетиды», то есть «светлейшие». Крестьяне-общинники лично свободны, они могут покинуть общину, наняться воинами и командирами в войска Афин, Вифинии, Боспора, Понта или Рима. Царям и знати крестьяне повсюду платят налоги. Неравенство сильно чувствуется во многих племенах, и это вызывает общее недовольство. Цари имеют своего бога — Гермеса-Салмоксиса. Живут в большой роскоши, имеют много жен, греческих советников и переводчиков. Когда они умирают, в их честь устраивают трехдневные пиры и состязания. Победителям выдают щедрые награды. Наши цари почти всегда очень воинственные. В подавляющем большинстве они похожи на царя Тереса. Ему, видному политику и военачальнику, принадлежат такие слова: «Когда я не воюю, а живу в праздности, то сам себе кажусь не лучше простого конюха!»

Дурных царей, притесняющих народ, у нас повсюду ненавидят. От них всеми силами стараются избавиться. И тот, кто этому способствует, у нас в величайшем почете! Таков в первую очередь Геракл, величайший из греческих героев. Он и наш герой. Всем известно, как расправился он с жестоким Диомедом, сыном Ареса и нимфы Кирены, царем бистонов, бросавшим путников на съедение своим лийским кобылицам! Геракл так хватил его палицей, что разом вышиб из него дух! Злодей кончил жизнь,

как и его жертвы: бешеные кобылицы разорвали его на куски, и Геракл увел их к царю Еврисфею, у которого служил! Вот почему по всей Фракии чтут Геракла и на монетах выбивают надпись: «Геракл — спаситель фракийцев».

Местные цари ведут значительную торговлю, получают со всех сторон много подарков. В торговле первенство должно быть отдано, бесспорно, медам и одриссам. У одриссов тоже значительный флот, совершающий длительные плавания, с зерном, с прекрасными изделиями наших ремесленников. Регулярно эти корабли отплывают от фракийских берегов, где пена вокруг скал белеет, волны бурно поднимаются и разбиваются о сушу на тысячи брызг, где такое горячее солнце и одновременно яростные ветры, — ведь знаменитый Борей является фракийским богом и считается в то же время зятем афинян, поскольку он женат на дочери героя Эрехтея.

Царская власть во многих землях Фракии, не стану скрывать, становится все тяжелее. Цари деспотичны и алчны, все они страшно любят «подарки», которые вымогают с помощью самого мерзкого насилия. Все цари живут одинаково: среди каждодневной несправедливости, величайшего лицемерия, в немыслимом разврате, среди постоянных убийств недовольных, родственников, братьев и детей, среди откровенных грабежей соседей и подданных, среди ужасных клятвопреступлений, постоянной опасности быть преданными собственными домашними. Каждый день за обедом глотают цари противоядие — так боятся они, что их могут отравить! — и каждый день цари сами себе говорят: «Я богат, но хочу быть еще богаче! Я славен, но хочу затмить славой Александра Великого!» И они воюют всю жизнь с небольшими передышками. В покоренных землях цари живут в укрепленных имениях. Из опасения восстания они днем и ночью держат на конюшне взнузданных коней. При неблагоприятном обороте событий они готовы — быстрее ветра! — бежать из захваченной страны!

Фракийцы покоряются своим царям, хорошим и дурным, но по-разному: хорошим — из уважения, дурным — только под давлением силы!

О наших рабах я скажу коротко: рабов мы быстро отпускаем за выкуп или принимаем в общину с равными правами. Рабы наши большей частью женщины. Они пасут скот, занимаются домашним хозяйством. Самое трудное рабство, без сомнения, у одриссов. Они всё больше отказываются от заветов предков, всё больше становятся похожими на римлян!

Мы, фракийцы, всегда много воевали — и между собой, и с внешними врагами. Воевали как все: за добычу, за пастбища, за славу. Наши цари воюют ныне за налоги. Побежденные должны исправно платить их.

Дважды фракийцам приходилось отражать натиск сильных врагов: персов и кельтов-скордисков. С трудом, с большими потерями (они захватили многие наши земли на длительный срок) удалось отбиться от них. Теперь перед фракийцами третий, самый сильный враг — римляне! К ним во Фракии нет единого отношения: одни стоят за союз с римлянами, другие — за непримиримую борьбу. Народ квиритов успешно продвигается на восток и на запад, сокрушая по очереди своих врагов. И повсюду римляне одинаковы в своей политике: всюду требуют людей избранных и сильнейших в свое войско, детей знати берут в заложники, а говорят лицемерно: «Мы намерены обучить их латинскому языку!» На самом же деле они готовят из них верных приспешников и слуг, а родине — заклятых врагов! О других «подвигах» римлян стоит ли говорить? Всем они хорошо известны: римляне непокорных грабят и разоряют, знать выгоняют из родовых поместий, у простых людей отнимают дома и поля, всех — даже царских родственников! — включают в число рабов! Можно ли с этим примириться?!

Общие крики:

— Мы не примиримся никогда!

— И мы тоже не намерены мириться! Мы и наши союзники почти каждый год атакуем их войска в Македонии и Далмации! Надо нападать на них всюду, где только можно, — и тогда мы победим!

Местная знать вся военная. Благородными, по фракийским понятиям, являются только те, кто знает одно военное дело и чужд физическому труду. Впрочем, такой взгляд, как вы знаете, свойствен многим народам. И у германцев считается ленью и малодушием добывать потом то, что можно добыть кровью.

Фракийцы на протяжении веков служат воинами и полководцами-наемниками по всему Средиземноморью: в Вифинии, Лидии, Понте, Македонии, на Крите, на Боспоре, в Иудее, Египте, у римлян. Самые знаменитые государи — Филипп и Александр из Македонии, Антиох III Великий, Птолемей Филопатор, Филипп V, Прусий IV, персидский царевич Кир — все они очень ценили наших воинов и полководцев. У самого персидского царя Дария Кодомана армией, которая давала Александру Великому сражение у реки Граник, командовал фракиец по имени Ресак!

Фракийцы очень часто поднимаются в чужих землях до положения крупных полководцев, людей, близких к царям, определяющих военную политику, решающих династические вопросы. Немудрено: они очень часто играют роль царской охраны.

Наших дзибетидов всегда окружают отборные, воинственные юноши.

В дни мира — они их гордость, на войне — преданная опора. Такие дружины доставляют дзибетидам широкую известность. У кого дружина знаменитее и сильнее, к тому всегда направляется много делегаций с просьбой о помощи против каких-то врагов, с дарами.

— А каковы у вас брачные обычаи? — спросил германец Церулей. — Я слышал много противоречивого.

— В брачных отношениях у нас господствует такой порядок, — ответил Спартак. — Жен покупают за большую плату, добывают в набегах и крепко стерегут от чужих посягательств. Девушек содержат свободно и не препятствуют им сближаться с мужчинами. Богатые люди имеют до тридцати жен. Афинский поэт Менандр сказал про фракийцев совершенно справедливо (да он и сам являлся наполовину фракийцем!):

*Берет у нас по десять каждый жен
Иль по одиннадцать, иные больше дюжины.
Четыре ж если кто иль пять имея жен,
Покончит с жизнью, тот у нас считается
Не знающим услад и песен свадебных.*

Когда муж умирает, убивают и с ним хоронят его любимую жену. Это большая честь — умереть вместе с мужем, и не было случая, чтобы от нее кто-то захотел уклониться! Вообще же женщины у нас живут по сто и более лет.

Жизненный уклад у фракийцев, особенно в горах, суров. Но подавляющее большинство фракийцев считают себя счастливыми. Счастье, по представлению наших воинов, а воин и фракиец — это одно и то же! — вот в чем: проводить все время в пирах и воинских набегах, дающих славу и добычу; хорошо испустить дух в сражении, стяжав величайшую славу; умершие от случайных болезней и старики заслуживают только насмешки как трусы.

— А ваши культурные достижения каковы? — снова спросил Крикс. — Недруги говорят: «Фракийцы — деревенщина, полуварвары!»

— Не согласен! — возмущенно ответил Спартак. — Наша культура очень богата, и нам нечего стыдиться, с кем бы нас ни сравнивали! До недавнего времени фракийцы писали сразу на нескольких алфавитах иноземных, теперь повсюду перешли на греческий. Греческий алфавит также приспособили к нашему языку. Вообще связи с Афинами у нас очень тесные: торговые, политические и родственные. Многие говорят на

аттическом диалекте. С афинянами мы то воюем, то миримся. В Афинах бывает или много фракийских рабов и рабынь, или там на службе фракийские наемники. Фракийцами укомплектованы гребцы и матросы афинского флота, даже силы внутренней охраны и порядка. Греки выводят к нам колонии. Пьесы с фракийскими сюжетами можно часто увидеть на подмостках афинского театра. И с Македонией у нас тесные связи со времен царя Филиппа. При сыне его Александре, в период войны с персами и индами, при нем находился и ему служил наш знаменитый царь Ситалк. К нам со всей Греции много раз являлись греческие изгнанники-эмигранты. Мы принимаем всех и никого не выдаем.

— Расскажи, Спартак, о нашей литературе и подробнее об Орфее! — посоветовал фракиец Милет.

— Скажу и о ней, — согласился Спартак. — Фракийская литература со времен царя Орфея богата — особенно в области поэзии, философии, религиозных исканий. Сам Орфей не только поэт, изобретатель стихосложения, но и религиозный реформатор. О богах он — или его тайные последователи? никто не знает точно! — писал без всякого пиетета. Многие почитатели богов среди фракийцев говорят о нем с возмущением: «Он приписывает богам все самые низменные людские страсти! Можно ли назвать философом того, кто говорит о богах так, как он?!»

Но это мнение недоброжелателей не господствующее. И в Македонии, и во Фракии Орфей — величайший авторитет. В Македонии у подножия Олимпа, в небольшом городке Либетры, стоит его кипарисовая статуя. От имени божества она дает верующим важные знамения.

Орфея высоко почитают и в Греции. Если у нас говорят, что он сын нашего бога виноделия Эгра-Диониса и дочери знаменитого певца Тамираса (того, кто первым составил поэму о битве богов-олимпийцев с титанами), то греки уверяют, что он сын самого Аполлона и музы гимнов Полигамнии! Вот как высоко чтят Орфея эллины!

— А орфики, Спартак! — горячо воскликнул Астероний. — Не забудь упомянуть об орфиках! Они очень важные люди во Фракии!

— И про них я не забуду! — отвечал Спартак. — Орфики, если кто не знает, последователи тайного учения Орфея. По их взглядам, все божества — двуполы и зверообразны. Великого Диониса убивают титаны, и он снова рождается на свет Семелой, дочерью фиванского царя Кадма, выходца из Финикии. Орфики учат: смерти нет, есть вечное перерождение; тело — «темница души», а душа — «частица божества»; души, приобретшие праведность, находят успокоение на звездах, грешников же, отвергающих бога Диониса, ждет наказание в Аиде. Впрочем, — добавил Спартак при

общем смехе, — существует и иное мнение насчет праведников: говорят, и они отправятся в Аид и получают награду, состоящую в вечном пьянстве! Что поделаешь, во Фракии любят повеселиться! И по всему свету говорят: «Фракийцы — самые знаменитые бражники!»

Подробно записаны у нас все сказания о делах богов и героев. Многие сказания имеют очень древние сюжеты. В наших записях фракиец Тер находится среди 72 мужей, строивших знаменитую Вавилонскую башню!.. Популярны сказания о Геракле, величайшем мировом герое, спасителе фракийцев от жестоких местных царей.

Широко распространены медицинские знания. Фракийские врачи не уступают лучшим врачам из других стран. Очень любят во всех землях Фракии музыку. Нам принадлежит изобретение флейты и магия (род арфы), большое число религиозных и военных плясок. Все признают: Пиерия, Олимп, Пампила и Либефрон в древности являлись фракийскими местностями, теперь они под властью македонян. Геликон посвятили музам фракийцы. Кто занимался в древности музыкой: Тамирас, Орфей, Мусей — все они фракийцы. Орфей, наш величайший владыка, установивший жертвоприношения, священные обряды, научивший употреблять плоды, даруемые земледелием, — именно после него земледелию научились все народы! — бесспорно, являлся величайшим певцом и музыкантом. Когда Орфей ударял плектром по кифаре или нежно перебирал пальцами струны, извлекая божественные звуки, когда пел о страданиях вещаго Аполлона, неудачно влюбленного в Дафну, или о скитаниях бога Диониса, про любовь Зари, про преступное пиршество Терей, отведавшего мяса сына своего Итиса, про то, как Борей воспылал страстью к царевне из Афин Орифии, дочери героя Эрехтея, и ради нее покинул Фракию, или о том, как Истр загорелся любовью к Боспорскому морю, а Рейн к морю кельтов, — то души людей тогда воспламенялись. Орфей очаровывал своей музыкой и пением людей и зверей, и люди уходили от него с неохотой, как влюбленный от предмета своей страсти, и отходили ко сну, опьяненные любовью! Слава Орфея распространилась во все края земли. Он — символ божественного пения!

— Теперь вам понятно, почему в Элладе из фракийцев выбирали также и педагогов-воспитателей?! — торжествующе воскликнул Милет. — У нас есть чему поучиться!

— Да! — подтвердил его слова Спартак. — И многие прославленные эллины наделе полуфракийцы: таковы, например, историк Фукидид, полководец и политик Кимон, философ, основатель школы киников Антисфен. Другие выросли и воспитывались во Фракии: таков, например,

Аристотель — он до семнадцати лет рос в колонии Стагире.

Мы, фракийцы, — веселые, гостеприимные люди. Праздники наши кипят весельем и в селах, и в городах. Повсюду музыка и песни, множество по-праздничному одетого народа. Тот, кто умирает у нас среди изобилия яств, часто считается счастливейшим. Попойки и пирушки изображают у нас даже на надгробиях!

Очень любим мы, фракийцы, лошадей, бурные скачки. Фракийская конница повсюду имеет величайшую славу. Неудивительно: фракиец общается с лошадью почти с младенчества. Едва мальчик научился ходить, отец сажает его на лошадь. Для всех близких мальчика это великий праздник! Мы любим лошадей. Нам известно, что лошадь сделала многих предметом прославления со стороны поэтов: например, Беллерофонта из Эфиры. Дария лошадь превратила в царя, Александр прославился с Букефалом, Диомед погиб из-за своих кобылиц! Их также воспели поэты!

Я не хочу сказать, что во Фракии всем легко жить, что там нет бедных людей. Они есть всюду, и им приходится нелегко, в Риме особенно. Бедные должны покупать хлеб и одежду, хозяйственную утварь, платить за наем жилья; за деньги они приобретают даже дрова для ежедневной топки, хворост и сухие листья! Только вода и воздух пока еще бесплатны! Работы в городе у свободных граждан часто нет, и не имеют они никакого подходящего занятия, чтобы приобрести необходимые средства к жизни. Поэтому им приходится браться за всякое дело, даже недостойное свободного человека!

Конечно, с каждым из нас коварная Судьба ведет свою игру. Никому в точности не известно, что именно сулит темный Рок! Как говорят сведущие люди, иногда удается в ночную пору узнать во сне грядущее — если доброе божество посылает нам вещий сон. Нет, не с той целью, чтобы уберечь от несчастья или страдания, — не в силах смертный одолеть назначение Рока! — но чтобы с большей твердостью переносить страдание, чтобы неожиданное несчастье не погрузило душу в пучину отчаянья!

— Ты прекрасно рассказал о Фракии, Спартак! — одобрительно сказал Астеропей. — Я бы не смог так! Поведай теперь нашим высшим командирам о себе! Я знаю, тебе есть о чем рассказать.

— Я родом из Фракии, из земли медов, — начал свой рассказ Спартак. — Земля медов в самом центре Фракии, на реке Стримоне. Меды входят в сильное объединение племен, носящих имя пеонов. Мы гордимся перед другими, во-первых, тем, что мы — фракийцы, во-вторых, тем, что мы — меды.

Наша слава достаточно засвидетельствована даже людьми, нам

чужими. Так, знаменитый греческий историк Геродот — «отец истории», как называют его сами эллины, — замечает: «Фракийцы — народ самый многочисленный на свете после индийцев. Если бы он держался вместе или находился под властью одного царя, он был бы прямо непобедимым и самым сильным». А вот мнение другого знаменитого афинянина — Исократа^[1]: «Самые способные к власти и обладающие наибольшим могуществом народы — скифы, фракийцы и персы».

Говорить ли мне о нашей родословной? Она восходит к великим богам и героям. Могут ли с нами состязаться римляне? У истока их стоят два безродных бродяги — Ромул и Рем. Рождены они от какого-то неизвестного проходимца. Позже — ради уменьшения позора! — Ромул бессовестно свалил отцовство на бога Марса, хотя он заведомо не имел к нему никакого отношения! А как потом сложился римский народ! Первые римляне принимали к себе всех негодяев, мошенников, убийц и даже изменников, от которых со стыдом и ужасом отрекались все близкие. И вот темная банда злодеев, побывавшая на выучке у могущественных этрусков и кое-чему у них научившаяся, стала затем в силу своей исключительной преступности и бесчестности страшнейшим бичом для всех соседних народов.

О, если бы соседи вовремя догадались, какой ужасный факел всеобщих несчастий и войн вспыхнул вдруг на берегу Тибра! О, если бы они догадались вовремя его затушить! Насколько счастливей жили бы тогда народы во всех концах мира! Они бы не узнали страшных опустошений, унижительных налогов, бесконечных насилий римлян над ними, их женами и детьми! Они бы не узнали позорнейшего ярма тягчайшего рабства! Нет народа, которому бы римляне сделали благое! Найти честного человека среди своры негодяев и преступников, льющих кровь людскую, как воду, получающих наслаждение от гладиаторских боев, так же трудно, как низвести на землю Солнце или Луну!

А мы в отличие от безродных римлян знаменитые на весь мир меды! Наш общий родоначальник — царь и герой Мед. Сам Мед являлся сыном правившего в Афинах царя Эгея и Медеи, дочери царя Колхиды. С приемным отцом Ясоном, некогда главой аргонавтов, — они, как вы знаете, совершали поход в Колхиду за золотым руном и добились успеха благодаря помощи Медеи, — Мед предпринял крупные и успешные завоевания во Фракии и на востоке. Сводным братом нашего Меда являлся Тезей, победитель человека-быка Минотавра. Он так расширил и украсил Афины, что позже его стали именовать настоящим создателем Афин!

У нас, медов, много родичей — выселенцев во всех концах мира (они всегда поддерживают с нами связи): в Греции — в Фокиде, в Беотии (город

Медон), в Акарнании (город Медион); в Фессалии, где, по крайней мере со времен Троянской войны, многие носили имя Медонта. Медов всегда было много в Македонии, Фригии и на Крите (жену царя Идоменея, знаменитого героя, звали Меда).

Теперь о самом себе. По роду я очень знатен^[2]. Моих предков низложил и устранил от власти в царстве медов Филипп, отец Александра. В поисках новой власти, в погоне за богатствами предки служили в армии Македонии, старались сделать карьеру. Их потомки служили — и ныне служат — в армиях Вифинии, Понта, в римской армии, в Афинах, в Африке, на Боспоре.

И я в своей жизни узнал все перемены счастья. А ведь с молодых лет я обучался наукам, которым обучают благородных людей. Я изучал сочинения философов и Орфея, халдейскую и египетскую мудрость, побывал ради образования в Афинах, Малой Азии, на Родосе. И вот мне-то приходится сказать о себе словами Софокла из «Менелая»:

*Моя судьба как бы в упряжке солнца —
Вращается и перемен исполнена.
Так лик луны изменчив, и не может он
Один и тот же быть в течение двух ночей.*

С 18 лет я служил солдатом в римской провинции Македонии в составе вспомогательных фракийских войск. Карьеры не сделал, хотя пользовался уважением и почетом за силу и мужество. Потом покинул — без всякого согласия со стороны своего римского начальства — ряды римской армии. Вместе со мной ушли от римлян многие другие фракийцы. Наши враги злобно кричали нам вслед: «Дезертиры!» Мы же говорили и говорим: «Ложь! Мы не дезертиры, а патриоты! Если наши меды снова воюют с римлянами, нам подобает быть со своими, сражаться вместе с ними, а не против них! Долг перед племенем выше долга воина римской армии!»

Мы упорно сражались с врагами в горах Македонии, потом Фракии. Римляне с яростью сжигали наши селения, грабили имущество, угоняли мужчин, женщин и детей в неволю... Все-таки очень сильны римские легионы! В настоящее время — не надо заблуждаться! — они составляют самое сильное в мире войско. Только скифы, геты и, пожалуй, парфяне — народы, сильные конницей, — могут противостоять им.

Наша война оказалась неудачной! Причин тому очень много, о них я

не хочу сейчас говорить. Римляне успешно справились со своими неприятностями и трудностями, подавили восстание рабов в Сицилии. Наша война потеряла перспективу. Мы долго думали: «Как поступить дальше?» Высказывались разные мнения. Я решил — вместе с теми, кто считал, как и я, — отправиться в Понт к царю Митридату. В Понте издавна в течение многих поколений служат фракийцы различных племен, были там и члены нашего рода.

Зачем я отправился к Митридату? Чтобы избежать рук победоносных римлян? Нет! Цель у меня была другая: сделать в Понте карьеру, укрепить царя в мысли о необходимости воевать с римлянами, продолжать с ними борьбу.

Меня хорошо встретили. Покровительствовал мне Дромихет, крупный полководец Митридата, фракиец-гет. Я пробыл в Понте 10 лет, добился высокого положения. Участвовал в Первой Митридатовой войне... Потом — об этом тягостно вспоминать! — постыдно попал к врагам в плен... О, как велико коварство римлян! И как мы — кого они величают варварами — как мы часто простодушны! Не может римлянин — даже в личине «старого друга» — быть настоящим другом иноземцу! Кельт, фракиец, грек, самнит, каппадокиец, киликиец или египтянин — все они для римлян варвары, рабы и слуги! В отношениях с ними вовсе не обязательно держаться слова и руководствоваться соображениями чести! Никогда этого нам не следует забывать! Кто забудет — тот погиб безусловно! На его долю выпадут рабские цепи, унижение и позор! Так и со мной случилось!

И вот нам, гордым медам, с нашим влиянием и славой, приходится сносить римское рабство! Легко ли?! Нам, мужчинам, тяжело, а нашим женщинам и девушкам всегда приходилось еще тяжелее. И поневоле им приходилось повторять себе в качестве утешения известные слова поэта:

*Царского рода дитя, порожденье я предков знатнейших,
Ныне в презренье живу, веселюсь по чуждому приказу.
Только не ведать бы мне по отцу и по матери скорби!*

В тяжких обстоятельствах жизни, друзья, обращаемся мы к прошлому, особенно если есть что хорошее вспомнить! Я всегда вспоминаю с чувством душевной отрады свой родной любимый Медон. У нас две столицы — Медея и Медон. Первый город построил наш царь Мед в честь своей великой матери, второй — в свою честь. Все города нашей земли очень богаты, прекрасно спланированы и отстроены, дивно изукрашены.

Но Медон прекраснее всех. Он окружен мощными стенами, сложенными из огромных каменных блоков. Дома здесь в несколько этажей, улицы прямые, много храмов в честь великих богов с обильными приношениями верующих, с картинами и статуями в честь богов. Город окружают луга со стадами, купы деревьев, цветущие кустарники. На грядках огородов можно найти всё: различные овощи, розы с миртами и нарциссами. Повсюду из недр земли бьют ручьи, орошая деревья и цветы, растения земледельцев. Они с мотыгами в руках прилежно трудятся на полях. Фракийский народ не только очень воинственный, но и трудолюбивый. Во всем наши фракийцы искусны: и в земледельческих работах (наша знать много хлеба вывозит в другие государства), и в ремеслах, и в торговле!

Войдя в город, мы увидим, что весь он в пышных садах и водоемах из мрамора (здесь живет только знать, народ — в пригороде). Повсюду растут могучие сосны, тисы, платаны. Их оплетают плющ и вьюнок. У подножия на тростинках красуются виноградные лозы. Сочные гроздья укрепляют подпорки. Фиалки, нарциссы, гиацинты, розы украшают цветники. Повсюду по рощам порхают разные птицы. В нежных трелях заливаются соловьи. Среди птиц можно отыскать и знатных иноземцев: попугая, лебедя, павлина. Как великолепно одеяние их крыльев! У павлинов — верно говорят! — золото рассыпано на перьях, на каждом перье — по глазу! Божественная птица! От взгляда на нее, знающую любовное искусство, радуется сердце!

Прекрасна центральная улица города! Она мощена камнем, с двойными портиками, с роскошными храмами, купальнями, великолепными частными домами — все они поражают роскошью отделки! На крышах домов деревянные навесы: они защищают прохожих от проливного дождя. Ведь нам боги — таково у нас разнообразие климата — посылают и проливные дожди, и густой снег, и даже град. И есть в городе все другое, что дает удовольствие в нашей жизни: театр, где можно услышать голоса прекрасных певцов, состязания музыкантов, знатоков кифар и флейт. Бывают у нас и театральные представления, и борьба атлетов. На центральной площади — агоре — находится прекрасный храм Диониса. Агору украшают бронзовые статуи на мраморных пьедесталах.

Город в изобилии наделен водой: ведь стоит он на Стримоне, посреди богатейшей Фракийской равнины. И мы богаты источниками. Потому-то в городе и домах много водоемов. Одни — для красоты, другие — для пользы. Не бывает у нас давки из-за воды у общественных водоемов! Не услышишь там раздраженных криков: «А я должна черпать воду первой!» — шумных ссор, потасовок, разбитых кувшинов!

Царский дворец находится в крепости; занимающий целый квартал, он очень красив и богат. Кто не видел его, пожалуй, сочтет мои слова за вымысел! Сам дворец двухэтажный, украшен колоннами, крыша покрыта медью. Стены отделаны бронзой, слоновой костью, трофеями охоты царей. В женских и мужских покоях мебель украшена драгоценным деревом, серебром и золотом. Повсюду много оружия, вышивок, картин и покрывал. Сюжеты их — из фракийских, эллинских и индийских мифологических сказаний. Можно здесь увидеть Диониса, Аполлона, Посейдона, Орфея, Тамираса, Мусея, Гермеса, Салмоксиса, Гелиоса, нимф Фраку и Родопу, сражающихся Ясона, Меда и Ксеркса, поход аргонавтов, страдающую Медею, Те-сея и Минотавра, различные города и земли, огнедышащие горы, стремительно текущие реки — среди них на первом месте Истр и Стримон! — корабли с купцами, плывущие по морям, хитрого Сизифа и многое другое. В зале царского суда, отделанного мозаикой и богатыми фресками, на прозрачной крыше стоят статуи богов. Они словно парят в воздухе, повергая видящих в трепет и изумление. В центре зала находится культовая площадка, украшенная растительным орнаментом. На ней мраморный жертвенник с изображением фракийского конника...

Какой город земли прекраснее нашего Медона? Нет ему равного! Потому-то у нас и говорят: «Покинув Медон и уехав в другой город, ты вспомнишь о нем. А если ты прибудешь сюда со стороны, забудешь вскоре и о родителях, и о родной стране!» Воистину, такое мнение не ложно! Медон превосходит другие города земли чем-то: одни — величиной, другие — прекрасным климатом, обилием воды, красотами храмов и зданий, третьи — любовью к иноземной мудрости, четвертые — воспитанностью жителей и красноречием, пятые — образованностью по-эллински!

— Неужели Медон в самом деле так прекрасен?! — удивился Крикс. — Значит, он прекраснее наших Бовианума и Корфиния — столиц восставших против Рима италиков?! А ведь мы, самниты, всегда были очень богаты и заботились об украшении своих городов...

Тут Спартак улыбнулся и, словно извиняясь, добавил:

— Много на земле прекрасных городов и стран, дорогой Крикс! Но родина для каждого всего прекраснее! Каждый хочет процветания ей, богатства и свободы! И мы все здесь, в Италии, сражаемся, проливаем кровь, отдаем жизнь не только за собственную свободу и за свободу родной земли, но также за независимость народов, поработанных и угнетаемых римлянами! Никто не знает точно, чем кончится борьба, какова Судьба, насколько велика благосклонность богов! Одно ясно: даже своей неудачей — если бы она и выпала на нашу долю — мы указываем народам путь к

победе! Своим примером мы зовем народы не покоряться и яростно бороться с римлянами! Дело свободы и независимости, передаваясь от одного поколения к другому, в конце концов победит! А наши собственные дела и подвиги навеки останутся в песнях, в памяти человечества!

Так закончил в тот вечер свою речь Спартак. Все с ним согласилось, дружно аплодируя. А потом вновь наполнили вином чаши и дружно осушили их. Каждый мысленно воззвал к отеческим богам, прося у них успеха делу и долгой жизни Спартаку, надежному другу, блестящему полководцу...

Глава вторая

ИТАЛИЯ ДО НАЧАЛА СПАРТАКОВСКОЙ ВОЙНЫ

I

В 89 году до н. э. работорговцы доставили Спартака в Рим и продали его на невольничьем рынке.

Римская аристократическая республика была в ту пору обществом строго сословным. Высшим среди сословий являлось сенатское (отличительный признак — белая туника с широкой красной полосой). Попасть в это сословие из служилой знати, военной и гражданской (нобилитет), где отец старался провести на высшую должность сына, дядя — племянника, брат — брата, для незнатного человека было невероятно трудно. Если это в виде исключения удавалось (ярким примером служил Цицерон), счастливец получал право оставить потомкам свое почетное восковое изображение, служившее символом принадлежности к высшему сословию.

Вторым сословием в Римском государстве являлось всадничество (характерный признак — золотое кольцо и туника с узкой красной полосой). Принадлежность к нему определялась имуществом и доходом в 400 тысяч сестерциев. В отличие от сенаторов, бывших крупными землевладельцами, всадники занимались торговлей, ростовщичеством, содержали ремесленные мастерские, участвовали в откупных компаниях. К этому кругу принадлежала значительная часть командного состава римской армии.

Третье сословие составлял плебс. Он делился на три подгруппы: горожан и крестьян; люмпен-пролетариев — свободных граждан, совсем не занятых в производстве и живущих за счет общества (в 50–40 годах их число достигало 300 тысяч человек; Цицерон говорил, что они непрерывно «пополняются из массы рабов, поденщиков, злодеев и бедняков»); вольноотпущенников — бывших рабов, получивших от своих господ личную свободу. Две последние категории не пользовались особым уважением. Цицерон пренебрежительно говорит о них как о «жалком и

тощем простонародье», «отбросах города».

Четвертым сословием являлись «новые граждане» — вновь появившаяся социальная группировка. Верхушка италиков — муниципальная знать (частично и провинциальная из Цизальпийской Галлии, Испании и пр.) постоянно увеличивалась и, вступая в браки, сливалась с нобилитетом и всадничеством. Рядовая масса италиков, в свою очередь, непрерывно пополняла ряды римского плебса.

Господствующий класс Римской республики состоял из сословий сенатского и всаднического, муниципальной и провинциальной знати, имевшей римские гражданские права. Именно они получали все выгоды от эксплуатации рабов, собственных бедных граждан, от грабежа провинций, от частых внешних войн.

Рабы, находившиеся вне римских сословий и не имевшие никаких формальных прав (ни гражданских, ни политических), представляли в целом в отношении свободных граждан класс-антагонист. Их численность, как и образовательный потенциал, быстро возрастала. И неудивительно! Фабий Максим, захватив Тарент, превратил в рабов 30 тысяч свободных граждан этого влиятельного и богатого города (209 год до н. э.); консул Эмилий Павел, разгромив города Эпира, то же проделал со 150 тысячами свободных эпиротов, Сципион Эмилиан, разрушив могущественный Карфаген, обратил в рабов оставшихся в живых жителей!.. Эти люди — прежде свободные — очутившись в рабстве, естественно, старались освободиться. Если им не удавалось добиться свободы легальным путем, они становились источником всякого рода интриг и мятежей.

Рабы (обычная цена их — 400–500 денариев) делились на определенные разряды; 1) государственные рабы (служители при магистратах, военачальниках, храмах, писцы, тюремщики, палачи; их, впрочем, было сравнительно немного); 2) рабы частных лиц; а) привилегированная часть — городская фамилия (домашняя прислуга, чтецы, ораторы, философы, грамматика, архитекторы, секретари, библиотекари, стенографы, комедиографы, актеры и пр.); б) рабы, занятые производительным трудом (ремесленники); в) сельская фамилия (работали в сельском хозяйстве и подвергались тяжелой эксплуатации); г) категория осужденных рабов (работали в рудниках, каменоломнях, в оковах на полях, находились в гладиаторских школах и казармах).

По некоторым расчетам, в Италии в эпоху Спартака было 8 миллионов полноправных свободных граждан, 2 миллиона отпущенников и 4 миллиона рабов. Кроме того, была еще значительная прослойка иностранцев. Все эти люди находились в состоянии конкуренции друг с

другом. Историк Аппиан, отмечая порчу гражданских нравов (писал он о римлянах 44 года до н. э., но подобное положение было свойственно и более раннему периоду), замечал: «Исконный римский народ перемешался с иностранцами, вольноотпущенник стал равноправным гражданином, и у раба был тот же вид, что и у господина; ибо, если исключить сенаторскую одежду, все прочее облачение было у них и у рабов одинаково. Кроме того, обычай, имевший место только в Риме, — публичные раздачи хлеба неимущим, — привлекал в Рим бездельников, попрошайек и плутов из всей Италии».

II

Закончилась Первая война понтийского царя Митридата с Римом. Победенный царь очистил занятые территории и возвратился в Понт, отеческое владение, обязавшись выполнить все условия заключенного в Дардане мира (осень 85 года до н. э.).

Сулла, крупнейший полководец сената, с войском вернулся в Италию (83 год до н. э.), победил марианцев, лишил их гражданских прав, имущества, а многих и жизни, стал диктатором (конец 82 года)^[3]. Он заставил побежденную Азию и Грецию с избытком возместить Италии потери, понесенные в ужасной междоусобной войне.

В результате возобновившихся торговых операций на острове Делос Италию вновь наполнили сотни тысяч рабов самых различных профессий: земледельцы, кузнецы, чеканщики, красильщики, парфюмеры, повара, скульпторы, живописцы, музыканты, грамматика, архитекторы, инженеры, ученые. Среди этих фракийцев, кельтов, иллирийцев, греков, македонян, галатов, азиатов, каппадокийцев, киликиян, сирийцев было значительное число бывших солдат-наемников и военачальников, сражавшихся против римлян с оружием в руках и знавших все перемены военного счастья. Теперь перед вновь прибывшими стал нелегкий выбор: что делать дальше — бежать и заняться грабежами на дорогах и в лесах Италии или постараться забыть далекую родину, изучить по возможности язык и привычки победителей, приспособиться к их порокам, как сделали те тысячи тевтонов и кимбров, которые попали к римлянам в плен в результате их побед при Аквах Секстиевых (102 год до н. э.) и Верцеллах (101 год до н. э.)?

И новые рабы, потерявшие свободу и очаги, были вынуждены начинать жизнь заново. Они знакомились с людьми и положением дел,

изучали слабости своих господ. Наиболее ловкие из греков и азиатов становились управляющими, библиотекарями, писцами, переводчиками, советниками, пособниками в разврате; наиболее красивые из женщин превращались в наложниц и любовниц. Большая часть рабов занималась физическим трудом: они выделяли ковры и ткани, работали в ремесленных мастерских и на полях, улучшали культуру винограда и оливок, выращивали скот и птицу.

Их господа после тягот войны с Митридатом, жестокой войны с марианцами и проскрипций наслаждались роскошью, искусством и науками. Они обзаводились обширными виллами, громадными домами в Риме с приемными, гостинными, библиотеками, статуями, картинами, дорогой посудой, бассейнами, банями, пышными семейными усыпальницами.

Состоятельные люди не жалели денег на строительство и украшение своих домов и вилл. Л. Лукулл за имение в Байях уплатил 10 тысяч талантов (талант — 26,2 килограмма серебра), дом Квинта Цицерона в Риме стоил 1 миллион сестерциев, дом Марка Цицерона на Палатине, купленный после отбытия им «исторического» консульства, обошелся ему в 3,5 миллиона сестерциев. Имуществом. Красса оценивалось согражданами в 200 миллионов сестерциев.

Стремление к роскоши всюду становится главным. «Считается, — негодует поклонник простоты предков, — что нет у тебя и усадьбы, если на нее не насело множество греческих слов, которыми по отдельности называют разные места: процетон, палестра, аподитерий, перистель, орнитон, перистерон, опоротека».

При этих усадьбах и виллах имелись обширные амбары, погреба, кладовые, цветники, огороды, птичники, рыбные пруды, парки, луга, леса и пастбища. Число рабов, вольноотпущенников, свободных съемщиков — колонов, дворовых слуг, всякого служебного персонала было очень велико. Дворовая челядь в городских домах крупных магнатов насчитывала до 150 должностей: лакеи, кондитеры, повара, вестники, номенклаторы, воспитатели, водворители тишины, шуты, художники, врачи, секретари, грамматик, философы, переписчики и пр.

Среди этих городских рабов существовала определенная, очень жесткая, иерархия. Наибольшим влиянием пользовались те, кто чаще всего контактировал с господином и пользовался его доверием: секретари, казначеи, банщики, спальники, устроители обедов и развлечений, вилики — управители имений, привратники и садовники. За небольшим исключением, все они происходили из греков или уроженцев Малой Азии.

Дом богатого римлянина античной эпохи, как говорил Плиний, напоминал город или даже целую республику. Тут также кипели страсти: ненависть, зависть и честолюбие. Здесь старались навредить удачливому сопернику, ставили памятник на общие средства управителю, если он правил справедливо. Влиятельного раба тут именовали господином, ему льстили, за его здоровье молились. В домах своих господ рабы возносили молитвы ларам очага, семейным ларам, восточным богам Азии и Египта.

Но больше всего в Риме рабы и отпущенники молились богине Счастливой случайности, Фортуне, надеясь на которую они рассчитывали быстро освободиться от рабства и «выйти в люди». Молились также добрым богам Сатурну или Сильвану, реже — Минерве, Церере, Надежде, Меркурию Счастливому, Кастору и Поллуксу, Гераклу. Охотно также прибегали к услугам гадалей, волшебников, гаруспиков и халдеев.

Впрочем, во всех прослойках рабов наряду с соперничеством имелось также много случаев крепкой дружбы. В одной могильной эпитафии, вполне типичной в античную эпоху, некий отпущенник написал: «Никогда между нами, дорогой мой товарищ, не возникало никакого неудовольствия, призываю в этом свидетелями богов неба и ада! Мы оба в одно время стали рабами, служили в одном доме, вместе были отпущены на волю и впервые разлучились в тот день, который отнял тебя у меня».

Сносить римское рабство было тяжело, но рабам ничего не оставалось, как набраться терпения и повторять каждый день в виде утешения слова Еврипида:

*...в имени одном
Позор раба, а коль он добр и честен,
Свободным не уступит он ни в чем.*

И все-таки и в городе, и в деревне рабы всеми способами старались раздобыть деньги, чтобы оплатить отпуск на волю. Они экономили на пище, получали подарки от друзей дома, от хозяина (если удавалось угодить ему), брали взятки, пропуская к господину вне очереди клиентов побогаче, крали еду и вина, торговали остатками роскошных обедов, получали какие-то деньги по завещанию (от друзей-рабов или в случае смерти господина), обрабатывали с величайшей тщательностью данный им кусочек земли и торговали полученными овощами, всячески выхаживали свою личную овцу на пастбище и т. д. О плохом рабе римляне говорили презрительно: «У него нет ни кусочка свинца за душой», то есть даже

самой маленькой монетки. Цицерон считал, что в римских условиях предприимчивый раб может скопить нужные для освобождения деньги через шесть лет. Правда, и тут нередко были свои сложности. По римским законам раба можно было освободить только после 30 лет, за исключением некоторых особых случаев (раб был сыном, воспитателем господина или его хотели сделать управляющим). Категорически запрещалось единовременным актом освобождать от рабства более 100 рабов. Тем не менее в конце республиканского периода от рабства ежегодно освобождалось по 16 тысяч человек.

В кругу новых богачей, появившихся после победы Суллы, встречаются самые различные люди: знаменитый ученый и писатель М. Теренций Варрон; будущие полководцы, противники Митридата и фракийцев, братья Лукуллы, Луций и Марк; соперник Помпея, упорно делающий миллионы М. Красс; красноречивейший и алчный Кв. Гортензий; будущие противники Цицерона и мятежники — П. Корнелий Лентул Сура и Л. Каталина; ищущий славы оратора М. Цицерон.

С ними сталкиваются богатые и зажиточные юноши из италийских городов, приехавшие в Рим за государственными должностями и модными учителями, философы различных направлений, родовитые римские дамы, сочетающие любовь и политические интриги, восточные и греческие красавицы куртизанки. Куртизанки начинают играть в римском обществе все большую роль, и количество их сильно возрастает. Настоящая куртизанка должна была уметь остроумно говорить, знать философию, любить стихи, уметь танцевать, петь латинские, греческие и египетские песни, играть на музыкальных инструментах и хорошо писать.

Эти куртизанки имели множество поклонников из числа победителей, которые меньше всего думали о строгой морали предков. Не довольствуясь многочисленными наложницами, они в погоне за новыми ощущениями с величайшей охотой соблазняли молоденьких рабынь, хорошеньких отпущенниц и красивых мальчиков, целыми вечерами и ночами пропадали у мимов и кифаристок, в публичных домах и грязных кабаках. Жены знатных господ не уступали мужьям и охотно снисходили до простонародья, отпущенников, гладиаторов и рабов.

Ужасающее падение нравов признавалось всеми. Люди преклонного возраста возмущались, молодежь отделялась шуточками. Величайшей популярностью пользовался афоризм, пущенный каким-то острословом: «Развращать и быть развращаемым — значит идти в ногу с веком!» Овидий несколько позже (уже в эпоху Августа) выразил общее настроение разгульной молодежи в следующих насмешливых стихах:

*Воистину тот простоват, кто измен не выносит подруги,
И недостаточно он с нравами Рима знаком.
Ведь при начале его — незаконные Марсовы дети:
Илией Ромул рожден, тою же Илией — Рем.
Да и при чем красота, если ты целомудрия ищешь?
Качества эти, поверь, не совместятся никак.
Если умен ты, к жене снисходительным будь и не хмурься,
К ней применять перестань грозного мужа права.
Жениных лучших друзей приветствуй (их будет немало!) —
Труд не велик, но тебя вознаградит он вполне.
Ты молодежных пиров постоянным участником станешь,
Дома, не делая трат, много накопишь добра!*

Среди аристократии создается новый кодекс приличий: непременно переписки с друзьями даже в самых отдаленных частях республики, путешествий с многочисленными рабами в качестве свиты (адвокат не признавался влиятельным, если за его носилками шествовало меньше восьми рабов, магистрат, вышедший на улицу меньше чем с пятью рабами, подвергался насмешкам!), неимоверной пышности при похоронах, моды на дорогую посуду, мраморные изваяния, серебряные украшения, роскошную одежду, наконец, на непременно путешествие в Грецию или Малую Азию для завершения образования. Прилежное изучение Аристотеля становится признаком культурного человека.

В деле воспитания молодого поколения в аристократических семьях решающую роль приобретают греческие рабы и рабыни, учителя и риторы. Это особенно раздражало ревнителей старины, и Тацит, выражая их мнение, в период ранней империи с негодованием писал: «А теперь новорожденного ребенка препоручают какой-нибудь рабыне-гречанке, в помощь которой придаются один-два раба из числа самых дешевых и непригодных к выполнению более существенных дел. Их рассказы и заблуждения впитывают в себя еще совсем нежные и восприимчивые детские души; никто во всем доме не задумывается над тем, что именно они говорят и делают в присутствии своего юного господина. Да и сами родители приучают малолетних детей не к добропорядочности и скромности, а к распущенности и острословию, и вот незаметно в их души вкрадываются бесстыдство и презрение и к своему, и к чужому. И наконец, особенно распространенные и отличающие наш город пороки — страсть к представлениям актеров, и к гладиаторским играм, и к конным ристаниям,

— как мне кажется, зарождаются еще в чреве матери; а в охваченной и поглощенной ими душе отыщется ли хоть крошечное местечко для добрых нравов? Найдешь ли ты в целом доме кого-нибудь, кто говорил бы о чем-либо другом? Слышим ли мы между юношами, когда нам доводится попасть в их учебные помещения, разговоры иного рода? Да и сами наставники чаще всего болтают со своими слушателями о том же; и учеников они привлекают не своею требовательностью и строгостью и не своими проверенными на опыте дарованиями, а искательными посещениями с утренними приветствиями и приманками лести».

Новые духовные запросы и рост потребностей изменили в корне молодое поколение нобилитета. Это хорошо видно даже по ранним письмам Цицерона, начинавшего карьеру в качестве «нового человека». В одном из писем он сообщает другу Аттику: «Я уплатил Луцию Циннию 20 400 сестерциев за статуи из мегарского мрамора в соответствии с тем, что ты написал мне. Твои гермы из пентеликонского мрамора с бронзовыми головами, о которых ты сообщил мне, уже и сейчас сильно восхищают меня. Поэтому отправляй, пожалуйста, мне в возможно большем числе и возможно скорее и гермы, и статуи, и прочее, что покажется тебе достойным и того места, и моего усердия, и твоего тонкого вкуса, особенно же то, что ты сочтешь подходящим для гимназия и ксистерии (то есть крытой галереи. — В. Л.). Ведь я так увлечен этим, что ты должен помогать мне, хотя, пожалуй, от других лиц я заслуживаю осуждения».

В рядах сильно ослабленного Суллой сословия всадников (ведь он уничтожил в проскрипциях всю его верхушку) появляется слой новых дельцов, выделившийся из среды победителей. Именно они, напористые и жадные, обладающие большими связями, не чувствующие отвращения знати к коммерческим предприятиям, произведут в Италии великие преобразования.

Богатые собственники, они дают займы царям зависимых царств, обедневшим городам и аристократическим фамилиям. Убедившись, что Греция и Азия после всех бедствий войны не представляют такой богатой добычи, как прежде, они начинают вкладывать значительные средства (чего не делалось раньше) в италийские земли.

А рядовые солдаты и офицеры многочисленной сулланской армии, хорошо нажившиеся в Азии^[4], беспощадно обобрававшие во время проскрипций марианцев, быстро обзаводились хозяйствами. Все они после страшных войн и сражений, в которых неоднократно видели гибель собственных товарищей и сами не раз рисковали головой, жаждали теперь мира, тишины, сельской идиллии. Каждый с умилением вспоминал дни

детства и юности, проведенные в деревне на лоне природы, мирный земледельческий труд отцов и дедов и теперь сам хотел вернуться к такому труду, рассматривая его как почет, как заслуженный отдых. Деревенская жизнь по сравнению с городской, где не было ничего святого после жестокой гражданской войны марианцев и сулланцев, после проскрипций и доносов, повседневной яростной борьбой честолюбий и зависти граждан к успехам друг друга, казалась поистине райской. Варрон в своей сатире «Встающий спозаранку» немногими словами нарисовал эту картинку недавнего прошлого, казавшегося многим столь соблазнительным: «Молодые люди сами себе стелют постели, которые после работы кажутся им мягкими, и сами ставят около них кружку с водой и светильник. Питьем им служит светлая, свежая ключевая вода, едой — хлеб и приправой — лук. В доме и на поле всякая работа спорится. Дом — вовсе не замечательное строение, но архитектор мог бы по нему изучать симметрию. О полях заботятся, чтобы они от беспорядка и заброшенности не пришли в нечистоту и запустение, зато благодарная Церера отстраняет от растущих тут злаков все невзгоды, так, чтобы их впоследствии высоко нагроможденные скирды радовали сердце земледельца. Здесь еще почитают гостеприимство; желанным гостем является всякий, кто вскормлен материнским молоком. Кладовая с хлебом, бочки с вином, запас колбас, повешенных на перекладине, все ключи и замки всегда к услугам странника, перед которым вырастет высокая пирамида яств; довольный, сидит потом насытившийся гость у кухонного очага, не озираясь по сторонам, но тихо кивая головой. Для его ложа расстилают самую теплую овчину с двойным мехом. Здесь еще люди как добрые граждане слушаются справедливого закона, который не преследует невинных из недоброжелательства и не прощает виновных из милости к ним. Здесь не говорят дурно о ближних. Здесь не попирают ногами священного очага, но почитают богов молитвой и жертвоприношениями; духу дома бросают кусок мяса в подобающий сосуд, а когда умирает домохозяин, его хоронят с той же молитвой, с которой хоронили его отца и деда».

Вот именно такую жизнь хотели вернуть себе сулланские посессоры средней руки. При этом в организации хозяйства они следовали не только старику Катону, видному наставнику римских земледельцев. Очень популярным у них стал агрономический трактат Сазерны, галльские владения которого (200 юге-ров, то есть 50 гектаров, две парные упряжки быков и восемь рабов; из них — два пахаря и шесть полевых рабочих) славились обильным производством зерна.

Однако богатых собственников уже не удовлетворяло ни

многоотраслевое хозяйство Катона (он имел в виду только Лаций и Кампанию, где одинаково растили хлеб, маслины, виноград и овощи, выкармливали свиней, птицу и т. д.), ни одноотраслевое хозяйство Сазерны, производившее зерновую продукцию. Стремление к максимальной выгоде побуждает богатых людей к созданию крупных скотоводческих ферм, к переходу на хозяйства с преобладанием культур винограда и оливок.

Сельскохозяйственные писатели перерабатывают в нужном направлении рекомендации Катона, бравшего за основу имение в 240 югеров для оливкового сада (обслуживалось 13 рабами) или в 100 югеров виноградника (обслуживалось 15 рабами). Молодые писатели применительно к новым условиям (видное место среди них занимает Г. Кассий, будущий противник Спартака, владелец богатого имения в Сицилии) дискутируют в своих книгах вопросы местоположения имения, его связи с рынком, роль садов, лесов и огородов, необходимость для хозяина часто посещать свои владения; они обсуждают вопросы о тягловой силе, об организации труда, о поместной администрации, об обращении с рабами, о необходимой численности их и профессионализации, о личных качествах рабов, о сочетании труда рабов и свободных, о месте арендаторов и издольщиков и т. п.

В соответствии с новыми идеями богатые скотоводческие виллы^[5] быстро распространяются по Италии. О доходности их легко заключить на основе примеров, приводимых Барроном. «Сей из одной виллы, где вскармливаются (домашняя птица и пчелы), извлекает больше дохода, чем другие из целого имения. Я видел у него большие стада гусей, кур, голубей, журавлей, павлинов, а также сонь, рыб, кабанов и другой охотничьей дичи. Его отпущенник, ведущий записи, принимавший меня в отсутствие патрона, говорил, что благодаря всему этому вилла приносит более 50 тысяч (сестерциев) в год...

...Разве Л. Абукий, человек весьма образованный, пишущий в стиле Луцилия, не говорил, что в его Альбанских владениях собственно имение всегда оттесняется на задний план виллой, где вскармливаются животные, так как поле приносит менее 10 тысяч (сестерциев), а вилла — более 20 тысяч? По его же словам, если приобрести виллу в любом месте на морском берегу, то она даст более 100 тысяч (сестерциев) дохода».

С такими-то вот средними и небольшими имениями поддерживали тесные отношения большие земельные владения богатых людей (латифундии), продавая им все необходимое и отдавая внаем нужных специалистов — врачей, сукновалов, плотников и т. п. «Действительно, —

говорит Варрон, — многие должны ввозить в имения зерно, или вино, или иное, что (там) отсутствует. С другой стороны, немало таких, которые могут кое-что вывозить. Так, например, вблизи Рима очень выгодно обрабатывать огороды, а также иметь сады, засаженные фиалками и розами, и вообще производить то, что потребляет Рим, тогда как в отдаленном имении, где (такие продукты) нельзя продать, подобные продукты невыгодны. Также если по соседству имеются города, или села, или даже обильные поля и виллы богачей, где можно недорого купить необходимое для имения и продать излишнее, — как, например, подпорки, столбы, тростник, — то имение более доходно, чем если приходится (все необходимое) ввозить издалека. А иногда (покупать по соседству даже выгоднее), чем производить у себя».

Но латифундии в 1 000— 1500 и более югеров заводились богатыми людьми не только в Италии (здесь они были сравнительно редки до 1 века н. э.); еще чаще ими обзаводились в провинциях. Здесь владельцы их действовали с большей бесцеремонностью, разоряя мелких и средних собственников, поглощая их имения, приобретая толпы рабов для обработки земли. Поэтому враждебное отношение к латифундиям выявилось там гораздо скорее.

Но крупные собственники не смущались. Выступая одновременно как ростовщики, в дружном согласии с откупщиками и наместниками, они крепко держали зависимое население провинций в своих руках, не признавая в платежах никаких отсрочек и неумолимо отнимая у крестьян их участки, не останавливаясь даже перед тем, чтобы отнять их силой.

Судьба этих несчастных — маленьких людей из Италии или провинций — была очень незавидна. Захватив свой немудреный скарб, грязных ребятишек и отеческих богов, они уходили в города в поисках заработка и там пытались устроиться, знакомясь на собственном опыте с ужасами городской нищеты.

С завидной энергией ловкие дельцы пускались в различные спекулятивные предприятия. Они строили в Италии и в провинциях доходные многоквартирные дома для сдачи их внаем, покупали молодых рабов, обучали их ценным профессиям и также отдавали внаем или отпускали на волю по контракту с обязательством делиться приобретенными доходами. Наконец, они составляли товарищества, выпускали и продавали особого рода акции и облигации на участие в морских перевозках, в военных поставках, в сборах соляной пошлины, в разработке серебряных и золотых рудников, залежей глины и т. п. Многие уважаемые люди из всадников служили налоговыми агентами или

крупными чиновниками у зависимых царей (самым ярким примером людей такого сорта служил Г. Рабирий Постум, друг Цицерона, получивший известность займом новому царю Египта Птолемею в 59 году, последующим отчаянным грабительством на посту его министра финансов, смещением с этого поста, тюрьмой и бегством из страны).

Значительные средства, которыми располагали римские деловые люди (так называемые всадники), давали им возможность оказывать давление на сенат по вопросам откупных платежей и провинциальной жизни, подкупать плебс зрелищами и удешевленной продажей хлеба, роскошными угощениями, во время которых выставались хорошее вино, жареные гуси, цыплята, дрозды и даже павлины.

В целом Италия быстро возрождалась. Вновь оживилась торговля. В провинции вывозили изделия итальянского ремесла, а ввозили предметы роскоши, металлы и некоторое количество хлеба. Своего хлеба Италии пока еще хватало, так как хлебопашество являлось ведущей отраслью в мелком хозяйстве. Рабовладельцы Италии с гордостью смотрят на быстрое восстановление хозяйства страны. И Варрон, обозревая дела минувших десятилетий, с чувством законного удовлетворения говорит: «Какой ячмень я сравню с кампанским? Какую пшеницу с апулийской? Какое вино с фалернским? Какое масло с венафским? Разве не засажена Италия так, что вся кажется фруктовым садом? Разве гуще покрыта виноградными лозами Фригия, которую Гомер назвал «обильной виноградниками», или Аргос «многоплодный» у того же поэта? В какой земле один югер приносит и 10 и 15 мехов вина, как в некоторых районах Италии?..»

Эти блестящие успехи в возрождении хозяйства страны достигались не только талантами и трудами господ, но и усиленной эксплуатацией рабов. Ряды их непрерывно росли и обновлялись^[6]. На итальянских полях больших, средних и маленьких имений они работали в холод и зной, по 14–15 часов, с утра до темноты, разбитые на десятки, под бдительным присмотром надсмотрщиков, без всяких выходных, без нормального обеденного перерыва, получая горячую пищу только в конце дня, при весьма скромном отдыхе.

Жили рабы в обособленных друг от друга местах по родам работы (в одном месте — пахари, в другом — виноградари и т. д.), в жалких конурках (размеры — 6—14 квадратных метров), где обитали 2–5 человек: там были плохо оштукатуренные стены, глиняный пол, топчаны с одеялами, матрасами и подушками, немного посуды (амфоры, кувшины, горшок, тарелки, сосуды для рыбного соуса), иногда — светильник и ручная мельница, чтобы молоть зерно для каш. Тут же находился эргастул для

непокорных с рядом узких окошечек. Питались рабы хлебом, полбой, солеными и свежими овощами, маслинами, инжиром, бобовыми. Доставалось на их долю также некоторое количество сыра, молочных продуктов, масла и вина. Поместная администрация, однако, часто ухудшала рацион рабов, воруя продукты. Тяжелый труд в неблагоприятных условиях приводил к тому, что рабы нередко болели. Их, правда, усиленно лечили свои же рабы-врачи по указанию владельцев имений. Но преследовала такая «заботливость» хозяев только одну цель: чтобы они своей болезнью не причинили значительного ущерба хозяевам. Рабов старых и больных нередко старались продать. Если это не удавалось, их отвозили на остров Эскулапа на Тибре и там оставляли на произвол судьбы.

Эта категория сельских рабов находилась в особо трудных условиях. Она подвергалась самой беспощадной эксплуатации. В результате сверхнапряженного труда рабы за два года, по словам Цицерона, возмещали своим хозяевам понесенные на их приобретение затраты.

Но даже и для этой категории рабов, в которой особенно кипели гнев, ненависть и жажда мести, хозяева время от времени устраивали маленькие праздники: весной, в апреле, в честь древнеиталийской богини огня Палее, покровительницы скота и пастухов (праздник назывался Палилии), после жатвы, после сбора винограда, в Сатурналии (17–19 декабря). Сатурналии устраивались в честь бога посевов Сатурна. В эти дни останавливались общественные дела, отменялись наказания провинившимся, делались подарки, устраивались выпивки, царило общее веселье. 19 декабря господа прислуживали своим рабам за столом и сидели вместе с ними. Сами рабы очень ценили дни своего недолгого отдыха, смеялись и пели на играх перекрестка, весело скакали через огонь, когда сжигали солому. В эти свободные праздничные дни сельские рабы отдыхали так буйно и весело, что «соседи едва могли вынести взрывы их веселости».

В области брачных отношений положение городских и сельских рабов являлось особенно сложным. Римский закон не признавал за ними брака (брак со всеми вытекавшими из него нормами гражданской жизни являлся привилегией свободных). За рабом признавалось лишь право на связь и сожительство. По этой причине большая часть городских рабов находила себе женщин в трактирах в виде служительниц или флейтисток легкого поведения (вместе с ними они пили дешевое вино и, разгорячившись, пускались в пляс) или в публичных домах Субуры, одного из самых скверных римских кварталов с очень плохой репутацией, где рабы пропадали по вечерам и где куртизанки за два асса «показывались без одежды при ослепительном блеске ламп» (Гораций).

Разумеется, имелось и немало исключений из правил: в конце концов любовно-брачное устройство раба зависело от расположения и гуманности господина^[7]. И было немало таких хозяев, которые позволяли рабам фактически вопреки закону иметь семью или ее подобие (руководствовались владельцы или гуманными соображениями, или хозяйственными, или известной предусмотрительностью — раб, связанный семьей, делался более покладистым и трудолюбивым!). В результате создавались прочные, длительные союзы (на 30–40 лет!) с многочисленными детьми. Благодаря этому домашние рабы нередко имели не только отца, но и деда. Семьи рабов создавались при этом вне всяких римских гражданских условностей: бывало, что два раба-приятеля имели одну общую жену и вели общее хозяйство или раб брал в жены родную сестру и пр.

Свирепое и беспощадное в целом отношение к рабам в римском обществе являлось делом далеко не случайным. Правящие верхи всех античных государств считали, что физический труд позорен и затемняет рассудок, что свободный человек не должен им заниматься, его удел — политика, война, наука, искусство, наконец, просто свободное времяпрепровождение. Трудиться на полях, ухаживать за скотом, пчелами, птицей, рыбой в прудах, готовить пищу, шить одежду, строить дороги, водопроводы, очищать городские клоаки, трудиться в сфере ремесла должны только рабы и рабыни. Последних следует презирать за неспособность подняться к высшим духовным ценностям, и ими надо уметь повелевать.

Рабский труд в эпоху Спартака почти повсюду служил основой экономической и гражданской жизни. Рынки рабов были многочисленными: на островах Делосе, Кипре, Хиосе, в городах Афинах, Эфесе, Риме, Капуе, Аквилее. При этом, побуждаемые соображениями безопасности, работорговцы старались держаться вполне определенного правила: большая часть продаваемых должны быть женщинами и детьми, меньшая — мужчинами.

Покупатели дотошно осматривали «живой товар», внимательно читали висевшие на шеях рабов таблички, заставляли их прыгать, демонстрировать силу, декламировать. Раб ценился только тогда, когда он был здоров, красив, умен, знал какое-нибудь ремесло. Принимались во внимание и «особые качества» раба. Продажа объявлялась недействительной, если купец скрывал, что раб убежал от прежнего господина, выступал гладиатором, имел мятежные наклонности (таким надевали на голову колпак, военнопленные имели на голове простой венок)

и т. п. Купленные рабы получали от господ новое имя. Вот типичные имена рабов римлян, известные по надписям: Юст — раб храма Меркурия и Цереры, Бланд и Мурран — члены коллегии Лавров-Пенатов, Венуст — агент, Децимиан, Эпафра, Ант — казначей, Мутат — секретарь, Агатон — врач, Примий — гардеробщик, Коммун — лакей, Таис, Фирм — спальник, Филокал — банщик и т. д.

Эти и другие имена (иногда, впрочем, удерживалось и старое имя) давались рабам по личным качествам, по функциональному назначению, по стране, откуда их доставили, по имени купца, у которого они были куплены, или нового господина, по требованию моды дня, по названиям различных животных (медведь, волк и пр.)^[8].

От постоянного и тесного общения с многочисленными группами рабов из разных стран у римлян постепенно выработалось вполне определенное мнение о них. Так, они считали рабов с Крита лгунами, из Сирии — понятливыми и выносливыми, из Малой Азии — угодливыми и развращенными, из Греции — красивыми, пригодными для всех видов интеллектуальных работ, из Далмации — свирепыми, из Фракии, Галлии и Германии — воинственными, неустрашимыми, хорошими пастухами, из Испании — исключительно свободолюбивыми и склонными к опасным авантюрам.

Отношение господ к провинившимся рабам в период республики, как и империи, было самым различным. Наиболее суровые придерживались пословицы: «Битый фригиец становится лучше!» — и не колеблясь пороли неугодивших плетью. Гуманные владельцы предпочитали избегать подобных методов, но их личный пример на жестоких господ не действовал.

Сами рабы хорошо сознавали несправедливость существующего положения. В конце III века до н. э. в комедии Плавта «Амфитрион» раб царя Сосия высказывается в следующем духе:

*Тяжело у знатного рабом служить,
А того тяжелей служить богачу!
Беспрерывная работа день и ночь — всё мало!
Делай то! Слушай то-то! Нет тебе покоя.
Сам же господин — богат он, а труда не знает;
Что на ум взбредет ему, всё, думает, возможно!
Так и надо! А не взвесит, сколько там работы!
Верен ли приказ, не верен — он не поразмыслит,
Неправда великая в рабстве таится,*

Ярмо это с тяжким трудом переносишь.

Рабы яростно и всеми способами сопротивлялись хозяевам-угнетателям, стараясь досадить им и причинить ущерб: отдавали на сторону волов, мучили их работой и побоями, плохо кормили скот, дурно пахали, расходовали больше семян, чем следовало, нехотя ухаживали за посевами, на току во время молотбы старались уменьшать количество зерна, часть его украсть или дать возможность похитить другим, вели неправильный счет ссыпанному и пр. Часты были убийства жестоких хозяев. Сенека говорил: «Вспомните примеры погибших в расставленных им дома сетях, благодаря открытому нападению или благодаря обману, и вы убедитесь в том, что не меньшее число их (господ) погибло от мстительности рабов, чем стало жертвами тиранов». Не менее часты были самоубийства и побеги рабов, не желавших дальше выносить жестокость хозяев. Но у беглеца имелось мало шансов на успех. Он не мог найти себе убежища в храмах, как в Греции (они такого права не давали); его энергично ловили — в Риме существовала специальная профессия фугитивариев («ловцы беглых»).

Общественные законы и обычай римлян в отношении беглых рабов были суровы: кто скрывает беглого раба — вилик, плебей или знатное лицо (такие люди, проникнутые передовыми философскими идеями, уже и тогда все-таки существовали!), — вор, он подлежит наказанию и штрафу. Подвергался штрафу и тот, кто «портит раба», то есть убеждал его совершить беззаконие (кражу, запутывание имущественных дел своего хозяина), побег, чтобы он сделался бродягой, предался чародейству, как можно больше времени тратил на зрелища или стал мятежником.

Наместники провинций, солдаты преторских когорт обязывались помогать господам искать беглых рабов, возвращать найденных, приводя их в общественное место для сдачи муниципальным магистратам, префекту стражников или обслуживающему персоналу.

За неповиновение господам, попытки к бегству и мятежу рабов пороли, заключали в эргастулы, налагали на них оковы. Особо упорных беглецов клеймили или надевали им на шею обруч с надписью: «Лови меня, я — беглый». Нередко — для вразумления! — их отправляли на работу в рудники. Таких заключенных в рудниках бывало повсюду много. Только в одной Испании на серебряных рудниках (область Нового Карфагена) трудилось 40 тысяч рабов.

Рабовладельцы очень хорошо знали о повседневном тайном

сопротивлении рабов и старались его предупредить, подкупая часть рабов различными привилегиями, обещаниями, отделяя от остальных рабов наиболее опасных (они работали чаще всего на виноградниках, закованными в кандалы, под бдительным присмотром, ночь проводили в особых тюрьмах — эргастулах; рабовладельцы заведомо рассматривали их всех как «негодяев» и «пройдох»). Этому роду рабов приходилось особенно тяжело. Тем не менее сидевшие в эргастулах не теряли бодрости духа и часто оставляли на стенах своей тюрьмы оптимистические надписи вроде: «Я дал обет, когда выйду отсюда, выпить все вино в доме». И это не было пустой похвальбой! Основная масса рабов самими условиями существования, прижимистостью и скупостью хозяев толкалась на воровство. Сенека выражал, разумеется, точку зрения господ, когда говорил (и в словах его чувствуется прямо-таки классовая неприязнь!): «Сколько голодных зверей, прожорливость которых надо удовлетворить! Сколько расходов на их одежду! Сколько хлопот, чтобы наблюдать за их вороватыми руками! Какое удовольствие в том, что нам служат люди, которые стонут и ненавидят нас?»

В силу вполне определенного тяжелого опыта среди значительной части рабов создается свой нравственный кодекс полной покорности господам. Один раб из «Привидения» Плавта рассуждает так: «Моя кожа до сих пор чиста, и ее следует и впредь охранять от ударов. Поскольку я сумею владеть собой, ей не будут грозить побои, которые сыплются на других, не задевая меня. В самом деле, ведь хозяин таков, каким его хотят видеть рабы: добрый с хорошими рабами, жестокий с дурными. Посмотрите на наших рабов. Это почти все негодные рабы, расточающие свое достояние, вечно битые. Когда их зовешь, чтобы идти к хозяину в город, они отвечают: «Не хочу, ты мне надоел; я знаю, куда ты спешишь; тебе не терпится совершить прогулку в одно место. Клянусь Геркулесом! Ты можешь идти, добрый мул, на кормежку⁴⁴. Вот что я получил за свое усердие, и с этим я ушел. И теперь я один из всей толпы рабов иду за хозяином. Завтра, когда он узнает о том, что произошло, он их с самого утра накажет ремнями. Впрочем, мне моя спина дороже, чем их. И они познакомятся раньше с ремнем, чем я с веревкою».

При таком сложном социально-бытовом положении очень странным кажется, что рабов сильно беспокоил вопрос о погребении после смерти. Обычная участь раба, не имевшего никаких сбережений, оказывалась такова: его тело ночью сбрасывали в один из погребальных колодцев на Эсквилинском холме (позже Меценат построил там превосходный дом, а император Тит — свои термы). Такое погребение даже среди рабов

считалось позорным и губительным для души. Поэтому тысячи рабов, упорно собирая деньги для своего освобождения, одновременно всю жизнь копили средства для своего погребения, для могилы и эпитафии. Если рабу или вольноотпущеннику везло и ему удавалось разбогатеть, он строил себе обширную гробницу. Принять в свою могилу другого человека было знаком наивысшего расположения! И немало аристократов и разбогатевших отпущенников оставляли место в гробнице для своих друзей, отпущенников и рабов. Еще чаще, однако, бывали случаи иного рода, когда умершего раба хоронили 2–3 его товарища в складчину, вырезав на памятнике соответствующие случаю стихи. Многие рабы заранее вступали в похоронное общество или покупали себе место в общем склепоколумбарии, где прах умершего лежал в особой глиняной урне с мраморной дощечкой и надписью на ней.

Конечно, — это необходимо еще раз повторить, — и рабовладельцы, и отпущенники, и рабы в повседневной жизни были далеко не одинаковыми. Многое определялось не только сословно-классовым положением, но и семейными традициями, воспитанием и личным характером. Многочисленные античные надписи, где бы они ни делались, очень ярко показывают это, передают определенные жизненные коллизии того времени. Люди самых различных сословий говорят о себе, своих друзьях и домочадцах так:

*Строит хоромы богач, мудрец воздвигает гробницу.
То — для тела приют временный, это — наш дом.
Там мы только гостим ненадолго, а здесь обитаем;
То — беспокойство, а здесь вековечный приют.*

«Секундиан, ветеринар, сделал себе вечное жилище».

«Квинт Граний, отпущенник Квинта, Прим, торговец сандалями, из Субурры, прожил 25 лет».

«Я хочу, чтобы после моей смерти мой раб Кронион был свободен, если он будет честно вести дела и всё передаст моему вышеназванному наследнику или распорядителю, а также я хочу ему даровать 1/20 моего имущества».

Завтрашний день, несмотря на некоторые внутренние неприятности, представлялся римским рабовладельцам достаточно прочным и счастливым. Только одно их беспокоило: затянувшееся сопротивление серторианской партии. Оглядываясь назад ко времени смерти Суллы (78

год), итальянские рабовладельцы и главы различных групп в сенате вновь и вновь припоминали развитие политических событий за истекшее четырехлетие... В самом деле, не следует ли пойти на соглашение с серторианцами и прекратить гибельную войну с согражданами? Но возможно ли переступить через принцип единовластия сената?.. Как амнистировать тех, с кем неустанная борьба идет в течение шести лет?.. Как добиться приемлемого компромисса?^[9]

III

Смерть грозного Суллы (78 год) воодушевила остатки марианской партии и привела их в движение. Все полны надежд, недовольных подогревают известия о блестящих победах Сертория в Испании.

Между Испанией и Италией засновали секретные курьеры. Покрытые пылью дальних дорог, в столицу начали прибывать первые изгнанники.

В местах наибольшего скопления народов, в публичных домах и тавернах, начинаются разговоры о необходимости отмены сулланского режима, амнистии ссыльных, восстановления бесплатных раздач хлеба. Агитация ведется осторожно. Многое недосказывается: еще не наступил решительный час...

А в сенате усиливаются споры между различными группами консервативной партии. Их было пять. На крайнем правом фланге находились твердые сулланцы во главе с Кв. Катуллом Капитолийским (120—60 до н. э.), человеком, «чей авторитет всегда будет жить в нашем государстве», как говорил о нем Цицерон. Он являлся виднейшим оптиматом, сыном Кв. Катулла, консула 102 года, участника победы над кимврами (кончил самоубийством в 87 году после марианского переворота). Кв. Катулла-сына, по словам Цицерона, «ни опасные бури, ни легкий ветерок почета никогда не могли сбить с пути, ни подавая надежду, ни устрашая». Более левые позиции занимали консервативные реформаторы. Их главами были поочередно три брата: Гай Аврелий Котта (124—73 до н. э.), дядя Цезаря и друг Ливия Друза, поплатившийся за это ссылкой и вернувшийся в Рим после победы Суллы, консул 75 года, выдающийся оратор; Марк Аврелий Котта, консул 74 года, разбитый Митридатом при Калхедоне и потерявший все свои 70 военных судов; позже он был осужден за вымогательства в Вифинии; Луций Аврелий Котта, претор 70 года. Имя Котты получит закон о реформе суда, отменяющий его подчинение сенату. Позже он являлся консулом (65 год) и

цензором (64 год). Цицерон говорил о нем с величайшей похвалой: «муж выдающихся дарований и величайшего ума». За консервативными реформаторами шла группа Помпея. Еще левее располагалась группа Марка Красса. Крайний левый фланг занимали бывшие марианцы, прощенные Суллой, во главе с Марком Лепидом и Публием Цетегом, ставшим в 74 году претором. О последнем, видном аристократе (он был потомком консула М. Корнелия Цетега, жившего в Первую Пуническую войну, первого красноречивейшего римского оратора, и родственник Суллы), Цицерон отзывался так: «Красноречия его как раз хватало для выступлений по государственным делам, которые он полностью постиг и понимал до тонкостей, так что в сенате его уважали не меньше, чем мужей консульского звания; но в уголовных делах он был ничто, а в частных не более как ловкий стряпчий».

Преследуя свои цели, Помпей начинает выдвигать и рекламировать Марка Эмилия Лепида (120—77 до н. э.). Сам Помпей играет в политической жизни уже значительную роль. Он молод (ему всего 28 лет), не занимает еще ни одной государственной должности, но уже отмечен за исключительные заслуги в войне с марианцами вниманием Суллы и триумфом. К нему с восторженным удивлением относятся простые граждане и солдаты: у него прекрасный характер, большой ум и такт, он блестяще знает военное дело, на войне предусмотрителен, в бою храбр, Помпею нравится любовь солдат и сограждан. Пылкие честолюбивые надежды подстрекают его к новым деяниям. Он хочет сравняться славой со своим отцом и даже с самим Суллой. Помпей гордится тем, что он сын знаменитого полководца Помпея Страбона, кровным родством связанный с выдающимся поэтом, создателем римской сатиры, другом великого полководца Сципиона Эмилиана — Луцилием (его брат, сенатор, — дед Гнея Помпея Великого)^[10].

Помпей знает заветное желание рядовых граждан: добиться хотя бы смягчения тиранического режима, установленного Суллой. С этой целью Помпей и хочет сделать консулом Лепида и через него провести необходимые мероприятия. Ему удастся склонить на свою сторону Красса, оскорбленного Суллой во время проскрипций. В 82 году по злобе и алчности Красс внес в списки смертников некоторых сторонников диктатора, своих личных врагов. За это Сулла отстранил его от ведения общественных дел. Затаив обиду, Красс теперь не показывал склонности поддерживать твердых сулланцев во главе с Катуллом.

Сам Лепид очень знатен и богат, каких мало: он имеет роскошный дворец в Риме, обширные имения и много дорогого имущества,

приобретенного по приказу Суллы на торгах из достояния казненных марианцев. Сулла таким путем надеялся привязать Лепида к себе и сделать его ненавистным для бывших товарищей по партии. Но расчет не оправдался. Приобретая имущество проскрибированных, Лепид все-таки склонялся к оппозиции во главе с Помпеем.

План, составленный Лепидом (а сводился его замысел к одному: как бы провести своего «благодетеля» Помпея), удался блестяще. При дружной поддержке сторонников Помпея, Красса и Котты Лепид легко прошел в консулы. Тотчас перейдя на сторону крайних элементов своей группировки из бывших марианцев, вновь избранный консул начал совершенно открытую и резкую агитацию против сулланских порядков.

Агитация Лепида нашла немедленный отклик во всех частях Италии, где осели сулланские ветераны. В Этрурии дело дошло до вооруженного мятежа. Жители взялись за оружие и стали силой изгонять сулланских поселенцев.

Когда пришли известия об этом, вся сенатская группа Катулла пришла в ужас и начала обвинять Лепида в подстрекательстве к мятежу. Но сторонники Помпея, Красса и Котты по тем или другим причинам все еще стояли на стороне Лепида. Поэтому никаких мер против него принято не было. После долгих пререканий сенатское большинство решило отправить обоих консулов в Этрурию на усмирение восставших жителей Фезул. Крайне враждебно настроенных друг к другу консулов сенат обязал под клятвой не поднимать друг на друга оружие.

Прибыв в Этрурию, Лепид убедился, что решать спорные вопросы оружием преждевременно: сил у оппозиции недостаточно. На совещании с вождями недовольных из Фезул он уговорил прекратить волнения путем разумного примирения сторон.

Сулланские ветераны вернулись в свои владения или получили новые. Кв. Катулл возвратился в Рим, Лепид остался в Этрурии «наблюдать за порядком».

Скоро, однако, на него стали приходить жалобы в сенат. Сторонники Кв. Катулла доносили: Лепид собирает отовсюду приспешников, людей, изгнанных из своих наделов и лишенных прав гражданства, он произносит возмутительные речи.

Действительно, Лепид говорил очень смело, варьируя мысли, высказывавшиеся на народных сходках в Риме:

— Римский народ, недавний повелитель других народов, теперь лишен власти, славы, защиты законов, лишен возможности вести общественную жизнь. Униженный, он не имеет в достатке даже той пищи, которая дается

рабам. У большинства союзников Сулла отнял права гражданства, которые вы даровали им за многие и славные деяния, а его немногочисленные сторонники как бы в награду за свои преступления захватили родовые поместья римского народа.

Законодательство, судебные решения, государственная казна, власть над провинциями и царствами и, наконец, право над жизнью и смертью граждан — все это было в руках одного человека, а теперь немногих.

Разве есть какие-либо человеческие или божеские законы, которые не были бы попорчены и осквернены? Нужно действовать, стараться вырвать у них наши доспехи. Откладывать нельзя, и одними обещаниями ничему не поможешь. Силы их шатки и ничтожны.

У меня нет охоты заниматься только своими частными делами. Спокойному рабству я предпочитаю опасную свободу! Если вы согласны со всем этим, то будьте готовы и при помощи богов следуйте за своим консулом Марком Эмилием, который будет вождем в начинающейся борьбе за восстановление свободы!..

Так говорил в Этрурии Лепид, и торговцы хлебом, мясом и вином (с ними народ по необходимости часто вступал в сношения) разносили повсюду содержание его речей.

В Риме Л. Марций Филипп, один из старейших сенаторов, первый оратор своего времени, обладавший речью непринужденной, вольной и остроумной, очень находчивый при перебранке с противником, бывший прежде консулом (91 год) и цензором (86 год), сторонник Кв. Катулла, предлагал немедленно принять крутые меры: объявить консула врагом отечества. Но оппозиционные группы сената провалили его предложение. Сторонники Лепида говорили:

— Ничего опасного консул Лепид не совершил, нет у него для этого и сил! А неосторожные слова, отцы, надо уметь прощать, ибо прощать — значит поднимать величие римского народа! Впрочем, если он внушает некоторым такой страх, следует поскорее отправить его наместником в провинцию.

На этом предложении все сенатские группы сошлись, и Лепид, наделенный деньгами и легатами, был отправлен наместником в соседнюю Трансальпийскую Галлию.

Но мира не получилось. Лепид использовал пребывание в провинции не для обогащения, столь обычного для наместников. С еще большей энергией он стал тратить отпущенные ему средства для подкупа римских граждан, для привлечения на свою сторону всех недовольных, на создание большого и хорошо вооруженного войска.

Катулл и его сторонники неистовствовали. Луций Филипп, выступая в сенате с рассказом о действиях Лепида, вновь и вновь пытался склонить отцов к решительным действиям.

Но предложения ораторов-сулланцев отвергались. Сенатское большинство предпочитало выяснять «намерения» Лепида с помощью оракулов и предсказаний. Последние с серьезным видом обсуждали на заседаниях, потом посылали к наместнику Трансальпийской Галлии послов хлопотать о мире и соглашении.

Благодаря этим оттяжкам Лепид собрал в провинции сильную армию. Дело приближалось к развязке. Казна консула была полна денег (из сумм, отпущенных ему частными лицами и государственным казначейством). Он выводил гарнизоны из одних городов провинции и ставил их в других, поближе к границе; начал издавать законы, не понравившиеся в Риме многим влиятельным людям.

На новом заседании сената Луций Филипп с яростью обрушился на противников, указывая отцам, насколько изменилось общее положение к худшему.

— Но тогда Лепид был не более как разбойник с шайкой головорезов и прислужников! Для них ничего не стоило потерять жизнь за дневную плату! Теперь он проконсул с военной властью, не купленной, но добровольно вами данной, с легатами, которые до сих пор еще должны ему подчиняться. Мало того, к нему теперь сбежались из всех сословий негодяи, которых гонит нужда, волнуют преступные страсти и мучит сознание собственных преступлений. Для них смуты доставляют спокойствие, а мир — тревогу! Их дело поднимать возмущение за возмущением, войну за войной! Некогда шли они за Сатурнином, позже за Сульпицием, потом за Марием и Дамазиппом, и теперь они — помощники Лепида. На это убедительно прошу обратить внимание, отцы! Не допустите, чтобы преступная дерзость распространилась подобно язве через одно прикосновение на невинных. Раз дадут награду дурным людям, то трудно будет остаться всякому честным, не получая награды. Или вы ждете, чтобы Лепид с войском вторгся в город, оставил в нем следы побоища и пожарищ?!

На этот раз сенаторы-сулланцы получили некоторое удовлетворение: сенат предписал Лепиду для сохранения спокойствия в государстве оставить провинцию и прибыть в Рим для объяснений.

Лепид, проконсульский год которого только начинался (77 год), отказался выполнить постановление сената. В ответном письме он потребовал вторичного консульства на следующий год (76 год),

восстановления власти трибунов в полном объеме, возвращения проскрибированным и их наследникам всех гражданских и имущественных прав.

Требования Лепида вызвали в сенате среди сулланцев бурю. Они заявляли:

— Надо немедленно объявить Лепида врагом отечества, принять против него все необходимые меры!

Но сторонники Помпея, Красса и Котты утверждали обратное:

— Отцы! В подобных крутых мерах нет никакой необходимости! Лепид ненавидит волнения и резню граждан. Вооружаться нет никакой необходимости!

Убедившись, что в сенате они не получают необходимых полномочий, сулланцы после отдельного совещания своих руководителей решили начать вооружаться тайно. Тотчас в колонии ветеранов отправились гонцы с распоряжением собираться в лагерь под стенами Рима. Чтобы добиться расположения народа, через сенат спешно было проведено постановление о восстановлении раздач хлеба для 40 тысяч граждан по 5 модиев в месяц за 6,3 асса, то есть по очень низкой цене.

Узнав о военных приготовлениях врагов, Лепид решил нанести удар первым и отдал приказ о выступлении. В Цизальпийской Галлии, наместником которой был его единомышленник претор М. Брут, бывший сторонник М. Мария-младшего, инициатор плана выведения колонии в Капую, осталась под его начальством часть сил. С остальным войском Лепид поспешил к Риму.

Известие о восстании проконсула Трансальпийской Галлии вызвало в сенате острейшие прения. Центральным явилось очередное выступление Л. Филиппа. По своему обыкновению, он забросал Лепида обвинениями, потом обрушился на «миротворцев» и закончил очень энергичным предложением:

— Я советую вам, отцы, следующее: так как Лепид по своей воле собрал войско из самых дурных и враждебных государству людей и с ними идет к городу вопреки воле нашего сословия, то пусть интеррекс Аппий Клавдий с проконсулом Квинтом и другими имеющими военную власть защищает город и заботится, чтобы государство не потерпело какого-нибудь ущерба.

Это заседание решило исход спора. Сенат, подвергаясь угрозам со стороны воинов, собравшихся у городских ворот, принял постановление о введении чрезвычайного положения. По всему городу, точно разносимое ветром, гуляло колючее словцо Луция Филиппа против Лепида:

— Бесчестнейший и бесстыднейший человек! Тебе ли заботиться о нужде и горе граждан, когда в твоём доме всё приобретено или оружием, или преступлениями?! Ты наш изменник, вероломный вождь своих и враг всех честных людей, просишь вторичного консульства, как будто уже сдал первое! К установлению согласия ищешь средств в войне, из-за которой растеряно все благоприобретенное. Как тебе не стыдно людей и богов, которых ты под видом доверия или скорее при помощи клятв столько раз оскорблял?!

Многих эта речь великого оратора заставила отшатнуться от Лепида, многих — поколебаться. Оппозиция прикусила язык. Помпей и Красс чувствовали себя обманутыми в ожиданиях: принудить сенат к отмене сулланских порядков с помощью страха не удалось. Кроме того, последние пункты программы Лепида им вовсе не понравились. Особенно недоволен был Красс, сильно нажившийся на скупке имений и имущества проскрибированных.

Теперь все вожди консервативной партии быстро сговорились о дальнейших действиях. Оборону города брали на себя Кв. Катулл и Л. Лукулл. Помпей с частью войск обязался двинуться в Цизальпийскую Галлию и очистить ее от войск Брута.

Развязка великой драмы не замедлила. Лепид появился под городом, захватил с боем правый берег Тибра, но войска сената под начальством Л. Лукулла сумели разбить его на Марсовом поле (Кв. Катулла, отнюдь не военному, принадлежало чисто формальное руководство).

Отступая, Лепид оставил часть войск в соседнем городе Альбе. Он надеялся сковать войска сената осадой, чтобы самому оправиться от поражения в Этрурии с помощью войск Брута.

Надежда не оправдалась. Помпей, осадивший Брута в Мутине (сам он ожидал, чем окончится битва под Римом), узнав о поражении Лепида, склонил противника к капитуляции. Он клятвенно обещал мятежному претору жизнь и свободу. Брут, поколебавшись, сдался. На глазах у всех Помпей отпустил его. Однако в дороге Брут был вскоре перехвачен другом Помпея Геминием, исполнителем тайных поручений, и убит. Таким образом, победоносный полководец и «честное слово» сдержал, и избавился от человека, слишком много знавшего о его тайных интригах.

Гарнизон Альбы капитулировал. Сам Лепид, теснимый войсками Лукулла и Помпея, ушел на побережье. Дав еще один бой в тщетной попытке повернуть колесо неблагоприятной судьбы, он оказался вынужден оставить Италию и отплыть на остров Сардинию.

Здесь Лепид начал энергичную борьбу с ее наместником — сулланцем,

но не выдержал резкой перемены в климате и вскоре умер от лихорадки. Язвительные противники, смеясь, утверждали:

— Наш Лепид погиб от огорчения — ведь жена ему на другой день после отплытия изменила!

Остатки войск Лепида претор М. Перперна, ставший его главным помощником, увел в Испанию на соединение с Серторием.

В самом Риме наступило временное затишье. Снова его граждане вернулись к повседневной мелкой борьбе всех против всех. Такая борьба являлась самой типичной чертой римской жизни. Об этом писал еще поэт Луцилий, живший незадолго до времени Спартака (180–102 до н. э.), человек, близкий к кружку знаменитого полководца Сципиона Эмилиана:

*Ну а теперь от зари и до ночи, и в праздник и в будни,
Целые дни и народ, и сенаторы — все без различья —
Топчутся вместе толпой на форуме и не уходят.
Все ремеслу одному и заботе одной отдаются:
Как бы друг друга надуть, в борьбе коварно сразиться,
Ловко польстить, представить себя человеком достойным,
В сети завлечь, — словно все и каждый стали врагами.*

Поражение Лепида разбило надежду демократических кругов быстрым и решительным ударом опрокинуть сулланский режим. Единственная надежда заключалась теперь в Сертории. П. Цетегу и его друзьям казалось вполне возможным, что в один прекрасный день он, как Ганнибал, перевалит с войском Альпы, сокрушит войска сената и вторгнется в Италию. Но пока желанный час был еще далеко. Поневоле пришлось вернуться на путь малообещающий и неблагодарный — путь конституционных реформ. Средством к их осуществлению являлись непрерывные апелляции к общественному мнению, на форуме — через народных трибунов, в суде — через возбуждение обвинений на политической почве.

Одним из таких обвинителей выступил молодой аристократ Юлий Цезарь. Испытав себя в роли уличного агитатора, пережив со всеми разочарование в вожде, не сумевшем привести к победе, и в самом деле, которое кончилось хуже, чем он ожидал, Цезарь решил испытать силы на другом поприще. Вскоре после поражения Лепида (77 год) он затеял процесс против Г. Долабеллы, консуляра и богача, видного деятеля сулланской партии, бывшего наместника Киликии. Долабелла в

консульство Лепида (78 год) уже привлекался к суду молодым М. Аврелием Скавром по обвинению в вымогательствах и был осужден. Цезарь решил возобновить обвинение. Но из-за резкой перемены в обстановке он не имел успеха. Цезарь, однако, не сдавался. В следующем году (76 год) он выступил обвинителем знаменитого начальника конницы Суллы Гая Антония Гибриды, бывшего наместника Греции, прославленного лихоимством, — и снова потерпел неудачу. Сулланцы рассыпались по его адресу в угрозах, и Цезарь счел за лучшее на время уехать из Рима. Он отправился на остров Родос для пополнения своего образования и совершенствования в ораторском искусстве, которое так мало ему в обоих случаях послужило.

Но неудачи Цезаря были закономерны. Добиться осуждения сенатора в сенатском суде являлось вещью очень трудной, в тех условиях — совершенно невозможной. «Кражи и грабежи, — как писал знаменитый немецкий историк Т. Моммзен, — были, так сказать, узаконенным обычаем; комиссия по делам о вымогательствах стала чем-то вроде учреждения, где возвращавшиеся с наместничества сенаторы облагались налогом в пользу их оставшихся дома коллег».

Разумеется, Цетег и его товарищи отлично понимали тщетность легальных выступлений. Но в тот момент не представлялось ничего лучшего.

На форуме борьба принимала обычно более острые формы. Здесь властвовали смелые вожаки низших слоев римского гражданства: таковыми были в 76 году народный трибун Г. Сициний, в 75 году — Квинт Опимий, потомок консула Луция Опимия, главного зачинщика расправы с Г. Гракхом, в 74 году — Л. Квинкций, потомок Д. Квинкция, человека незнатного происхождения, совершившего много воинских подвигов и имевшего громкую славу в войну с Ганнибалом (Ливий)^[11]. С ними приходилось серьезно бороться консулам-сулланцам: в 76 году — Г. Куриону, в 75 году — Л. Октавию, в 74 году — Л. Лукуллу.

Острота столкновений зависела от внешнеполитической обстановки. Трибуны вели себя крайне дерзко. Они устраивали на форуме свалки, требовали восстановления своей власти в полном объеме, строгих всаднических судов и уничтоженной Суллой цензуры. Их поведение приводило в негодование умеренные элементы из самой оппозиции.

Сулланцы испытывали к трибунам сильнейшую ненависть. Но разделаться с ними не могли. За последним стояли главы могущественных групп в сенате: Помпей, Красс, Г. Котта, Цетег.

В конечном счете исход происходившего спора — это понимали все —

должна была решить война с Серторием. Именно удачи и неудачи ее давали каждой из боровшихся в сенате сторон главный материал для нападения и защиты.

А дела в Испании складывались следующим образом. После изгнания из Италии Лепида войска сената расположились у стен Рима. Помпей, увенчанный новой славой, потребовал предоставить ему командование легионами, намеченными к отправке в Испанию на помощь стороннику Суллы, его родичу по жене — Метеллу Пию.

Требование молодого полководца не понравилось в сенате многим. Помпей не занимал еще ни одной государственной должности, был, следовательно, частным лицом; между тем он требовал поручения, связанного с властью и высокими полномочиями проконсула.

Но спорить с Помпеем, располагавшим преданной армией, не приходилось. Сенат уступил и по предложению Л. Филиппа вручил опасному молодому человеку, бесцеремонно нарушавшему установленные правила в получении магистратур, власть проконсула и главное командование в Дальней Испании.

Летом 77 года вместо консулов того года Помпей с войском перевалил через Альпы. Он усмирил восставших в поддержку Лепида галлов и осенью перешел через Пиренеи.

Первые два года (76–75) Помпей в военных операциях терпел неудачи. Сенатское большинство как огня боялось его успехов, не давало ему ни денег, ни подкреплений. Помпей отвечал на это интригами в Риме, поддерживая агитацию народных трибунов за отмену сулланских порядков. Чтобы содержать армию, ему приходилось производить изъятие денег и хлеба у галлов. Зимние постой легионов Помпея, регулярные наборы вспомогательной галльской пехоты и конницы делали положение галльской общины еще более трудным, чем обычно. По необходимости галлы прибегали к займам у римских откупщиков и влезали в неоплатные долги. Несостоятельных должников массами обращали в рабов и отправляли на работы в Италию. Все это давало пищу антиримской агитации и делало тыл Помпея очень непрочным.

Враждебно настроенными по отношению к сенату показали себя и жители Испании. Страна была культурной (здесь многократно основывали колонии финикийцы, карфагеняне, греки), жители отличались свободолюбием и воинственностью. Один древний автор писал о них: «Тело жителей (Испании. — *В. Л.*) всегда готово к перенесению голода и лишений, дух — к смерти. Все они ведут образ жизни суровый и экономный. Войну они предпочитают миру; если нет врага иноземного, они

ищут врага в своей стране... Это племя в движениях стремительно, дух его беспокоен; для большинства боевые кони и оружие дороже собственной жизни» (Юстин).

Помпей понимал, что война будет трудной. Так и оказалось в действительности. В конце 75 года молодой полководец прислал в сенат письмо. В нем он очень прозрачно угрожал вернуться с войском в Италию, если не получит необходимых подкреплений и денежных субсидий. В начале 74 года, в консульство Лукулла, сенат заслушал письмо Помпея на официальном заседании. К тому времени назрела новая война с Митридатом, возвращение Помпея было бы очень некстати. В кулуарах сената говорили, что разочарованный ходом военных действий в Испании полководец мечтает о назначении на более легкую и выгодную войну. Под последней имелась в виду война с царем Понта. Однако ни одна из сенатских групп, за исключением сторонников Помпея, не хотела на это согласиться. Поэтому по предложению консула Л. Лукулла (а он и сам имел в виду командование в данной войне) были приняты меры, удовлетворявшие насущные потребности находившихся в Испании полководцев.

Неспокойно было и в Иллирии. Посланный туда наместником пропретор Г. Косконий в течение трех лет (76–74 до н. э.) воевал с местными племенами. После двух лет осады с большим трудом он взял их главную крепость — город Салону. И все это время 50-тысячное римское войско раздиралось партийными интригами (направлялись они из Рима). В 74 году легат пропретора М. Атилий Бульб (Цицерон об этом стороннике Цетега говорит так: «Он вообще негодяй, подлец, мошенник, запятнавший себя многочисленными гнусностями») пытался взбунтовать самый влиятельный легион, чтобы подчинить затем всю армию. Он потерпел неудачу и в 73 году оказался привлечен к суду по обвинению в государственной измене. П. Цетег благодаря своему влиянию все-таки сумел его оправдать. Во времена спартаковской войны Бульб неоднократно выступал в качестве судьи и, по утверждению Цицерона, прославился продажностью.

Еще хуже, чем в Иллирии, обстояли дела в Македонии и Фракии. В течение 78–76 годов проконсул Македонии Аппий Клавдий тщетно пытался овладеть стратегически важной областью на македоно-фракийской границе. Он умер в ходе боевых действий, а его преемнику Г. Скрибонию Куриону, видному полководцу Суллы, после ряда сражений с фракийцами пришлось переключиться на дарданов, тревоживших его провинцию набегами с севера (74 год).

Накаленной выглядела обстановка и на дальних восточных рубежах республики. С подозрением наблюдал сенат за действиями армянского царя. Тигран явно показывал намерение стать наследником распадавшегося царства Селевкидов. Он распространил власть по восточному берегу Евфрата и пытался присоединить Каппадокию. В 78 году оттуда было переселено в Армению население 12 городов (это переселение рассматривалось римлянами как первый шаг к реализации его опасных планов). Тигран покорил часть Киликии, Сирии и Финикии. Антиохия, столица Селевкидов, стала одной из его столиц. Главную столицу он построил на границе Армении и Месопотамии, назвав ее Тигранокертой (город Тиграна).

Считая себя наследником великих царей — Дария и Ксеркса, Тигран появлялся не иначе как в пурпуровом кафтане, длинных широких шароварах, высоком тюрбане и с царской повязкой на голове. По словам Цицерона, всюду ему раболепно прислуживали и сопровождали его четыре «царя».

Большую озабоченность сената вызывала и позиция Митридата. Последний набрал значительное войско, хорошо вооружил и снабдил его. Отдельные части с помощью италийских эмигрантов, находившихся при понтийском дворе, были организованы по римскому образцу. Митридат снова подчинил себе земли, отпавшие от него. Он занимался поиском новых союзников. С деньгами и подарками послы отправлялись к владетелям Иллирии, Фракии, Скифии, Галатии. Митридат обручил дочерей с новыми царями Египта и Кипра — Птолемеем Авлетом (Флейтистом) и Птолемеем Кипрским. Сенат ответил на царственное обручение объявлением обоих царей «незаконнорожденными» детьми посаженного Суллой на египетский трон и бесславно убитого царя Александра II (он погиб во время восстания в Александрии, едва вступив на престол). Весьма сомнительное завещание царя, объявлявшего наследником римский народ, вновь стало предметом политических дебатов.

В конце 75 года сенат объявил о превращении в провинцию африканского царства Кирены и понтийского соседа — Вифинии. Последнее присоединение произвели на основе завещания умершего царя Никомеда III. Его наследник также был объявлен «незаконнорожденным».

Митридат счел это за оскорбление и вызов и решил, что война теперь неизбежна (он знал также, что римляне уже в 77 году усилили киликийскую армию; по официальному заверению, сенат ожидал тогда неприятельского нападения в связи с восстанием Лепида). Римский сенат еще больше укрепил царя в его подозрении, отказавшись дать письменное

подтверждение пунктам Дарданского мирного договора, заключенного Суллой с Митридатом устно.

В конце 75 года через Л. Фания и Л. Магия, двух бывших офицеров мятежного Фимбрии^[12], Митридат заключил военно-политический союз с открытым врагом римского сената — сторонником Мария Серторием. Плутарх писал о нем: «Громкая слава Сертория разнеслась повсюду, приплывшие с Запада наводнили молвой о нем, словно иноземными товарами, весь Понт». Серторий признал за царем право на Пафлагонию, Вифинию и Каппадокию (владения, которых Митридат по Дарданскому миру лишился). Он также прислал на помощь отряд во главе с пропретором Марком Марием, сенатором, родственником умершего главы марианской партии. Со своей стороны, царь отправил в Испанию 40 кораблей и 3 тысячи талантов на военные расходы.

Приготовления Митридата к войне, как и сама война, произвели на римлян сильнейшее впечатление. Цицерон говорил об этом так: «Между тем Митридат воспользовался данным ему временем не для того, чтобы заставить вас позабыть о прежней войне с ним, а для того, чтобы доставить себе средства к ведению новой. Под предлогом похода против соседей-боспорцев он выстроил и оснастил сильный флот, набрал громадные полчища из каких только можно было племен и отправил послов с письмами даже в Испанию к тем вождям, с которыми мы воевали тогда; его цель состояла в том, чтобы война с нами велась на двух театрах, очень отдаленных друг от друга и лежащих на противоположных концах вселенной, на суше и на море, двумя неприятельскими войсками, но по одному плану, и чтобы мы должны были, сражаясь за свою державу, разъединить свои силы».

Наконец, еще одной тягостной заботой сената служили пираты. Плавая на небольших барках, они с течением времени стали объединяться в самые настоящие эскадры. Их предводителями выступали опытные моряки. Самыми знаменитыми были киликиец Афинодор, вифинец Гераклеон, критяне Ласфен и Панар, грек Пирганион и сириец Селевк.

Пираты установили прочные связи с греческими приморскими городами. У них они строили новые большие суда, продавали добычу. Пираты сделали почти непроходимым Средиземное море. Они грабили богатые храмы, облагали контрибуциями города и многочисленные местности, похищали знатных с италийских курортов и под угрозой смерти требовали выкуп. Сицилия, как и другие провинции, жестоко страдала от их набегов. Наместники, обязанные бороться с пиратами, плохо справлялись с этой задачей. О причине такой удивительной немощи

Цицерон сказал совершенно откровенно: «Наши полководцы, за редкими исключениями, обогащались ежегодно за счет нашей казны, между тем как их флоты, служившие предлогом для их назначения, ничего другого не делали, как только увеличивали летопись нашего бесславия новыми поражениями».

Из всех экспедиций, которые специально направлялись против пиратов, имела успех лишь одна — под начальством проконсула Публия Сервилия. Она длилась почти пять лет (79–75 до н. э.) и закончилась разрушением главных пиратских гнезд. Победитель снискал почетное прозвище Исаврийского. Цицерон был о Сервилии самого высокого мнения и называл его «светилом и украшением государства»; «...своими подвигами на суше и на море, — восклицал оратор, — он заслужил того, чтобы вы (то есть римляне) в вопросах о войне считали его мнение самым веским из всех».

И все-таки пиратство не смог в корне уничтожить и П. Сервилий. В ряды отчаянных искателей приключений тысячи людей загонялись силой крайних обстоятельств. По словам знаменитого историка Т. Моммзена, это были «отпущенные наемные солдаты, вербовавшиеся на Крите, граждане разрушенных в Италии, Испании и Азии городов, солдаты и офицеры войск Фимбрии и Сертория, вообще опустившиеся люди всех наций, преследуемые беглецы всех потерпевших поражение партий, всё, что было несчастно и смело, — а где не было горя и преступления в это страшное время».

В 74 году благодаря поддержке Митридата, царя Армении Тиграна и марианского правителя Испании Сертория пираты вновь воспрянули. Они построили новые суда, вооружились и вновь вышли в море с заданием дезорганизовать снабжение Италии, сорвав поставки хлеба из провинций.

Италия в обычное время имела достаточно собственного хлеба. Но трехлетняя засуха поставила ее в чрезвычайно затруднительное положение. Новые всадники из сулланцев не замедлили этим воспользоваться, еще больше взвинтили цены. Плебс в Риме и других итальянских городах взволновался. Массы людей, ища спасения от голода, кинулись в столицу. Повсюду стали раздаваться призывы принять меры против опасного положения. Но сенат, причастный к хлебным аферам, не торопился...

В таком положении подавленная оппозиция подняла голову. Те, кто укрывался в горах, занимаясь разбоем, смело стали появляться в городах. Форум и Марсово поле в Риме закипели страстями. Народный трибун Л. Квинкций, окруженный большим числом единомышленников, стал завсегдатаем суда. Там он устраивал своим противникам неистовые сцены.

Потом трибун собирал народные сходки, и ораторы демократии разражались дикой бурей мятежных речей. Народная толпа, по признанию Цицерона, «приходила в ярость» и отправлялась крушить дома своих врагов. Консулу Л. Лукуллу приходилось разгонять толпу с помощью воинов.

Позже Цицерон с ужасом вспоминал 74 год как «эпоху полного разгона народных страстей». По его мнению и мнению всех сулланцев, Л. Квинкций явно подкапывался под устои государства с помощью бурных сходов. Действительно, речи Л. Квинкция, как и П. Цетег, пользовались огромной популярностью. П. Цетег в качестве претора «словом и делом угождал толпе» (Плутарх). Благодаря этому он заслужил тогда в государстве наибольшее влияние.

Мятежные речи на Марсовом поле и форуме не прошли даром. Все больше людей бежали в леса и брались за оружие, начинались частые грабежи на дорогах и в сельской местности. То же делали рабы, которых их хозяева не могли или не хотели кормить.

В такой обстановке из школы Лентула Батиата в Капуе бежали 78 гладиаторов. Они-то и положили начало грандиозному восстанию рабов, известному в истории под именем восстания Спартака.

Глава третья

ЗАГОВОР

I

Спартак пробыл в школе гладиаторов шесть лет. За это время он многократно выступал на арене в качестве мурмилона, стяжав себе громкую славу силой, мужеством, умением красиво биться, что ценилось римлянами. В 76 году Спартак получил свободу и отставку. Как гладиатор высшего класса он пере водится в число преподавателей школы. Лентул Батиат, ланиста этой школы, гордился своим выдающимся учеником, доставившим ему и школе громкую славу. Он считался с его мнением и во всем доверял. Этим Спартак отлично воспользовался для собственных целей. В школе Батиата он нашел тот слой людей, с помощью которых можно было, по его мнению, попытаться с надеждой на успех опрокинуть Рим.

Спартак стал подбирать соратников среди товарищей по корпорации мурмилонов, среди собственных учеников — людей неустрашимых, волевых, организаторов, имевших познания в философии и литературе, обладавших значительным военным опытом. Особенно он старался привлекать к своему делу участников Первой Митридатовой войны, чья непримиримая враждебность Риму была ему хорошо известна. Многие среди них Спартак отобрал для гладиаторской школы лично, посещая с ланистой невольничьи рынки и рабские эргастулы. С готовностью Спартак брал в школу Батиата и подходящих ему беглецов — людей, имевших у хозяев дурную репутацию. Ближайшими помощниками Спартака в задуманном опасном деле становятся трое: Крикс (ок. 110—72 до н. э.), Эномай (ок. 109—73 до н. э.) и Ганник (ок. 110—72 до н. э.). Ближайшим соратником Спартака при организации первой группы заговорщиков являлся Эномай. Имя это было распространено в древности в кругах знати. Известен герой Эномай-троянец, соратник Энея. Еще более известен царь города Писы в Элиде, называвший себя сыном Ареса. Пелопе, сын царя Тантала, коварно погубил его во время состязания на колесницах, подкупив возницу царя Миртила (тот вынул из оси чеку, колесо на полном ходу соскочило, и царь разбился насмерть). Спор же у царя и Пелопса шел за

руку дочери царя Гипподамии. Царю было предсказано, что он погибнет в результате брака дочери, и царь стал отделяться от нежеланных ему женихов состязанием на колесницах, во время которых убивал проигравших ударом копья. На эту тему в древности была широко известна трагедия Еврипида «Эномай».

Ганник скорее всего родом инсубр. Инсубры — самое многочисленное сильное племя Транспаданской Галлии, яростные враги римлян, много раз воевавшие с ними, союзники Ганнибала. Столицей инсубров был город Медиолан («Земля медов»!), древний могущественный город, важный стратегический центр. В III веке до н. э. римляне покорили его.

О Криксе речь будет вестись дальше особо.

Все эти помощники Спартака свободно говорили по-кельтски и по-германски. По указанной причине, а также имея в виду, что они во время войны командовали галлами и германцами, древние авторы без всякого колебания объявляют их галлами или германцами по племенной принадлежности.

Благодаря образованности, уму, замечательному мужеству, презрению к смерти, умению увлекать за собой товарищей с помощью личного примера и пылкого красноречия Эномай, Крикс и Ганник пользовались в гладиаторской среде и вне ее огромным авторитетом. Благодаря прежним побегам, скитаниям по Италии и провинциям они имели запас ценнейших сведений, которые теперь оченьгодились их верховному вождю. Историк Саллюстий, современник восстания, оценивал ближайших помощников Спартака очень высоко: «Это были, — пишет он, — люди свободного духа и прославленные».

II

С такими единомышленниками и товарищами Спартак вступил в заговор, намереваясь, по словам древнего историка Синезия, «ниспровергнуть существующие порядки». Выступая главным агитатором, он своей волей и авторитетом, своим неоспоримым доводом, что «лучше пойти на крайний риск ради свободы, чем рисковать своею жизнью на арене для потехи зрителей» (Аппиан), убеждает присоединиться к заговору немалое количество людей.

Как прославленный гладиатор, Спартак имел доступ во многие знатные дома, где имелось множество рабов, часть которых знала немалое количество секретов римской политической жизни, секреты своих

господ^[13].

В результате большой и напряженной деятельности Спартака возникает — с центром в Капуе — заговор. Ячейки его распространяются по различным областям южной Италии (Апулия, Лукания, Брутий и т. д.), проникают в провинции, в Рим, в дома знати.

Заговор рос, втягивая в свои ряды все новых людей^[14].

Несмотря на многочисленные сходки, конспирация у заговорщиков была поставлена хорошо. И когда где-то на окраине организации нашелся доносчик, он почти ничего не знал: ни имен руководителей заговора (и потому они избежали ареста), ни даже количества заговорщиков (и потому древние авторы путаются в этом вопросе и противоречат друг другу).

Тем не менее доносчик не смутился. Желая получить награду, он прибыл в Рим и сделал заявление о подготовке восстания городскому претору Г. Берресу. Встревоженный претор созвал сенат и доложил о раскрытом его трудами гладиаторском заговоре. Сенат вынес постановление: претору снестись с властями Капуи, обязать последние расследовать дело и наказать виновных. Претор тотчас отправил в Капую гонца с письмом. Но... линия связи заговорщиков сработала много быстрее.

Спартак первым получил известие о доносе. Он собрал на совет своих руководителей. Было решено не дожидаться дня открытия Мегалетийских игр (4—10 апреля)^[15], к которым приурочивалось восстание (устроитель игр Г. Антоний Гибрида собирался на арене принести очистительную жертву за народ римский и уже договорился о продаже ему отряда гладиаторов), и начать выступление немедленно^[16].

Захватив на кухне ножи, вертела и веревки, отряд Спартака взломал двери оружейной и достал оттуда боевое оружие. Опрокинув охрану, не ожидавшую нападения, гладиаторы выломали двери школы, пронеслись по изумленным улицам, обрушились на воротную стражу и после ожесточенной схватки вырвались из города. Из большого отряда после первых стычек осталось только 30 человек. Но спустя некоторое время, уже в пути, подошли отставшие. Таким образом, составилась отряд в 78 человек.

Было решено двинуться на гору Везувий, сильно укрепленное от природы место (тогда она не считалась еще вулканом). Спартак полагал, что оттуда, если враг начнет сильно теснить, можно будет пробраться на побережье (этот путь составил бы всего 14 километров), захватить какой-нибудь корабль или лодки и пробиться на соединение с пиратами, периодически крейсировавшими вдоль кампанского побережья.

Мнение Спартака его товарищи приняли. Весь путь от Капуи до Везувия (около 50 километров) гладиаторы проделали с похвальным рвением. По дороге им попало несколько телег с оружием, направлявшихся в Помпеи для гладиаторской школы. Повстанцы напали на охрану и обратили ее в бегство. Вооружившись, они продолжили путь к Везувия, отнимая по дороге кинжалы у путников и вырезывая себе тяжелые дубинки.

Власти Капуи были неприятно удивлены инцидентом в школе Батиата. Но поскольку побеги рабов и гладиаторов представляли обычное дело, а в условиях 74 года, после двух неурожайных лет и попыток экономить на пайках рабов и гладиаторов в особенности, то ни властям, ни Батиату не хотелось поднимать шум. Ибо Батиат потихоньку наживался за счет своих питомцев, а власти вовремя не разгадали заговор и не желали признаваться в ротозействе. По желанию обеих сторон дело было замято. Взаимная амнистия в Капуе позже вскрылась, ибо из побега 78 гладиаторов вскоре выросли невероятные события, и сенату поневоле пришлось вернуться к их истокам.

Прибыв на высокую гору Везувий, покрытую лесом, лугами и дикорастущим виноградом, повстанцы по римскому обычаю построили укрепленный лагерь и по предложению Спартака вновь проголосовали по вопросу о верховном предводителе. Выборы дали прежний результат: главным вождем единогласно был избран душа всего дела Спартак. Эномай, Крикс и Ганник, его ближайшие помощники, показавшие в критические часы удивительное мужество и храбрость, были избраны его заместителями.

Руководители разработали план дальнейших действий. Было решено стараться оттянуть столкновение у Везувия, центра восстания, боевые действия вести исключительно на Кампанской равнине, в Самнии, Апулии, Калабрии и Лукании. Выбор этих территорий определялся следующими соображениями: во-первых, там римскими сенаторами и всадниками была сосредоточена огромная масса рабов-пастухов (галлов, германцев, фракийцев), людей, наиболее подходящих для призыва их к восстанию; во-вторых, рабы Апулии уже имели опыт восстания (186–184 до н. э.), было также желательно сорвать отсюда все хлебные поставки в Рим и другие области Италии^[17]; в-третьих, крайней бедностью и воинственностью италийского населения (его опутывали долги римским ростовщикам, и оно жило в ужасной бедности, не имея никаких перспектив). Все эти люди ненавидели Рим и сенат, сулланский порядок. В особенности жители

Лукании и Самния не могли забыть тягостных конфискаций и жестоких избиений, которые устраивал им Сулла как своим непримиримым врагам.

Предполагалось, что организаторами отрядов в различных частях страны, и в первую очередь на юге, станут специально туда командированные посланцы вождя. Сам Спартак, находясь на Везувии, будет координировать действия партизанских отрядов в пределах Италии, а в подходящий момент отдаст приказ сливать их в армию для ведения регулярных военных действий.

Разрешив таким образом самые важные вопросы, вожди повстанцев тотчас перешли к энергичным действиям. На пастбища с пастухами отправились надежные гонцы с приказом вызвать на Везувий отборных людей. В Кампанию, Самний, Луканию и Брутий отправились эмиссары с подробными инструкциями.

В горах и лесах вновь начались тайные совещания. По обычаю всех мятежей на сторону восстания привлекали «всех буянов, всех тех, для кого от нищеты и страха наказания было одно спасение — в преступлении» (Тацит).

В разных концах страны, прежде всего на юге, начали возникать партизанские отряды во главе с гладиаторами.

Тяжелое положение рабов в латифундиях и средних по размерам имениях, издевательства и грубость администрации и надсмотрщиков, бесстыдные кражи из рабских котлов, особенно остро ощущавшиеся в связи с двухлетним неурожаем, — все это до крайности накопило обстановку, вызвало массовые мятежные настроения. Рабские эргастулы были наполнены колодниками. Лоза и железо свирепствовали.

Плиний Старший следующим образом характеризовал тех, кто работал на полях слишком больших имений: «Скованные ноги, осужденные руки, клейменные лбы».

По этим причинам агитация среди рабов (в первую очередь среди пастухов, надзор за которыми являлся более слабым) имела полный успех. Диодор образно описал тот тип людей, которые в числе первых присоединились к Спартаку: «Естественно, что пастухи, проводящие жизнь в поле и вооруженные, были исполнены высокомерия и дерзости. Вооруженные дубинами, копьями и большими пастушескими посохами, одетые в шкуры волков и кабанов, они имели почти воинственный и устрашающий вид. За каждым следовала свора резвых собак; большое количество пищи — молока и мяса — делали дикими их души и тела...»

Результаты агитации не замедлили сказаться. «Сначала рабы стали убивать на открытых местах людей, путешествующих поодиночке и

подвое, затем, собираясь толпами, начали нападать ночью на незащищенные сельские виллы, уничтожали их, имущество грабили, а пытавшихся сопротивляться убивали. Дерзость грабителей возрастала все более и более» (Диодор).

Короткие вылазки-набеги в различных частях Италии сбивали с толку римскую администрацию, не давали возможности определить действительный центр восстания. Все оставшиеся месяцы 74 года римские власти занимались раскрытием на местах мелких и крупных заговоров рабов, а отряды римских войск безуспешно боролись с отрядами повстанцев. Последние непрерывно расширяли район действий, обзаводились лошадьми, оружием. Каждый новый успех повстанцев обрастал лавиной слухов и увеличивал число желавших последовать их примеру. Тут уже было не до побега кучки гладиаторов из Капуи!

Между тем повстанческий центр на Везувии работал с огромной энергией, выпуская из своих стен все новых эмиссаров. Каждый из них, простившись со Спартаксом, расцеловавшись по-братски с его соратниками, возвращался в свою область, организовывал самостоятельный отряд и начинал боевые операции.

При этом повстанцы часто пускались на хитрость: по дорогам они разъезжали, не вызывая подозрения, под видом купцов или военных людей. Разузнав, что было им необходимо, они затем нападали на богатые дома, виллы и даже города. Повсюду повстанцы отнятые долговые расписки возвращали должникам, обращали в паническое бегство сборщиков налогов, повергали в страх и трепет должностных лиц. Наиболее жестоких рабовладельцев они сначала предупреждали. Если те не унимались, устраивали над ними экзекуцию: привязав к жернову, заставляли вращать его под ударами бичей в присутствии рабов и отпускали еле живых или сравнивали с землей их дом, а то и все имение. Самых глумливых рабовладельцев, любивших разъезжать в повозках, запряженных рабами, они подстерегали где-нибудь в дороге, и спустя несколько минут те уже, в свою очередь, точно лошади, бежали перед повозкой, а их рабы сидели в ней на месте господ.

К весне 73 года набеги рабов в пределах Кампании, «вооружившихся против самих законов» и грабивших господ «во время своих свирепых нападений», стали для рабовладельцев невыносимыми. В то же время организующая роль Везувия, на котором укрылись гладиаторы, бежавшие из Капуи, для всех стала совершенно несомненной.

А что происходило тем временем в самом Риме?

Глава четвертая

ДЕЛА РИМСКИЕ

В год побега 78 гладиаторов из Капуи консулами в Риме были Марк Аврелий Котта и Луций Лициний Лукулл. М. Котту все считали человеком средних способностей, скорее адвокатом и оратором, чем полководцем. В сенате он принадлежал к группе консервативных реформаторов, усилия которых и сделали его консулом. Его коллега Л. Лукулл (116—56 до н. э.), по общему признанию, являлся человеком блестящим. Он происходил из очень знатной, но обедневшей семьи. Его предки, непримиримые аристократы, за свою деятельность подвергались самым ожесточенным нападениям популяров. Прадед, будучи эдилом, обвинялся в преступлении по должности, дед в качестве консула оказался замешан в неприятную историю с кражей статуй, отца обвиняли (лживо, как сам он утверждал) в подкупе его вождями сицилийских восставших рабов (102 год) и грабежах. Он добровольно удалился в изгнание и кончил свои дни в Сицилии, в городе Гераклее, пользуясь там величайшим влиянием и почетом.

Л. Лукулл вырос в доме со скромным достатком (отец находился в изгнании). Тем не менее он получил вместе с младшим братом, усыновленным другом и единомышленником отца, видным римским писателем и общественным деятелем М. Теренцием Барроном, прекрасное греческое образование. Принимал участие в Союзнической войне (90—88 до н. э.) на стороне сената. Во время борьбы Мария и Суллы, как и положено аристократу, стал на сторону последнего. Когда Сулла пошел с войском на Рим, Лукулл, занимавший должность квестора, оказался единственным офицером, не испугавшимся такого деяния и не покинувшим своего полководца. Эта верность положила начало его возвышению. Под командой Суллы Лукулл принимал участие в Первой Митридатовой войне. Он собирал войска и корабли, давал успешные бои на суше и на море. После заключения Дарданского мира Сулла поручил ему, как честнейшему из своих сотрудников, почетную и трудную миссию собирать налоги и контрибуцию с городов Малой Азии. В 82 году, успешно выполнив поручение полководца, Лукулл вернулся в Рим. Грозный диктатор, победивший своих врагов, встретил его исключительно тепло. В проскрипциях Лукулл не принимал участия. Избегал он и скупки достояния казненных, заботясь о своей репутации. Тем не менее до самого

конца он оставался вернейшим другом Суллы. И именно ему, а не Помпею поручил экс-диктатор окончательную шлифовку своих «Воспоминаний», именно его сделал опекуном своего сына Фауста. После смерти Суллы Лукулл стал грозным мечом его партии, ближайшим соратником Кв. Катулла, консула 78 года, признанного вождем твердых сулланцев. Именно Лукулл фактически командовал войсками сената, нанесшими поражение войскам восставшего проконсула Лепида на Марсовом поле.

В 76 году Лукулл получил претуру и вступил в брак с дочерью Аппия Клавдия, консула 79 года, наместника Македонии (78–76 до н. э.), умершего от болезни во время неудачной войны с фракийцами. Брак не принес Лукуллу ни денег, ни счастья. Его жена, удивительная красавица (ее под именем Лесбия воспел знаменитый римский лирик Катул), отличалась крайним любвеобилием. В 74 году Лукулл стал консулом. Убежденный аристократ, утомленный домашними неурядицами и тщетным ожиданием наград за свои староримские доблести, он стал подумывать: не внести ли существенные изменения в свои убеждения и образ жизни?

К этому времени практически встал вопрос о Третьей Митридатовой войне. Как знаток восточных дел, Лукулл очень хотел получить командование, сулившее при победе великие богатства восточных царей. Но жеребьевка провинций обманула его надежды. Ему досталась Цизальпийская Галлия, где «не представлялось возможности совершить что-либо значительное» (Плутарх). Котте же, его товарищу, досталась Вифиния. Наместничество это являлось весьма выгодным, так как вновь образованная провинция была богатой. Но честолубивому Котте хотелось принять участие в предстоящей войне не в качестве подчиненного лица. После долгих просьб перед вождями всех групп в сенате он сумел добиться поручения охранять вход в Пропонтиду (Мраморное море) из Черного моря. С флотом из 80 кораблей и 3 легионами Котта поспешил отбыть в провинцию, куда и прибыл в конце мая.

Одновременно на борьбу с пиратами отправился и претор М. Антоний (отец будущего триумвира М. Антония). Ему поручалось очистить от них море и завоевать Крит. Эта задача для претора, человека совсем невоенного, оказалась не по силам. Он был разбит вождями пиратов Ласфеном и Панаром у Кидонии (середина 74 года до н. э.) и взят в плен, где и умер в 71 году. Эта победа вызвала ликование во всех пиратских эскадрах, которые рассматривали ее как воздаяние за победу отца М. Антония над киликийскими корсарами 30 лет назад.

Помпей, сражаясь в Испании с Серторием, внимательно следил за римскими делами. Он был доволен неудачей своего соперника Лукулла с

провинцией, поощряя своих сторонников и врагов любимого наперсника Суллы к большей решительности в организации государственного переворота. Причины к этому были самые серьезные: во-первых, все расширявшаяся война, ведшаяся отрядами рабов, во-вторых, крупные продовольственные затруднения, связанные с засухой 75 года (новый хлеб теперь надеялись получить только в августе 74 года); в-третьих, из-за вопиющих безобразий в суде.

В 74 году на самом благоприятном для соискания популярности посту городского претора очутился Веррес. Среди его коллег находились П. Целий, Л. Кальпурний Пизон — председатели комиссий по уголовным делам. Должности эти, по словам Цицерона, были весьма грустными: «Посмотришь направо — слезы, скорбное одеяние, посмотришь налево — кандалы, доноски; присяжным не хочется приходить — ты их требуешь, хочется уйти — ты их задерживаешь; осудил писца — вся корпорация против тебя; не преклонился пред сулланской системой ассигнаций — нажил врагов в массе хороших людей, в доброй части наших сограждан; отнесся строго к оценке гражданских исков — извлекая пользу забыл, поплатившийся помнит».

Среди этих-то своих коллег преторов Веррес имел пост самый приятный и выгодный. Но он думал не о популярности. Его интересовали только деньги. И он добывал их со своей любовницей, греческой гетерой Хелидоной (Ласточкой), всеми способами. Позже на суде Цицерон приводил картинку из быта претора, взятую с натуры: «Ее (то есть Хелидоны. — В. Л.) квартира была битком набита посетителями; тут требовали новых прав, новых распоряжений, новых порядков судопроизводства. Один говорил: «Пусть он утвердит меня во владении», другой: «Пусть он не лишит меня его», третий: «Пусть он не позволит преследовать меня судом», четвертый: «Пусть он присудит мне имущество». Одни отсчитывали деньги, другие прикладывали печать к векселям; одним словом, зал наполняли не клиенты веселых женщин, а просители претора».

Но Веррес обирал не только богатых людей. Он жестоко тиранил и бедняков. По его приказу не раз секли розгами мятежных римских плебеев. «...Все знают, — говорил Цицерон, — как он презирал бедняков, как он ни с кем из них не обращался как со свободным человеком».

Демократическая оппозиция пыталась, правда, использовать факты грубого попрания гражданских прав. Она вела агитацию, нападала на самых уважаемых лиц консервативного направления и на суды. Л. Лукулл энергично отражал эти нападки. Л. Квинкция (публичными увещеваниями

и частными беседами) он призывал унять свое честолюбие и отказаться от планов насильственного изменения государственного строя. Цетега же, который внушал ему особую ненависть заискиванием у народа, своим расточительством и скандальными любовными похождениями, Л. Лукулл громил самыми резкими словами. На форуме он давал отпор его шайкам с помощью собственных вооруженных сторонников и отставных ветеранов.

Особенно накалило страсти сторон так называемое «дело Оппианика», породившее великое множество разговоров, слухов, предположений и бесконечные обсуждения в различных инстанциях. Суть дела заключалась в следующем.

В итальянском городе Ларине обитало богатое семейство, состоявшее из отца Оппианика (С. Альбина), Оппианика-сына (от умершей жены отца Магии), матери Сассии (первый муж ее умер в 88 году) и ее детей от прошлого брака: сына Клуенция Габита (род. в 103 году) и дочери (род. в 105 году). Между этими-то лицами и разыгралась бытовая драма, имевшая смертельную развязку.

Началось все с того, что мать Сассия отбила мужа у дочери и вышла за него замуж (83 год). Когда этот ее второй муж пал в результате проскрипций Суллы от руки своего врага Оппианика, она вышла в третий раз замуж за Оппианика, имевшего виды на ее наследство.

В 74 году между пасынком Клуенцием, жителями Ларина и новым «отцом» — Оппиаником произошел резкий спор из-за положения членов коллегии марциалов. Все они являлись общественными рабами, посвященными богу Марсу, но Оппианик стал вдруг утверждать, будто они «люди свободные» и, следовательно, римские граждане. Дело разбиралось в Риме, в суде. Разъяренный неожиданным противодействием (а он был первым лицом в Ларине) и питая надежду на получение большого наследства, Оппианик решил пасынка отравить. Он предпринял вполне определенные шаги. Дело, однако, вскрылось, яд вместе с суммой денег в качестве награды преступнику-исполнителю был захвачен, началось судебное разбирательство. Оппианик проиграл два процесса. Пытаясь спастись, он выдал для подкупа огромную сумму денег (640 тысяч сестерциев) одному из членов суда — Статиену. Тот должен был раздать их 16 судьям. Статиен, однако, попытался их прикарманить, но неудачно. В итоге Оппианик был признан виновным семнадцатью голосами против пяти (10 судей воздержались). Видя, что он потерпел полную катастрофу, Оппианик бросился за помощью к Квинкцию.

Серия судебных процессов с их разоблачениями, гневные протестующие речи Квинкция и его товарищей на народных сходках

против расправы с невиновным, по их словам, Оппиаником едва не вызвали открытого возмущения. Встревоженный сенат подверг дело Оппианика собственному обсуждению и вынес постановление, чтобы «консулы настоящего года, или, если бы они не успели это сделать, их преемники, назначенные консулы, в случае, если бы они признали толки о подкупе Юниева суда^[18] основательными, внесли в народное собрание предложение о назначении чрезвычайной следственной комиссии по этому делу».

Вскоре после этого постановления М. Котта отбыл, а Л. Лукулл им не воспользовался. Их примеру последовали и преемники — М. Лукулл и Г. Кассий, консулы 73 года; «а затем и сам римский народ, тот самый, который раньше под влиянием притворных жалоб Л. Квинкция требовал этого закона, был тронут слезами малолетнего сына Г. Юния и с громким криком, окружив беспорядочной толпой кресло магистрата, потребовал, чтобы о предлагаемой комиссии и касающемся ее законопредложении не было более речи. Тогда стала ясна, — заключает Цицерон, — справедливость часто приводимого сравнения: как море, будучи тихо по своей природе, волнуется и бушует под натиском ветров, так точно и народ, будучи кротким сам по себе, приходит в ярость, когда над ним разражается дикая буря мятежных речей».

Среди этой борьбы внезапно скончался наместник Киликии Л. Октавий (консул 75 года). Помпеянцы усиленно интриговали, предлагая на пост умершего сражавшихся в Испании полководцев — Помпея или Метелла. Но Л. Лукулл, подстегиваемый прошлой неудачей (ему досталась Цизальпийская Галлия), вовсе не желал уступать кому-либо Киликию (своей близостью к Понту она делала несомненным вмешательство ее наместника в предстоящую войну с Митридатом).

Затруднения были, правда, велики. В сенате Л. Лукулла поддерживали только твердые сулланцы. Лукулл понял, что наступил решительный момент для его будущего. Поэтому он (хотя и с нелегкой душой) отправился на поклон к любовнице Цете-га, знаменитой римской куртизанке Преции, прося ее о содействии. Та была очень польщена (ее просил «сам Лукулл»), переговорила в нужном духе с Цетегом, и тот, как выражается Плутарх, «сосватал ему Киликию». Остальное (получение командования в войне с Митридатом) являлось теперь делом легким, и Лукулл без труда командование от граждан получил. Ибо, как замечает дальше Плутарх, «Помпей все еще бился с Серторием, Метелл был слишком стар, — а ведь только этих двоих можно было считать достойными соперниками Лукулла в борьбе за звание полководца».

Пользуясь временным улучшением отношений с группой Цетега,

твердые сулланцы на очередных консульских выборах провели в консулы сразу двоих своих кандидатов: М. Теренция Варрона Лукулла и Г. Кассия Вара.

Одержав вторую решительную победу, Лукулл уже со спокойной душой взялся за подготовку к войне. В конце июня 74 года, совершив положенное жертвоприношение на Албанской горе и взяв с собой друга семьи, знаменитого поэта Архия, должного прославить в стихах его великие подвиги в предстоящей войне, Л. Лукулл сел со своей маленькой армией в 6 тысяч человек в Брундизии на корабли и вышел в море. 10 июля он уже высадился в Малой Азии, в Эфесе, оттуда несколькими днями позже перешел в резиденцию наместников Азии город Лаодикею. Здесь он соединился с двумя азиатскими легионами из бывших солдат Фимбрии.

С отъездом Л. Лукулла, человека высокоавторитетного, в Риме вновь началась агитация против Юниевого суда. Самых судей под разными предложениями начали привлекать к ответственности. Из семнадцати судей, осудивших Оппианика, восемь, в свою очередь, оказались осуждены. Особенно не повезло Г. Фидикуланию Фалькулле. Л. Квинкций, ежедневно собирая бурные сходки, так его «разрисовал» в своих речах, что этот человек стал предметом всеобщей ненависти.

Наконец в самом конце года дело дошло до председателя суда. Он был приговорен судом народной сходки к большому штрафу и изгнанию.

Суд над Юнием Цицерон считал чистейшим беззаконием: «...все дело тогда было в корень извращено оговорами, недоразумениями, подозрениями, ежедневными народными сходками, созданными мятежным демагогом; тем, что один и тот же народный трибун выступал обвинителем и в народных сходках, и перед народным судом; тем, что он отправлялся в суд не только из сходки, но и сопровождаемый «сходкой». Аврелиева лестница, тогда еще новая, казалась сооруженной специально для того, чтобы служить театром для этого суда: достаточно было обвинителю занять ее созданными им людьми — и обвиняемому не давали не только произнести слово, но даже встать с места».

Так защищал позже, в 66 году, Цицерон Юния. Его противник Л. Квинкций изображался самым недоброжелательным образом, как «мятежник», как «яростный, злоречивый, беспокойный демагог». «Вам памятна, — восклицал оратор, — заносчивость этого человека? Вам памятна страстная отвага, которую он обнаруживал, будучи трибуном? Боги бессмертные, какой ненавистью он дышал! Как он всех презирал, как зазнавался, какую возмутительную, невыносимую важность напускал на себя!» «Он был озлоблен уже одним тем, из-за чего и поднялась вся эта

история, — что судьи осмелились не принять во внимание его и его защиту, осуждая Оппианика. Между тем он должен был бы сказать себе, что уже одно обращение Оппианика к его покровительству свидетельствовало о том, что он всеми оставлен. Подумайте, в самом деле в Риме было великое множество поверенных, людей красноречивых и уважаемых. Неужели ни один из них не согласился бы защищать римского всадника, знатного члена своей общины, если бы честь позволяла ему выступить защитником в подобного рода деле? Что же касается Квинкция, то вел ли он хоть одно дело до того в продолжение всех своих 50 лет? Видел ли его кто-либо в роли, не говоря поверенного, но хотя бы «адвоката» или хвалителя? Всею популярностью, которой он пользовался некоторое время в известном классе людей, он был обязан тому обстоятельству, что ему удалось первому занять долго пустовавший амвон, то место, с которого после возвращения Суллы перестал было раздаваться голос трибуна, и что он вернул отвыкшей уже от сходов толпе некоторое подобие прежнего обычая. Но зато как возненавидели его вскоре его собственные приверженцы, те самые люди, благодаря которым он достиг своего возвышения! И это вполне понятно: достаточно вспомнить — не говоря уже о его высокомерном характере — его лицо, его костюм, одну его свешивавшуюся до пят пурпурную тогу».

Так шельмовал Цицерон Л. Квинкция, одного из главнейших вожаков партии Цетега, ведущую фигуру форума 74 года, полного разгула народных страстей.

А что происходило в то же время в Испании и Малой Азии, на театрах военных действий?

Глава пятая

ДЕЛА ЗАРУБЕЖНЫЕ

I

Весной 74 года, получив подкрепление из Италии в виде двух легионов, Помпей и Метелл из своих зимних лагерей вновь двинулись к Иберу. Серторий и Перперна с двумя армиями двинулись им навстречу. Стороны не успели еще помериться силами, как большое количество римлян-эмигрантов стали покидать армию Сертория и бежать к Помпею и Метеллу.

Столь удивительное для многих явление (Серторий находился на вершине могущества и имел огромную армию в 150 тысяч человек) объяснялось тем, что в Италии уже начались волнения рабов. И для всех сторонников Сертория, бывших итальянских рабовладельцев без различия в групповых оттенках, встал вопрос: как отнестись к этому? Следует ли пойти на мир с партийными врагами — сулланцами для общей борьбы с мятежными рабами? Или надо предоставить возможность рабам бить своих партийных противников?

В результате дискуссий среди марианской верхушки в Испании начался раскол. Левое крыло, хотя и не без колебаний, высказалось за продолжение военных действий против сулланцев. Правое крыло требовало заключения немедленного мира с консервативной партией и возвращения в Италию для участия в войне с общим врагом — восставшими рабами.

Борьба групп в марианском сенате сопровождалась непрерывными интригами друг против друга, тайными переговорами с Помпеем и Метеллом, секретной перепиской с ведущими деятелями сената.

Там также не было единого мнения в отношении серторианцев. За соглашение с ними стояли М. Красс и П. Цетег. Цетегу казалось легко найти общий язык с серторианцами, как бывшему марианцу. Красс, как деловой человек и финансист, ни к кому не испытывал вечной ненависти и руководствовался во всем исключительно выгодой; выгода же прекращения войны с Серторием и сосредоточения всех сил государства против собственных мятежных рабов представлялась совершенно несомненной.

Но далеко не все в сенате хотели соглашения. Твердые сулланцы (Кв. Катулл, Кв. Гортензий и др.) высказывались — и очень решительно! — против мира с заклятыми политическими врагами. Их поддерживал безусловно со своей группой Помпей. Последнему вовсе не хотелось попасть в двусмысленное положение при заключении мира с Серторием, не хотелось ему и далекоидущих уступок.

Среднее положение занимала колебавшаяся группа консервативных реформаторов (Г. Котта, Л. Котта и др.).

Положение римского сената было, естественно, выгоднее. Он находился у себя на родине и представлял ее. Напротив, его противники, марианский сенат в изгнании, находились в положении врагов отечества.

И все-таки контакты между представителями двух сенатов и лагерей существовали. Эти тайные контакты (на одной стороне часто были дяди, на другой — племянники, на одной — отцы, на другой — сыновья) и многократные попытки к перетягиванию противников на свою сторону с 74 года начинают давать Помпею и Метеллу совершенно неоспоримый перевес.

Желая вернуться в Италию и принять участие в войне против собственных восставших рабов (перед классовым противоречием с рабами все другие противоречия отходили на задний план), представители правого крыла марианцев начали перебегать к врагу. Все попытки Сертория остановить поток беглецов оказались безуспешными. Тогда разгневанный полководец, упрекая своих соратников в неверности, отстранил их от обязанностей телохранителей. Серторий заменил их стражей из кельтиберов, а на высшие командные должности стал выдвигать известных своей храбростью и воинским умением испанских аристократов. В результате римские части по службе часто оказывались в подчинении у последних.

Эти перемены вызвали среди римлян-эмигрантов сильнейшее озлобление. Они считали несправедливым подвергаться обвинению в неверности из-за преступления, как они говорили, «немногих». К тому же их выводили из себя насмешки кельтиберов, всячески коривших их как людей, потерявших значение и доверие. Чувствуя себя в затруднительном положении, римляне-эмигранты все-таки не решались оставить Сертория: многие не надеялись на мир с сулланцами, а Серторий имел репутацию блестящего полководца и подтвердил ее многими победами. Поэтому значительное число марианцев правого крыла поневоле оставалось в лагере вместе с твердыми сторонниками Сертория.

Впрочем, у правого крыла имелось и много других оснований для

неудовольствия. Им не нравился в целом весь политический курс Сертория, направленный на романизацию Испании и привлечение на его сторону местного населения. Этот курс Сертория базировался на проведении следующих мероприятий: 1) снижение налогов, 2) мягкое обращение с населением, чуждое всякой надменности и жестокости, 3) освобождение городов от постов (воины жили в зимних бараках в городских предместьях), 4) уважение местных обычаев (награждение солдат и офицеров цветным платьем, оружием, изукрашенным золотом и серебром, и пр.), 5) введение в испанском войске римской военной организации, 6) распространение о себе слуха как о посланце божества (с этой целью Серторий держал при себе белого оленя, якобы открывавшего ему волю бога), 7) забота о детях (детей аристократов учили в латинской школе в городе Оске).

Тайные и явные разногласия среди сторонников Сертория, безусловно, отражались на ведении боевых операций. Полководцы сената хотя и медленно, но успешно начали теснить врагов. Они отняли у серторианцев восточную Испанию, заняли города, служившие Серторию складами оружия, перенесли операции на верхнее и среднее течение реки Эбро.

Метелл, по-стариковски упорный, несмотря на прошлые неудачи (прежде он злился и говорил: «Да кто такой Серторий?! Он — дезертир войска Суллы, он — остаток разбитой армии Карбона!», потом за убийство Сертория обещал 100 талантов серебра и 20 тысяч плетров, а изгнаннику право вернуться в Рим), наконец-то поймал успех за крылья и разбил своего старого недруга Гиртулея, ближайшего соратника Сертория, наголову. Сам полководец пал в битве. Это печальное событие произвело огромное впечатление на всю Испанию. Верность многих городов поколебалась, и они один за другим стали сдаваться римским полководцам.

Была уже глубокая осень, когда Помпей осадил непокорную Палланцию, знаменитый в Испании город ваккеев, племени кельтиберов, очень культурный и богатый в недавнем прошлом золотом. Серторий заставил врагов снять осаду. Помпей поджег деревянные стены города (Серторий их потом восстановил) и удалился на соединение с Метеллом. Вскоре после этого Серторию удалось нанести римлянам поражение у местечка Калачур (верхнее Эбро). Убив 3 тысячи врагов, он отвел войска на зимние квартиры. Это сделали и Помпей с Метеллом. Кампания 74 года в Испании закончилась.

Оба сенатских полководца могли чувствовать себя вполне удовлетворенными ее результатами: лагерь противника, несмотря на некоторые успехи Сертория, разваливался на глазах, и это внушало

большие надежды. Метелл, вначале недоверчивый, полностью признал своего младшего по возрасту коллегу. Действительно, Помпей показал во все эти трудные годы качества умелого политика и дипломата. Он обнаружил твердый ум, быструю сообразительность, такт и осторожность во всех делах, в боях — бесстрашие, замечательную физическую силу и выучку. Он умел находить общий язык с солдатами, с удовольствием исполнял вместе с ними физические упражнения, ел из солдатского котла и не жалел собственных денег на выплату жалованья. В этом молодом человеке, казалось, возродился Г. Марий, но стоявший не против сената, а за него.

II

За подготовку к новой войне с римлянами Митридат взялся вплотную с середины 75 года. На этот раз, умудренный опытом, он действовал иначе, чем прежде. «Он отказался от пестрых полчищ, от устрашающих разноязыких варварских воплей, не приказывал больше готовить изукрашенного золотом и драгоценными камнями оружия, которое прибавляло не мощи своему обладателю, а только жадности врагу. Мечи он велел ковать по римскому образцу, приказал готовить длинные щиты и коней подбирал таких, что хоть и ненарядно разубраны, зато хорошо выучены. Пехоты он набрал 120 тысяч и снарядил ее наподобие римской; всадников было 16 тысяч, не считая серпоносных колесниц. К этому он прибавил еще корабли, на сей раз без раззолоченных шатров, без бань для наложниц и роскошных покоев для женщин, но зато полные оружием, метательными снарядами и деньгами» (Плутарх).

Пехоту Митридат поделил на 12 армий по 10 тысяч человек. Каждая из них имела своего полководца. Всего их было 12. Восемь полководцев были понтийцами: 1) Таксил — парфянин, 2) Гермократ — сицилиец, 3) Эвмах — фригиец, 4) Александр — пафлагонец, 5) Дионисий — фракиец, 6) Диокл — афинянин, 7) Метрофан — вифинец, 8) Гермей — уроженец Малой Азии (из Троады).

Четыре оставшихся полководца являлись римлянами: 1 — сенатор М. Варий, присланный Серторием в качестве командующего римскими частями, 2 — сенатор и претор М. Марий, присланный тем же Серторием, 3, 4 — два бывших офицера Фимбрии, заключавшие союз между Митридатом и Серторием, — Л. Фаний и Л. Магий.

Обстановка на понтийских командных верхах накануне войны была

напряженной. Митридат после бегства Архелая к римлянам провел серьезную чистку среди своих военачальников. В связи с этим интриги и взаимные обвинения среди полководцев процветали как никогда. Молодые обвиняли стариков в продажности. И так как факты подкупа полководцев в период Первой Митридатовой войны (89–85) действительно были, то Митридат стал очень подозрительным. Охотно принимая доносы, он отстранил от командования видного полководца Диофанта, подавившего, в частности, на Боспоре восстание рабов под руководством Савмака и получившего за это от благодарных херсонесцев золотой венок с водружением его медной статуи в полном вооружении на акрополе. На второстепенные роли благодаря подозрениям оказались отодвинуты Каллимах — уроженец Малой Азии (из Лаодикеи), Мирон — беотиец, Менандр — уроженец Малой Азии (из Лаодикеи), Менемах — фригиец, Трифон — сириец, Неман — армянин.

Между тем высшее командование у Митридата нуждалось в опытных полководцах с большим стажем (греки называли их «полководцами с правом самостоятельного командования»), ибо в результате Первой Митридатовой войны оно понесло страшный урон: не было Архелая и Неоптолема, самых опытных полководцев, бежавших к римлянам из-за страшной подозрительности царя; погиб при Херонее фракиец Дромихет; пали в Македонии Кратер и Пелопид; при внезапном нападении горожан погиб в Эфесе Зенобий; молочный брат царя До-рилай, уличенный в тайном сговоре с римлянами, находился в ссылке; Гордий, известный фригийский полководец, причастный к победе над Муреной во Второй Митридатовой войне, был казнен по клеветническому обвинению. Новым полководцам, за исключением Таксила, Гермократа, Александра и Дионисия, недоставало опыта самостоятельного командования в большой войне с сильным противником.

Готовясь к третьей, решающей схватке с Римом, Митридат с помощью своей секретной агентуры, возглавлявшейся начальником его охраны галатом Битоитом, прилагал большие усилия, чтобы повсюду в Малой Азии, Греции, Италии и Риме обзавестись надежными информаторами и сторонниками. Его тайные агенты подкупали рядовых граждан, народных вожаков, всадников, ведущих деловые операции в разных частях света, и — не исключено! — самих римских сенаторов. Последнее являлось делом вовсе не столь уж трудным: римские сенаторы славились своей продажностью. От них Митридат через посредников получал различную секретную информацию.

Древние авторы были хорошо осведомлены о масштабах этой тайной

— и успешной! — деятельности Митридата, о беспрецедентной продажности римских и италийских политиканов, но из патриотических соображений всячески старались замять ее. Потому-то известный античный историк Аппиан, касаясь этого щекотливого пункта в своих «Митридатовых войнах», не очень вразумительно написал (§ 109): «...он (Митридат) знал (откуда? — В. Л.), что недавно почти вся Италия (!) отпала от римлян вследствие ненависти к ним и была в долгой и ожесточенной войне с ними и вступила в союз против них (!) со Спартаксом — гладиатором, человеком, не имевшим хорошей репутации».

В конце мая, после военных маневров и испытаний флота в районе Амиса, войска Митридата были выведены на исходные позиции. По разработанному плану наступление предполагалось вести так: 1) по направлению Пафлагония — Вифиния силами шести понтийских армий (командующие — Таксил, Гермократ, Александр, Дионисий, Гермей, Диокл) и четырех армий серторианских (командующие — М. Варий, М. Марий, Л. Фаний, Л. Магий); 2) по направлению Вифиния — Фригия — Писидия — Исаурия силами одной армии (командующий — Эвмах); 3) по направлению Вифиния — Фригия — Писидия — Киликия силами одной армии (командующий — Метрофан). Флоту вменялось в обязанность идти вдоль побережья и обеспечивать наступающие армии продовольствием, а также лишать возможности врага произвести высадку десанта в тылу, на территории Понта. По вытеснении римских войск из Вифинии и Азии, после открытия проливов Боспора Фракийского и Геллеспонта, предполагалось сосредоточить на острове Лемнос как на сборном пункте четыре армии — 40 тысяч отборных солдат из понтийско-серторианских войск под начальством Марка Вария, Марка Мария, Дионисия — фракийца и Александра — пафлагонца. Оттуда сильная флотилия должна была перебросить их в Италию для возобновления войны с сулланским сенатом силами коалиции.

И М. Варий, и М. Марий усиленно готовились к кампании против сулланцев в Италии. С пиратами, купцами и доверенными людьми в большом количестве они посылали на родину много денег. Тайные агенты старались найти полезных людей среди римлян, и особенно в приморских городах (Брундизии, Таренте, на кампанском побережье и т. д.), щедро рассыпая понтийское золото и не скупясь на обещания. Они находили достаточно благожелательный прием: социальная обстановка в Италии являлась очень напряженной, авторитет сулланского сената упал так низко, как никогда. Все недовольные высказывали готовность принять участие в намечавшемся перевороте, в предстоящей войне. От них в обратном

направлении стекалась к Марию и Варию — главнокомандующему римских войск и главному представителю Сертория при понтийском дворе — обильная и ценная информация относительно общего положения дел в стране и различных городах, включая Рим.

Среди этой серторианской военно-политической верхушки при понтийском дворе не было единства. Виднейшие ее представители олицетворяли различные оппозиционные течения лагеря Сертория (Марий — левое крыло, Варий, как и Серторий, являлся центристом, Магий и Фаний, два бывших офицера Фимбрии, — правое крыло: они были сторонниками Перперны, первого заместителя Сертория). Эти лидеры яростно спорили между собой по всем важнейшим текущим и перспективным вопросам. Несходство во взглядах дополнялось острым личным соперничеством, взаимной завистью к успехам и положению друг друга на войне или при понтийском дворе.

Новая война началась для Митридата удачно. Двумя колоннами под начальством Таксила и Гермократа его войска вступили в Пафлагонию и обратили в бегство слабые заградительные отряды римлян.

Когда обе колонны встретились в заранее намеченном пункте на Вифинской границе, Митридат выступил на воинской сходке; «...он произнес речь перед войском, прославляя своих предков и восхваляя самого себя, говоря, что свое царство, бывшее маленьким, он сделал огромным и лично ни разу не был побежден римлянами. Затем он высказал обвинение против римлян в корыстолюбии и жадности, под гнетом которой стонет поработенная Италия и сама их родина. Кроме того, о последнем договоре он заявил, будто римляне не хотят оформить его письменно, выжидая удобного момента, чтобы вновь напасть на него. Возлагая на них вину за данную войну, он отметил силу своего войска и его снаряжения, указал на то, что римляне сейчас заняты серьезной войной с Серторием в Иберии, а в Италии идет междоусобная война. «Поэтому, — сказал он, — они не обращают внимания и на море, уже долгое время находящееся во власти морских разбойников, и нет у них никакого союзника, и никто по доброй воле не является их подданным. Разве вы не видите, — сказал он, показывая на Вария и на обоих Луциев, — что лучшие из них — враги своему отечеству и союзники нам»» (Аппиан).

Войска сочувственно встретили речь царя. Воодушевленный этим, в конце мая Митридат напал на Вифинию. Консул Котта сразу попал в трудное положение. Он только-только прибыл в провинцию и торопился собрать войска. К моменту нападения под его начальством находилось 24 тысячи человек пехоты и 1800 человек конницы (половина его сил была

доставлена на 100 кораблях из Италии, другую половину составили местные гарнизоны); союзники доставили ему еще до 80 кораблей. С такими силами Котте пришлось встретить вражеский натиск. Тем не менее он не поколебался дать битву. Разбитый наголову, обкладываемый со всех сторон понтийскими армиями, консул был вынужден начать отступать, оставляя провинцию на произвол врага. С совершенно дезорганизованным войском, теснимый группой армий Таксила, он с трудом добрался до пролива Боспора Фракийского и укрылся в сильной крепости Халкедон.

Поражение Котты вся провинция встретила с восторгом — римлян здесь, как и всюду, ненавидели. Города открывали победителям ворота, понтийская партия повсюду решительно брала верх.

Победа над Коттой открыла дорогу в провинцию Азию. Группа армий Гермократа поворачивает на юг и один за другим занимает города. Впереди идут серторианские армии. Они выходят на побережье, занимают Лампсак, Парий, Приап. Вместе с армией М. Мария, удачливого полководца на войне, следует Митридат. И, когда Марий въезжает в города, окруженный ликторами, Митридат, как подчиненный, следует за ним. Иначе он не может поступать: Азия по договору остается за Серторием. А Марий, по словам Плутарха, одним городам даровал вольности, другие освободил именем Сертория от уплаты налогов, так что Азия воспрянула духом и преисполнилась надежд.

В результате успешных действий понтийско-серторианских войск Вифиния и Азия уже считались всеми для римлян потерянными. Римские купцы и откупщики, прихватив близких и деньги, в панике бежали к Котте в Халкедон.

В Риме были чрезвычайно удручены неудачами консула. Утешая себя, в сенате говорили, что Котта — человек в военном отношении слабый (как будто не было при нем опытных военных советников!), и совершенно забывали и не хотели вспоминать об отношении населения провинции к римлянам. А отношение это выражалось одним словом — ненависть. Удивительного в этом, разумеется, не было. О положении провинции Азии накануне прибытия туда Л. Лукулла Плутарх сообщает: «Она страдала ужасно, невероятно. Откупщики и кредиторы грабили ее и превращали ее население в рабов. Частные лица должны были продавать своих красивых сыновей и девушек-дочерей, а города — храмовые приношения, картины и статуи богов, пока сами не делались рабами за свои долги. Еще ужаснее были мучения, которые им приходилось выносить раньше, чем сделаться рабами, — их били плетью, бросали в тюрьмы, сажали на кобылы, заставляли стоять на открытом воздухе в жару на солнцепеке, в холод — в

грязи или на снегу, так что рабство было для них своего рода облегчением и спокойствием» (Плутарх).

Такова была обстановка в провинциях, создавшая предпосылки для встречи понтийско-серторианских войск как освободителей.

Среди полководцев, окружавших Митридата, шли острые споры о плане дальнейших действий. Одни высказывались за немедленное нападение на Италию, другие — за более осторожные действия. «Царь! — говорили они. — Незачем так сильно рисковать. Нападать на Италию — значит вступить с римлянами в непримиримую войну. При неудаче ее тебе, как Ганнибалу, не будет пощады. Лучше поэтому ограничиться захватом Азии, а если удастся, то и Греции. Без указанных территорий римляне могут существовать, их репутацию такие потери не слишком заденут».

Военачальники Сертория в подавляющем большинстве поддерживали, однако, первый план: им надоело скитаться по чужим землям, хотелось на родину, в Рим. Но некоторые испытывали определенную боязнь, чувство замешательства. «Нас и так, — говорили они, — сулланцы обвиняют в измене отечеству. И вот мы даем им в руки новый аргумент: ведем на Рим заклятых врагов — понтийцев!»

Эти робкие высказывания, однако, большинством решительно отвергались. Марий проявлял при этом на советах наибольшую активность и агрессивность. Он рвался в Италию, бурно выражал недовольство всяким промедлением и откладыванием, жаждал отомстить за себя, за дядю и отца, казненного сулланцами, желал поскорее вернуться в Рим — и непременно победителем!

Летом на кораблях Митридата и вместе с пиратами он многократно выходил в море, перехватывал хлебные грузы, шедшие в Италию, и высаживался с отрядом верных людей в районе Брундизия, Тарента и даже на кампанском побережье. Марий принимал на борт своих агентов, высаживал новых, грабил прибрежные имения врагов, брал в плен подвернувшихся аристократов. Распространив слух о своем скором возвращении в Италию с войском, он опять уходил в море. Медлительность сенатской администрации, не обладавшей к тому же необходимыми морскими силами, не давала ей возможности успешно бороться с ним и с пиратами.

Л. Лукулл в качестве консула яростно боролся в сенате за принятие предложения об ассигновании значительных сумм на строительство нового большого флота, о централизации власти в борьбе с пиратами. Но сенатское большинство каждый раз проваливало предложение Л. Лукулла.

Крупные неудачи на востоке заставили Л. Лукулла поторопиться. Сдав

дела на руки избранным консулам, совершив согласно обычаю жертвоприношение на Албанской горе, он в начале июля 74 года отплыл из Брундизия с одним легионом пехоты и отрядом конницы (1200 человек). 10 июля он высадился в Эфесе, соединился с двумя фимбрианскими легионами, а 24 июля прибыл с тремя легионами в Селевкию (Киликия) и соединился с двумя киликийскими легионами. Потратив остальные дни месяца на приведение в порядок местных дел, в начале августа 74 года обратной дорогой через Писидию и Фригию Лукулл двинулся на север — на Митридата. За собой он оставлял очень непрочный тыл. Против сохранявших верность римлянам общин и городов уже действовали три неприятельских полководца — Эвмах, Метрофан и направленный на юг Л. Фаний. Лукуллу, правда, удалось одним своим прибытием в Азию включить в борьбу на стороне римлян Дейотара — тетрарха одного кельтского племени, получившего за это позже титул царя от римского сената (Цицерон очень уважал его за царственную щедрость, благородство и постоянство во взглядах).

Но общее враждебное настроение населения к римлянам вызывало у Лукулла сильнейшую озабоченность. Побуждаемый необходимостью, он повсюду на стоянках и в пути вызывал к себе влиятельных откупщиков и на основании полномочий сената, подчинившего ему в чрезвычайном порядке провинцию Азию, «увещевал их, призывал к умеренности, чем и удерживал от полного отпадения общины, из которых, можно сказать, ни одна не хранила спокойствия» (Плутарх). И во все время марша на север Лукуллу приходилось воевать с собственными воинами, особенно с бывшими фимбрианцами. Последние являлись людьми строптивыми и буйными, привыкшими к заискиваниям начальства, но в то же время храбрыми, выносливыми и обладавшими большим военным опытом. В конце концов Лукуллу удалось сломить дерзость фимбрианцев и навести порядок среди остальных, показав им, что военная служба не забава.

Между тем противники Лукулла, узнав о его возвращении с войском из Киликии, начали передислоцирование своих сил. Четыре армии Митридата продолжали осаждать Котту в Халкедоне, отчаянно стараясь сломить его сопротивление и открыть выход в Пропонтиду, а оттуда — в Эгейское море. Одновременно под командой М. Мария было сведено четыре армии: две понтийские, две римские численностью в 40 тысяч человек пехоты и 5200 человек конницы. Марий получил приказ царя, подтвержденный командующим — Марком Барием, выступить навстречу Лукуллу и разбить его или по крайней мере задержать. Одновременно одна понтийская армия под начальством Гермократа осадила богатый Кизик. Этот влиятельный

город, имевший значительный флот, прекрасную гавань, мощные стены с мраморными башнями и прославленной крепостью, по выражению римского историка Флора, «являлся украшением азиатского берега». Кизик препятствовал прохождению понтийских судов на юг к Геллеспонту и оказывал помощь осажденному Котте, поэтому казалось необходимым быстро взять его.

20 августа, проделав путь в 560 километров, Лукулл прибыл к местечку Отрии (Фригия). До Халкедона оставалось 480 километров, 18 дней пути, 4 дня пути для конного связного. Здесь, у Отрий, со своей армией его ждал Марий. Силы врага были более значительны: в распоряжении Лукулла находилось 30 тысяч пехоты и 2500 человек конницы^[19].

Для решения вопроса, давать ли битву, Лукулл созвал на военный совет своих офицеров — тех, кто от неизвестности вместе с ним шагнул к великой славе завоевателей Азии, кто помогал ему в делах, в результате которых поход Лукулла «занял место среди самых замечательных походов, он сам — среди самых умных и доблестных вождей» (Цицерон). Вот из каких лиц состоял военный совет Лукулла:

1. Аппий Клавдий Пульхр, брат жены Лукулла, будущий тесть старшего сына Помпея и верный его соратник, человек очень храбрый, по мнению Цицерона, корыстолюбивейший из мужей.

2. Л. Мурена, сын Л. Мурены, воевавшего с Митридатом во время Второй Митридатовой войны (83–82). Позже (63 год) Цицерон скажет о нем с похвалой: «Л. Мурена в должности легата обнаружил много храбрости, много ума, много трудолюбия; и эта-то его деятельность, утверждаю я далее, окружив его не меньшим обаянием, чем то, каким окружает нас наша деятельность на форуме, открыла ему доступ к консульству».

3. Г. Валерий Триарий. В будущем он станет легатом Помпея.

4. Кв. Воконий. В 66 году он станет претором.

5. Кассий Барба. После великих походов он уйдет в частную жизнь.

6. М. Помпоний, начальник кавалерии Л. Лукулла, родственник Аттика.

7. Кв. Секстилий, в будущем друг Цицерона.

8. М. Фабий Адриан. Подобно Барбе, уйдет в частную жизнь, дружескими отношениями будет связан с Цезарем.

9. Сорнаций — он падет в битве при Зиеле весной 67 года; с ним погибнут более 7 тысяч римлян.

Ответ соратников Лукулла оказался единодушен: дать М. Марию

битву. И вот, пылая ненавистью, враги выстроились друг против друга. Вдруг огромный метеорит — размером с бочку! — со страшным шумом упал между двумя войсками. Гадатели с обеих сторон истолковали это явление как знамение богов, не желающих битвы двух войск, родственников по крови. Войска уstraшились и потребовали от полководцев отказаться от битвы. Полководцам пришлось подчиниться. Марий тотчас двинулся назад, намереваясь соединиться с Митридатом у Халкедона. Лукулл последовал за ним.

А Котта тоже решил не терять даром времени. Зная о приближении Лукулла, о его намерении дать Марию битву, увидев тревогу в лагере Митридата, он преисполнился великой надежды. Его советчики говорили: «Надо дать битву, не дожидаться прихода Лукулла! Ты победишь, Котта, и не будешь делить с Лукуллом славу победителя Митридата!»

Задуманная Коттой и его советниками операция полностью провалилась, привела к страшной катастрофе: из 20 тысяч войска 16 тысяч погибли или попали в плен, погиб также весь флот.

В середине сентября Лукулл прибыл к стенам Халкедона и расположился лагерем в виду неприятеля.

С первого же дня между сторонами начались стычки. Митридат имел двойное превосходство — его войско, осаждавшее Халкедон, достигало 100 тысяч человек. Он предлагал битву, а Лукулл уклонялся от нее, стараясь победить понтийцев голодом. Конница римлян делала непрерывные успешные набеги на продовольственные транспорты неприятеля и срывала его снабжение.

Собранные по распоряжению полководца из некоторых городов и общин корабли начали успешные операции на море, перехватывая шедшие из Понта хлебные грузы.

Теснимый недостатком продовольствия, Митридат решил снять осаду Халкедона и всеми силами обратиться против Кизика, тщетно осаждаемого Гермократом.

Лукулл, узнав о ночном уходе неприятеля, на рассвете последовал за ним. Прибыв к городу своих главных союзников, он расположился у деревни Фракия. Понтийский царь стоял неподалеку, раскинув 10 лагерей (каждый лагерь — для армии в 10 тысяч человек). Корабли его вошли в пролив, отделяющий город от материка. Осада таким образом велась сразу с двух сторон.

После тщательного изучения местности Лукулл начал усиленные земляные работы.

— Через несколько дней, соратники, — сказал он своим офицерам, —

я добуду вам бескровную победу.

Это было сказано не из хвастовства. В предыдущие дни через своих лазутчиков Лукуллу удалось наконец завязать тайные отношения с одним из полководцев Митридата — Л. Магием. Суля ему золотые горы и обещание безопасности, лучший друг Суллы сумел уговорить бывшего фимбрианского офицера (в чем очень помогли другие фимбрианцы, бывшие в лагере Лукулла) изменить царю и на военном совете подсказать Митридату действия, выгодные для него, Лукулла. Л. Магий согласился. Необходимый случай скоро представился и привел к катастрофическому ухудшению позиции понтийских войск. Раздраженные полководцы Митридата стали говорить между собой об измене Л. Магия. Опасаясь разоблачения, последний поспешил бежать к неприятелю^[20].

Поставленные перед фактом крупной измены, Таксил и его товарищи стали предлагать царю немедленно сняться с лагеря, чтобы пробиться сквозь укрепления врагов. Но Митридат, уязвленный своей ошибкой, которая привела к таким тяжелым последствиям, решительно отклонил этот план. Он предложил удвоить и утроить усилия для взятия города.

И снова борьба закипела с неистовой силой. Готовился решительный штурм — иного исхода для понтийцев не было.

Так завершились военные действия на малоазиатском театре войны в 74 году до н. э.

III

В Испании дела обстояли так. Весной нового, 73 года, поразмыслив над прошлым опытом, Помпей и Метелл, как обычно, перешли Ибер и стали нападать на неприятельские города. Их разведчики, шедшие впереди тайными путями, глубоко проникли на подвластную Серторию территорию. Они выискивали во всех общинах неустойчивых и малодушных, не скупилась на обещания, плели заговоры и интриги, подталкивали племена на восстания и мятежи. Эта деятельность день ото дня становилась все успешнее. Во многих общинах и городах римская партия брала верх над союзной Серторию национальной партией. В результате без всяких сражений Помпею и Метеллу удалось привлечь на свою сторону значительное число городов. Ободренные своими успехами, они уже с большей смелостью стали подступать к тем городам, в которых находились неприятельские гарнизоны.

А легаты Сертория — Перперна, Манлий, Грецип, Ауфидий и др. —

вели порученные им военные операции крайне вяло. Их больше занимали секретная переписка с единомышленниками в Риме и внутренние интриги, чем организация отпора врагу.

В то же время сам Серторий был в подавленном состоянии. Он непрерывно подвергался многочисленным укорам сотоварищей по организованному им в Испании сенату из римлян-эмигрантов за странный союз с Митридатом.

Тут имелось непримиримое противоречие. Как его следовало разрешить? Этого не знал и сам Серторий. С одной стороны, союзе Митридатом диктовался политическими обстоятельствами; с другой — единомыслие с исконным врагом римлян противоречило всему складу убеждений и мыслей последнего из крупных марианцев.

Занятый разрешением принципиально важного вопроса, вызывавшего резкие споры среди марианской верхушки, и секретной перепиской с виднейшими представителями партий Г. Котты, Красса и Цетегга, Серторий весь 73 год не вел лично военных действий. Против Помпея и Метелла действовали главным образом легаты.

Но в связи с разгоравшейся в Италии войной рабов последние явно утратили прежний боевой дух и энергию. Помпей и Метелл ловко этим воспользовались, они успешно теснили врагов, расширяя сферу своего влияния, массами переселяли с вражеской территории мужское население в подчиненные им местности.

Так всю весну и лето шла в Испании кампания 73 года. С наступлением осени обе стороны отвели войска на зимние квартиры.

IV

В январе 73 года бои под Кизиком достигли наивысшего ожесточения. С каждым днем положение многочисленной армии Митридата, стиснутой кольцом укреплений Л. Лукулла, становилось все сложнее из-за непрерывно ухудшавшегося снабжения. Все большее количество солдат умирало от болезней, истощения и холода. Товарищи, близкие к отчаянию, выбрасывали их за ворота лагеря.

Митридат ходил с непроницаемым выражением лица (он очень хорошо владел собой). Полководцы опасливо обменивались мнениями у него за спиной: царь был крут нравом и непрошенных советов не любил. Из боязни царского гнева никто не смел вновь выступить с советом снять осаду Кизика и идти на прорыв.

Первыми не выдержали мучений голода скифы: они стали свежевать мертвецов, жарить их мясо на огне и есть. Их примеру последовали другие варварские племена.

Кизикийцы быстро почувствовали ослабление неприятельского натиска. Воодушевляемые своим командующим Писистратом, они делали частые вылазки. Скоро им удалось подрывать и обрушить подкоп, ведущийся Митридатом с горы Диндим, а потом сжечь его осадные машины, придвинутые к городским стенам, — дивное творение фессалийца Никонида.

Новая удача врагов лишила понтийских полководцев последних остатков терпения. Гермократ и Таксил, самые влиятельные среди них, почтительно, но твердо стали просить царя вновь собрать военный совет. Царь согласился.

Бурным было заседание. Гермократ описал царю без прикрас весь ужас положения войска, указал на реальную опасность лишиться кавалерии как боевой силы — в непрерывных поисках пищи кони сбили себе копыта.

Гермократа поддержали другие военачальники. Они предлагали снять осаду Кизика и искать разрешения стратегических задач другими путями.

Но Митридат никак не хотел с таким предложением примириться. Он выступил с новым планом и заставил военный совет принять его. Для прорыва части войска в Вифинию он выбрал в качестве военачальника Гермократа как одного из лучших полководцев.

Гермократ энергично взялся за подготовку похода. Февральским вечером он выслал на судах в тыл римлянам, в одно из старых укреплений, сильный отряд. Последний благополучно добрался до назначенного ему места и там закрепился.

Л. Лукулл во главе легиона и части вспомогательных сил тотчас поспешил к вражескому укреплению, осадил понтийцев и стал пытаться выбить их оттуда.

А Гермократ, пользуясь сгустившейся темнотой, вышел со своей 10-тысячной армией, большей частью кавалерии (около 9 тысяч коней) и обозом почти всего войска (40 тысяч человек) и двинулся на юго-восток. Он держал путь на Аполлонию, имея намерение пробиться к морю, к продовольственным базам.

Получив известие об уходе из лагерей значительной массы понтийцев, Л. Лукулл оставил легион и приданные ему вспомогательные части осаждать врага в крепости, а сам с отрядом всадников поспешил назад.

Утром вдруг пошел снег. Подул сильный ветер. Температура упала до минус 10°. Тем не менее Л. Лукулл, несмотря на исконное отвращение

римских полководцев к зимним походам, призвал солдат напяречь силы и бросился в погоню за уходящим врагом. С собой он вел один римский легион, вспомогательные войска и 2 тысячи кавалерии. У реки Риндак Лукулл настиг врагов и нанес им страшное поражение, захватил 6 тысяч коней, несметное количество вьючного скота и 15 тысяч пленных.

Вид пленных товарищей, проведенных мимо понтийских лагерей, а также известие о гибели Гермократа — все это произвело на понтийцев очень тяжелое впечатление.

По настойчивой просьбе полководцев Митридат вновь созвал военный совет. Полководцы во главе с Таксилем умоляли царя уступить неотвратимому року, снять осаду и идти на прорыв всем войском. Митридат не соглашался. Только что он получил из лагеря Л. Лукулла очень приятное известие. Полагая, что его собственные интриги в римском лагере дали наконец желанные плоды, он отложил решительный ответ своим военачальникам.

Вызвав одного из адмиралов, Аристоника, и одного из любимейших придворных, Архелая, Митридат объяснил им ситуацию. «Войско фимбрианцев, — сказал он им, — у Лукулла находится под подозрением: когда-то его командиры вместе с Фимбрией убили консула Флакка, и вот теперь они тайно прислали ко мне послов. Они обещают перейти на мою сторону. Ты, Архелай, отправляйся к ним, чтобы утвердить условия перехода и привести перебежчиков». Архелай согласился и вместе с охраной тайно, ночью, отбыл в лагерь Лукулла. Но получилось все не так, как надеялся Митридат. Фимбрианцы во время переговоров напали на Архелая, охрану перебили, а его взяли в плен.

Таким образом, всем стало ясно, что Митридат попал в новую, хитро расставленную ловушку Л. Лукулла и потерпел новое унижительное поражение.

Но и этим не довольствовалась судьба. Она словно ополчилась на Митридата. После сильнейших холодов грянула внезапная оттепель — предвестник наступающей весны. Многочисленные тела умерших, брошенные без погребения, теперь словно мстили за это ослабевшей от недоедания армии. Разлагаясь на солнце, они вызвали эпидемию. Жители Кизика, извещенные о двух крупных поражениях Митридата, участвовали в вылазках. Только теперь Митридат смирился и наконец дал согласие на снятие осады города.

Полководцы (Таксил, Марий, Гермей) быстро сделали все необходимые к походу приготовления и в одну из ночей выступили из лагеря. Сам Митридат, как и было решено, на судах и с лучшей частью

войска (около 50 тысяч человек понтийцев и римлян во главе с М. Барием), распространив слух, будто он возвращается в родное царство, на самом деле через Геллеспонт отправился на юг — на Крит. Он имел намерение оттуда, со своей главной военно-морской базы, находившейся под прочной властью пиратов, его союзников, совершить внезапное нападение на Италию.

Другая часть понтийских и серторианских войск — пехота без обозов, несколько тысяч человек конницы — поспешно двигалась на запад в направлении Лампсака, находившегося на побережье Геллеспонта. В авангарде шел М. Марий, в центре — Гермей, арьергард вел Таксил. Узнав об этом, Л. Лукулл с частью войска погнался за понтийцами, вновь атаковал врагов — при переправах через реки Эсеп и Граник, — вновь нанес им поражение, взял множество пленных и перебил 20 тысяч. Таксил, отчаянно сражавшийся, как говорили, пал в битве.

С огромными потерями остатки понтийских войск добрались до Лампсака и здесь укрепились.

Тем временем Митридат обратился против находившегося неподалеку от Кизика города Приапа и овладел им. Чтобы дать солдатам оправиться от пережитых несчастий и внушить им новые надежды, царь позволил им разграбить наиболее богатую часть города. При этом его солдаты — при всеобщем стенании граждан и жрецов — выгребли «подчистую» все богатства из сокровищницы храма Артемиды и даже увезли с собой старинную статую богини!

Из Приапа Митридат переправился на полуостров Херсонес Фракийский. Внезапным налетом он попытался взять город Перинф, стоявший на стороне римлян, но потерпел неудачу. Тогда он через Геллеспонт со своим войском и флотом отправился на юг, на Крит. АЛ. Лукулл, считая достаточными удары, нанесенные им врагу, торжествующим победителем вступил в освобожденный Кизик. Насладившись заслуженными почестями и любовью граждан (в честь его они установили новый праздник «лукуллии»), ближайший соратник Суллы двинулся с войском к Лампсаку и осадил его.

Осада, как он сразу понял, из-за отсутствия кораблей ничего не обещала. Поэтому Л. Лукулл оставил под городом часть сил, а с другой двинулся вдоль побережья Геллеспонта, набирая корабли. Ввиду его побед никто не смел ему возражать.

Тем временем Митридат со своим войском и флотом прибыл на остров Парос (до Крита оставалось около 240 километров; при хорошем ветре суда в ту эпоху проходили 220 километров за 20 часов).

Здесь Митридат решил на несколько дней остановиться, выжидая хорошей погоды, прибытия армий и жителей из Лампсака. Он был уверен, что победоносный Лукулл немедленно подвергнет их осаде.

Посланные Митридатом корабли быстро добрались до Лампсака. Там царил почти паническая обстановка. Воины и командиры, обозленные непрерывными поражениями, судачили уже об измене полководцев. Говорили, будто они за большие деньги продались Лукуллу, что их всех бросили здесь погибать, как бросили больных и раненых в лагере под Кизиком (разъяренные ужасами осады, жители Кизика тут же перебили всех оставленных понтийцев), и т. п.

Возвращение кораблей из Пароса встретили бурным ликованием. Каждый хотел поскорее попасть на спасительное судно. Всякий боялся, что именно ему не хватит на нем места. Сломав строй, с оружием и спасенными пожитками, толпы солдат бросились к причалам. Изрыгая брань и проклятия, давя друг друга, совершенно осатанев, они бросались на корабли, не слушая ничьих приказов, нанося удары кинжалами и мечами направо и налево. Каждый заботился только о себе! От такой посадки много судов перевернулось и тысячи людей утонули.

Сутки спустя корабли Митридата доставили совершенно расстроенные части из Лампсака вместе с его жителями на остров Парос. Митридат приказал разместить воинов на ночлег, накормить их, раздать им денег из своей казны. Сам же он со своими полководцами стал держать совет о положении дел, возможных планах и перспективах. Варий и Марий стали отговаривать царя от участия в экспедиции в Италию.

— Царь! — говорили они. — Тебе следует вернуться в Понт. Твое царство — наша единственная опора и надежда благодаря исключительному богатству. Даже если намеченная экспедиция в Италию не будет иметь успеха (на войне всё возможно: Пирр и Ганнибал тоже воевали в Италии — и не добились успеха!), но Понт сохранится под законной властью, как было после Первой и Второй твоей войны, наше дело не погибнет. Но если Л. Лукулл одолеет Диофанта или сумеет его подкупить, тогда всё погибло! Потеря твоего царства погубит нас всех! Диофант — ты и сам это знаешь! — не в силах заменить тебя. Кто может равняться с тобой своим влиянием, своей великой государственной мудростью?!

Митридат согласился с таким рассуждением и после обсуждения объявил свое решение: нападение на Италию будет производиться четырьмя армиями (две римские, две понтийские) под начальством следующих полководцев: Варий, Марий, Александр из Пафлагонии,

Дионисий-евнух. Он сам с оставшейся частью войска возвратится в Понт и будет защищать его от победоносного Лукулла.

Услышав такой ответ Митридата, римские полководцы вздохнули с облегчением: труднейшая, щекотливая проблема была успешно решена. Дело в том, что Марий и Варий втайне не хотели совместного с Митридатом похода на Италию. Оба хорошо понимали крайнюю невыгодность для них всех возможных ситуаций: 1) именно, что царь с его авторитетом и самовластием свяжет их в Италии по рукам и ногам, превратит в свой бессильный придаток; говорить с ним как с рядовым понтийским полководцем, с позиций равных, они не могут при всем желании; 2) появление в Италии Митридата в качестве их союзника с неизбежным разорением итальянских сел и городов произведет плохое впечатление на общественное мнение, даст сильный аргумент в руки их врагов — сулланцев. Конечно же они тогда скажут так: «Вот они каковы, негодяи: привели в Италию против родины нашего заклятого врага — Митридата!» И тогда народы Италии, несомненно, откажут марианцам в поддержке.

В соответствии с принятым решением Митридат оставил полководцам часть флота и 40 тысяч войска. С остальной частью войска и флота он двинулся в обратный путь к Геллеспонту. Царь намеревался быстро пройти через него, захватить попутно некоторые города, стоявшие на стороне римлян в Пропонтиде, и обосноваться в приморской столице Вифинии Никомедии. Если там не удастся закрепиться, прорваться через пролив Боспор Фракийский, войти в Понт Эвксинский (Черное море) и закрепиться в приморских северных городах Вифинии, чтобы преградить путь в Понт победоносному Лукуллу.

Погода все ухудшалась. Дул сильный, леденящий ветер. Волны с грохотом накатывались на берег острова, оставляя за собой тучи брызг. Озабоченные кормчие совещались.

— Царь! — говорили они. — Надвигается сильная буря! Нельзя выходить в море и рисковать флотом! Следует переждать непогоду!

— Вот и хорошо! — отвечал Митридат. — В такую бурю римляне не посмеют выйти в море: у них не хватит смелости, они слишком благоразумны! А мы выйдем и под покровительством богов успешно дойдем до намеченной цели!

Вечером понтийские корабли вышли в море. Ветер всё крепчал. Началась страшная буря. Огромные валы накрывали сверху наиболее перегруженные суда, опрокидывали их, и те, наполнившись водой, тонули. Другие корабли с изломанными веслами, с сорванными парусами яростный

ветер уносил куда-то в сторону...

Сутки спустя в ночной темноте с огромными потерями в результате бури и при высадке Митридат пристал со своим флотом и войском у острова Лемнос. Потери войска оказались очень велики. Поэтому царь тотчас послал один корабль назад на Парос с приказом Варию, Дионисию и Александру привезти 30 тысяч войска к нему на Лемнос, оставив Марию для похода в Италию только 50 кораблей и 10 тысяч войска.

Полководцам пришлось подчиниться и, как велел Митридат, с большей частью войска снова отправиться на север — на Лемнос. Отправленный ими вперед быстроходный корабль извещал царя, что они идут по его приказу на Лемнос, но с гораздо меньшим количеством кораблей и солдат, так как и они в бурю понесли значительные потери...

Донесения полководцев Митридат получить не успел. Обстановка менялась крайне быстро. Пошел слух, что Л. Лукулл с большим успехом собирает корабли. Поэтому Митридат поспешил оставить Лемнос, боясь быть отрезанным от собственного царства. Через Геллеспонт он вновь вошел в Пропонтиду (Мраморное море) и, минуя Кизик, двинулся на самый крайний восток ее. Там он занял Никомедию (столицу Вифинии), где находился его гарнизон.

М. Варий, М. Дионисий и Александр прибыли с флотом и войском на Лемнос, когда Митридат уже отплыл. Царь, однако, оставил им вполне определенный приказ: стать на якорь у острова и здесь встретить нападение Л. Лукулла. Царь сообщал, что он послал приказ М. Марию тоже идти с войском на Лемнос. Здесь общими силами они должны дать Лукуллу бой и одной битвой решить всё.

Тотчас между полководцами начался шумный спор. Варий, настроенный на поход в Италию, стал возмущаться, высказывать недовольство и несогласие. Александр из Пафлагонии тоже склонялся к прежнему плану, но из разговоров стало вскоре ясно: он просто боится Лукулла и желает поскорее удалиться от него как можно дальше. Только Дионисий, как евнух, привыкший к очень близкому общению с царем и внезапным переменам его мыслей, одобрил, не колеблясь, его приказ и убеждал товарищей ему подчиниться.

А Марий, оставшийся на Паросе с частью войска, с нетерпением считал часы, предвкушая начало желанного похода на Италию. Вдруг — о, величайшая неожиданность! — прибыл приказ от Митридата и Вария идти с войском и флотом на Лемнос, на соединение с находящимися там частями. Приказ отменял — или по крайней мере отсрочивал? — поход на Италию.

Пока Марий размышлял и колебался, как быть — исполнять второй приказ или нет? — вдруг грянула новая неожиданность: из далекой Испании от Сертория с короткой остановкой на Крите прибыла небольшая эскадра испанца Исидора. Этот пиратский адмирал тоже привез приказ от Сертория. Приказ — невероятное дело! — тоже отменял поход на Италию!

Прочитав столь поразительный приказ, потрясенный Марий никак не мог взять в толк: в чем причина такой внезапной перемены в политике?! Или сулланцы, недавние яростные враги, вдруг стали друзьями?!

Все офицеры Мария — с ними он тут же устроил военный совет — встретили приказ Сертория с возмущением. Они предлагали Марию не исполнять его. Но Марий, поразмыслив, решил так: осторожнее будет выполнить по крайней мере первый приказ, полученный от Митридата и Вария, двинуться на Лемнос, соединиться со своими и там вместе обсудить самый трудный вопрос: следует ли отменять поход на Италию?

Приняв такое решение и объединив два флота — свой и адмирала Исидора — в единую эскадру, М. Марий вышел в море и двинулся на север, к Лемносу. Буря заставила суда отклониться от курса и отнесла их к азиатскому берегу, к Ахейской гавани.

Тем временем Лукулл, энергично собиравший суда, в несколько дней набрал около 70 кораблей. Когда Л. Лукулл остановился на ночлег в Александрии Троаде (в храме Афродиты), по его словам, ему приснилась богиня. Она сказала ему, мучимому мыслями о кораблях и вражеских кознях, так: «Могучий лев, что спишь? Олени от тебя неподалеку!»

Обеспокоенный Л. Лукулл поднялся среди ночи и рассказал о сне друзьям. А несколько часов спустя прибыл вестник из Илиона и сообщил, что городские часовые заметили возле Ахейской гавани (между материком и островом Тенедос) около 50 неприятельских кораблей. Л. Лукулл немедленно поднял на ноги солдат, посадил их на суда и погнался за врагом.

Догнав их, Л. Лукулл дал врагу бой.

Тринадцать понтийских пентер, кораблей с пятью рядами весел, были взяты на абордаж. Понтийцы потеряли своего адмирала — испанца Исидора, Остальная часть неприятельского флота обратилась в бегство.

Пересадив на взятые в плен неприятельские корабли часть людей, Л. Лукулл двинулся к острову Лемнос — именно туда поспешно уходили потерпевшие поражение враги.

М. Марий — это был он — стал обходить остров с севера. Он хотел причалить у северо-западной его оконечности, у небольшого островка Найт, рассчитывая, что Л. Лукулл не сможет здесь высадиться из-за

большой осадки его кораблей.

Все его расчеты не оправдались.

Через несколько часов после подхода кораблей Лукулла к острову все было кончено: армия М. Мария совершенно разбита, огромное количество воинов убито и попало в плен; не избежал его и сам полководец.

Таким образом, спор, начатый на полях Фригии у Отрий, решился в пользу Л. Лукулла.

Покончив с неприятельской армией, победитель часть кораблей (в том числе и из вновь захваченных) вместе с солдатами вручил своему легату Кв. Воконию. Он поручил ему отправиться в город Никомедию, где находился Митридат, и закрыть царю путь к бегству по морю.

С кораблями и солдатами Кв. Воконий вышел в море. А Л. Лукулл посадил оставшихся у него воинов на другие суда и отправился с ними к тому месту острова Лемнос, где, согласно показаниям пленных, находилась другая часть понтийско-серторианских войск под начальством М. Вария, Дионисия и Александра.

Эти-то последние, получив при высадке М. Мария на сушу его письмо о приближении Л. Лукулла и просьбу о помощи, вступили между собой в жестокий спор. Дионисий хотел немедленно идти на соединение с М. Марием. Но М. Варий, ненавидевший последнего как удачливого полководца и соперника, не соглашался с ним и под всяческими предложениями отклонял его предложение. Из тех же побуждений по отношению к Дионисию его поддерживал Александр.

Три полководца спорили и препирались между собой до тех пор, пока Л. Лукулл не появился перед ними.

И вновь солдаты Л. Лукулла разбили противника в бою на суше, загнали бежавших на корабли. Последние в спешке стали сниматься с якоря. Боясь Л. Лукулла, они не смели выйти в море и поплыли вдоль берега, надеясь на свою малую осадку.

Теснимые, однако, с моря судами Л. Лукулла, понтийцы в конце концов вновь были вынуждены причалить. Но на суше их экипажи опять оказались под ударом солдат Л. Лукулла. Здесь последние окончательно их разбили и обратили в беспорядочное бегство. Сами полководцы, потеряв много людей убитыми, совершенно отчаявшись, укрылись в какой-то пещере. Разъяренные победители ворвались и туда. Дионисий принял яд и тотчас умер (в качестве евнуха и человека, близкого к царю, он знал все перемены счастья и — для безопасности — всегда носил с собой в перстне яд); М. Барий и Александр из малодушия сдались — они питали еще надежду на пощаду.

Всех пленных быстро рассортировали. Знатных понтийцев во главе с Александром Л. Лукулл решил сохранить для своего триумфа, остальных продать в рабство. Пленные марианцы один за другим прошли перед судебным трибуналом победителя. Все командиры, включая М. Вария и М. Мария, были приговорены к смерти и казнены немедленно.

Пленные марианцы держали себя мужественно. Они осыпали Л. Лукулла и его солдат и командиров отборной бранью и проклятиями, грозили мстью и высказывали лишь одно сожаление, что им не удалось вторгнуться в Италию и расправиться с гнусным, продажным, преступным сенатом.

В Италии двойная победа Л. Лукулла над серторианскими и понтийскими армиями и флотом была оценена очень высоко. Впрочем, он и сам тому немало содействовал, определенным образом «подправив» порядок событий. Этим он ввел в заблуждение большое количество людей, даже и самых осведомленных. Цицерон в речи «За закон Манилия» (66 год) излагал поэтому данный эпизод так (едва ли тут имело место только одно желание польстить Л. Лукуллу): «Им же был разбит и уничтожен огромный, прекрасно оснащенный флот, который под начальством вождей-серторианцев и с пылающим ненавистью экипажем неся к берегам Италии(!)».

Эти преувеличения, сильно способствовавшие упрочению военной славы Лукулла и его авторитету, имели для него и еще одну хорошую сторону: его соратнику Кассию Барбе под победные фанфары удалось наконец вырвать у сената постановление о выдаче Л. Лукуллу из государственной казны 3 тысяч талантов на строительство военных кораблей (позже, ввиду своих грандиозных успехов, победоносный полководец даже отказался от этой субсидии!); он же привел с собой огромное множество добровольцев, надеявшихся быстро обогатиться под начальством столь удачливого полководца.

Разделавшись с врагом на острове Лемнос, Л. Лукулл вернулся к Лампсаку, у стен которого он оставил часть войска. Победителя встретили с ликованием.

А Митридат тем временем спешил в Гераклею, в которой взяла верх римская партия. По пути он вновь попал в страшную бурю и потерял много кораблей. С оставшимся войском Митридат все-таки занял город (ему удалось склонить на свою сторону его правителя Ламаха), вернул понтийскую партию к власти и подкрепил ее 3-тысячным гарнизоном во главе с кельтом Коннакориком. Жителям города и особенно магистратам — с целью снискать их расположение — он щедро раздал деньги. Из Гераклеи

Митридат отправился в столицу Вифинии Никомедию. Одновременно часть судов он послал осадить отложившийся от него Византий.

Высадившись в Никомедии, Митридат разослал части войска в качестве гарнизонов в Апамею, Пруссию, Прусиаду и Никею. Казалось, что, несмотря на жестокие удары судьбы, дела начинали налаживаться. Вдруг прибыли корабли с последними письмами от М. Мария и Александра, извещавшими о появлении флота Л. Лукулла и о предстоящем бое, затем пришли слухи — вскоре подтвердившиеся — о полном поражении войск и флота у острова Тенедос и острова Лемнос.

Страшные вести о потере флота, о гибели четырех армий на Лемносе глубоко потрясли Митридата, его полководцев и всё войско. Рухнула главная надежда — надежда на победу над Лукуллом. Теперь следовало ожидать нападения победоносного врага на Понт и единодушной измены всех вифинских городов.

После совета с полководцами Митридат решил немедленно возвратиться в отеческие пределы. Сев на царский корабль, посадив находившиеся при нем войска на другие суда, Митридат очистил Никомедию и вышел в море.

А Л. Лукулл, вернувшись в лагерь к Лампсаку, прежде всего справился о царе и Кв. Воконии. Рассказ Л. Мурены, которого он оставил в качестве заместителя, его возмутил. Оказалось, что Кв. Воконий, выйдя в море, соблазнился мыслью зайти «попутно» на остров Самофракию и приобщиться к таинствам древних богов Кабиров. Так как остров находился поблизости от острова Лемнос, то легат успокаивал себя мыслью, что он успеет еще выполнить поручение полководца.

Но, прибыв на остров, Кв. Воконий слишком увлекся беседами со жрецами и религиозными праздниками. В результате Митридат (а он уже переместился в Никомедию) узнал о поражении своих армий и флотов раньше, чем Кв. Воконий, и, никем не теснимый, оставил город и отправился в Понт. Дорогой он вновь попал с войском и флотом в страшную бурю. Она потопила часть его кораблей, а часть их рассеяла. Потерпел катастрофу и царский корабль. Митридат пересел на пиратское легкое судно и вопреки надеждам недоброжелателей благополучно добрался до Геракл ей Понтийской. Оставив здесь сильный гарнизон во главе с кельтом Коннакориком, он отплыл в Синоп. Воконию ничего не оставалось, как блокировать оставленный царем в Никомедии понтийский гарнизон. Разгневанный неповиновением, Л. Лукулл немедленно послал Воконию письмо, приказывая передать командование новому адмиралу — Л. Марцию Цензорину, а самому возвращаться из-под Никомедии назад к

Лампсаку.

В соответствии с изменившейся обстановкой (зима кончилась, и наступила весна) Л. Лукулл внес новые поправки в прежний план кампании. Получив распоряжение от своего командующего, полководцы со всем рвением взялись за их исполнение. Успехи, однако, оказались неодинаковы. М. Котта, обратившийся против Гераклеи, сразу же потерпел новое поражение и ушел под Прусиаду «помогать» Кассию Барбе брать ее. Совместными усилиями они взяли город. Набрав новые вспомогательные войска из вифинов, М. Котта вновь вернулся под Гераклею. Коннакорик, начальник понтийского гарнизона, и городские власти отправили послов в Херсонес и Феодосию за продовольствием; они просили также о помощи владетелей Скифии и династов Боспора.

Развязки под Гераклеей не было видно...

В других местах операции для римлян шли успешнее. Л. Мурена на юге теснил Эвмаха. Кассий Барба захватил Никею. Г. Триарий взял Апамею, произвел ужасное избиение апамейцев, а вслед за тем уничтожил у острова Тенедос возвращающийся из Испании и с Крита флот Митридата (около 80 кораблей).

Эта победа Г. Триария окончательно сокрушила силы Митридата на море и лишила последней надежды организовать десант в Италию.

К концу мая военные операции успешно закончились: за исключением Гераклеи, города были взяты, Эвмах уничтожен Л. Муреной. Все полководцы, гордые успехами, собрались с войсками у столицы Вифинии Никомедии, взятой победоносным Триарием.

Пока его полководцы возвращали под власть римлян отпавшие города, Лукулл старался вернуть к мирной жизни провинции Вифинию и Азию. Дело оказалось сложным. Л. Лукуллу приходилось все время сталкиваться с откупщиками, этими «почтенными и степенными людьми», как дипломатично называл их Цицерон. Без всякого стеснения и пощады они грабили и обдирали провинциалов.

Имея в виду, во-первых, интересы государственной казны, во-вторых, необходимость создания спокойного тыла, уничтожения причин для озлобления против римлян, по крайней мере на время ведения войны, в-третьих, разгравшуюся в Италии войну рабов, Л. Лукулл решил принять энергичные меры для умиротворения Азии и Вифинии (позже и Киликии). С этой целью он ограничил общую сумму процентов размером самой ссуды. Все «деловые люди» были крайне недовольны таким нововведением. Но Л. Лукулл лукаво пообещал им, что введенная мера «временная». Поневоле откупщики смирились.

Летом 73 года в Никомедии состоялся военный совет. На нем присутствовали 13 человек: Л. Лукулл, М. Котта, Аппий Клавдий Пульхр, Л. Мурена, Г. Валерий Триарий, Кв. Воконий, М. Помпоний, Кв. Секстилий, М. Помпей, Сорнаций, Кассий Барба, М. Фабий Адриан, Л. Марций Цензорин. Многие из присутствующих — молодые люди, опьяненные огромными успехами, прельщенные роскошью и прелестями жизни покоренной Азии, высказывались за предложение М. Котты: дать армии отдых после великих трудов, непрерывных боев и осад. Основания к такого рода действиям они видели в следующем: Вифиния, Азия и Киликия очищены от войск Митридата; его хорошо обученные армии на 3/4 уничтожены или пленены; он почти полностью лишился своего флота, насчитывавшего 400 триер; сам царь опозорен неудачами; его враги в Вифинии и Азии ободрились; союзники пали духом; верность сановников и полководцев поколебалась; многие думают об измене, о чем свидетельствуют тайные посланцы. Митридат — человек конченный, он не сможет уже оправиться. Поэтому без всякого вреда для дела можно предоставить себе отдых.

Предложение молодых соратников Л. Лукулл отклонил. Он предложил другой план: немедленно перенести военные действия на территорию Понта. Вторжение в царство Митридата произвести сразу с двух сторон: одной колонной (под начальством Л. Мурены) через Вифинию — Пафлагонию вдоль побережья Понта Эвксинского на столицы Митридата — Синопу и Амис (всего у Митридата было три столицы); второй колонной (под его собственным начальством) через Вифинию и Галатию с юго-запада, через реку Галис, через сельские местности, в обход греческих городов, которые он станет подчинять мирным путем; обе колонны должны соединиться у Амиса. М. Котта со своим войском вновь обратится против Гераклеи и доведет ее осаду до конца. Г. Триарий, показавший способности отличного адмирала, возьмет на себя охрану проливов. Он будет отражать корабли Митридата, возможно, задержавшиеся еще на Крите и в Испании. План Л. Лукулла — хотя и не слишком охотно — был принят военным советом.

В июне 73 года, выделив Л. Мурене часть сил (большая часть их состояла из бывших серторианцев-военнопленных и вновь набранных вспомогательных войск), Л. Лукулл через Вифинию и Галатию произвел вторжение в Понт.

Он шел через сельские местности, разоряя их с помощью отрядов пехоты и конницы. Митридат пытался его остановить, посылая против него своих лучших полководцев. Происходили частые стычки, в большинстве из

которых верх брали римляне.

Когда войска вступили в плодородную долину реки Термодонт (до Амиса оставалось каких-нибудь 200 километров), для римлян наступило желанное изобилие: «Бык стоил в лагере драхму, раб — четыре драхмы, а прочую добычу вообще ни во что не ставили и либо бросали, либо уничтожали» (Плутарх). Но всеми овладела неуголимая алчность. Воины жаловались на отсутствие денег, так как торговцы в этом трудном походе не пожелали следовать за ними и добычу некому было сбывать. Но особенно раздражал легионеров маршрут, избранный Л. Лукуллом, оставлявший в стороне города (полководец, как и задумал, приводил города к подчинению мирным путем). Солдаты негодовали, что предводитель не позволяет разграбить хотя бы один город. Но Л. Лукулл не обращал внимания на недовольство.

Со своей стороны, офицеры тоже начали критиковать полководца. Они высказывали опасение (позабыв уже прежние речи), что неуголимый царь, которого Лукулл не хотел преследовать, сумеет в короткий срок создать новую, хорошо обученную армию.

— Этого-то мне и нужно, — отвечал им Л. Лукулл, — я медлю с умыслом: пусть царь снова усилится и соберет достаточно для борьбы войска, так, чтобы он оставался на месте и не убегал при нашем приближении. Или вы не видите, что за спиной у него беспредельные просторы пустыни, а рядом — Кавказ, огромный горный край с глубокими ущельями, где могут найти защиту и прибежище хоть тысячи царей, избегающих встречи с врагом. К тому же от Кабир (крепость в юго-восточной части Понта. — В. Л.) всего несколько дней пути до Армении, а в Армении царствует Тигран, царь царей, который со своей ратью преграждает парфянам дорогу в Малую Азию, а греческие городские общины переселяет в Мидию, который завладел Сирией и Палестиной, а царей из рода Селевка предаст смерти и уводит в неволю их жен и дочерей. И такой человек — родственник, зять Митридата! Уж если тот прибегнет к его защите, он не оставит его в беде и начнет с нами войну. Как бы нам, торопясь выгнать Митридата из его владений, не связаться на свою беду с Тиграном! Ведь он уже давно ищет предлога для войны с нами, а где же он найдет лучший, чем помочь в беде царственному родичу? К чему нам добиваться этого, зачем учить Митридата, к чьей помощи прибегнуть в борьбе против нас? Зачем загонять его в объятия Тиграна, когда он сам этого не хочет и считает за бесчестие? Не лучше ли будет дать ему время собрать свои собственные силы и снова воспрянуть духом — ведь тогда нам придется сражаться не с мидянами и армянами, а с колхами,

тибаренами-каппадокийцами, которых мы много раз бивали!

Пока Л. Лукулл совершал разъезды по Вифинии и Азии, приводя в порядок местные дела, царь энергично собирал новое войско. Он отправил письма к сыну Махару на Боспор, требуя от него пехоту. С такой же просьбой он обратился через послов к своему зятю Тиграну. Он разослал вербовщиков с деньгами и подарками на Кавказ и в Скифию.

Войско собиралось, но больше его собственными трудами. Махар отделялся с помощью обещаний. Тигран — с помощью дипломатических уверток.

Со своими советниками — Метродором из Скепсиса («отцом царя») и Каллистратом («поверенным тайн царя») Митридат изобретал различные способы, с помощью которых можно принудить неверных друзей оказать ему помощь. Но никто не мог придумать ничего хорошего. Верность самих советников и полководцев царя от непрерывных неудач явно поколебалась. В сговоре с Махаром тайные переговоры с Л. Лукуллом начал Селевк. Диокл, посланный к скифам вербовщиком, получив от римского полководца обещание безопасности, бежал к нему с золотом и дарами. Его примеру последовали многие другие, рангом пониже.

Разгневанный Митридат ответил новой жестокой чисткой среди близких к нему людей.

Войска собирались. И когда Л. Мурена появился с войском в Пафлагонии, царь мог уже встретить его и оказать римлянам сопротивление, постепенно под натиском энергичного противника отходя на восток, вплоть до Амиса. Здесь противники остановились и яростно сражались, не доводя, однако, дела до генерального сражения.

Только с приходом армии Л. Лукулла под Амис (середина июля) Митридат оказался вынужденным отступить на юго-восток, в сторону Армении. В Амисе и Евпатории, двух своих столицах, в Темискаре, по преданию, бывшей столице амазонок, в Синопе он оставил сильные гарнизоны.

Л. Лукулл не стал преследовать Митридата. Он расположил часть своих войск рядом с войсками Л. Мурены у стен Амиса, а остальные разделил для осады Евпатории (командующий Аппий Клавдий) и Темискары (командующий М. Помпей).

Вторую половину года римляне провели в осаде этих крепостей.

Только один раз за оставшиеся месяцы 73 года Л. Лукулл поколебался в решении вести длительную осаду — когда Митридат с 40-тысячным войском и 4 тысячами конницы с целью разведки вражеских замыслов от Кабир вновь двинулся на север, к побережью.

Предполагая, что он ищет битвы, Л. Лукулл снял с укреплений из-под Амиса часть войск и двинулся ему навстречу. Это движение вызвало у его воинов сильнейшее раздражение. Митридат их интересовал теперь гораздо меньше, чем Амис с его богатствами. И дерзкие крикуны из фимбрианцев, привыкшие критиковать и не повиноваться полководцам, возбуждая массу, говорили:

— Вот ведь и теперь мы могли бы легко взять Амис, этот цветущий и богатый город, стоит только живее взяться за осаду, но нам приходится всё бросить, чтобы идти за этим человеком в Тибаренскую и Халдейскую пустыни воевать с Митридатом!

Такие речи находили сочувственный отклик у воинов. Но Л. Лукулл делал вид, будто он ничего не знает и не слышит.

Приблизившись к неприятелю и проведя первые стычки, Митридат убедился в согласии Л. Лукулла на сражение. После некоторых колебаний царь решил не рисковать недавно набранным войском и повернул назад к Кабирам.

Тогда и Л. Лукулл, к удовольствию воинов, приказал повернуть назад к Амису.

Так закончилась на малоазийском, вифинском и понтийском театрах военных действий кампания 73 года.

Глава шестая

ПЕРВЫЕ УСПЕХИ СПАРТАКОВЦЕВ

Город Капуя принадлежал к числу самых знаменитых городов Италии. Находился он в области с исключительно плодородными землями, с чудесным, мягким климатом, позволявшим получать обильные урожаи. Основали Капую, по преданию, в VI веке до н. э. этруски во главе с жрецом Каписом (латин. *capis* — жертвенная чаша). Гробница его сохранялась в городе и во времена Спартака. В стену ее была вделана медная доска с надписью: «Если когда-либо будут открыты кости Каписа (то есть если гробница будет вскрыта. — В. Л.), то его потомок падет от руки родственников, а затем месть за него будет сопряжена со страшными бедствиями для Италии».

Этрусское влияние долго держалось в Капуе и способствовало тому, что город в короткое время набрал силу, приобрел значительные богатства и могущество. Улицы его были застроены великолепными общественными и частными зданиями. Город окружали мощные стены. Население отличалось образованностью, тесными связями с Этрурией, Грецией, Африкой, утонченным вкусом, умением всласть пожить.

Капуя выводила в окрестные земли колонии и далеко распространила свое влияние. Ее торговцы развозили изделия местных ремесленников по многим странам тогдашнего мира. На здешних рынках встречались купцы из разных земель.

Будучи городом значительным по экономическому, политическому и культурному влиянию, Капуя сама претендовала на важную роль в политической жизни Италии. Поэтому она враждебно относилась к Риму, претендовавшему на власть над всей Италией.

Во время Второй Пунической войны Капуя стала на сторону Ганнибала, надеясь с его помощью сокрушить Рим (полководец Карфагена сулил, что Капуя будет столицей Италии и что римляне вместе с прочими станут от нее получать законы!). Война оказалась неудачной. Рим после многих тяжелых поражений все-таки победил. Войска его осадили Капую и взяли ее. Члены сената Капуи и многие представители знати, враги римлян, покончили жизнь самоубийством. С остальными расправились сами победители: одних казнили, других заключили в тюрьму, третьих выслали в другие города, где они и закончили свои дни, большинство жителей

продали в рабство. Из старого населения римляне пощадили главным образом некампанцев: купцов, ремесленников, вольноотпущенников. К ним они добавили местных пастухов и переселенцев из Рима.

Чтобы Капуя снова не воспрянула, римляне (после разрушения Коринфа и Карфагена они только ее считали для себя настоящей соперницей) все земли города, все общественные здания обратили в собственность римского народа, уничтожили «на вечные времена» городскую общину, сенат, народное собрание, общественные должности (без этих опор население становилось неспособным к совместным действиям).

Судом стал заведовать ежегодно присылавшийся из Рима префект, практически сосредоточивший в руках всю реальную власть.

Сулла еще больше укрепил власть Рима над городом, расположив на конфискованных землях Кампании колонии своих ветеранов (25 тысяч человек). Ветераны в короткое время слились с местной знатью, превратившись, как говорил Цицерон, в людей «благонамеренных и твердых». Обладая большими средствами (восточной добычей, захваченным имуществом проскриптов), в короткое время они произвели значительные преобразования в области Капуи, построив новые дома и виллы, производя насаждения виноградников и оливковых деревьев, наполняя все окрестности стадами скота и толпами новых рабов. Они широко тратили средства на театры, пиры и подкупы народа в Риме, чтобы доставить должности своим друзьям и единомышленникам.

Их привольная и богатая жизнь вызывала страшную зависть у так называемых «порядочных людей», мелких и средних рабовладельцев, не сумевших обогатиться в эпоху гражданской войны, стыдившихся по моральным соображениям покупать имущество проскриптов.

Почти десять лет жизни на широкую ногу, недостаточно умелое ведение хозяйства, к чему у ветеранов не имелось привычки, привели в расстройство состояние многих колонистов, а через 20 лет, ко времени консульства Цицерона, довели их до судебных повесток и приговоров, публикаций о продаже с аукциона имущества. Характеризуя их положение, Цицерон в 63 году говорил правду: «Увлекаясь постройками, как настоящие богачи, наслаждаясь очаровательными поместьями, услугами многочисленной челяди, роскошными пирами, они впали в такие долги, что, если бы им и захотелось избавиться от них, пришлось бы воскресить из мертвых Суллу; в некоторых поселянах — людях маломочных и бедных — они возбудили надежду на грабежи, имевшие место в прежние времена».

Такова была расстановка сил и настроения в округе Капуи в 73 году,

когда наконец городской префект, осаждаемый со всех сторон жалобами и изъятиями недовольства на разбой гладиаторов и беглых рабов, обещал принять против этого решительные меры и нанести удар по Везувию, где, как стало известно, находился центр повстанческого движения.

Префект действительно послал на Везувий сильный отряд со включением в него части местных ветеранов. Но из этой попытки ничего не вышло. Получив своевременно необходимую информацию, Спартак подтянул к Везувию действующие поблизости отряды, легко опрокинул пошедших на штурм капуанских легионеров, устроил им резню и захватил значительную добычу. Последнюю тут же разделили между всеми участниками боя. Оружие легионеров перешло в руки тех, кто сражался еще оружием гладиаторов.

Весть о поражении капуанского войска молниеносно облетела юг Италии. Скандал получился грандиозный. Никто не понимал, как такой конфуз мог произойти. Сенат в Риме был раздражен: обстановка, и внешняя и внутривполитическая, не очень-то радовала, поражение у Везувия еще больше осложняло положение, внушая дерзкие надежды рабам, должникам и наиболее бедной части собственного народа.

Рассмотрев все обстоятельства, относящиеся к делу, сенат поручил консулу М. Лукуллу принять самые энергичные меры для прекращения мятежа. М. Лукулл, брат Л. Лукулла, воевавшего с Митридатом, в это время готовился к отъезду в провинцию Македонию, которую дал ему «жребий» для войны с вновь напавшими на нее фракийцами. После обсуждения возможных кандидатур на роль военачальника против Спартака он остановил свой выбор на преторе того года Г. Клавдии Пульхре (род. в 113 году до н. э.). Он поручил ему набрать для экспедиции шесть когорт (3 тысячи человек) и избавить с ними Кампанию от шайки, засевшей на Везувии.

Легат М. Лукулла и одновременно его родственник был видным аристократом, каких мало имелось в Риме. В его роду, переселившемся в Вечный город из Сабинской земли в VI веке до н. э., числились консулы, цензоры, полководцы и триумфаторы, реформаторы и деятели демократического направления. Чего стоил один Аппий Клавдий Пульхр, консул 143 года, цензор 136 года — тесть Тиберия Гракха, не говоря уже об Аппии Клавдии, цензоре 312 года до н. э., который построил Аппиеву дорогу, соединившую Рим с Капуей, провел первый водопровод, усовершенствовал римский алфавит, культ Геркулеса сделал общеримским, был одним из основателей римского правоведения, покровительствовал вольноотпущенникам и городским плебеям и даже записывал детей

вольноотпущенников в сенат! Сам Гай Клавдий был состоятельный человек, видный сулланский офицер, брат Аппия Клавдия Пульхра, консула 79 года, проконсула Македонии. Этот-то вот Г. Клавдий, или Клодий, имел репутацию способного и опытного военачальника. В ранге военного трибуна он прошел через Первую Митридатovu войну, успешно воевал в Италии с марианцами. Его ум и родовитость, широкие связи, преданность сулланской партии, хорошее знание военного дела способствовали успешному подъему по служебной лестнице. Все эти обстоятельства и определили выбор М. Лукулла. Было, правда, и еще одно, чисто личное. М. Лукулл и весь род Клавдиев полагали, что успешное подавление действовавших в Кампании мятежных гладиаторов и рабов станет самой лучшей рекомендацией военачальника в глазах сената и народа и даст ему решительный перевес на предстоящих вскоре очередных консульских выборах.

Клавдий, или Клодий, как всякий аристократ, разумеется, знал Спартака как известного гладиатора и отважного бойца. Опасаясь хитрого противника, он решил действовать крайне осторожно. Прибыв к Везувию и собрав сведения о гладиаторах, претор вопреки ожиданиям узнал, что те не поспешили рассеяться по окрестностям, но вновь укрылись в неприступном лагере на вершине.

Клодий внимательно изучил местность. Гора отличалась невероятной крутизной и высотой. Спускаться вниз можно было только в одном месте.

Сама местность подсказывала простое решение: построить в кольцевой лощине (позже она называлась Атрио дель Ковалло) — всего в 300 метрах от вершины — укрепленный лагерь, перегородить тропу рвом и валом и заморить врагов голодом.

План Клодия все единодушно одобрили. К ночи укрепленная линия была готова. Римляне торжествовали. И не приходила в голову им мысль: почему Спартак, человек, прекрасно знавший военное дело, позволил себя так по-детски «поймать»?

А всё объяснялось просто. Удержать Спартака на вершине оказывалось невозможно. По его приказу (сделанное Клодием казалось вполне очевидным) через несколько дней к Везувию должны были вновь подойти ближайшие повстанческие отряды и атаковать врага с тыла. Двойной удар по римлянам снизу и сверху сулил верный успех.

Вскоре, однако, план Спартака переменялся. Ему пришла вдруг в голову дерзкая мысль: если спустить своих людей с вершины по лестницам, сплетенным из виноградных лоз, ведь так можно выйти врагу в тыл и разбить его, не дожидаясь прихода подкреплений?..

Мысль вождя гладиаторы встретили с восторгом: такой поистине фантастический трюк (спускаться пришлось бы с высоты в 300 метров) напоминал им переживания арены, позволял еще раз проверить свое самообладание и мужество, а главное — дать удовлетворение честолюбию, совершив подвиг, повторить который не смог бы никто.

Проворно и быстро нарезали гладиаторы виноградные лозы, сплели необходимой длины лестницы и в назначенный Спартак час приступили к операции.

Спуск завершили благополучно. Все до единого гладиаторы сошли вниз, разобрали спущенное оружие и, присоединив к себе некоторые из уже подошедших отрядов, скрытно подошли к римскому лагерю. На рассвете, когда сон крепче, они атаковали его.

Ничего не ожидавшие римляне были разбиты наголову и в страшной панике бежали.

Весть о новой блестящей победе восставших, разукрашенная еще больше молвой и выдумкой (говорили, будто несколько когорт отступили перед 74 гладиаторами), тотчас распространилась по соседним с Кампанией областям. Повсюду рабы ликовали. Наиболее смелые начали обдумывать планы бегства к Спартаку.

А уцелевшие в бою легионеры, проклиная коварного врага, спаслись в Капуе и своими рассказами, в которых правда мешалась с небылицей, вызвали страшную панику. Город тотчас был поставлен на военное положение. Повсюду выставлены дополнительные караулы. Капуанские граждане и ветераны вооружались и занимали места на стенах. Все в страхе ждали нападения на город. В Рим полетел гонец с просьбой о немедленной помощи.

Было это в июне 73 года.

Глава седьмая

СОБЫТИЯ В РИМЕ

МАКР И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

73 год оппозиционные сенату элементы встречали со смешанным чувством ожидания и тревоги. Все понимали: в борьбе партий наступает решительный момент.

Преемником Л. Квинкция выступил новый народный трибун — Г. Лициний Макр (107—66 до н. э.), человек красноречивый, образованный, энергичный и уважаемый в народе.

Цицерон относился к Г. Макру, как и ко всем трибунам оппозиционного направления, крайне недоброжелательно. Соглашаясь с тем, что «у него было обширное и глубокое образование», о его красноречии Цицерон отзывался неодобрительно.

В сенате Макра не любили за нападения на виднейших сенаторов, но поделаться с ним ничего не могли, так как Макр являлся родственником и ставленником М. Красса, а в данный момент заигрывал еще и с Помпеем.

Выступая на народных сходках в 73 году, Макр старался вдохновить слушателей на продолжение упорной борьбы с существовавшим режимом.

— Вы надеялись, — говорил он, — что со смертью Суллы, установившего у вас проклятое рабство, придет конец злу? Но явился гораздо более жестокий тиран — Катулл. В итоге в консульство Брута и Эмилия Мамерка произошел мятеж, а затем консул Г. Курион свой деспотизм довел до гибели ни в чем не повинного трибуна (то есть Л. Сициния. — В. Л.). Вы сами видели, с каким бешенством выступил в прошлом году против Луция Квинкция Лукулл, наконец, какие толпы возбуждаются теперь против меня...

Но я питаю все-таки добрую надежду на помощь с вашей стороны, и надежда преодолевает во мне всякий страх, и я решил, что для храброго мужа лучше потерпеть неудачу в борьбе за свободу, чем совсем уклониться от этой борьбы.

Ободренные знаками общего внимания и поддержки, Квинкций, Макр и их друзья возобновили кампанию процессов, привлекая под различными предложениями к ответственности судей, осудивших Оппианика, который после изгнания всюду скитался и нигде не находил себе пристанища (в 72 году до н. э. он умер от горячки под Римом).

Сулланцы отвечали своим противникам такими же процессами.

В результате взаимных обвинений и контробвинений оказались осуждены следующие сенаторы: П. Септимий Сцевола — за вымогательство, Г. Попилий и Г. Геренний — за казнокрадство (со взысканием денег), М. Атилий Бульб — за оскорбление величия римского народа. Вторично был привлечен к суду Г. Фалькулла: его обвиняли в получении от А. Клуенция взятки в 50 тысяч сестерциев. К большой досаде врагов, Фалькулле, однако, удалось оправдаться. «Оно и понятно, — замечает Цицерон, — дело велось так, как это требуется по заветам предков, без насилия, без паники, без угроз; все дали защите высказаться, изложить, доказать, судьи убедились, что любой человек, не входивший в состав суда в течение всего предшествующего времени и руководимый только своей совестью, мог вынести Оппианику обвинительный приговор; более того, даже если бы он как судья не знал ничего другого, кроме вынесенных об Оппианике предварительных приговоров, ему и этого было бы вполне достаточно».

Серия политических процессов дополнялась в высшей степени скандальными гражданскими процессами над «дурными и наглыми людьми», как именовал их Цицерон (так называли в Риме тех, кто подделывал завещания, выбрасывал своих соседей из домов, обирал юнцов). Среди этих дел особенно выделялись новые процессы, проводившиеся Берресом.

Одновременно разворачивалась ожесточенная борьба различных групп в сенате и на форуме. Сулланцы, производя давление на народных трибунов, раздавая им всякие личные обещания, оказывая услуги, в конце концов склонили их на свою сторону, оставив Макра в полном одиночестве.

Но он все-таки не сдавался и продолжал борьбу, стараясь раскачать граждан на активные действия. Касаясь своих трусливых коллег, Макр восклицал:

— Квириты! Все другие люди, избранные для защиты ваших прав, обратили все свои силы и всю свою власть против нас. Они, соблазненные благодеяниями, посулами и наградами, сочли за лучшее покинуть вас за плату, чем бесплатно действовать честно.

Макр предостерегал против сулланцев и их хитрой демагогической политики; он обещал народу поддержку воевавшего в Испании Помпея.

— Нужно, — говорил он, — опасаться хитрости с их стороны. Ведь они припасают для вас всякие приманки и откладывают дело до возвращения Гнея Помпея. Но ведь и его самого они поднимают выше

своей головы, пока они его боятся. А как только пройдет их страх, они будут готовы растерзать его живьем.

Нет, квириты! По моим наблюдениям мне достоверно известно, что Гней Помпей, этот молодой герой, добившийся уже такой славы, предпочтет занять первое место в государстве с вашего согласия, а не быть соучастником их владычества. И еще мне известно, квириты, что он прежде всего восстановит трибунскую власть.

Среди этой достаточно дерзкой агитации в Рим вернулся с востока 30-летний Г. Цезарь.

За три года он прослушал на острове Родос курс ораторского искусства у лучшего из учителей этого дела знаменитого А. Молона и много упражнялся в произношении обвинительных речей, побывал в начале Третьей войны с Митридатом в роли самозванного командира вспомогательного отряда — с ним он удерживал в повиновении римлянам карийские города и, как говорили в Риме, даже изгнал из области видного понтийского военачальника Метрофана.

Как и в прежние годы, молодой Цезарь снова погружается в обычную жизнь искателя должностей, стремящегося к популярности, к завоеванию голосов. Близким удалось провести его на место умершего дяди — Гая Аврелия Котты в коллегию понтификов. Вторым успехом Цезаря явилось его избрание на должность почетного военного трибуна (командира тысячи воинов). Цезарь очень гордился предпочтением, которое оказал ему народ перед Г. Попилием, сыном богатого и влиятельного отпущенника, добившегося места в сенате.

В начале 73 года сенат отправил Цезаря вместе с коллегами на борьбу с отрядами повстанцев, действовавших в различных областях Италии.

Необходимость в очищении областей от повстанческих отрядов из беднейших крестьян и рабов становилась для римского сената все очевиднее (сама операция против гладиаторов, засевших на Везувии, была частью плана борьбы с итальянскими повстанцами). Многие месяцы рабовладельческая собственность подвергалась такому яростному разграблению, как никогда. Озабоченный городской претор Г. Клавдий Пульхр выпускал все более суровые эдикты, но безрезультатно. Наконец, сам М. Лукулл в качестве консула вмешался в дело и возобновил свой собственный преторский эдикт (75 года), усиливавший на деле наказание за преступления вооруженных банд против собственности и выделявший понятие «грабеж» из общего понятия «кража». Но и этот эдикт не дал положительных результатов. Тогда сенат решил прибегнуть к последнему решительному средству — оружию. С трехтысячным отрядом претор Г.

Клавдий был отправлен в Кампанию уничтожить центр повстанческого движения — штаб-квартиру гладиаторов на Везувии. Поход закончился самым позорным поражением римлян.

Сторонники Помпея и Цетега, пользуясь удобным случаем, подняли в сенате страшный шум, обвиняя сулланцев в неумении вести дела. Защищаясь, последние указывали, что когорты Клодия состояли из случайных людей, не имевших римского гражданства, и что время от времени неудачи в столкновениях с разбойниками бывают у всех — это естественно.

Противники сулланцев, однако, не сдавались. Они всячески старались натравить плебеев на сенат, используя продовольственные трудности, всаднические финансовые спекуляции. Сенат, очень этим встревоженный, как и неудачей Клодия в деле со Спартаксом, а также явно прорывавшейся враждой плебеев, решился в конце концов на важный шаг: установление твердых цен на продукты, поставляемые на рынок (закон 73 года консулов М. Лукулла — Г. Кассия). Это привело в страшное раздражение всадников, так как уничтожалась почва для спекуляций и быстрого обогащения за счет плебейских слоев Рима. Плебеи же, напротив, были очень довольны и считали, что сенат и консулы провели в жизнь полезное и мудрое мероприятие.

Одновременно сенат решил отстранить Клодия от ведения войны со Спартаксом и передать его функции другому претору. Каждая из сенатских групп хотела провести своего кандидата. Развернулась острая борьба. На сходах народные вожаки всячески обыгрывали поражение Клодия (Г. Клавдия Пульхра) и усиленно агитировали против сулланцев. Макр, один из самых главных ораторов, призывал народ к более энергичному отстаиванию своих прав.

— В такой борьбе, — яростно кричал он, — победа на стороне меньшинства, что бы ни произошло. Народ всегда среди побежденных, и в дальнейшем — предупреждаю вас, квиристы! — это будет в еще большей степени, если только они станут отстаивать свое господство с ббльшим упорством, чем вы боретесь за возвращение свободы!..

Призывы Макра не оставались безответными. Обстановка накалялась в Риме на глазах. Озлобленный плебс избивал неугодных ему должностных лиц. В разных местах Рима и за его пределами вспыхивали пожары. Тысячные толпы, собираясь у здания сената, требовали хлеба.

Тут уже испугались все политики. И после закулисных переговоров консулы 73 года М. Теренций Варрон Лукулл и Г. Кассий Вар провели в сенате закон о чрезвычайных закупках хлеба в провинциях Сицилии,

Сардинии и Африке.

Полученный хлеб немедленно продавался народу по льготной цене 6,3 асса (7/12 сестерция) за модий. Число покупателей было расширено с 58 тысяч (так делалось в 75 году во времена консула Л. Октавия) до 113 тысяч человек. Такую прибавку с покупателями произвели только за счет сицилийского хлеба. С тем же зерном, которое поступало из Сардинии и Африки, число граждан, получивших льготный хлеб, доходило до 240 тысяч человек.

Хлебный закон 73 года оказался очень накладным для римского казначейства, поскольку в 74–71 годы государственная казна была «небогатой, истощенной расходами» (Цицерон). На льготной для народа продаже хлеба казна теряла ежегодно более 30 миллионов сестерциев. Тем не менее этот закон оказался для сената очень полезным. Он нанес тайным надеждам оппозиции сокрушительный удар. Вопрос, больше всего интересовавший римских плебеев, был в значительной мере разрешен, и масса сразу потеряла 3/4 прежнего энтузиазма. Тщетно Макр и его единомышленники пытались вновь раздуть народное возмущение. На очередной сходке Макр, намекая на сенаторов, говорил:

— Действуя на правах военных людей, они захватили казначейство, войска, все царства и провинции и создали себе твердыню из снятых с вас доспехов. Вы же, составляющие основную массу народа, уподобляетесь скоту, предоставляете себя в полное обладание и пользование отдельным лицам! Вы лишились всего, что оставили вам ваши предки, да к тому же еще сами избрали себе голосованием этих господ, как раньше избирали правителей.

Вы поистине в каком-то забвении. Вы считаете, что вам с избытком предоставили свободы, раз вас не подвергают телесным наказаниям, и, по милости богатых господ, вам можно передвигаться туда и сюда? Но не в таком положении сельские жители. Они гибнут от распрей людей значительных. Они предоставлены могущественным лицам на произвол, как бы приносятся им в дар.

Но все призывы оказались тщетными. Поддержка стала неэнергичной и вялой. Таким образом, враждующие стороны пришли к новым консульским выборам.

Благодаря последним неудачам сулланцев (кандидат их Г. Клавдий Пульхр потерпел от Спартака скандальное поражение) и успехам Помпея в Испании удалось заключить достаточно прочный союз с группой консервативных реформаторов. К союзу присоединилась группа Цетега. В результате коалиция легко победила на выборах. Помпей провел в консулы

своего кандидата — Л. Геллия Публиколу, а реформаторы — Гн. Лентула Клодиана.

После консульских выборов вновь стал вопрос о новом командующем для борьбы против Спартака. На выборах большинство голосов собрала кандидатура Публия Валерия Вариния. Получив военные полномочия в силу особого поручения сената (в пределах Италии преторы и консулы не могли командовать войском без специального постановления сената), П. Вариний выехал из Рима набирать войска. Вслед за ним выехал в Брундизий к ожидавшему его легиону консул Марк Лукулл. Ему, как уже говорилось, была назначена сенатом Македония (его коллеге Г. Кассию «жребий» дал Цизальпийскую Галлию), и он готовился отбыть туда для войны с фракийцами, союзниками Митридата.

Его отъезд из Рима прибавил Макру смелости. Всеми силами он старался помешать Варинию, своему политическому противнику, в наборе воинов. В народной сходке Макр агитировал за дальнейшие наступательные действия на ослабевших сулланцев. Озлобленные его агитацией и своими неудачами, сулланцы рассыпались по адресу дерзкого трибуна в угрозах, собирали против него толпы сторонников и устраивали свалки.

— Макр, — кричали сулланцы-ораторы, когда им давали говорить, — намерен развязать новую гражданскую войну. Он метит в диктаторы, в цари!..

Трибун отвечал с напускным смирением:

— Нет, я не убеждаю вас, квириты, мстить за обиды. Я больше хочу, чтобы вы получили спокойную жизнь. Стремясь не к раздорам, в чем они меня упрекают, я взываю к правам народов. Даже если они станут стойко цепляться за власть, я призываю не к оружию и не к сецессии, а только к тому, чтобы вы не предоставляли в их распоряжение свою кровь. Пусть они сами, как хотят, проводят и осуществляют свои распоряжения, пусть добиваются триумфов, пусть преследуют со своими знаменами Митридата, Сертория и других уцелевших изгнанников. Но пусть не знают опасностей и трудов те, у кого нет никакой доли в добыче. Ведь они вознаграждают вас за вашу службу наспех проведенным законом. По нему они оценивают свободу каждого из вас в пять модиев. *Но ведь это не больше тюремного пайка, квириты!* Такое скудное содержание не дает людям умереть с голоду, но при этом подтачивает силы. Столь скудный паек не освобождает от забот о домашних делах и обманывает надежды всех пассивных людей!

Так взывал и заклинал Макр. Но масса римского плебса не очень охотно слушала его призывы. Оскорбленный недостатком энтузиазма,

трибун обвинял сограждан в малодушии.

К осени 73 года положение в Риме стало в высшей степени неопределенным. Силы сторон благодаря успешным действиям Луция Лукулла против Митридата уравнились.

Нужен был новый сильный толчок извне. С напряжением ждали противники свежих известий с театров войны из Испании и Понта, куда вступил уже Л. Лукулл.

Однако новый удар последовал совсем не оттуда, откуда его ожидали.

Глава восьмая

КАК ПРЕТОР ВАРИНИЙ ВОЕВАЛ СО СПАРТАКОМ

I

Публий Валерий Вариний (113—48 до н. э.) знатностью рода не уступал своему предшественнику — Г. Клавдию Пульхру. Его дальним предком являлся один из четырех основателей Римской республики — знаменитый Валерий Публикола. Очень значительны были и другие предки, занимавшие в Риме видные должности.

Не уступал им в славе и отец Вариния — Л. Валерий Флакк (род. ок. 140 года до н. э.), являвшийся в тот момент принцепсом сената.

П. Вариний имел широкий круг знакомств и друзей, среди них числился и Цицерон. Карьера его складывалась удачно. Он имел репутацию опытного и способного военачальника, сражался под начальством Суллы в Греции против Митридата, потом в Италии против марианцев.

Претуру П. Вариний получил с помощью М. Красса (с ним его связывали деловые отношения в качестве финансиста). Вступив в должность, П. Вариний в видах дальнейшей карьеры немедленно завязал тесные отношения с партией Помпея и стал оказывать ей очень важные услуги. Насмешливый римский плебс, хорошо знакомый с перипетиями тайной политики, тут же дал новому претору кличку «Вариний», то есть «Непостоянный».

После спартаковской войны связи П. Вариния с Гн. Помпеем еще больше окрепли. Он принимал участие в походах Гн. Помпея против Митридата и вместе с другими офицерами хорошо нажил на них. Новую гражданскую войну (49—45 до н. э.) П. Вариний встретил в рядах партии Гн. Помпея, вступив в его армию в качестве ветерана-добровольца. 65 лет от роду он пал в сражении с войсками Цезаря под Диррахием (48 год до н. э.).

Когда стал вопрос о необходимости найти Г. Клавдию преемника в связи с поражением, понесенным им от восставших рабов, отец и сын тут же решили (как до них и весь клан Лукуллов и Клавдиев), что не следует

упускать возможность разгромом Спартака укрепить шансы П. Вариния на консульство. Так как ставленник консулов Лукуллов полностью обанкротился и у них не было никакой причины для противодействия, а другие претенденты не имели такого влиятельного ходатая, как П. Вариний, то вопрос, поставленный им в сенате, на что он имел право как претор, оказался решен в его пользу.

Получив назначение на войну с рабами в ранге пропретора, новый командующий решил действовать осторожно. С большим разбором он выбрал себе офицеров. На роль советчика и легата П. Вариний пригласил своего товарища по претуре Коссиния (113—73 до н. э.), считавшегося знатоком военного дела, тоже друга Цицерона.

В начальники конницы новый командующий избрал храброго молодого человека из всаднической фамилии — Фурия (ок. 103—73 до н. э.). Этот плебейский род был знаменит (здесь числились преторы, военные трибуны с консульской властью, консулы, диктаторы, цензоры), отличался удачей в военных делах (они вели в бой римские войска в войнах с эквами, вольсками, этрусками). Но особую славу Фуриям доставила война с галлами, ибо М. Фурий Камилл (IV век до н. э.), «отец отечества», освободил Рим от захвативших его галлов, заново отстроил разрушенный город, а затем повторно победил страшных кельтов.

Этот чисто психологический момент наряду с личными качествами начальника конницы П. Вариний также принимал во внимание. И в разговорах с сенаторами он постарался распространить славу своего начальника конницы как можно шире. Он полагал, что находившиеся под командой Спартака галлы, узнав о его выборе, и зная его собственную родословную, почувствуют смущение и страх.

Расчет его не сбился, а самому Фурию, пылавшему честолюбием, не удалось повторить подвигов предков: в боях со спартаковцами он погиб, не успев стяжать ни славы, ни карьеры.

Третьим офицером П. Вариния, а именно квестором, стал 30-летний Г. Тораний (103—45 до н. э.). Отец его был опекуном Г. Цезаря в его юношеские годы. Самому Г. Торанию (брат его, квестор Метелла Пия, недавно погиб на войне с Серторием) выпадет в будущем великая честь: стать опекуном сына умершего друга, пропретора и наместника Македонии Г. Октавия — будущего императора Августа (59 год до н. э.). Через 10 лет после этого Г. Тораний примет участие в войне Помпея против Цезаря и закончит свои дни в изгнании на Коркире. Именно ему, своему верному единомышленнику, будет присылать Цицерон письма, полные горечи.

Таковы были офицеры П. Вариния — нового командующего, под

начальство которого сенат поставил передать два легиона (12 тысяч человек) пехоты и 2 тысячи всадников. Солдат, правда, предстояло еще собрать, за исключением 4 тысяч ветеранов, переданных претору сразу сенатом.

Сбор сил затянулся. Несмотря на разосланные в разные стороны предписания, воины не желали идти в армию и разбегались. Приходилось рассылать повсюду военные отряды и, собрав уклонявшихся от службы силой, связывать их затем присягой.

Но сопротивление в деревнях не прекращалось. Жители не хотели давать лошадей, повозки, продовольствие. Полководцу приходилось лично объезжать округа и взывать к римскому патриотизму.

Между тем из Кампании к Варинию поступали сведения, что Спартак начал объединять повстанческие отряды, завел тяжелую и легкую пехоту и усиленно обучал ее по римскому образцу.

Удручали претора известия и из других областей Италии. По сообщениям, недовольство росло всюду на глазах, потенциально увеличивая силы рабов и привлекая на сторону мятежников толпу простого народа.

II

А в Риме еще не понимали, что в действительности происходит. Дни шли там заведенным чередом. Сенат, собираясь на заседания, обсуждал текущие дела, вопросы внешней политики, вел переписку с Гн. Помпеем и обоими Лукуллами. То тот, то другой сенатор, сказавшись больным, уклонялся от докучливых прений и отбывал в пригородные имения, чтобы проверить на месте положение дел, удостовериться, не ворует ли вилик, уменьшая его доходы, шел на форум послушать судебные прения, отправлялся в баню или цирк, полюбоваться бегами колесниц и пантомимой, или уезжал на время «встряхнуться» на модный курорт в Байи. Здесь, расфранченный и надушенный, в закрытых носилках, на плечах рослых рабов, среди почтительно расступавшейся толпы, он отправлялся на свидание к хорошеньким актрисам, иностранным гетерам или чужим женам. Наконец, много времени отнимало исполнение общественных обязанностей: приходилось поздравлять избранных кандидатов, кого-то поддерживать своим авторитетом в суде, кого-то провожать в провинцию, выступать свидетелем при составлении завещаний, присутствовать при обручении, при облачении молодого

человека в тогу...

Жены сенаторов часами сидели перед металлическими, отшлифованными до блеска, зеркалами. С помощью многочисленных служанок они усердно занимались наружностью и туалетом. Нанятые или купленные философы, учитывая занятость своих хозяек, произносили в это время речи о благоразумии и нравственности. Госпожа обычно слушала их с рассеянным видом, оживляясь иногда, когда приходилось отвечать на полученную надушенную записочку или отдавать некоторые хозяйственные распоряжения. Набеленные и нарумяненные, с подведенными сурьмой глазами, уложив с помощью молодых рабынь волос к волоску или облачившись в белокурые, рыжие, каштановые парики, разряженные в небывалые туалеты, прихватив с собой свиток Платона «О государстве», в котором знаменитый философ проповедовал общность жен, знатные дамы отправлялись на прогулку по Аппиевой дороге. Их сопровождала целая толпа купленных рабов: курьеров, выездных лакеев, вестников — все сплошь прекрасных юношей, с искусно завитыми волосами, составлявшими как бы почетную стражу. Вместе с ними выезжавшая обычно брала карлика и ученую обезьяну, а также философа-моралиста. Здесь, на Аппиевой дороге, часто назначали встречи и свидания с подругами, приятелями и друзьями семьи. Обсуждая свои дела, дамы колко прохаживались по адресу соперниц и враждебно поглядывали на красавиц куртизанок. Последние тоже выезжали в это время на прогулки в обитых шелком экипажах, которыми они сами и правили.

Знатная молодежь тоже не теряла понапрасну времени. Щегольски разодетая, увенчанная венками, надушенная лучшими благовониями, она весело пиროвала в роскошно отделанных триклиниях, лежа в объятиях гетер, актеров и актрис, слушала пение и смотрела танцы молоденьких рабынь из различных стран или обходила лавки на торговых уличках, примыкавших к главной городской площади — форуму, торгуясь с продавцами, покупая чеканное серебро, драгоценные камни, дорогие материи, хрустальные чаши, старинные амфоры, жемчуг, яшму, носилки с черепаховыми инкрустациями, столы из слоновой кости, собак и лошадей, а около храма Кастора в жаркой схватке аукциона красивых мальчиков-рабов.

Всадники, представители торгового сословия, как обычно, толпились в портике Минуция, служившего хлебной биржей, в портиках, окружавших масляной рынок или на форуме. Они обсуждали курсы акций в провинциях, спорили между собой о строительных подрядах, подрядах на поставку и перевозку припасов, откупок таможенных пошлин, сбора

податей, аренды казенной земли; они давали займы под большие проценты юнцам, сенаторам, общинам и царям, взыскивали по суду с несостоятельных должников, описывая их имущество и пуская его в продажу с аукциона, заключали торговые сделки, бойко торговали заморскими товарами и различными редкостями.

Клиенты, одетые в грязные и потертые тоги, с заплатами на башмаках, как положено по утрам, толпились у дома своих патронов, шумели во дворе, переругивались с рабами; тот, кто был побогаче, сунув привратнику подношение, проскальзывал в дом и в толпе других счастливцев произносил льстивое приветствие. Если его удостоивали вниманием, он заводил разговор и старался уладить свои дела или получить подарок.

В судах, на многочисленных гражданских и уголовных процессах, при большом стечении заинтересованных лиц шла обычная война обвинения и защиты. Каждая сторона яростно доказывала свою правоту и предавала противоположную всяческому поношению.

Ремесленники, сидя на своих табуретках, прилежно стучали молотками, строгали и пилили, делали горшки, ткали, валяли сукно, работали в красильнях, занимались еще тысячей разных дел. По вечерам, утомленные тяжелой работой, духотой тесных помещений, они возвращались в свои жалкие конурки где-нибудь на чердаке плохо построенного и густонаселенного дома на узкой улочке, часто страдавшей от пожаров. Здесь они наскоро ужинали бобами, ячменной кашей, вареным и жареным горохом, овощами с уксусом, похлебкой из порея и вареной телячьей головой, если дела шли хорошо, и, поговорив со сгорбленными от тяжелого труда и непрерывных лишений женами о текущих делах и надеждах, поспешно заваливались спать. Завтра ждал их новый тяжелый трудовой день. А заснуть часто оказывалось нелегко: в соседней камерке бранились, из-за поворота улицы доносился грохот ломовых телег, везших бревна или тес, или столкнувшихся в тесноте улицы экипажей, злобная ругань извозчиков...

Домашние рабы и вольноотпущенники, занимавшиеся земледелием, подрядами по строительной и кровельной части, торговлей съестными припасами, продажей и покупкой рабов и гладиаторов, денежными спекуляциями и разменом монеты, плавкой золота и серебра, медициной, живописью и писательскими делами, делами актерскими, исполнением обязанностей писцов, — все они яростно интриговали друг против друга, добиваясь расположения и милости хозяев.

Пришлый народ из различных областей Италии (прежде всего крестьянская молодежь, соблазненная частными и общественными

раздачами, влачившая дома жалкое существование и не имевшая никаких надежд, дети проскрибированных, долго скитавшиеся, те, кто растратил состояние в пьянстве и разврате, в безумных тратах, кто совершил на родине какое-нибудь преступление), многочисленные иностранцы, прибывшие в Рим в поисках справедливости, в надежде на заработок или карьеру, — все они обивали пороги домов знати в поисках помощи и защиты. В часы обеда они толпились около продавцов, у которых от корзин с припасами неслись соблазнительные запахи. Каждый спешил к ним со своей посудой. Получив порцию, он тут же в стороне жадно поедал купленное.

А в дешевых тавернах под скверными вывесками на окраинах города, куда не смел являться без сопровождения ни один человек состоятельный, так как могли убить и ограбить, куда трудно было попасть, двигаясь в полной темноте (если не сопровождал раб с факелом или бронзовой лампой впереди, так как легко было угодить в яму, полную грязи и воды), собирались завсегдатаи этих мрачных и убогих заведений: могильщики, бродяги и попрошайки, жившие под мостом, грабители и воры. Последние находились в непрерывных столкновениях с законом и городской стражей, безуспешно подстерегавшей их у Помптинских болот или в Галинарском лесу близ Кум, в то время как они сбегались в Рим и ночами рыскали здесь в поисках поживы. Сюда же, в таверны окраин, приходили безработные философы, риторы и грамматики, не имевшие ни знатных покровителей, ни имущества, жрецы Кибелы, отставные атлеты и гладиаторы, искалеченные кулачные бойцы и цирковые наездники, разоренные и опустившиеся ветераны, не имевшие ни гроша за душой, но полные воспоминаний о сладкой жизни в течение 10 лет за счет добычи, полученной в войне с Митридатом и в проскрипциях. Все они приходили сюда, чтобы отвлечься от тяжелых дум за игрой в кости, согреться за стаканчиком вина, поговорить о своих бедах и надеждах, а также перемыть косточки «проклятым богачам, грабителям и угнетателям бедных людей».

Впрочем, жизнь обитателей Рима состояла не из одних темных моментов. Пышные храмы были полны молящихся. По улицам в разных направлениях шествовали религиозные процессии в честь различных богов. Цирк, как обычно, собирал на представления большие толпы, находившиеся здесь с утра до захода солнца. Сенаторы, перемешанные с всадниками и простым народом, учтиво держали зонтики над своими дамами, защищая их от дождя и солнца. Простой народ жадно глазел на удивительные наряды и красоту молодых знатных женщин, перебрасывался двусмысленными шутками и с удовольствием поедал пирожки с сыром,

сосиски, свиное мясо, пил мед, сладкое и кипяченое вино. Для сотен тысяч людей различного звания цирк являлся любимым зрелищем, предлагавшим бега колесниц, кулачных бойцов, скороходов, борцов. Здесь устраивались примерные сражения и парады. В амфитеатрах, как и прежде, давали бои гладиаторов. В театре народ угощали грубоватыми фарсами, комедией и драмой. Комедии (ателланы) изображали деревенскую жизнь, жизнь рыбаков, дровосеков, горшечников, сукновалов, виноградарей, воинов. Все они были переполнены грубоватыми остротами, нередко непристойными, а также политическими намеками и прямыми выпадами. Их встречали дружными аплодисментами. Фарсы или мимы (шутовские комедии) представляли из себя совокупность бытовых, часто любовных, сцен из реальной жизни. Отличались они простонародными выражениями и величайшей непристойностью. Женские роли исполнялись мужчинами. Действующие лица, наряженные арлекинами, часто пускались в пляс. Дурачка, главного героя, щедро награждали пощечинами и ударами. В трагедиях, трактовавших мифологические сюжеты, выпускали на сцену колесницы, зверей из других стран, что очень нравилось зрителям. Популярны были пантомимы (театр одного актера и хора, разъяснявшего ход действия). Содержание их также отличалось двусмысленностями и крайней непристойностью.

Все эти спектакли живо откликались также и на перипетии войны с рабами. Зрители громким смехом встречали выпады комиков против восставших и их вождя:

*Безумный, безумный Спартак!..
Он вздумал Рим победить,
Тот самый, что не сумел сломить
Даже и сам Ганнибал!..*

Наиболее экспансивные из зрителей, демонстрируя патриотические чувства, вскакивали с мест и, потрясая кулаками, громко кричали:

— На крест варвара!.. На крест гнусного фракийца!.. Мы ему покажем!..

III

В начале августа, когда на полях стоял зрелый хлеб, Вариний решил

начать военные действия. Правда, армия далеко не была полностью укомплектована и моральный дух ее заставлял желать много лучшего. При отлучках полководца по делам молодые воины совершали из лагеря частые побеги; их удавалось вернуть (далеко не всегда), лишь угрожая самыми свирепыми репрессиями. К этому прибавлялись пересуды солдат о дерзких речах Макра, призывавшего их не браться за оружие. Раздраженный всем этим и шедшими из Рима слухами о внутренних спорах и дрязгах, П. Вариний отправил в Рим своего квестора Торания, поручив ему узнать, что же там происходит, и потребовать от сената, чтобы Макру, вольному или невольному союзнику повстанцев, заткнули глотку.

Сам Вариний тем временем (хотя Коссиний и Фурий с подкреплениями еще не соединились с ним) по Аппиевой дороге двинулся на юг, в Кампанию, намереваясь без дальнейших оттяжек напасть на Спартак.

А последний с огромной энергией занимался формированием своих частей. Он создал уже тяжелую легионную пехоту, отряды легковооруженных, усиленно вооружал и обучал их.

В результате ежедневных тренировок повстанцы быстро привыкли по военному обычаю строить лагерь, выставлять посты, караулы, сражаться в строю и выполнять другие воинские обязанности.

С каждым днем число желающих вступить в армию Спартак росло. Верховный вождь тщательно сортировал людей. Он выбирал наиболее крепких и мужественных на вид, по профессии кузнецов, землекопов, охотников, виноградарей, гончаров, кожевников, тележников, плотников, рыбаков, пастухов, архитекторов, инженеров, грамматиков и т. п. Грамотности в своей войске Спартак придавал огромное значение, и тут ему помогла сама придирчивость рабовладельцев, с которой они выбирали рабов^[21]. Особое внимание уделял он бывшим воинам-профессионалам, а также знатокам местности в различных районах Италии. Из свободных крестьян Спартак брал не всех, но лишь «кое-кого» (Аппиан). Он предпочитал иметь по возможности однородную армию, состоявшую из сельских рабов-мятежников, сидевших в эргастулах, и рабов-пастухов.

Всех остальных, желавших поступить к нему, Спартак делил на отряды, назначал им командиров и, вооружив чем мог, рассылал в различные области страны для ведения партизанской войны.

С оружием у повстанцев поначалу было неважно. Кузнецы их, фракийцы и галлы, работали день и ночь и все-таки не успевали производить необходимое количество мечей и копий. Не хватало защитного вооружения. Поэтому Спартак давал первым своим воинам деревянные

шлемы, кожаные панцири и щиты, сплетенные из прутьев, покрытые снаружи свежесодранными шкурами животных (они приклеивались накрепко, точно клеем).

Поход П. Вариния застал Спартака на стадии организации войска. Он имел две тысячи вооруженных и обученных бойцов. А так как этих сил было недостаточно, Спартак стал отходить на юг, в горы. Знаток горной войны, он хотел парализовать численное преимущество римлян, их преимущество в вооружении, стеснить действия неприятельской кавалерии и поскорее соединиться с отрядами Крикса и Эномая. Последние сразу после победы над Клодием в качестве легатов Спартака были отправлены собирать силы в Луканию и Апулию.

Со своей 4-тысячной армией Вариний упорно наседавал на врага, продолжавшего стремительно отходить. Происходили частые стычки. Спартак устраивал непрерывно засады, стараясь поймать в них римского полководца. Но П. Вариний старался соблюдать крайнюю осторожность.

После того как попытка загнать врага в теснину и заморить его там голодом лопнула, римляне пришли в сильное замешательство. Такого искусства и проницательности от вождя рабов не ожидал никто. Опасаясь засады в теснине, П. Вариний не стал преследовать противника.

Через несколько дней, доведя численность своего войска до 8 тысяч человек, благодаря подкреплениям, приведенным Коссинием, побуждаемый вновь прибывшими к решительным действиям (все сулили ему верную победу в битве), Вариний вновь двинулся на врага.

А в лагере Спартака происходило следующее. Крикс и Эномай, посланные в Луканию и Апулию, прекрасно справились со своей миссией и привели на помощь другу и полководцу около 4 тысяч галлов и германцев из числа римских пастухов. И галлы и германцы, привыкшие к войнам, раздраженные вдобавок унижениями, выпавшими на их долю в рабстве, быстро склонились к предложению о восстании. Особенно жаждали вновь скрестить оружие с римлянами галлы, как те, что попали в рабство после союзнической войны (90–88 до н. э.)^[22], так и попавшие в рабство недавно (в результате деятельности римских публиканов в Трансальпийской Галлии).

Когда вновь прибывшие соединились с маленькой армией Спартака, настроение у повстанцев резко поднялось. Галлы, как и германцы, народ рослый и мнения о себе высокого. Они требовали прекратить отступление, идти навстречу врагу и самим вызвать его на бой. Но Спартак, испытывавший уже свое и римское войско в стычках, считал сражение преждевременным. Он хотел продолжать отступление с арьергардными боями и засадами,

выйти со всем войском в Луканию, в область, богатую лошадьми и скотом, и, прежде чем явится противник, войско реорганизовать, пополнив его новыми отборными людьми и создав кавалерию.

Спор в штабе повстанцев разгорелся. Страсти так накалились, что младшие участники совета из галлов и германцев, которые всю свою жизнь видели, по примеру отцов, в войне, пирах и добыче, едва не подрались с товарищами Спартака из гладиаторов^[23].

В конце концов Спартак уговорил своих нетерпеливых товарищей. Он доказал им преимущества своего плана, и с ним — хотя и не очень охотно — согласились все остальные. Таким образом, никакого «междоусобия», на которое надеялись П. Вариний и его коллеги, у рабов не произошло.

Не вступая с врагом в соприкосновение, армия Спартака снялась с лагеря и, скрываясь за Эбуринскими горами, двинулась к городу Нар в Лукании. Оттуда после небольшой передышки на рассвете повстанцы добираются до Анниева Форума. Захватив городок внезапным налетом, рабы тотчас стали мстить его обитателям всеми возможными способами. Саллюстий об этом сообщает так: «Тотчас беглые рабы вопреки приказу начали хватать и бесчестить девушек и женщин... Иные бросали огонь на крыши домов, а многие из местных рабов, нравы которых делали их союзниками восставших, тащили из тайников скрытые господами ценности или извлекали даже самих господ. И не было ничего святого и неприкосновенного для гнева варваров и рабской их натуры. Спартак, не будучи в состоянии помешать этому, хотя он неоднократно умолял оставить их бесчинства, решил предотвратить их быстротою действий...»

Удвоив за день и ближайшую ночь численность войска (теперь оно достигало 12 тысяч человек пехоты и 600 человек конных), Спартак сошел с Аппиевой дороги и пошел сельской местностью.

А Вариний тем самым временем соединился с подкреплениями, приведенными ему начальником кавалерии. Имея с собой 12 тысяч человек пехоты и 2 тысячи конницы, присланных наместником Трансальпийской Галлии М. Фонтеем, он решил на этот раз во что бы то ни стало окружить врага, загнать его в неудобную местность и быстро с ним покончить.

По прибытии в Луканию случай, казалось, скоро представился. П. Вариний разделил силы на три части: 6 тысяч человек он оставил себе, 4 тысячи вручил претору Коссинию, а 2 тысячи — начальнику конницы Фурию. Объяснив им в подробностях свой план, он начал действовать.

А Спартак, в отличие от П. Вариния, предпочел держать все силы в кулаке. Непрерывно маневрируя, он нарушил взаимодействие вражеских отрядов, улучил удобный момент и обрушился всей силой на 2-тысячный

отряд Фурия. Очень скоро римляне потерпели полное поражение и обратились в паническое бегство, во время которого повстанческая конница причинила им страшные потери.

Вслед за тем возле местечка Салин Спартак обрушился на Коссиния (претор легкомысленно устроил себе купания), вновь нанес римлянам тяжелое поражение, захватил обоз и лагерь. Сам Коссиний, отчаянно сражавшийся, пал в битве.

После этого Спартак двинулся на П. Вариния. Последний, видя, сколь неблагоприятно сложились обстоятельства, решил уклониться от битвы и стал отступать в сторону Капуи. Тем не менее Спартак навязал ему бой и разбил его. П. Вариний едва отсиделся в лагере, а потом под покровом ночи бежал в Капую.

Месяц спустя, собрав новые подкрепления «из всяких случайных людей, набранных наспех и мимоходом» (Аппиан), соединившись с Торанием, прибывшим из Рима с более или менее благоприятными новостями, и отрядом конных здуев из Свободной Галлии, с войском в 20 тысяч человек и 4 тысячи конницы, П. Вариний попытался повернуть колесо фортуны в свою сторону. И опять неудачно: потерпел поражение его квестор Г. Тораний, а затем несколько раз был разбит и он сам.

Последнее сражение оказалось на редкость ожесточенным. Римляне яростно атаковали центр повстанческого войска, занимавшийся галлами во главе с Эномаем (Спартак, как и подобает главному полководцу, командовал правым крылом, а Крикс — левым). Этот бой оказался для Эномая роковым. Проявив чудеса доблести и героизм, он пал в битве. Для Спартака это явилось большим несчастьем: он лишился надежнейшего товарища и авторитетного вождя, занимавшего значительное место в его планах.

За тело Эномая разгорелась яростная схватка. П. Вариний, желавший любой ценой захватить его, встретился со Спартаком в бою, был им ранен, потерял коня и едва избежал плена.

С остатками войска неудачливый полководец отошел в Капую и расположился там на зимовку. В очередном письме сенату П. Вариний постарался как можно более мягко рассказать о своих неудачах. Он обещал с начала следующего года возобновить военные действия и стереть врага в порошок, залогом чего объявлял смерть неприятельского вождя Эномая, уже павшего в борьбе с ним.

Правда, сам Вариний смотрел на положение дел не столь оптимистично, как он изображал их в письме. Претор вполне убедился, что враг очень силен. Поэтому он решил так: в сложной ситуации, согласно

коренному правилу римской политики, следует помогать себе скорее не силой, а хитростью, тайными происками, заговорами, подкупам в стане врагов. Как такие вещи устроятся, учить Вариния было не надо: как-никак отец у него являлся принцепсом сената! Тотчас из верных рабов и отпущенников с большими суммами денег под вполне благовидными предложениями в лагерь Спартака и по всему югу Италии было отправлено большое число тайных агентов. Им поручалось: искать «нужных людей» среди повстанцев, ободрять малодушных среди своих, спланировать партию сопротивления, не жалеть ни денег, ни угроз, ни обещаний, дезорганизовывать вражеский тыл, организовывать всяческие «эксцессы», озлобляющие италийское население, а вину за них сваливать на повстанцев, пытаться организовать покушение на вражеских вождей, в первую очередь на самого Спартака. «Иногда, — поучал претор своих агентов, — один хороший удар кинжала стоит удачного сражения! Вспомните, как Муций Сцевола едва не убил кинжалом царя этрусков Порсену. Одним своим покушением, даже неудачным, он сразу прекратил злосчастную для Рима войну...»

Приказ претора был немедленно принят к исполнению, и тайные агенты тотчас принялись за дело...

IV

Письмо Вариния, присланное в сенат, подверглось тщательному рассмотрению. Противники претора обрушивались на него со всяческими обвинениями. Впрочем, находилось также и немало защитников. В конце концов возобладало следующее мнение: хотя поражения преторов и неприятны, ничего по-настоящему ужасного пока не произошло. Поэтому нечего пугаться, меры должны приниматься главным образом в трех направлениях: 1) формирование настоящего войска; 2) изготовление необходимого снаряжения и оружия (большие заказы ремесленникам в Риме, Пицене и Этрурии упрочат их верность!); 3) принятие мер по снабжению Рима хлебом за счет Сицилии и Италии.

Положение с хлебом внушало сенату особую тревогу, так как он поставлялся скудно из-за действий пиратов на море и эти поставки все время находились под угрозой срыва. Апулия же и значительная часть Кампании, главные поставщики хлеба в Италии (вместе с Этрурией), оказались практически потеряны, и было вновь как во времена войны с Ганнибалом, когда, по словам Ливия, «война истребила многих свободных

земледельцев, в рабах ощущался недостаток, скот был расхищен, а усадьбы или разрушены, или выжжены». Тем не менее, подчиняясь эдиктам сената, земледельцы в Цизальпийской Галлии, Этрурии, а где могли и в Кампании, хотя и с чувством тревоги, вновь вышли на поля. В конце октября были произведены посевы скороспелой пшеницы (римляне сеяли обычно яровую трехмесячную и такую, что поспевала даже за 40 дней!), неприхотливой полбы и ячменя, относительно которого римляне по опыту знали, что нет растения, которое лучше защищает от голода при неурожае пшеницы.

Глава девятая

ЮГ ИТАЛИИ ОТПАДАЕТ ОТ РИМА

I

Спартак справил пышные поминки по Эномаю. В его честь было принесено много жертв. Пехотинцы и всадники, разделенные на отряды, при оружии двигались вокруг погребального костра и пели песни, прославлявшие подвиги покойного. Затем, когда погас огонь, участники печальной церемонии насыпали могильный холм, у которого несколько сотен римлян должны были сразиться друг с другом, как гладиаторы, после чего состоялся памятный ужин.

Воздав должное памяти соратника, храбрейшего и славнейшего из мужей, Спартак произвел новые командные назначения. При этом Г. Ганник был назначен новым командиром германцев и всего левого фланга, а Крикс перемещен на пост командира галлов и центра войска.

Новые блестящие победы Спартака сильно способствовали быстрому росту его сил. Прибывавших галлов и германцев Спартак отдавал под командование Крикса и Ганника, за собой, как и прежде, оставив фракийцев.

Привлечение к восстанию новых людей происходило не только стихийно, но и за счет агитации среди пастухов (они составляли подавляющую массу восставших в легионах) в скотоводческих латифундиях специальными агитаторами. Прием этот был не нов: он употреблялся и в Сицилии Сальвием и Афинионом. Вторым питательным источником для армии восставших служили эргастулы — тюрьмы, в которых господа держали провинившихся и мятежных рабов. Последних не приходилось долго уговаривать: они ненавидели своих господ лютой ненавистью и готовы были присоединиться к кому угодно, чтобы отомстить им. Третьим питательным источником для восстания служили сельские виллы, где работали деревенские рабы, занимавшиеся сельским хозяйством. Виллы были, как правило, небольшими, там работало по несколько десятков рабов. Но и они давали определенный контингент для восстания. При этом заговорщики (если к ним и не прибывал отряд вооруженных спартаковцев) в первую очередь убивали своих надзирателей

и виликов, преданных господину рабов, шпионивших за всеми, а то и самих господ. После этого, вооружившись чем попало, они шли на соседние виллы побуждать к восстанию других рабов.

Наконец, важным фактором очень часто являлся момент религиозный. Заговорщики приходили к какому-нибудь своему товарищу-предсказателю, который пользовался их доверием, как Эвн в Сицилии, и спрашивали его: «Дают ли боги согласие на задуманное нами?» Ответ в таком случае давался, как правило, положительный, и заговорщики брались за дело, часто избрав предсказателя в предводители.

Был и еще один источник пополнения рядов восставших — за счет так называемых «разбойных» отрядов из пастухов или городских рабов, которые, как говорит Ливий, «по дорогам и общественным пастбищам занимались грабежом». Такие отряды создавались периодически. Выполнив намеченную операцию, часть из них тут же распускалась.

Городские рабы также участвовали в предприятии Спартака, но главным образом в плане тайного оповещения его о планах римской администрации, передвижениях римских войск, передачи ему копий секретных римских документов, извещения о важных посольствах и пр. Тут главную роль играли «интеллигенты» из рабов: домоуправители, учителя, секретари и т. п.

Городские рабы, безусловно, находились в лучшем положении, чем сельские (это признают различные древние писатели). Бывало, что они защищали от опасности хозяев, славившихся гуманностью и хорошим обращением с домашней челядью. Редко поддерживая в открытых выступлениях сельских рабов, городские рабы вовсе не были лишены революционных настроений. Напротив, бившая ключом городская жизнь, волнения форума и выборов различных магистратов, многочисленные суды над важными лицами, делавшиеся всегда предметом общих пересудов, участие в тайных предприятиях хозяев и гражданских междоусобиях (многому научила их эпоха Мария и Суллы) — это всё приводило к тому, что они были в массе готовы к тому, чтобы напасть на господ, «если представится удобный случай. Поэтому рабы сочувственно относились к тем, кто звал их к предстоящему тайному нападению». Так рассказывает уже об очень древнем восстании рабов (502–500 до н. э.) историк Дионисий Галикарнасский.

Выступления городских рабов против римского сената повторялись много раз и в Риме, и в других городах (заговор 419 года до н. э. в Риме, заговор 25 рабов на Марсовом поле во время Ганнибаловой войны, заговор рабов и союзе с карфагенскими заложниками в Сетии в 199 году до н. э. и т.

д.).

Территориальная «раздробленность» рабов, таким образом, мало мешала вербовке новых кадров для восстания. Различие в положении городских рабов и сельских было далеко не столь значительным, чтобы эти прослойки в лице своих самых решительных представителей не могли найти общий язык, когда они хотели бороться за свободу. Ибо, как справедливо говорит Синезий, «всякий раб есть враг своего господина, когда он вдруг возымеет мысль его победить». И Дионисий Галикарнасский подчеркивает, что рабы всегда «раздражены» и «озлоблены», «увлечены надеждой на свободу» и «желают зла своим хозяевам». У самих римлян вражда к ним их рабов, вне зависимости от принадлежности к тому или иному слою, не вызывала никакого сомнения. Недаром имела у них широкое хождение пословица: «Сколько рабов — столько врагов!..» Справедливость этой пословицы блестяще доказали рабские заговоры и рабские войны (о печальных для римлян событиях в Сицилии Диодор писал: «Много тысяч рабов без всякого приказа стекло, чтобы погубить своих господ»). Уже до Спартака была брошена крылатая фраза, что поднимающий на бой рабов есть защитник всех обиженных и угнетенных!

Всех вновь прибывших в повстанческий лагерь (после определенной проверки) немедленно распределяли по легионам^[24]. В каждый легион по итогам последних боев Спартак назначил новых командиров — людей, зарекомендовавших себя умом и воинской доблестью. Система управления повстанческой армии строилась по римскому обычаю. Во главе каждого легиона находился его командир-префект. У него в подчинении были: 1) префект лагеря, 2) префект ремесленников, 3) 6—10 военных трибунов, командиры когорт (первая, почетная, насчитывала 1000 солдат; центуриями в ней командовали 5 почетных центурионов, имевших, как и почетный трибун, немалые привилегии и льготы; остальные когорты насчитывали по 500 солдат), 55 центурионов (первый, пользовавшийся особым почетом, командовал 400 и даже 600 солдатами, вместе со старшими офицерами он был членом военного совета; остальные — 100 солдатами), деканы (десятники) — старшие по палатке, их десятка составляла манипул («те, кто сражается рука об руку»).

Командир легиона являлся вершителем всех дел в легионе. Его ведению подлежали оружие, кони, одежда, сайки, пароли и распоряжения, отправление в поход и на работу, уровень дисциплины, интенсивность военных тренировок. Его обязанностью было довести до совершенства выучку солдат, поддерживать на высоком уровне моральный дух своего легиона. Все выдвигавшиеся на этот пост должны были обладать суммой

определенных качеств: храбростью, предусмотрительностью, справедливостью, старательностью, сдержанностью, честолюбием.

Префект лагеря ведал расположением лагеря, лечением больных воинов, повозками, вьючными животными, инструментами, метательными машинами и т. п. На этот пост римляне всегда выдвигали людей после долгой и безупречной воинской службы.

Начальник ремесленников ведал ремесленными мастерскими. Под его надзором ремесленники и мастера, главным образом фракийцы и галлы, уведенные Спартак из города, имений и латифундий, в широких масштабах начали производство мечей, копий (на них пошло железо из рабских тюрем и мастерских), щитов, панцирей, луков, стрел, боевых машин и т. д.

Подготовкой воинов непосредственно занимались военные трибуны, показывавшие воинам личный пример. На эту роль выбирали людей со значительным военным стажем. Столь же тщательно подбирали для войска центурионов — людей высокого роста, большой физической силы, умеющих ловко и сильно бросать копья и дротики, сражаться мечом и манипулировать щитом, быть бдительными, выдержанными, исполнительными, требовательными и заботливыми.

Каждому легиону был придан отряд конницы в 1000 человек^[25]. Всего, таким образом, в распоряжении Спартака было 4 тысячи конных воинов (он сформировал конницу, захватив в Лукании встречные конные табуны). Эта конница усиленно обучалась всем необходимым воинским приемам.

II

В лагере повстанцев торжествовали. Многие здесь уже считали себя победителями. Но радость оказалась преждевременной. Вскоре в различных местах Италии против власти повстанцев вспыхнули мятежи. Стали появляться шайки грабителей. Они убивали массы людей, ссылаясь на приказы Спартака, грабили имущество и скот простых людей, сжигали дома. К Спартаку посыпались жалобы на бесчинства его людей. Вождь восстания, как человек достаточно опытный, сразу понял, в чем дело. И невозможно было это не понять, когда под угрозой очутилось все снабжение армии и контакты с итальянским населением угрожали разрушиться. После совета с командирами Спартак решил отправить на борьбу с грабительскими шайками свои отряды. В итоге наступило некоторое улучшение, но ненадолго. Очаги сопротивления вновь

вспыхивали то тут, то там. Местные рабовладельцы, пользуясь своей властью и влиянием, большими финансовыми ресурсами, оказывали агентуре Вариния огромную помощь. Были пойманы также вражеские агенты, покушавшиеся на жизнь Спартака. Они дали весьма интересные показания...

Тогда после больших споров относительно принятия возможных решительных мер штаб повстанцев решил ответить врагам тем же: обрушить на рабовладельцев в городах Нола и Нуцерия (Кампания), Метапонт (Лукания), Консенция (Брутий) страшный террор, разбить начисто всю римскую машину государственного управления на юге Италии, конфисковать на нужды армии собственность рабовладельцев и дать им такой урок, чтобы они запомнили его на веки вечные.

В соответствии с принятым решением Спартак разделил войско на отряды (он полагал, что Вариний после тяжелых поражений не сможет напасть на него) и направил их в разные стороны юга страны. Один за другим повстанцы брали названные города приступом. И как позже, во времена восстания багаудов в Галлии (III век н. э.), они разбивали тюрьмы, освобождали заключенных (те тотчас присоединялись к ним), уничтожали храмы, дворцы, водопроводы, бани, жилища знатных граждан, всё вокруг наполняли «убийствами, пожарами, грабежами и насилиями» (Орозий). Множество знатных лиц в цепях были доставлены к Спартаку и после суда, избличившего их в различных тяжелых преступлениях (шпионаж, убийство повстанцев из-за угла и т. п.), были обезглавлены.

Октябрь — ноябрь 73 года запомнились всем современникам восстания Спартака, их детям, внукам и даже отдаленным потомкам. Цицерон говорил впоследствии о «гнете ужасов и опасностей невольнической войны», Гораций (I век до н. э.) — о «злобе» вождя рабов, Флор — о «страшном избиении» рабовладельцев южноиталийских городов (II век н. э.), Тацит (I век н. э.) — о «прежних несчастьях», Юлий Капитолин (IV век н. э.) — что Спартак «не терпел никого из знатных». О том же говорит Аммиан Марцеллин (IV век н. э.): «Сколько, — замечает он, — голов, перед которыми трепетали народы, пали под позорным топором палача».

Положение рабовладельцев усугублялось еще и тем, что повстанцам повсюду сочувствовали плебейские низы — «городские подонки», как презрительно именовал их Цицерон, а в сельской местности — разоренное и бедное крестьянство. В целом события, происходившие на итальянской почве, сильно напоминали события в Сицилии, происходившие там во время восстаний рабов. Диодор о последних писал так: «...простой народ

не только не сочувствовал богатым, но, напротив, радовался, так как завидовал неравномерному распределению богатств и неравенству положения. Зависть, порожденная бывшим прежде горем, перешла теперь в радость, когда увидели, как блестящая судьба обратила теперь свое лицо к тем, к кому она раньше относилась с презрением. Самое же замечательное во всем этом было то, что восставшие рабы, разумно заботясь о будущем, не сжигали мелких вилл, не уничтожали в них ни имущества, ни запасов плодов и не трогали тех, которые продолжали заниматься земледелием; чернь же из зависти, под видом рабов устремившись по деревням, не только расхищала имущество, но и сжигала виллы».

III

Успехи восставших были велики. Силы их росли непрерывно. Римская власть на юге Италии оказалась совершенно разрушенной. На местах стихийно стали возникать новые органы власти.

В этот период Спартак усиленно укрепляет дисциплину, старается избавить войско от сомнительных элементов, вносивших смуту и разложение, навлекавших на него всевозможными злоупотреблениями, грабежами и преступлениями позор, проклятия и нарекания местного италийского населения. Эти преступные элементы после первых бесполезных уговоров (когда дело казалось еще недостаточно ясным) он, опираясь на свой авторитет, начал подвергать дисциплинарным наказаниям, потом — изгнанию из войска и даже казни. Прецедент к введению смертной казни в повстанческом войске дало одно крайне неприятное для него дело. Произошло оно в тот момент, когда повстанцы производили избиение римской аристократии и ее сторонников на юге, очищая с помощью массового террора от врагов города Нолу, Нуцерия, Консенцию и Метапонт. В это именно время, пользуясь обстоятельствами момента, один из командиров с кучкой приближенных коллективно изнасиловал одну очень красивую женщину-патрицианку из Рима, взятую в плен. Знатная пленница покончила жизнь самоубийством «в отчаянье от нарушения своего целомудрия» — так сказали Спартаку окружавшие ее другие пленницы. Этот гнусный случай привел верховного вождя восстания в ярость. Больше всего он боялся, что войско, поддаваясь дурным примерам командиров, вырождается в банду грабителей и насильников, у которых не будет за душой ничего святого.

Итак, он вызвал виновных в тяжком преступлении на суд своего

войска. Здесь, перед сходкой солдат и командиров, Спартак держал горячую и убедительную речь о том, зачем поднято восстание, чего они добиваются, как можно и как нельзя себя вести. Преступники защищались, как могли, но доводы их не имели успеха. Судом войска они были приговорены к смерти, и войско, по принятому обычаю, побило их камнями.

Чтобы завершить это очень неприятное, но поучительное дело, Спартак распорядился с почетом погresti покончившую самоубийством женщину, а у ее могилы устроить, по римскому обычаю, гладиаторские игры. Гладиаторами выступали 400 пленных римлян из знатной молодежи. Бились только до крови, но не до смерти. Войско повстанцев выступало в качестве зрителей.

IV

В один из октябрьских дней, после полудня, Крикс пришел в палатку Спартака. Молодые стражи беспрекословно пропустили его: все уважали Крикса за многочисленные прекрасные качества души и великую доблесть на войне.

Спартак, сидя в кресле, читал какой-то свиток. Увидев вошедшего, он отложил книгу в сторону, встал и тепло приветствовал Крикса. Оба вождя расцеловались.

— Я принес тебе, доблестный Спартак, прекрасную новость, — весело начал Крикс.

— Какую? — улыбаясь, спросил Спартак. — Может, наши отряды одержали где-нибудь победу над римлянами?

— Нет, известие совсем иное: мои разведчики в четырех часах езды от нашего лагеря обнаружили кабанов — мощного секача, самку, четырех подсвинков и дюжину поросят. Я хотел бы пригласить тебя на охоту. Ты давно последний раз охотился?

— Очень давно. Последний раз в Лукании, когда был пастухом. Там мы охотились на волков, а в Понте — на леопардов, медведей, оленей... А на кабанов как-то не приходилось.

— Вот и отлично, — обрадовался Крикс. — Получишь большое удовольствие от охоты. Охота на кабана — одна из самых увлекательных! Сегодня вечером и отправимся. Охотиться будем ночью.

— Ночью? — удивился Спартак. — А почему ночью?

— Кабан очень осторожное животное, — пояснил Крикс. — Днем он

отлеживается в болотистых местах и непроходимых чащах, а ночью выходит на кормежку. После захода солнца я за тобой зайду.

Из лагеря выехали до темноты. Впереди за вооруженными разведчиками ехали 20 псарей со сворами породистых и быстрых собак: критскими, локридскими и лаконскими. За ними колонной по четыре следовали Спартак и Крикс с охраной избранных воинов, людей замечательной силы и доблести. За ними мулы, сопровождаемые погонщиками, везли рогатины, дротики, копья с зазубринами, палатки для ночлега, войлок, котлы, лепешки, соусы, овощи... Маленький обоз прикрывали еще сто человек конной охраны.

Молодые спутники двух полководцев были в отличном настроении. Они поочередно рассказывали разные смешные истории о женском коварстве и ловких любовниках. Все развеселились.

— А я вот вам расскажу иную притчу, — задумчиво сказал Спартак. — Передают, в древней Мидии на высокой горе обитало когда-то много обезьян. Вожак у них был старым и мудрым. Но один молодой и очень сильный самец оспаривал власть у старика.

Однажды старый вождь сидел на горе и смотрел оттуда на город. Увидел он, как по улице шла красивая молодая женщина, томная и изящная, живая и кокетливая, похожая на весенний цветок. За собой она вела на веревке черного барана. Баран по-любовному заигрывал с ней и толкал ее слегка рогами.

Тогда вождь позвал других обезьян и сказал им:

— Посмотрите! Вот странная игра — она плохо кончится. Обезьяны сказали:

— Что тут дурного? Баран заигрывает с женщиной.

Старый вождь ответил:

— Я на свете много прожил, всего навидался. Добром такое не кончится. Надо уходить отсюда поскорее.

— Зачем?! — закричали недовольные обезьяны. — Что нам за дело до барана? Мы здесь давно живем. Нам здесь нравится. Фруктов много, вода отличная. Нет, мы не уйдем отсюда.

Вожак возразил им:

— Я ваш владыка. Моя обязанность заботиться о вас, ваша — подчиняться. Но если вы не хотите уходить, я удалюсь с женами и детьми один. А тот из вас, кто хочет добра себе, пусть следует за мной. Беда совсем неподалеку!

В тот же день с женами и детьми старый вождь удалился. А обезьяны

сказали:

— Старик от дряхлости выжил из ума. Изберем себе нового царя.

И они избрали себе в вожаки того молодого, который оспаривал власть у старика. Прошло три дня. А на четвертый баран, вновь идя по улице с женщиной, вдруг бросился на нее и рогами припер к стене. Она стала кричать: «Спасите! Он меня убивает!»

На крик из соседнего двора выскочил мальчик с головней, взятой из очага, и ударил барана по спине. На баране загорелась шерсть. В страхе тот понесся к себе — а он являлся царским бараном, — в ужасе вломился в стойло слонов, поджег имевшийся там тростник и все стойло. Слоны начали реветь и метаться. Пока прибежали погонщики, освободили их от цепей и вывели на волю, многие слоны получили тяжелые ожоги. Царь, узнав о случившемся, очень рассердился — слоны были его любимцами. Он позвал к себе главу погонщиков и, задыхаясь от злобы, спросил:

— Что сделали с проклятым бараном? Он заслуживает самой лютой казни!

— Мы убили его, о владыка! — отвечал трепещущий погонщик.

— А как быть теперь со слонами? — спросил царь. — Чем их вылечить?

— Надо мазать слонов обезьяньим жиром, — отвечал глава погонщиков. — Это верное средство. Пошли воинов на охоту, владыка.

Царь согласился и послал в лес отряд воинов-лучников. Те явились на соседнюю гору, внезапно напали на обезьян и стали засыпать их стрелами. Обезьяны пришли в ужас, видя, как гибнут их жены и дети.

— О, люди! — жалобно закричали они. — За что вы истребляете нас так жестоко?! Мы никого не обидели! Не трогали ваших посевов и фруктовых деревьев! Много лет мы мирно живем на нашей горе. За что нам такое несчастье?!

Предводитель воинов с дорогой серьгой в ухе коротко рассказал обезьянам историю о женщине, баране и слонах, передал им приказ своего царя. Тогда обезьяны совсем пали духом, а новый вожак со стоном сказал:

— Нашу участь мы вполне заслужили! Мы не послушали старого вожака, умудренного большим опытом жизни! И вот теперь расплата!

— Мораль притчи, соратники, какова? — спросил Спартак притихнувших спутников. — Как говорит один из поэтов:

*Что юный в зеркале искать привык,
То видит даже в кирпиче старик.*

Можно сказать также и иначе: когда нечто ужасное для всех совершилось, не помогут уже ни раскаяние, ни скорбь, ни горестные вопли. Недаром говорится:

*Живое подстерегается, не дремлет в мире беда.
Ручьи наполняли реку веками,
Но вот иссякла в ручьях вода...*

Существует и другое полезное изречение. Оно гласит:

*Пусть пыль рассеется, — труд будет не тяжел
Узнать, кто под тобой: скакун или осел!*

Во все время этого рассказа Крикс несколько раз менялся в лице. Наконец он воскликнул:

— Тогда, я вижу, и мне придется вам кое-что рассказать!

Все дружно сказали:

— Расскажи, о доблестный Крикс!

И Крикс начал так:

— Повесть моя, — сказал он, — дошла ко мне от далеких предков. Рассказывают ее наши старики. Жил, как говорят, некогда один праведник. Однажды отправился он в прекрасную рощу на прогулку. Там увидел он сидящего на дереве удода. А неподалеку, у ручья, дети устраивали силки.

— Братец удода! — сказал праведник. — Плохое место избрал ты для отдыха. Тут можешь ты угодить в силки.

— Зря дети стараются! — щелкая клювом, промолвил удода. — Ничего у них не получится. Я смысленный, сообразительный, много повидал, познал жизнь. Я умею разрешать труднейшие вопросы! Меня не провести! Иди спокойно, святой человек!

Праведник покачал головой в великом сомнении и двинулся дальше, сказав самому себе:

— Только совет — дело советчика!

Дети тщетно сидели в засаде несколько часов. А удода всячески дразнил их, омывая перья и крылья в прозрачной воде ручья, подлетал к силкам, хлопал крыльями и возвращался назад, на дерево.

Наконец дети потеряли всякую надежду, забрали свои силки и ушли. Удода тем временем проголодался. Увидев, что из силков выпали зерна

приманки, он решил подобрать их, подлетел к ним без всякого страха... и попал в один случайно забытый силок! Как он ни бился, ничто не помогало. Тогда удад сказал себе:

*Часто гибнут наши желания, но нет в том гибели.
В этой пропасти счастье идущих таится!*

Он закрыл глаза и приготовился к смерти. Но, на счастье его, праведник, совершив прогулку, возвращался назад той же дорогой. Увидав своего знакомого в беде, он поспешил ему на помощь, разорвал петли силка и стал упрекать, говоря:

— Ты пренебрег советом друга и едва не погиб позорной смертью!

Удад признал свою вину и сказал:

— Разве ты не знаешь, великий святой, что бесполезно остерегаться Рока?! Что никак невозможно противостоять Судьбе?! Когда она тебя настигнет, знания и сила становятся бесполезны, даже самая мудрая птица не минует силков! Сказано поэтом:

*С Судьбою не борись, ведь это безнадежно,
Разрушить можно жизнь и силою ничтожной!*

И другим поэтом сказано:

*Каждый день что-то новое в мире вершит небосвод,
Перед чем отступает людской остроумный расчет.
Пусть наш разум, как солнце золотое, сверкает с высот, —
Он загадкам Судьбы разрешенья вовек не найдет!*

— Да, — заключил Крикс свою притчу, — верно сказано, и я с тем согласен: *«Когда настигнет судьба, то и у мудрого зрение слепнет!»*

Все спутники двух вождей переглянулись: каждый понял, что притчи Спартак и Крикс рассказывали не всем, а друг другу. Дальнейшую часть пути проделали молча: каждому было над чем подумать.

К полуночи отряд прибыл на место: в прекрасный дубовый лес, полный спелых желудей, усыпавших всю землю под деревьями, —

величайшей отрады свиней.

Погонщики сняли с мулов поклажу, поставили шатры, устроили становище. Крикс выставил положенное охранение и послал разведчиков еще раз обойти окрестности. Потом все участники охоты вооружились и, разделившись на два отряда — охотников и загонщиков, — отправились к тому месту, куда кабаны выходили на кормежку.

Ночь была прекрасной. Полная луна серебристым мягким светом заливала всё вокруг. Легкий ветерок слегка волновал листья на высоких деревьях.

Крикс, Спартак и часть их товарищей — охотники — разместились за деревьями в засаде, остальные — загонщики — оцепили со всех сторон лесок, включая часть озера, к которому кабаны ходили пить и купаться. Засады разместились, принимая во внимание ветер, прекрасный слух и обоняние диких свиней (запах человека они улавливают на расстоянии в 500–600 шагов). В полном молчании все слушали ночную тишину, резкие крики каких-то ночных птиц, изредка пронесившихся в вышине, легкий шелест листвы от порывов ветра, отдаленную возню мелких ночных животных, вышедших на охоту...

Сидели в засаде долго — не меньше часа. Первыми увидели кабанов загонщики. Находившаяся перед ними в значительном отдалении чаща кустарника вдруг затрещала — все насторожились! — и через минуту перед глазами загонщиков показался кабан. Он был огромен, буровато-серый, на хребте топорщилась жесткая грива из сивой щетины. Крепкие толстые ноги поддерживали мощное туловище и огромную голову с маленькими глазками и крупным пяточком. Из рта у кабана торчали огромные трехгранные нижние клыки — удар таких клыков на охоте часто бывает смертелен! — и небольшие верхние, тупые и короткие.

Кабан стоял неподвижно. Убедившись, что опасности нет, он призывно хрюкнул и с проворством, неожиданным для такой огромной туши, побежал к ближайшим деревьям. Жадно хватая желуди, он с хрустом разгрызал их и тут же пожирал.

Вслед за кабаном из чащи кустарника неторопливо вышла свинья, за ней — подсвинки, потом выкатилась целая ватага полосатых поросят. Все они направились к вожаку и, расположившись рядом, тоже стали лакомиться желудями.

Загонщики не торопились прерывать их трапезу. Они хотели дать свиньям отойти подальше от спасительных кустов. В душе у некоторых даже шевельнулась жалость к вышедшим животным, ни в чем не виновным. У всех на глазах они мирно насыщались, не зная еще, что они

обречены и час спустя почти все лишатся милой жизни.

Постепенно кабаны все дальше отходили от кустарника, свободно разбредаясь в разные стороны...

Наконец глава загонщиков сказал: «Пора начинать!» Тотчас все загонщики поднесли к губам охотничьи рожки и начали изо всех сил дуть в них. Одновременно они выскочили из засады, загораживая кабанам отступление назад, в кусты, а псаря спустили с поводков своры собак. Те с громким лаем бросились вперед.

Увидев столь многочисленных врагов, кабаны метнулись в одну сторону, но и оттуда показались загонщики, яростно дующие в рожки, в другую — и там повторилось то же самое. Только одна сторона оставалась свободной от врагов, и кабаны сломя голову немедленно бросились по узкому коридору, надеясь прорваться.

Стон, треск и гул, лай многочисленных собак, сопение и хрюканье испуганных животных наполнили лес. Впереди бегущих животных, подняв хвост, тяжело несясь кабан-вожак. Он прежде бывал в подобных переделках, о чем говорили шрамы от полученных им ран, и знал по опыту: здесь не дают пощады!

И действительно, охотники, выступив из-за деревьев, осыпали их многочисленными копьями и дротиками. Подсвинки и поросята, пораженные ими, падали на землю, потом снова вскакивали и бежали. Разъяренные собаки со всех сторон окружали их, хватая за уши, ляжки и бока... Пробежав еще 20–40 шагов, подсвинки и поросята падали на землю мертвыми.

Охотники, торжествуя, подхватывали свою добычу. Некоторые вязали ноги раненым, истошно визжащим поросятам...

Крикс и Спартак, всё еще сидевшие в засаде, напряженно вглядывались в большого самца, несшегося в их сторону. Другие охотники, выскочившие из засады (они сидели впереди), кричали и бросали копья лишь с одной целью: чтобы напугать кабана и направить его в сторону Крикса и Спартака. Крикс категорически запретил всем другим охотникам поражать этого кабана. «Мне необходимо убить его лично!» — сказал он.

Решительная минута стремительно приближалась. Спартак искоса взглянул на Крикса. Тот сбросил с плеч плащ и остался в одной легкой одежде. Он весь подобрался, словно для прыжка, взял в руки тяжелый острый кинжал и приготовился. Хотя существовали и другие, более безопасные способы охоты (с помощью лошади, удара копьем из-за деревьев — дерево играло роль щита), Крикс хотел убить кабана способом самым древним, но и самым опасным. Иначе говоря, он хотел дать кабану

свой шанс...

Кабан быстро приближался, рос буквально на глазах. Уже слышалось его частое дыхание, видны были каждая щетинка на теле, маленькие глазки, горевшие лютой злобой. Из-под копыт его комями летела земля...

В тот момент, когда он оказался совсем рядом, Крикс с воинственным криком выскочил из засады. Кабан резко метнулся в сторону. Но было уже поздно: они пробежали бок о бок всего несколько шагов. В следующее мгновение, без малейшего колебания, Крикс вскочил на него верхом и со страшной силой вонзил ему кинжал в шею, в шейные позвонки — самое уязвимое место в теле кабана... Кабан пробежал еще несколько шагов, потом упал на колени. Крикс проворно соскочил с его спины и отскочил в сторону. Он знал: кабан опасен, даже раненный смертельно! Со всех сторон, радостно крича, бежали другие охотники. Их крики словно придали кабану новые силы. Он вновь поднялся на ноги, пробежал еще шагов 80 и вновь упал. Сердце его остановилось...

Крикс и другие охотники окружили тушу. Ликуя, Крикс исполнил вокруг поверженного врага бурный охотничий танец, крича:

— Мой!.. Мой!.. Мой!.. Я его сразил!!!

Подбежал Спартак (по уговору он страховал Крикса на случай неудачного удара). Крикс, ликуя, схватил его за руку:

— Спартак, посмотри! Зубы! Какие зубы! Сделаю из них ожерелье! А клыки! Какие клыки! Оправлю их в золото! Какая добыча! Какая добыча! Видел литы, Спартак, когда-нибудь такого красавца?!

Все охотники радостно кричали:

— Слава Криксу! Слава!

— Какой удар!

— Какая сила и смелость!

— Какое бесстрашие!

— Никто бы на такое не решился!

— Наш Крикс один на один может пойти на тура!

— На льва!

— На слона!

— У нашего Крикса львиное сердце!

Спартак с радостным облегчением расцеловал Крикса:

— Я рад, дорогой Крикс! Какой удар! Блестящая победа! А все-таки очень большой риск! Если прыжок окажется неудачным, рука внезапно дрогнет или откажет в успехе коварная Судьба — тогда конец: такими клыками кабан вышибет из охотника душу! Ведь и великий герой Актеон погиб во время охоты на кабана! Нет, я не позволю тебе больше так

рисковать, Крикс! Но как я рад: все кончилось благополучно!

Крикс стер со лба горячий пот:

— Э, Спартак! Судьбы все равно не избежать! А я люблю риск и со времен моей юности рисковал всегда! Такие, как я, не умирают в своей постели! Слышал, как римляне говорят: «Тот, кого любят боги, умирает молодым!» Это, верно, обо мне сказано! А тебе не напоминает, Спартак, наша охота переживания арены?!

Пока они беседовали между собой, по всему охотничьему полю участники охоты потрошили убитых свиней: снимали косматые шкуры, извлекали внутренности, отрезали филеи и окорока...

Охотничьи собаки жадно лакали кровь, пожирали требушину и внутренности, брошенные им охотниками.

Наконец вся работа по разделке туш закончилась. Радостно возбужденные охотники взвалили на плечи мясо, взятых в плен поросят и двинулись назад, к своему становищу.

Пока молодые стражи, нанизав кусочки свежего мяса на вертела, занимались его поджариванием, Спартаки Крикс, присев в стороне на поваленном бурей дереве, беседовали между собой.

— Что поделаешь, дорогой Крикс! — смеясь, сказал Спартак, продолжая прерванную речь. — Мне всегда казалось: и Сабасий, и Атис — боги сомнительные. Боюсь, и на небе у них нет прав полного гражданства!

— Ты, Спартак, не веришь в богов, — с досадой сказал Крикс, — я знаю! Но я верю! И многие воины, и наши военачальники, они в богов тоже верят! Пусть под разными именами, но верят! Оставь нам нашу веру, не покушайся на нее, многим она облегчает жизнь! А философы, на которых ты часто ссылаешься, нам, людям веры, безразличны. Что они такое, твои философы, оскорбители богов?! В любом городе, у любого храма ты найдешь их! Там они всегда орут и переругиваются между собой. Там хватают друг друга за грудки их ученики! Там же мелочные торговцы продают всякий хлам, риторы бесстыдно извращают законы на погибель честным гражданам, лживые гадатели подло истолковывают достоверные знамения, поэты распевают свои бездарные стихи, а бараны-слушатели им аплодируют, не жалея ладоней, и даже восхваляют в самых пышных выражениях! А в это время всякие болтливые и гнусные софисты, всякие писаки рекламируют свои нелепые и вредные сочинения! Тем самым они делают людей еще хуже, лишая их благочестия, укрепляя в них невежество, самодовольство, безрассудство и коварство!

— Э, Крикс, ты очень, я вижу, настроен против философов! —

усмехнулся Спартак. — Чем они тебе не угодили?

— В юности, — хмуро ответил Крикс, — я намеревался очистить себя от невежества. Я жаждал знания, хотел получить ответы на мучившие меня вопросы: какова истинная природа богатства, власти, славы, могущества? Насколько обязательно для порядочного человека гоняться за ними в жизни? Наконец, я жаждал разгадать величайшие загадки природы! Почему тучи извергают оглушительный гром, блестящий град, красивые снежинки, теплый дождь? Для чего живет человек? В чем вообще смысл жизни? И что же?! Философы осыпали меня дождем смехотворных атомов, пустоты, материи, первопричин, идей, а также взаимными несогласиями! Каждый оспаривал мнение прочих, других называл невежами, оплотом истины — одного себя! Каждый жаждал одного: чтобы я проникся вполне лишь его взглядами и давал денежки только ему одному! У них царил всегда такой порядок: постоянно осуждать поведение других, людские мнения презирать, о богах толковать самым гнусным образом, бесстыдно понося и Зевса и Геру, писать против несогласных обвинительные речи, запутывать всех в своих силлогизмах и рассуждениях, с актерскими ужимками болтать о добродетели!

— Ты, Крикс, безмерно всё преувеличиваешь! — заметил Спартак, улыбаясь. Он совершенно не был согласен с яростной филиппикой своего друга, но не хотел мешать ему высказаться.

— Да нет же! — продолжал настаивать на своем Крикс. — Кто громче всех кричит, кто написал больше книг, исполненных наибольшей дерзостью, кто наглешим образом ругается, понося святые таинства, высмеивая предсказания оракулов, знамения и призывая не совершать жертвоприношения, то есть оставить богов голодными, так как богов, по их мнению, или вовсе нет, или они не занимаются делами земными, — вот тот у них и пользуется наибольшим почетом! О, эти мнимомудрые рассуждения, которыми морочат простаков: об идеях, о пределе и беспредельности, о существах бестелесных, об атомах и Судьбе, о, эти клятвы гусями, собаками, даже платанами! О, неподражаемое божество в виде числа! О, эти философы — скитальцы по Элладе, Персии, Индии! Повсюду их гонят за лживые, гнусные рассуждения! Да и сами они никакое место, никакую страну не желают признавать за родину, все они с гордостью говорят: «Мы — космополиты!»

Спартак вздохнул: такие яростные нападки на философию и философов были ему неприятны, но он не хотел прерывать Крикса. Тот же продолжал с тем же пылом развивать свою мысль:

— А посмотри, как они расхваливают своим ученикам, своим

слушателям в беседах *бескорыстие, постоянство, твердость и умеренность!* Как поносят всегда наслаждение и богатство! Но вот остались они без толпы, в своем кругу. И что же? Да нет такой вкусной пищи, которую бы они тут же с жадностью не проглотили! Как жадно пересчитывают полученные монеты! Где предел лживости и жадности этих сварливых, тщеславных глупцов?! Я вижу, ты со мной не согласен, тебе все хочется возразить!

— Мне действительно хочется возразить! — вставил Спартак.

— Но ты не торопись, ты дослушай меня! — настаивал Крикс. — Спроси любого из них: «А что ты сам, о философ, сделал до сих пор, ты, всех поносящий?! Принес ли ты пользу в жизни?» Он, надувшись от важности, несомненно, ответит: «Обычные занятия — мореплавание, земледелие, торговлю, ремесла, военную службу — я отвергаю. Все они бесполезны для мудреца. Я же, уйдя от обыденной жизни, действую всегда в высших интересах. Если какой богач много тратится, я немедленно доношу на него народу. Я должен нападать на безрассудных богачей! А чтобы подготовиться к великим битвам, я купаюсь в холодной воде, валяюсь в грязи, хожу босиком зимой!»

Но я думаю, у нас нет нужды в философах, распространителях ложной и продажной мудрости. Зачем нужна философия, если в Дельфах и Дидимах есть прорицалище Аполлона, в Эфесе — Артемиды, во Фракии — храмы Диониса и Бендиды, на Самофракии — Кабиров, в Египте — Анубиса, в Пергаме — лечебница Асклепия?! Там пребывает истинная мудрость, там настоящее благочестие, там обители величайших богов! Из всего сказанного я, Спартак, заключаю: не надо нам в нашем лагере болтливых и вредных философов. Нам нужны другие люди: люди дела, те, кто может и хочет сражаться не языками, а мечом! Только такие люди нам друзья и родня! — закончил Крикс свой пылкий монолог.

Спартак помолчал, размышляя, потом ответил:

— Я согласен с тобой, Крикс, вот в чем: всякая философия стоит чего-либо только в одном случае — если она учит действовать, а не рассуждать, и когда сами философы живут в согласии с провозглашаемыми идеями. Но я не согласен с тобой в другом: в отрицании ценности философии вообще. Я спрашиваю тебя: что может удержать человека от ошибок на жизненном пути, избавить от гнусных пороков, дать хорошее настроение? Ты не можешь ответить? Так я отвечаю: ничто, кроме истинной философии! Мой вывод, дорогой друг, таков: философией надо заниматься! Для предводителя такие занятия насущно необходимы: философия отточит, обострит природный ум подобно тому, как занятия искусством украшают

человеческую душу! Надо сохранять уважение к философам — среди них много замечательных людей. Подобаает быть к ним щедрым. Среди них следует выбирать тех, кто, по твоему мнению, ближе к истине. Но и остальных не следует порицать! Нет такой системы, в которой бы не заключалось какой-то истины! Потому-то, я думаю, каждый крупный философ строил новую систему, выбирая из предыдущих систем все лучшее! Словом, в нашей жизни философия может быть полезной!

— Но что такое наша человеческая жизнь? — проворчал Крикс. — Пиршества, браки, народные собрания, суды, военные набеги, путешествия по земле и морю в повозках и на кораблях, борьба за добычу или клочок земли, погоня за славой, волнения честолюбия, смерть близких или друзей, радость или печаль. О, как смешны мне презренные богачи, гордящиеся золотом, с восемью кольцами на обеих руках!

— Кстати о кольцах! — Спартак посмотрел на руку Крикса. — Прекрасное кольцо я вижу у тебя. Давно приобрел, дорогой Крикс?

Самнит покраснел и невольно прикрыл кольцо другой рукой.

— Покажи-ка! — Спартак взял его за руку и снял с пальца Крикса кольцо. Он повертел его перед глазами, любуясь игрой камня. — Прекрасное кольцо, великолепный камень, Крикс! — одобрил он. — Очень дорогое кольцо. Я понимаю толк в таких вещах, можешь мне поверить, я насмотрелся на них в Понте. Откуда у тебя это кольцо?

— От почитателя, — неохотно ответил смущенный самнит.

— Ах, Крикс, Крикс! — Спартак осуждающе покачал головой. — Не следует принимать подобные подношения, за них всегда требуют больших ответных услуг. Надеюсь, ты ответил взаимным ценным подарком?

Смущенный Крикс молчал: он не смел говорить явную неправду, но и всего говорить ему не хотелось...

— Знаешь, Крикс, — сказал Спартак, — мне кажется, кольцо следует вернуть.

— Почему?! — перепугался самнит. Он выхватил у товарища кольцо и зажал его в кулаке. — Почему вернуть?! Я получил его в подарок не от мужчины, а от любимой женщины! Разве могу я ее оскорбить, вернуть ей такое кольцо?! Она подарила его мне по любви. Я спросил богов: «Можно ли мне взять столь дорогое кольцо?» Я трижды их спросил, как положено! Боги ответили: «Можно!»

— Такие объяснения ты, Крикс, оставь! — Спартак явно рассердился. — Не прикрывай свои ошибки ссылками на богов!

Крикс вскочил:

— Я не отдам кольца! Я знаю: для тебя воля богов — ничто! Ты

вообще хотел бы подорвать у воинов веру в богов!

Спартак снова улыбнулся и примирительным тоном сказал:

— Ты напрасно горячишься! Не собираюсь я покушаться на вашу веру в богов! Кто хочет, пусть верит! Единственное мое пожелание вот каково: ты сам, как один из влиятельных вождей войска, не будь доверчив к подаркам, лести, к рассказам шарлатанов и кудесников о снах, заклетьях, вызывании демонов! Многие в прошлом погибли из-за своей доверчивости и погубили с собой других. Особенно мне подозрительны такие ценные подарки! Ты ведь знаешь римский обычай: ничего даром не давать! Даже богам приносят жертву со словами: «Даю тебе, чтобы ты мне дал!» Что же твои таинственные поклонники хотят от тебя? Хорошо, если они не связаны с консулами!

— Ты считаешь меня таким простофилей?! — обиделся Крикс.

— Нет, не считаю! — отвечал Спартак. — Но я бы очень тебе советовал, мой друг, быть в делах постоянно осторожным. Мы на войне! Нас окружают римские шпионы! Они стараются проникнуть в наш лагерь, купить неустойчивых и алчных, втереться с помощью лести и подарков в доверие к высшим командирам.

— Разве я о том забываю?! — снова обиделся Крикс. — Ты меня поучаешь как мальчишку! Но разве я плохо исполняю свои обязанности? Тогда лиши меня моей должности! Может, ты найдешь кого-нибудь более умного и достойного, кто с большей охотой, чем я, рискует в бою головой!

Спартак осуждающе покачал головой:

— Ах, Крикс, Крикс! Зачем ты это говоришь?! Никто не сомневается, что ты честно исполняешь обязанности. Тебя отличают храбрость, бескорыстие, благородство, знание военного дела. Мы все это знаем и добрые твои качества ценим! Но ты слишком горяч и недостаточно осмотрителен! Ты позволяешь своим страстям увлекать себя за ту границу, которая допустима для полководца!

— Что ты имеешь в виду, Спартак? — явно рассердившись, спросил Крикс.

— Сам знаешь, дорогой друг!

— Нет, Спартак, говори, если начал! Вождю следует говорить откровенно! Не должен подчиненный гадать над тем, чего он хочет или не хочет!

— Скажу! Скажу, не беспокойся, — согласился Спартак. — А пока ответь мне: у тебя есть золотые кубки и чаши?

— Есть, — нехотя признался Крикс.

— И много?

— С десяток.

— Откуда ты их добыл?

— Одни куплены по моему поручению в счет моей военной добычи, присужденной мне по жребию, другие принесли мне друзья в подарок.

— Какие у тебя щедрые друзья, Крикс! — усмехнулся Спартак. — Каждый раз приносят что-то очень ценное в подарок: то кольцо стоимостью в целое состояние, то золотые чаши! Ты бы познакомил меня с ними! Очень мне интересно на них хотя бы одним глазком взглянуть!

— Познакомлю... позже... — насупившись, отвечал самнит.

— Скажи, Крикс, для чего тебе золотые чаши и кувшины? — опять спросил Спартак. — Почему ты не можешь пить из глиняных или деревянных?

— Потому что я свободный человек, — ответил Крикс с раздражением. — Неужели непонятно?! Из глиняной или деревянной посуды пусть рабы пьют, а я ныне свободен и располагаю средствами. Поэтому я хочу пить из золотых кувшинов и кубков, хочу пить и есть на золоте, как римские сенаторы, как самый богатый из римлян — Марк Красс!

Спартак опять улыбнулся:

— Как ты, Крикс, ошибаешься, даже удивительно! Как раз Марк Красс, самый богатый человек из римлян, пьет и ест из самой простой посуды. Посуда серебряная или золотая выставляется редко, ради особо почетных гостей. Красс очень воздержанный человек, Крикс! И заметь, он — поклонник философии. А ты и не знал? Да, Красс — перипатетик, он сторонник этики Аристотеля!

— Пусть, если хочет, пьет даже из собачьего черепка! — проворчал Крикс. — А я хочу пить и есть на золоте. И многие наши тоже. Ты ведь слышал, наверное, эти строки поэта:

*Коротки и быстротечны человеческие дни —
Сколько можешь, наслаждений в чаше жизни зачерпни.*

Так перестань же, Спартак, прижимать нас по мелочам! Не забывай той истины, которая высказана другим поэтом:

*Тебе дано Судьбою царство, чтоб ты им правил справедливо,
Ты должен избегать насилья и не таить его в груди.*

— Так я, по-твоему, вас прижимаю? — возмутился Спартак. — Я — новый тиран?

— Я подобного не говорил, — отвечал Крикс. — Но это будет действительно тиранией, если ты не станешь давать нам жить как мы хотим, даже в мирное время. Достаточно, что мы все тебе беспрекословно подчиняемся в бою и в походе!

— Так я, значит, неправильно поступаю, я вас зажимаю? — снова переспросил Спартак. Обвинение казалось ему верхом несправедливости.

— Конечно, неправильно, — подтвердил Крикс. — Давно известно: власть полководца по своей природе близка к тирании, так же, как безрассудство соприкасается с храбростью, расточительство с щедростью.

— Нет, Крикс, ты ошибаешься, — покачал головой Спартак. — С моей стороны нет даже и намека на тиранию. Я хочу порядка, дисциплины, бдительности. Только с ними, а не с золотыми чашами и кувшинами, в непрерывных попойках, в обществе юнцов и женщин можно побеждать на войне.

— Нет, Спартак, я не могу согласиться с тобой! — стоял на своем самнит. — Ни попойки, ни золотые чаши не имеют отношения к честному исполнению каждым своих обязанностей. Отдельные поражения могут быть в любом случае. Потому-то и говорит один из поэтов:

*Рок в бездну трудностей порой нас бросит,
А после облегчение приносит.*

А другой поэт считает даже некоторые неудачи полезными. Он так говорит об этом:

*Сноси свою Судьбу, пусть даже Рок вершит
Не то, что ты хотел, — ты все ж не будь строптив.
Для мужа будет жизнь приятною тогда,
Коль в наслажденьях есть какой-то перерыв.*

— Странно ты рассуждаешь, Крикс! — воскликнул Спартак, уже сильно рассердившись.

— Почему странно? — не соглашался Крикс. — Я говорил и говорю: несправедливо прижимать своих товарищей. Это ведет к тирании. Такую тиранию создал у себя после персидских походов Александр Великий! Ни

одному свободному человеку нельзя было и слова правды сказать! Удивительная вещь: македоняне своими подвигами на войне сами выковали себе цепи! Вот что действительно и достоверно (можешь, Спартак, сердиться сколько хочешь): тирания всегда влечет за собой лживость со стороны окружающих, клевету, изворотливость, лицемерие, преданность же свободе требует любви к истине и справедливости! И воспитывать людей надо с умом, не раздражая их понапрасну, как один поэт говорил:

Если ты шипы посеял, виноград не соберешь!

— Странно ты рассуждаешь, Крикс! Клянусь Юпитером, странно! — Спартак, возмущаясь, ударил себя по бедрам. — По-твоему, золотые чаши — символ свободы! Тот, кто хочет их запретить, почти тиран! А по-моему, они предвестник новых рабских цепей! Тебе непонятно? Объясню! Те, кто на войне начинает употреблять золотые чаши, быстро переходит к роскоши во всем. Бдительность их, работоспособность, желание и умение воевать быстро уменьшаются. Они начинают небрежно исполнять свои обязанности. Глядя на высших командиров, так же начинают вести себя и командиры поменьше, военные трибуны и, наконец, воины. Конец всегда один: полное и позорное поражение! Тем, кто уцелел, надевают на шею веревку и отправляют на рабский рынок. Ты такой участи хочешь себе и войску?!

— Никогда такого с нами не будет! — Крикс в гневе вскочил с места. — Не мы, поклонники золотой чаши, будем показывать тыл врагу! Мы скорее падем в битве, чем позволим снова надеть на нас веревку раба!

— Очень ты меня утешил, Крикс! Вот спасибо! — Спартак насмешливо поклонился. — Значит, вы, сторонники золотой чаши, уже настроились на поражение, а не на победу?! Вот теперь, дорогой друг, я тебе доскажу то, что прежде не хотел говорить: не должен командовать тот, кто без стеснения проводит среди женщин дни и ночи напролет, кто совращает мальчиков, кто под звуки бубнов пляшет среди скопцов, кто ежедневно играет в кости, у кого ночи состоят из обедов, а дни из долгих завтраков, описать которые не хватило бы времени!

Крикс покраснел и, насупившись, отвернулся.

— Ты на меня намекаешь или на моих командиров? — наконец спросил он после долгого молчания.

— Сам рассуди, к кому относятся мои слова, — отвечал Спартак. — Но я бы хотел, чтобы ты переговорил со своими командирами вполне

откровенно сам. Некоторых пора призвать к порядку, пока еще не поздно! Они подают всем дурной пример! Если бы я этого тебе не сказал, я бы не выполнил своего долга как полководец! Ты должен переговорить со своими! Твой авторитет в войске велик, тебя любят и уважают. Мы должны с тобой, Крикс, действовать во всех важных вопросах вместе, не разделяясь. Ведь мы вдвоем подняли столько людей на борьбу, и они верят нам! Недопустимо положение, если я захочу вести войско в одну сторону, а ты в другую! Мы уничтожим тогда в ожесточенных спорах влияние друг друга! Тогда в войске начнутся разложение, смуты, интриги! То-то будут рады римляне! Разброд и интриги в нашей среде — почва для измены. Люди неустойчивые и алчные — ты хорошо знаешь — есть и у нас. Ты дашь гарантию, что никто из них не пойдет навстречу пожеланиям римлян и... Мне не хочется договаривать!

— Негодяи всюду есть! — с трудом выдавил Крикс. — Как можно дать какую-то гарантию? И к нам они, как и к другим, попадут в известном числе. Особенно если римляне стараются заслать к нам немало тайных агентов. Но в моем окружении их не будет! Я убью собственной рукой подлеца, позволившего подкупить себя римлянам! Или того, кто станет вносить смуту в наши ряды! Кто будет заниматься интригами и шпионажем, кто захочет нас предать!

— Было бы лучше, дорогой Крикс, другое: если бы ты повседневно воспитывал своих людей, показывал им не только пример храбрости, честного отношения к обязанностям — в нашей войне этого мало! — но и воздержанности. У высших командиров воздержанность должна быть одним из главных качеств. Она дает, понимаешь, какое преимущество? Такой вождь всеми силами, ни на что не отвлекаясь — ни на пьянство, ни на интриги с женщинами! — сосредоточен на войне. Только такие вожди могут привести войско к победе! Это несомненно! Потому-то и говорят философы, мнения которых ты столь недолюбливаешь, следующим образом: «Трудно быть предводителем. Многими качествами надо обладать: знать блестяще военное дело, людей и политику, отличаться мужеством, воздержанностью, скромностью, выносливостью, неприхотливостью, уравновешенным характером, чувством собственного достоинства и самообладанием, бодростью в трудных обстоятельствах, в том числе и в болезни. А сколь важно отличаться неподверженностью чужим влияниям, оказываться невосприимчивым к клевете, уметь шутить, выносить свободное, неллицеприятное слово! Телесные удовольствия должны играть у нас такую же роль, какую в войске занимают вспомогательные и легковооруженные отряды. Они даны нам на время и

скоротечны. Мы не должны быть их рабами. Только при этом условии могут они оказаться полезны для нашего тела и духа».

И еще: «Достигнуть вершины человеческого могущества можно лишь одним путем: совершенствуясь в воздержании и мужестве».

Наконец: «Образ жизни полководца должен быть не расточительным, а умеренным. Иначе говоря, полководцу следует вести жизнь воина. Этим всё сказано».

— Может быть, ты прав по-своему, Спартак, — уже без прежнего раздражения возразил Крикс. — Но нельзя слишком далеко заходить в требования к воинам и командирам! Надо соблюдать благоразумную умеренность. Мы находимся на войне. Каждый из нас в любой день может погибнуть. Что же он получит от жизни? Только обещания о будущей прекрасной жизни на звездах? Или обещания о прекрасной жизни на земле в случае успеха нашего дела, который он, может быть, и не увидит?! Стыдно и страшно обмануть людей! Поэтому следует идти им, если возможно, навстречу! За подвиги следует щедро награждать — и дорогим оружием, и цветным платьем, и редкостными ожерельями! Пусть пьют вино даже из золотых чаш! В этом ли дело? Справедливо сказано поэтом:

*Как светит, манит нас красавица надежда!
Нам с нею хорошо, пусть даже и тревожно.
Живи же веселей: на свадьбе Смерти, знаешь,
Красавиц нет таких, найти их невозможно.*

Так я думаю, Спартак, и с этого не сойду!

— Дорогой мой Крикс! Разве я против наград? Разве я хочу отнять у людей твердые надежды? Но пути политики крайне сложны... Поэтому-то и говорится: «Истиной часто становится та ложь, которой все поверили!»

— Я никогда не признавал такого мнения, — сказал Крикс с раздражением. — Надо давать реальные обещания. Ничто так не подрывает веры к вождю, как обман! Хочу привести полезное мнение философов (и я в юности их слушал, не считай меня совсем уже за невежду!): «Лишь тот является великим, кто щедро раздает деньги, в военных походах первым подвергается опасности, ценит друзей, не обращая внимания на их недостатки».

— Ты сказал, Крикс, только первую часть мнения философов, а вторую — не менее важную! — опустил. А вторая звучит так: «...кто проявляет милосердие к пленникам, будучи победителем, легко отходит от гнева, на

вершине успеха не теряет человеколюбия». Почему ты забываешь про вторую часть изречения?!

— Я не собираюсь проявлять милосердия к римлянам, нашим заклятым врагам! — в гневе вскричал Крикс, вскакивая с места. — Они мучители самнитов, всех народов Италии, всех народов земли! Самниты поклялись разрушить Рим, истребить всех римлян до последнего человека! Если Судьба и боги будут способствовать нашему делу, я выполню клятву предков! Сначала мы разграбим проклятый город — он веками грабил другие народы и города, должна же прийти и его очередь! — потом я лично первым поднесу пылающий факел к самому красивому дворцу на Палатине! Когда Рим превратится в кучу обгорелых развалин и пепла, я лично пройду по его обломкам с плугом и засею развалины солью! Это будет знаком того, что никто не должен отныне здесь селиться, что место это проклято богами и людьми! Не может быть никакой жалости к Риму и римлянам! Почему можно избивать и грабить другие народы и города — Коринф, Карфаген и другие, — а Рим нельзя?!

— Успокойся, Крикс! — Спартак схватил его за руку и снова усадил. — Успокойся! Это мы еще обсудим! А пока скажи мне, что ты думаешь о наших дальнейших планах? Как, по-твоему, куда нам вести войско? Что вообще делать дальше?

— Мне кажется, — ответил Крикс, несколько успокоившись, — существует в настоящий момент три предложения для рассмотрения. Они исходят от разных воинов и командиров. Первое: собрав значительные силы, вести наступление прямо на Рим (я и сам держусь такого мнения). Второе: собрать как можно больше людей, действительно жаждущих свободы, готовых бороться за нее, и всех выводить из Италии: через Брундизий, например, или перевалив через Альпы. Третье предложение: вести войну в Италии, не думая о Риме, столько лет, сколько удастся, грабить италиков и римлян, как заклятых врагов, мстить им за все наши беды и унижения. Заглядывать слишком далеко вперед — смешно. Кто знает темную Судьбу?!

— Третье предложение заведомо плохо, — живо отозвался Спартак. — Пускать события на самотек глупо! Если бы мы с тобой на подобное согласились, это бы не свидетельствовало о нашем уме! Я думаю, следует обсуждать только два предложения, если не появятся какие-нибудь новые и лучшие. У второго предложения — сразу видно — крупные недостатки: призывая людей к трусливому бегству из Италии, трудно склонить их яростно сражаться! А сражаться придется много! Разве могут римляне позволить разом бежать из Италии сотне тысяч рабов?! Нет! Значит, на нас

будут направлены войска с хорошими полководцами. Придется яростно сражаться, с боями пробиваться через всю Италию, с боями пробиться через две провинции — Цизальпийскую и Трансальпийскую Галлии. Наверно, Помпей или Метелл будут брошены с одной испанской армией сенатом на помощь наместнику Трансальпийской Галлии Фонтею. Но если даже удастся пробиться и выйти в Свободную Галлию, где нет владычества римлян, захотят ли нас принять галлы? В стране нет свободной земли для поселения.

— Тогда можно уйти в Германию, — вставил реплику Крикс.

— И в Германии нет свободных земель. Германцы тоже ищут и не знают, где, на какой земле селить свою молодежь. Именно поэтому каждый год они вторгаются в Галлию, а вовсе не ради одной добычи!

— Так что тогда делать? — нетерпеливо спросил Крикс. — Уходить ты не хочешь и оставаться, как я понимаю, тоже не склонен.

— Надо перебрать все возможности, рассмотреть варианты с римскими провинциями, узнать мнения людей, которые там долго жили. Обстановку надо тщательно обдумать и со всеми откровенно обсудить!

Тут разговор двух вождей прервался. Подошли молодые стражи и позвали старших товарищей к костру. Огонь жарко пылал, багровые угли источали тепло. Сидеть на расстеленном войлоке было хорошо и приятно. Жаркбе оказалось чудесным: кусочки мяса и жира, отлично обжаренные, источали соблазнительные запахи. По чашам было разлито прекрасное вино. На деревянных кружках были разложены лепешки и овощи, всякие приправы.

Богам принесли положенные первинки от вина и мяса, прочитав короткую молитву. Через минуту все весело жевали дымящееся, необыкновенно вкусное мясо. Молодые стражи вновь начали рассказывать смешные истории. Потом один из певцов, входивший в окружение Крикса, настроил свою лиру и стал петь о любовном приключении Ареса и Афродиты, о том, как был обманут муж-рогоносец Гефест и как однажды он им жестоко отомстил: поймал в искусно сделанные им невидимые сети совершенно голыми и выставил на позор перед всеми богами...

Охота прошла, по общему мнению, очень приятно. Все возвращались в лагерь, полные множества впечатлений, и потом восторженно рассказывали товарищам, что они видели, что ели и как каждый из них убил «самого большого кабана».

Только Спартак и Крикс сохраняли обычную сдержанность. У них было о чем подумать...

Разворачивая борьбу против Рима, стараясь сделать ее все-италийской, Спартак и его товарищи из гладиаторов на ряде совещаний рассмотрели важнейшие вопросы повстанческого движения. Вместе они приняли ряд программных документов, определявших цели восстания, текущие и перспективные, а также общее направление политики в отношении возможных союзников.

Эти документы принимались в обстановке горячих споров. Точек зрения оказалось достаточно много. Были даже такие предложения: непрерывно передвигаться по всей стране, подобно Ганнибалу, подвергая разграблению римлян и всех италиков, поскольку и те и другие одинаково враги гладиаторам и рабам, и необходимо отомстить им по принципу «око — за око, зуб — за зуб».

— О так называемом «будущем», — говорили они, — нечего особенно заботиться: кто непрерывно воюет, естественно, умирает не в своей постели!

Такое утверждение (а высказывалось оно в самых различных вариациях) было решительно отклонено подавляющим большинством.

— Так можно настроить против нас население всей Италии! — с негодованием говорили они. — То-то будут рады римляне!

В ходе дальнейшего обсуждения собравшиеся решили: надо составлять общую программу действий так, чтобы она в наибольшей степени учитывала коренные запросы сил, которые ведут войну с Римом (гладиаторов и рабов) или оказывают поддержку этой войне (городские плебеи, значительная часть беднейшего и разоренного крестьянства Италии).

Относительно требований гладиаторов не возникло значительных разногласий. Командный состав повстанческой армии как раз и состоял из бывших гладиаторов. Они вполне прочувствовали гнусность гладиаторства и хорошо знали требования своей среды. Поэтому эта часть программных требований была быстро сформулирована и нашла общую поддержку.

Гораздо сложнее был вопрос относительно оформления программных требований других категорий восставших: рабов, городских плебеев, крестьян, сочувствовавших восстанию по тем или иным причинам. Интересы этих слоев оказались очень противоречивыми и часто весьма болезненно задевали друг друга. Представлялось насущно необходимым найти такое сочетание этих требований, чтобы они не разрывали движения

непрерывными спорами и склоками, на базе которых могли бы развиваться измена и дезертирство.

Тут возникла особенно горячая полемика. Многие рядовые командиры из бывших гладиаторов и рабов, все галлы и германцы, требовали сразу и открыто выставить крайние требования: Рим разрушить и разграбить, уничтожить его как политический центр самого преступного в мире племени; навечно запретить гладиаторство и рабство как состояния, противные человеческой природе; наделить гладиаторов и рабов гражданскими правами и имуществом бывших рабовладельцев; установить более справедливые порядки на основе «заветов предков». Их поддерживал своим влиянием Крикс — ведь он являлся самнитом, а самниты дали клятву стереть Рим с лица земли! Им всем возражал Спартак. Он говорил:

— Город квиристов — давно сложившийся и авторитетный политический центр. Далеко не все племена в Италии хотят разрушения и разграбления Рима! Такое крайнее требование, выставленное несвоевременно, немедленно оттолкнет от поддержки восстания значительное количество участников, а также сочувствующих.

Доводы Спартака, хотя и не сразу, были наконец уяснены всеми. Таким образом, в результате принятия повстанческими руководителями общей программы для последующей борьбы возникло положение некоего сбалансированного равновесия: основные требования каждой из социальных групп так или иначе были удовлетворены, и они могли оказывать поддержку восстанию, не чувствуя себя беспрдельно ущемленными и надеясь на будущее. Относительно же последнего вожди восстания дали вполне определенное заверение: в случае победы над сенатом будут приняты меры, ломающие политическую и социальную структуру Италии, способствующие установлению всеобщей справедливости — «Государства Солнца»! О том, что именно оно будет из себя представлять, давали разъяснения философы, находившиеся в окружении Спартака. Ибо, подобно тому как Аристоник в Пергаме держал у себя в качестве советчика и наперсника философа Блоссия, друга Тиберия Гракха, а Александр Македонский — Аристотеля и еще немало других, так и Спартак вовсе не чуждался общения с философами. В античную эпоху с ними можно было встретиться всюду: в бане, на рынке, в мастерской ремесленника, в цирке, в кружке досужих зевак и т. д. Чаще всего эти философы сами вели жизнь, полную горя и унижения. Поэтому среди них особенно сильна была тяга к справедливости, мучительные размышления над работами Аристотеля, Платона и других светил философии о государстве и обществе, о путях переустройства несовершенного мира. Но

об этом как раз думал и Спартак.

Успешный ход восстания ставил перед Спартаком задачу организационного оформления высшей власти. В его распоряжении было три возможных образца: 1) государственного устройства сицилийских рабов (периода второго восстания); 2) государственного устройства римлян; 3) государственного устройства союзников. Образец первый явно не соответствовал новым условиям: подавляющая масса рабов происходила из стран, не знавших неограниченной царской власти эллинистических царей. Образец второй не мог считаться желательным из-за многих антидемократических черт римской конституции. Наиболее приемлемым казался третий образец. С государства союзников спартаковцы-повстанцы и взяли пример, внося в общую схему поправки, продиктованные духом времени и наиболее радикальными философскими теориями. Конечную цель своей собственной власти повстанцы видели, по выражению Диодора, — что типично в общем для всех массовых восстаний, — «в причинении крайних несчастий свободным людям», то есть рабовладельцам, в создании условий для полной победы над своими господами (Синезий).

Спартаку и его единомышленникам не было особой необходимости что-либо самим изобретать. Развитая философская мысль древней Эллады, Италии и Фракии выработала четкие понятия относительно важнейших категорий общественной жизни, путей и методов общественных преобразований. «Свобода, — провозглашает один из поэтов, — заключается в том, что, когда спрашивают у граждан: «Кто желает публично высказать какой-нибудь полезный для города совет?» — желающий выступает перед народом, а кто не желает, тот молчит. Что может быть для свободного государства справедливее этого?» (Еврипид).

В конечном итоге по всему югу Италии был создан определенный аппарат управления, начинавшийся в отдельных имениях и завершавшийся в стоявших на стороне восстания городах.

Город Фурии, знаменитый торгово-ремесленный центр со значительным греческим населением, лежавший неподалеку от Тарентинского залива, имевший в своем округе множество стад и пастухов, не без некоторых споров был избран повстанцами в качестве столицы. Здесь стал функционировать, как и у Сертория в Испании, как у Эвна и Сальвия (Трифона) во время двух сицилийских восстаний рабов, совет восставших, состоявший из «мужей, отличавшихся рассудительностью».

Государство, созданное восставшими под руководством Спартака, поставило римлян в очень трудное положение, «заставило испытать

горькое чувство и жестокий страх и много трудиться, чтобы избежать жестокого поражения» (Блаженный Августин). Порядки этого государства представлялись римлянам безумной «вакханалией» и изображались в том же духе, в каком они изображали государство сицилийских рабов: «Всюду в стране происходило насильственное расхищение имущества богатых. Те, которые раньше занимали первые места в городах по своей известности и богатству, теперь благодаря неожиданному повороту судьбы не только теряли имущество из-за своеволия беглых рабов, но и были вынуждены терпеть оскорбления со стороны свободных... Вообще в городах было расстройство и нарушение законных прав, ибо мятежники, господствуя над открытыми местами, делали страну непроходимой. Они мстили своим господам и не могли насытиться неожиданно выпавшим на их долю счастьем».

Так складывались события в восставшей против римлян Сицилии (104–101 до н. э.). Видимо, подобным же образом они складывались в восставшей Италии.

Спартак всеми силами старался прекратить анархические явления. Как человек дальновидный, он хотел продолжать курс Афиниона, который говорил своим соратникам в Сицилии, что «необходимо беречь страну и находящиеся в ней животных и запасы, как свои собственные», что тем, кто не занят на войне, надо «оставаться на своей прежней работе и заботиться о своем хозяйстве, поддерживая в нем порядок» (Диодор). Не сразу, не в один момент, но постепенно положение стабилизировалось.

Очень скоро государство восставших рабов показало свою силу. А что собой представляло противостоявшее им государство римлян?

Глава десятая

ГОСУДАРСТВО РИМЛЯН

Система государственного управления в Риме сложилась в эпоху ранней республики и с той поры многократно подвергалась различным изменениям.

После жестокой междоусобной войны нобилитета и всадничества за власть (эпоха Мария и Суллы) победоносный диктатор провел ряд важнейших реформ, имевших целью укрепить аристократический режим. Таким образом, в период восстания Спартака структура римского государства имела следующий вид. Высшими магистратами являлись консулы. Их ежегодно избирали в июне месяце на Марсовом поле. Через 6 месяцев, 1 января следующего года, они приступали к исполнению своих обязанностей. В пределах Италии консулы не могли командовать войсками без особого постановления сената и не имели военной власти. В общественных местах консулов сопровождала почетная стража из 12 служителей-ликторов со связками прутьев на плечах. За чертой города в связки прутьев вкладывались топоры, символизировавшие власть консула над жизнью находившихся рядом с ним граждан (в городской черте власть консула ограничивали народные трибуны и народное собрание).

Второе место среди римских должностных лиц занимали преторы. Их было восемь. Один из них — городской — разбирал споры римских граждан. Остальные выступали в качестве постоянных председателей уголовных комиссий и ведали уголовным судопроизводством. Покидая город, преторы получали почетную стражу в шесть ликторов с такими же связками и топорами.

Консулы, преторы и следовавшие за ними курульные эдилы являлись почетными (курульными) магистратами. Они носили тогу с красной каймой и сидели при исполнении служебных обязанностей на особом стуле без спинки, украшенном слоновой костью.

Высшие должностные лица — консулы и преторы — избирались в центуриатных комициях — в собрании граждан, поделенных в соответствии с древним обычаем на призывные единицы (каждая из них при наборе выставяла 100 воинов). Таких центурий граждан было 373.

Остальных магистратов — эдилов, трибунов, квесторов избирали в трибутских комициях — на форуме под председательством высших

магистратов. Очередность выбора должностных лиц была при этом следующая: консулы, народные трибуны, преторы, курульные эдилы, плебейские эдилы.

С целью информации граждан по важным вопросам политического и религиозного характера на юго-восточном склоне Капитолийского храма (в «комиции») или на центральной площади — форуме созывались сходки, народные собрания. На них масса граждан имела право высказывать мнение по поводу сделанных ей сообщений или докладов, чем трибуны ловко пользовались.

Все римские граждане были приписаны к округам-трибам. Было их 35: четыре городские (Субурская, Палатинская, Эсквилинская, Коллинская) и тридцать одна сельская (Арнская, Ромильская и т. д.). Трибы играли большую роль в римской политической жизни.

После окончания срока полномочий в Италии высшие римские магистраты (консулы, преторы) выезжали в провинцию. С этой целью сенат выбирал из существовавших провинций две консульские и 8—10 преторских; в остальных провинциях в зависимости от обстоятельств власть наместников, посланных туда в прошлом году, продлевалась еще на год. До 70 года римляне располагали следующими провинциями: 1 — Сицилия, 2 — Сардиния и Корсика, 3 — Дальняя Испания, 4 — Ближняя Испания, 5 — Цизальпийская Галлия, 6 — Иллирия, 7 — Македония, 8 — Ахайя, 9 — Африка, 10 — Азия, 11 — Трансальпийская Галлия, 12 — Киликия, 13 — Кирена, 14 — Вифиния.

Консульскими в период восстания Спартака были Цизальпийская Галлия и Вифиния. Власть наместников в течение нескольких лет продлевалась: в Киликии (Л. Лукулл), в Македонии (М. Лукулл), в Испании Ближней (Метелл) и Дальней (Помпей).

Следующее после преторов место среди должностных лиц занимали эдилы. Для соискания этой должности был необходим возраст в 36—38 лет (в преторы — 40 лет, в консулы — 42 года). На двух почетных курульных эдилах лежала забота об устройстве общественных игр, суд по рыночным делам, составление эдиктов. Два плебейских эдила осуществляли в Риме полицейский надзор и командовали особыми частями городской охраны, следили за рынками и снабжением, за строительством, содержанием в порядке дорог, водопровода, храмов. Заседали они в храме богини Цереры.

Еще одной ступенью ниже находились народные трибуны. Для соискания этой должности требовался возраст в 33—35 лет и обязательная принадлежность к плебейству (некоторые из патрициев, Клодий например, обходили этот закон усыновлением их плебеями). Трибунов было десять.

По закону Суллы они потеряли право вмешиваться в государственные дела, парализовать своим вето («запрещаю») мероприятия исполнительной власти и сенатские постановления, право заключать в тюрьму должностных лиц (даже консулов!). По сулланской конституции им позволялось лишь выступать ходатаями перед сенатом по делам римских граждан, в народном собрании выступать лишь с теми законопредложениями, которые предварительно одобрил сенат. За демагогическую деятельность среди народа, приводившую к беспорядкам, трибунов стали подвергать суровому судебному преследованию сразу после окончания их полномочий. Наиболее выдающиеся народные трибуны (Л. Сициний, Л. Квинций, Г. Макр и др.) никак не хотели примириться с ограничением своих полномочий и в интересах партии, к которой они принадлежали (Помпея, Красса, Цетега), всеми силами старались их расширить.

Наконец, шла квестура. Для соискания последней требовался возраст в 28–29 лет. Квесторов было двадцать. Два, самых почетных, ведали центральным казначейством в Риме, один — казначейством Италии, два служили при консулах, остальные — при наместниках в провинции.

Все государственные должности тесно привязывались к службе в армии. Старое государственное установление (во времена Спартака уже, впрочем, не очень соблюдавшееся!) гласило: «Никто не может занять государственную должность, не совершив 10 годичных военных походов».

Наместники отправлялись в провинции со всей полнотой военной и гражданской власти в качестве промагистратов, то есть заместителей магистратов нового года. Их власть ограничивалась собственной провинцией, влияние на центральную власть они оказывали только косвенно: путем подкупа коллег («подарки») и через влиятельных родственников, членов сената.

По возвращении из провинции бывшие консулы и преторы, как и младшие их товарищи — квесторы, включались в состав сената, если только провинциалам не удавалось изобличить их в тяжких преступлениях и отправить по приговору суда в изгнание; но подобное случалось крайне редко, так как сенаторы яростно защищали друг друга.

Высший орган государственной власти — сенат — насчитывал около 300–350 человек.

Сфера власти сената была исключительно широка. Он ведал делами посольскими, назначал наместников провинций, принимал отчеты наместников, издавал для них обязательные постановления, награждал триумфом, определял празднества, молебствия, заведовал распределением

государственных финансов, ведал постройкой храмов, обсуждал вносимые в народное собрание законопроекты, меры по поддержанию в государстве спокойствия, дела по отравлению, отцеубийству и т. п.

Ведущую роль в сенате играл принцепс сената — тот, кто стоял первым в списке сенаторов и кто первым высказывал свое мнение (докладчиками чаще всего выступали консулы и преторы), кто первым вносил предложения и подписывал оформленное решение. Обыкновенно принцепсами являлись: 1) бывшие цензоры, 2) блестящие ораторы, 3) лица с выдающимся нравственным влиянием (возраст сенатора, его происхождение, политические отличия играли меньшую роль).

Таково было государственное устройство Римской республики в период восстания Спартака, в которое каждое из сословий стремилось внести выгодные для него изменения.

Яростными врагами вот этих-то римлян, их общественного и государственного устройства, их уклада жизни были многие народы, в том числе их ближайшие соседи — самниты и оски. О них ниже и пойдет речь в связи с биографией Крикса, одного из самых видных соратников Спартака.

Глава одиннадцатая

СЛОВО О КРИКСЕ

Племя самнитов было одним из самых знаменитых и богатых в Италии. По преданию, самниты отделились от сабинов в период «священной весны» и были приведены быком, священным животным бога Марса, тотемом племени, в новые земли, где они основали новую столицу — Бовианум (Бычий город). Земли оказались плодородными, сами самниты трудолюбивыми, вожди удачливыми в военных походах. Самниты быстро разбогатели, выросли числом, слились с рядом родственных племен. Они ходили в пестрых одеждах, в оружии, украшенном серебром и золотом, занимались скотоводством (это было их главное занятие). Храбрые воины, привыкшие воевать в горах, устраивать врагам засады, самниты столкнулись с римлянами из-за Капуи и Кампании.

Самниты трижды воевали с Римом (343–290 до н. э.), проявили в боях ярость и неистовство, шесть раз нарушали мирный договор, принесли священные обеты и человеческие жертвы, поклявшись, что разрушат Рим и уничтожат само имя римлян. Но судьба не пошла им навстречу. Римляне под водительством двух поколений консулов Фабиев и Папириев одолели их, превратили в руины самнитские города. Римские полководцы справили за победы над самнитами 24 триумфа. И все-таки самниты не сдавались. Они заново восстанавливали свои города, возобновляли хозяйство и с помощью певцов, воспевавших подвиги павших воинов, передавали молодежи из поколения в поколение священную ненависть предков к Риму, напоминая ей, что придет время и они должны будут выполнить клятву предков — разрушить Рим до самого основания. В более позднюю эпоху самниты были яростными сторонниками Г. Мария, так как во время борьбы с сенатом он обещал им выполнить все их требования, на которые не соглашался сенат (даровать им гражданские права, равномерно распределить по всем 35 трибам, ввести руководителей самнитов в сенат).

Среди этих самнитов, как одно из ответвлений, находились и оски, южноиталийское племя (покорены самнитами в V веке до н. э. и слились с ними). Они говорили и писали на нескольких языках: по-гречески, по-умбрийски, по-этрусски. Многие знали и латинский язык. Оскский язык, имевший свою письменность, свои диалектные особенности, делился на четыре группы. Язык осков являлся главным языком Италийской

федерации, восставшей против Рима. Еще в I веке н. э. население Кампании говорило по-оскски.

Вот к этому-то племени осков, коренных жителей Кампании, которых сами римляне чаще всего называли самнитами, принадлежал и Крикс (около 110—72 до н. э.). Предки его принимали участие в войне против Рима (218—201 до н. э.) в качестве союзников полководца карфагенян Ганнибала и разделили тягостную участь тех, кто терпел поражение. От них Крикс унаследовал яростную вражду к Риму, как тирану и поработителю, еще больше усугубившуюся после Союзнической войны (90—88 до н. э.). В ней он принимал участие еще юношей, сражаясь сначала за предоставление союзникам прав римских граждан, а затем за свободу Италии под начальством вождей самнитов Гая Папия Мутила и Требация. В результате этой неудачной войны Крикс узнал горечь потерь от смерти друзей и близких. Некоторые из них погибли в качестве военнопленных в Риме в цирке, вероломно перебитые по приказу Суллы, желавшего таким образом отомстить самнитам, своим заклятым врагам. Когда их яростный вопль донесся до курии сената и сенаторы в ужасе вскочили со своих мест, Сулла вернул их на место холодными словами: «Не беспокойтесь, отцы, это по моему приказу наказывают кучку негодяев!» Среди других пленных самнитов, которым посчастливилось уцелеть, Крикс в полной мере познал унижения и тяжесть римского рабства. Человек бесстрашный, неукротимый, он дважды совершал побег от своих хозяев, ловился, наказывался плетью, сидел в эргастуле. Не раз его за неповиновение морили в карцере голодом, избивали, грозили заклеить. Он не сдавался. От одиночных побегов, неэффективность которых стала ему понятна на собственном опыте, он переходит к групповому и вооруженному, как делали многие до него. Скитаясь по Италии, Крикс нападает на крупные имения, убивает рабовладельцев и присоединяет к себе всех, кто хочет сражаться. Эта часть жизни Крикса является, как кажется, вполне вероятной. Дальше приходится вступать на почву некоторых предположений.

Античность — в особенности! — являлась эпохой бесконечных политических авантур. Люди с беспокойным и неукротимым характером в качестве солдат или полководцев-наемников скитались по разным странам, участвовали во всевозможных заговорах и переворотах, часто посещали различные религиозные центры (Дельфы, Пессинунт, остров Самофракия, Кносс и т. д.) в попытке найти одобрение богов своим замыслам. Крикс принадлежал по характеру к людям подобного рода и, вероятно, тоже не составлял исключения в указанном плане. Можно думать, что, вырвавшись

из римского рабства, он сумел со своими товарищами, разделявшими его судьбу, пробраться в Свободную Галлию, нес там военную службу у различных князей в качестве командира-наемника (быть может, он побывал в этот период во Фракии и других странах, общался с германцами и именно тогда выучил фракийский, галльский и германские языки, знание которых ему столь пригодилось во время восстания рабов в Италии).

В конце 83 года до н. э. Крикс с галльским отрядом вернулся в Италию, включился в армию верховного полководца самнитов Понтия Телезина. В составе этих войск он совершил много военных подвигов, и имя его стало широко известно у самнитов и римлян.

В 82 году Сулла окончательно победил и обрушился на своих врагов с казнями, штрафами, изгнаниями, конфискациями и т. п. Крикс и его товарищи, уцелевшие среди опасностей войны и вновь познавшие горечь плена, были сданы в наказание в гладиаторы.

Крикс пробыл в гладиаторах почти семь лет, многократно выступал на арене, стал гладиатором высшего разряда, завоевал громкую славу. Но он ни на минуту не оставлял мысли о том, чтобы вновь любой ценой добиться свободы, возобновить с Римом войну и отомстить врагам.

Встреча со Спартаксом в школе Лентула Батиата решила его судьбу. Он давно присматривался к этому человеку, слава которого в качестве недавнего гладиатора гремела по всей Италии. Крикс первым решился на откровенный разговор о будущих перспективах и предложил составить заговор гладиаторов с целью освободиться и ниспровергнуть существующие порядки. Спартак, думавший о том же и осторожно подбиравший кандидатов для рискованного предприятия, задуманного им самим, дал согласие. Так, силами, умом и авторитетом Спартакса и Крикса был составлен заговор, объединивший вскоре в одну организацию две группы гладиаторов-мятежников (одна из них оформилась вокруг Крикса, другая — вокруг Спартакса и Эномая).

Никто из древних авторов не сомневался в выдающейся роли Крикса в организации заговора и планировании войны, и автор V века Синезий в своей речи «О царстве» говорил: «Те, которые соединились с Криксом и Спартаксом, были не из той же страны, из которой происходили эти предводители, и не принадлежали все к одной и той же нации, но общность судьбы и благоприятный случай соединили их воедино в общем предприятии». В другом месте той же речи он добавляет, что война рабов была начата «только двумя человеками (то есть Спартаксом и Криксом. — В. Л.), презревшими всех богов».

В ходе войны Крикс показал много превосходных качеств:

неустрасимость, напористость, прекрасную выучку, большую энергию и неутомимость. Он многократно лично водил товарищей в атаку, прекрасно умел говорить со своими галло-германскими воинами. С горячим интересом он относился к остроумным рассказам, очень любил песни о героических подвигах предков.

Правда, у него имелись и недостатки: он отличался, как многие самниты, вспыльчивостью, любил попить, покрасоваться в щегольском платье; ему нравилась красивая бытовая обстановка, и он с удовольствием обставлял свою палатку красивыми безделушками; он был также неравнодушен к хорошеньким женщинам, и воины посмеивались, рассказывая друг другу анекдоты о его любовных похождениях. Его предусмотрительность как военачальника из-за чрезмерной горячности далеко не всегда была на высоте.

Несмотря на указанные недостатки, он пользовался у товарищей по армии большим авторитетом. Его любили за храбрость, честность и прямоту, за то, что слово у него никогда не расходилось с делом, за то, что он не был ни алчен, ни скуп и легко расставался с деньгами, когда их имел.

Глава двенадцатая

ЗАВЕРШАЮЩИЕ СОБЫТИЯ 73 ГОДА В РИМЕ

Римская власть на юге страны рушилась на глазах, но в Риме все еще не понимали действительного масштаба происходивших событий. Многих сенаторов вводили в заблуждение успокоительные письма П. Вариния (могли он признаться по доброй воле в серьезности понесенных поражений?). И ораторы в сенате продолжали посмеиваться над «преувеличениями», содержащимися в письмах, приходивших с юга от частных лиц, действия восставших рабов они считали «простым разбойничьим нападением», поражения претора объясняли «изменой галльских вспомогательных войск», а его медлительность в возобновлении военных действий относили исключительно за счет «отсутствия настоящего войска». Придерживаясь такого, очень удобного взгляда, различные группы в сенате по-прежнему яростно интриговали друг против друга.

На форуме, главной площади города, где находилась трибуна для произнесения речей, знаменитая ростральная колонна консула Дуилия, победителя карфагенского флота, храм Сатурна — хранилище государственной казны, храм Согласия — хранилище военной казны, место ожидания иностранных послов, ждавших аудиенции сената, Мамертинская тюрьма, дворец Сената — курия Гостилия, триумфальная арка Фабия Максима, победителя галлов-аллоброгов (120 до н. э.), храм Весты и дом весталок, храм героев Кастора и Поллукса, маленькие портики, целая толпа статуй из мрамора, камня, бронзы (хотя число их сильно поубавил цензор Корнелий Сципион в 156 году до н. э.), где находились еще некоторые лавки, но главным образом конторы банкиров, менял и маклеров, — здесь каждый день, вне зависимости от погоды, толкалось огромное количество людей разных возрастов и званий. Среди них всегда находились постоянные посетители — «завсегдатаи форума», люди без определенных занятий, проводившие время в праздной болтовне, проявлявшие величайшую охоту продаться кому угодно в качестве лжесвидетелей, клкеров, согладатаев и т. п.

Именно тут часто появлялись народные вожаки — Фирмидий и Тиций, младший брат избранного (на 72 год) консула Л. Геллия, новый народный

трибун — помпеянец П. Плавтий Гипсей (род. в 95 году до н. э.), человек знатного рода, подготавливая почву для новых яростных атак на сулланцев. Гипсей явно собирался стать преемником Г. Лициния Макра^[26]. Но Геллий-младший оспаривал его первенство и предлагал народу собственные «планы и прожекты». Человек этот в ту пору играл видную роль и вполне заслуживает, чтобы о нем рассказать.

Геллий-младший, брат консула Л. Геллия, являлся видным членом группировки популяров. Цицерон его ненавидел (позже он был другом Катилины и Клодия, его заклятых врагов). В речи «За Сестия» он именовал его «взбесившимся и нищим гулякой», человеком, «недостойным ни своего брата, прославленного мужа и честнейшего консула, ни сословия всадников». Дело в том, что Геллий, будучи по роду сенатором, усыновленным вдобавок знаменитейшей личностью — выдающимся оратором Л. Марцием Филиппом, консулом 91 года, цензором 86 года, юность свою провел весьма бурно, промотал имущество своего отца, будучи одним из самых знаменитых кутил в Риме, после чего объявил себя «греком» и погрузился в литературные занятия. Так как они не дали ему денег и славы («Зачастую, — ехидно замечает Цицерон, — он даже оставлял книги в залог за вино; ненасытное брюхо оставалось, а средств не хватало»), то Геллий решил заняться политикой. Он свел близкое знакомство с народными трибунами, объявил себя приверженцем народной партии, стал часто бывать в народном собрании, держать мятежные речи и даже женился на вольноотпущеннице. Такое его поведение скандализировало всех его родных, которые отказались от него. Сенат с целью образумить нечестивца лишил его принадлежности к сенатскому сословию и причислил к всадникам. Но Геллий и не думал каяться. Закусив удила, он продолжал гнуть свою линию. Связавшись с Крассом, он стал оказывать ему на форуме важные услуги. Главные надежды теперь, как и большинство плебеев и народных трибунов, Геллий стал связывать с государственным переворотом. Его чаяния, как и его угрозы, не оставались секретом для врагов. Характеризуя его деятельность этого периода, Цицерон патетически восклицал: «В каком мятеже не был он вожаком? Какому мятежнику не был он близким другом? Какая бурная народная сходка была устроена не им? Какому честному человеку когда-либо сказал он доброе слово? Доброе слово? Какого храброго и честного гражданина не преследовал он самым наглым образом?»

Эти-то вот люди разворачивали активную деятельность на форуме и в судах, где шла повседневная, озлобленная война сторон. Провинциалы из всех частей света стекались с жалобами в Рим в поисках правды и защиты.

Характерным среди всех этих дел явилось дело сицилийца Диона из Галеса.

Дион, сын Диона, получил в 75 году богатое наследство от родственника Аполлодора Лафирона с условием поставить в родном городе несколько статуй; при нарушении указанного условия он был обязан выплатить штраф знаменитому в Сицилии храму Венеры Эрицинской.

Не успел сын Диона вступить во владение наследством, как вмешался прибывший в Сицилию (в Мессану) в качестве наместника Г. Веррес. Выставленный им в качестве обвинителя Новий Турпион, «его шпион и ищейка» (Цицерон), стал нахально утверждать, будто завещание было сделано на самом деле... в пользу храма Венеры. Тотчас же Диона призвали к суду претора. «В конце концов Веррес признал ответчика свободным от обязанности платить штраф Венере, но присудил его к уплате крупной суммы ему... Верресу» (Цицерон). В результате Дион уплатил 1 миллион сестерциев, а затем в придачу у него увели целые табуны породистых коней и забрали находившееся в его доме серебро и ковры.

Ограбленный Дион пытался найти защиту, обращаясь за помощью к некоторым римским сенаторам. Наконец он обратился с умоляющим письмом к своему гостеприимцу М. Лукуллу, консулу 73 года, находившемуся во Фракии. Но и тот ему не помог. Тогда, совершенно отчаявшись, Дион отправился за правдой в Рим и до 70 года тщетно обивал там разные пороги. Напоминая судьям о мытарствах Диона, Цицерон, обращаясь к Гортензию, защитнику Верреса, сказал: «Я думаю, здесь много такого, чего не знают мои свидетели, но что знаешь ты; и не его невиновность, а только закон освобождает тебя от обязанности быть по этому пункту свидетелем в мою пользу. (Секретарю.) Читай. (Показания Лукулла, Хлора, Диона...) Как вы думаете, достаточно ли крупна была сумма, которую взял себе, прикрываясь именем Венеры, этот Венерин поклонник, отправившийся в провинцию прямо из объятий Хелидоны?..»

Так среди групповой борьбы в сенате и разбирательства крупных дел провинциалов в суде завершился в Риме 73 год.

Глава тринадцатая

Г. ВЕРРЕС — НАМЕСТНИК СИЦИЛИИ

Гай Веррес (114—43 до н. э.), наместник Сицилии в течение всей спартаковской войны (73—71), прожил долгую жизнь — 71 год. Умирая под ударами мечей своих убийц — легионеров триумвира Марка Антония, — он мог сказать себе, что прожил жизнь превосходно, испытал все ее удовольствия и получил свою долю славы как участник величайших событий эпохи.

Обвиняя Г. Верреса, ставшего козлом отпущения за всех римских наместников, Цицерон следующим образом представлял его судьям на процессе 70 года: «...Я привлек к суду расхитителя общественной казны, угнетателя Азии и Памфилии, разбойника в сане городского претора, бич и язву сицилийской провинции...Я привел на суд к вам не вора, но грабителя, не развратника, но растлителя, не святотатца, а врага святыни и религии, не убийцу, а кровожадного палача наших сограждан и союзников; по моему мнению, среди всех подсудимых, каких только помнят люд и, этот — единственный, которому осуждение может быть отрадно»^[27].

И такой человек сумел подняться в Риме до высокого сана претора, а потом и наместника сицилийцев, этих «друзей-пахарей римского народа» (Цицерон)!

Возникает вопрос: не сгустил ли краски Цицерон, следуя ораторскому обыкновению? Ответ дал он сам, сказав на другом процессе: «Моими устами говорила сторона, а не мое личное убеждение».

Среди различных аристократических семей у Верреса имелось много друзей. Вот имена лишь некоторых из них: Кв. Катулл, Кв. Гортензий, Г. Скрибоний Курион (отец), братья Лукуллы, П. Корнелий Сципион Назика, будущий коллега Помпея по консульству в 52 году и его тесть, Кв. Манлий, Кв. Корнифиций, уважаемые и строгие судьи — С. Педуций, Кв. Консидий, Кв. Юний и др. Об уважении к Г. Верресу в рядах знати говорит сам брак его. Надменнойшая из римских аристократических семей — семья Метеллов, находившаяся в родстве с самим Суллой! — не сочла ниже своего достоинства породниться с ним. И, когда над Г. Верресом нависла беда — суд и грозившее осуждение, — все его родственники и друзья горой стали на его защиту. Отвергая обвинение Цицерона, будто их подзащитный показал себя в Сицилии грабителем и вором, они пускались на

всевозможные интриги, чтобы отстоять Г. Верреса, и утверждали, что он не сделал ничего такого, чего не сделали и другие наместники.

Гай Веррес родился в знатной и богатой семье. Отец его прославился особенно в качестве дивизора — покупателя голосов граждан для кандидатов, добивавшихся государственных должностей.

В первой части своей жизни (до 30 лет) Веррес не совершил ничего достойного. Цицерон презрительно замечает, что все время до квестуры он лишь «вращался в обществе одних публичных женщин и содержателей домов терпимости». В 82 году, будучи квестором консула Гн. Карбона (несмотря на аристократическое происхождение, Веррес стал на сторону марианцев), он с деньгами консульской армии бежал к Сулле. Этой важной услугой, а также тем, что он сумел обеспечить переход на сторону Суллы множества видных лиц, Веррес сумел обеспечить себе видное место среди победителей. Он участвовал также в проскрипциях — в той мере, в какой участвовали в них другие члены партии Суллы. Затем выступал в качестве легата при новом наместнике Киликии Гнее Долабелле и прославился неслыханно наглыми грабежами союзников. Наворованное он отправлял в Италию, размещал в имениях Долабеллы и своих собственных. В 78 году два «достойных друга» вернулись в Рим. Ограбленные немедленно привлекли Долабеллу к суду. Обвинителем являлся молодой и честолюбивый аристократ Марк Эмилий Скавр. Долабелла проиграл процесс (Веррес ради спасения собственной головы без всяких колебаний «утопил» патрона своими показаниями), уплатил разоривший его штраф в 3 миллиона сестерций и отправился в изгнание. Сам Веррес спасся от суда с помощью огромных связей и взятки. Следующие три года Веррес «тихо» жил в Риме, наслаждаясь приобретенными богатствами, оказывая услуги аристократической партии против бывших марианских друзей. Затем он успешно «штурмовал» претуру (на 74 год до н. э.) и даже добился наиболее почетной — городской. Соперники, потерпевшие неудачу, пытались привлечь его к суду, но Веррес с помощью всемогущей взятки опять сумел замять дело.

На посту претора Веррес показал себя во всей своей красе! Прежде всего, по своему обыкновению, он стал улаживать «денежный вопрос». Ему активно помогала его любовница, греческая гетера Хелидона (Ласточка). Вымогая взятки по делам о наследстве, составляя невиданные прежде эдикты, устраивая жульнические махинации по откупным делам, Г. Веррес возвращал себе с процентами деньги, затраченные на подкуп избирателей. Одновременно в суде Г. Веррес провел массу политических

процессов, показав себя ревностным защитником сулланского режима.

Подводя итог красноречиво изложенным фактам, Цицерон, обращаясь к слушателям и судьям, сказал: «Всех тех, кто знает о его преступлениях, то есть весь римский народ, я убедительно прошу извинить меня и верить, что я пропустил многое не по своей вине, но потому, что некоторое хотел отложить до допроса свидетелей, многое же считал нужным обойти молчанием и в целях сбережения времени. Сверх того я, хотя и против воли, все-таки вынужден буду сознаться, что я не мог узнать всего, что сделал этот человек, не оставивший ни одной минуты своей жизни свободной от преступления».

Вот такой-то человек, со столь красочной и пестрой биографией, в январе 73 года прибыл в Сицилию и приступил к управлению ею в качестве наместника.

Собираясь на разбой, то есть на управление Сицилией в качестве наместника, Г. Веррес перед отъездом держал совет с влиятельными друзьями: каким образом за год заработать наибольшую сумму денег? «Он, — говорит Цицерон, — не хотел учиться на месте, — хотя знал, как грабить провинцию, не будучи новичком в этом отношении, — а желал отправиться разбойничать в Сицилию с выработанным планом действий. Недобрую судьбу сулил наш народ в своих толках и пересудах этой провинции; по одному его имени шутники догадывались, чем этот человек будет там заниматься»^[28].

Г. Веррес ехал не один. Отправляясь в дорогу, будущий наместник прихватил с собой отборнейших друзей, «рекомендованных ему не своими отцами, а его наложницей» (то есть Хелидоной). Это были нуждавшиеся в деньгах потомки знатных фамилий, сыновья всадников, никому не известные римские плебеи и его собственные отпущенники. Вот поименный список главнейших сотрудников Верреса, входивших в так называемую «преторскую когорту» наместника:

1. П. Цервий, легат 73 года.
2. М. Постумий, квестор 73 года в Сиракузах.
3. Т. Веттий, квестор 73 года в Лилибее.
4. П. Веттий Хилон, брат квестора Т. Веттия, «почтенный римский всадник», шурин наместника и его сердечный друг. Третий брат — Л. Веттий — будет позже участником заговора Каталины.
5. Кв. Апроний («Не склоняющийся ни перед кем») — откупщик и глава всех откупщиков при Г. Верресе, его наилучший друг и ближайшее доверенное лицо, сам себя начавший вскоре именовать «коллегой и товарищем Верреса». Цицерон поносит Кв. Апрония последними словами,

говоря, что он «человек, родившийся в грязи, выросший среди пороков, пособник Верреса и в его низменных стремлениях и подлых страстях».

6. Тимархид — акценз и любимый отпущенник Верреса, второе по значению лицо после Апрония. Цицерон отзываясь о нем следующим образом:

«В его распоряжении находились все обвинители и доносчики; кому он хотел наделать хлопот, он делал это без труда; он весьма умело и хитро продавал все декреты, указы и письма Верреса. Он был не только пособником его страстей, но не забывал и о себе, и не только подбирал монеты, которые ронял тот, — из которых составил огромную сумму, — но и собирал остатки его грязных наслаждений. Знайте поэтому, в продолжение трех лет царем всех городов Сицилии был беглец, но не Афинион (один из вождей восставших сицилийских рабов — 104–101 до н. э. — *В. Л.*), не взявший ни одного города, а Тимархид; во власти Тимархида находились дети, жены, собственность и все состояние самых старых и верных союзников римского народа».

Так характеризует Цицерон второе по значению лицо в окружении Г. Верреса. Как было бы интересно заглянуть за кулисы его ораторских ухищрений. Но возможна ли такая невероятная удача? Да! Судьба приберегла для нас одно-единственное письмо, исходящее от верресовской клики, причем не от какого-нибудь второстепенного лица, а от одного из главнейших героев — именно от Тимархида!

Вот это уникальное письмо, написанное в начале 70 года (оно почти вплотную примыкает ко времени восстания Спартака и по дате написания старше любого известного письма Цицерона!):

«Тимархид, акценз Верреса, шлет привет Апронию.

1. Будь осторожен во всем, от чего может пострадать слава наместника. Ты энергичен и красноречив. Денежные средства у тебя есть. Забери в свои руки новых писцов и служителей: руби, бей Л. Волтея (легата нового наместника Л. Метелла. — *В. Л.*), который пользуется огромным влиянием. Если Л. Волтей будет на твоей стороне, сделать все остальное тебе будет нетрудно. Л. Метелл и Л. Волтей убеждены, что ты разорил земледельцев. Им прожужжали уши, говоря, что ты был в сговоре с пропретором. Скажи ему о мошеннических проделках земледельцев; с помощью богов мы заставим их попотеть.

2. Ты должен снискать себе любовь членов когорты (Л. Метелла. — *В. Л.*), Что кому нужно, то ты ему сули. Ведь всегда все получают желаемое, если за них просишь ты.

3. Ты знаешь, Л. Метелл — умный человек, но у Л. Метелла есть отрок — сын...

4. Я хотел бы, милый брат, чтобы ты верил своему братишке». Таково короткое, но деловое и яркое письмо Тимархида, говорящее об уме лукавом и хитром, о блестящем знании людей.

7. Г. Клавдий из Палатинской трибы, опытный юрист. Это по его адресу Цицерон прошелся следующим образом: «Видите вон этого курчавого брюнета, который смотрит на нас так, как будто хочет сказать: «Ну, не умница ли я?» В руках у него таблички; он пишет, дает советы и сидит бок о бок с ним. Это и есть Клавдий, который в Сицилии был комиссионером, толмачом, ходатаем по делам; можно сказать, что он считался товарищем Тимархида».

8. Кв. Корнифиций, секретарь и писец Г. Верреса, с его помощью составивший состояние, будущий народный трибун 68 года.

9. Волузий, гадатель.

10. Валерий, глашатай.

11. Корнелий (Артемидор из Перга) — врач, «научивший его некогда, как ему лучше всего ограбить храм Дианы в его родном городе».

12. Тлептолем, ваятель из воска, и Гиерон, живописец, — два брата, оба греки, давние знакомые Г. Верреса. Это о них оратор пустил остроту: «Были лишь святотатцы-греки, ставшие негодьями давно, Корнелиями недавно».

13. А. Валенций, переводчик, «бездельник и бедняк», «которым он пользовался обыкновенно не для переводов на греческий язык, а для грабежей и удовлетворения своих грязных желаний».

14. Л. Волкаций Тулл (отец) — большей частью «откупщик»; его сын Г. Волкаций Тулл будет позже легатом в войсках Цезаря.

15. Летилий, «знаток родной письменности», письмоносец Г. Верреса.

16. П. Невий Турпион, «отъявленный негодяй», «его шпион и ищейка, самый подлый из всей этой компании кляузников, осужденный за нанесенное кому-то оскорбление в пропретуру Г. Сацердота».

17. Секстий, ликтор, выполнявший у Г. Верреса роль палача.

18. Л. Карпинаций, глава откупщиков пастбищ в Сицилии. Поначалу он взял неправильную линию относительно наместника и враждовал с ним, но, получив несколько уроков, одумался, приложил усилия, вошел к Г. Верресу в милость, оттеснил соперников на задний план и «считался чуть не вторым Тимархидом, но он был еще опаснее, так как давал под проценты деньги тем, кто о чем-либо торговался с Верресом».

К этим людям Г. Веррес вскоре прибавил новых, выбранных из самих

сицилийцев.

19. Клеомен, богач из Сиракуз; его жена, красавица Ника, пришлась по сердцу наместнику, большому ценителю женской красоты.

20. Доким, сицилийский откупщик, муж Терции, второй любовницы Верреса; наместник отнял ее у мужа-флейтиста Родия.

21. Эсхрион, откупщик, фиктивный муж третьей любовницы Г. Верреса Пипы; «об этой женщине писалось много стихов над судейским креслом и над головою самого пропретора».

22. Феомнаст, сицилиец, занимался изъятием у городов предметов искусства, а также откупами.

23. Дионисодор, сицилиец, во всех делах выступал как коллега Феомнаста.

24. Агатин, знатный сицилиец, и Дорофей. С ними обоими Г. Веррес быстро подружился, прельстившись Каллидамой, женой второго и дочерью первого.

Вот каковы были окружавшие Г. Верреса люди! Вот кто составлял его так называемую преторскую когорту! Именно с ними подверг он Сицилию неистовому разграблению, которое приводило в такой ужас Цицерона! «Вы видите, судьи, — взывал оратор, — какой громадный пожар, зажженный откупщиками, уничтожил в его пропреторство не только поля, но и всю остальную собственность землевладельцев, и не только их имущество, но и права, обеспечивающие их свободу и гражданство. Вы видите, как одних привешивают к дереву, других бьют и секут, третьих держат под караулом в публичном месте, четвертых заставляют стоять за столом пирующих, пятым выносят обвинительный приговор врач и глашатай пропретора, между тем как собственность всех их все-таки уносится, насильно берется с их полей. И это называется властью римского народа, законами римского народа, его судами над его вернейшими союзниками, ближайшей к столице провинцией? Ведь это такая гнусность, на которую не решился бы даже сам Афинион, если бы он победил! Нет, судьи, куда беглым рабам, при всем их своеволии, до его испорченности!»

Так говорил Цицерон на процессе, и в словах его не было преувеличения.

Прибыв в Сицилию, Г. Веррес обосновался в Сиракузах, «самом большом из греческих городов и самом прекрасном в мире», в городе, который «со всех сторон, и с суши, и с моря, представляет очень красивое зрелище». Верный себе, Г. Веррес быстро нашел общий язык с прекрасными сиракузянками, «руководившими им в течение всех лет его

наместничества».

Политика, которую он проводил в течение первого года своего правления, сводилась к следующему. Он активно грабил всех, кто получал наследства, разбирая их дела в собственную пользу. Принимал несправедливые иски, выжимая из «виновных» деньги путем штрафов и третейских судов. Торговал местами сенаторов в сицилийских городах. Заставил сицилийцев внести большие деньги в его кассу на постановку статуй ему самому, его мальчику-сыну и Верресу-деду, находившемуся в Риме. Отменил знаменитый местный праздник «марцеллии» и ввел вместо него — в свою честь! — «веррии». Занимался всеми видами махинаций, связанных с поставками в Рим хлеба. Отнимал у сицилийцев в свою пользу предметы искусства, самые редкостные и дорогие. Сам он называл такого рода предприятия своим «любимым занятием», его аристократические друзья — «слабостью» и «чужацеством», а сицилийцы — «разбоем»! За бесценок он заставил владельцев продать ему огромное количество прекрасно убранных триклиний со всей обеденной обстановкой (ее он разместил по всем столовым у себя в Риме и в многочисленных итальянских усадьбах). Во многих богатых домах Сицилии для Верреса по его приказу ткали драгоценные пурпурные ковры. На острове Мелит, неподалеку от Сицилии, для него изготавливали, а потом и продавали с большим барышом дорогие женские платья. Чтобы принудить сицилийские откупные компании из римских всадников к подчинению (те ворочали миллионами и вовсе не хотели идти к наместнику на побегушки!), Веррес создал собственную откупную компанию по сицилийским десятинам во главе с Апронием, своим лучшим другом. Римские всадники пытались найти на Верреса управу в Риме, сначала в сенате, затем у народа.

Г. Веррес в ответ обратил против них страшное оружие, вложенное в его руки обстоятельствами: он стал утверждать, что его противники — «бежавшие из Испании серторианцы или тайные пособники пиратов». После такого обвинения разговор был короткий: в тюрьму их, на плаху!..

Расправа с недовольными приняла у Г. Верреса самые широкие размеры. «Стоило кому-нибудь не понравиться ему своими речами или своей физиономией — тотчас его бросали в каменоломни». По этому очень опасному пункту обвинения Гортензий и Веррес пробовали протестовать, но Цицерон нанес им ужасный удар, предъявив журнал сиракузских каменоломен. «Вы видите, — восклицал он, — как римских граждан, подобно стаду животных, гнали в каменоломни, — вы видите, какое множество наших сограждан было скучено в этом позорном месте; теперь ищите пометок об их выходе оттуда! Их нет. Стало быть, все они умерли?

Если бы даже ты (Веррес. — *В. Л.*) и мог сказать это в свое оправдание, тебе бы не поверили. Но ты и этого сказать не можешь: в этой самой грамоте стоит слово, которого Веррес, как человек необразованный и неряшливый, или не заметил, или не понял — именно: «Наказаны смертью, казнены!»

Благодаря огромным связям Г. Верреса его позиции в течение трех лет как наместника были непоколебимы. Убедившись в тщетности всех жалоб, значительная часть всадников капитулировала и приняла тяжкие условия победителя, согласно которым большая часть полученных доходов шла самому Г. Берресу.

Какую же политику проводил Веррес в этот период в отношении сицилийских рабов?

После второго сицилийского восстания (104–101 до н. э.) наместники, посылаемые из Рима, приняли за правило строжайшее обезоруживание сицилийских рабов. Послаблений старались не делать ни для кого, даже для охранявших стада пастухов.

Начавшаяся в Италии война рабов под предводительством Спартака тотчас привела в движение и огромные массы рабов Сицилии. Вновь стали возникать заговорщические организации. В результате там и сям стало проявляться «некоторое брожение в невольнической среде» (Цицерон). Известие об этом вызвало в Риме немалые опасения. Ожидали новой войны рабов. Сенат предписал Верресу усилить надзор за последними. Но наместник в официальных письмах сенату и народу старался успокоить напуганных. Он уверял, что при строгости, которая обнаруживается им в качестве наместника и хозяевами в отношениях со своими рабами, никакие смуты не могут зародиться в самой провинции. Давая такие заверения, Веррес действительно вначале довольно бдительно следил за порядком и в тех областях, в которых прежде господствовали рабы (Триокала, Аполлония, Панорм и т. п.). Но к концу 73 года положение изменилось. Пришли разукрашенные молвой известия о блестящих победах Спартака на юге Италии и о совершенном отпадении его от Рима. Тайные эмиссары вождя восставших рабов целыми отрядами на купеческих кораблях прибывали на остров и разъезжали повсюду. Они распространяли выгодные для Спартака слухи, завязывали многочисленные выгодные знакомства, проникали для агитации в латифундии, старались подружиться со всеми влиятельными отпущенниками и рабами наместника и даже войти в «гвардию Апрония». Кое-кому это удавалось, так как Апроний, «этот полураб, этот испорченный, преступный, гнусный человек, который не сумел сохранить чистой не только свою душу, но даже свой дух», по

мнению Цицерона, легко сходилась со всеми «дерзкими негодьями». В результате Апроний и его сообщники во всех своих действиях не раз играли на руку Спартаку. И тот произвол, который Апроний чинил в судах, усиливал социальное напряжение в Сицилии и сильно ослаблял позиции сената. Цицерон, будучи рабовладельцем, хорошо это сознавал. Отсюда — в немалой степени — его страшное озлобление. «Апроний, — возмущаясь, говорил он, — грабил и тащил столько, сколько хотел и от кого хотел. Всюду слышны были жалобы ограбленных и угнетенных земледельцев, и все-таки они нигде не находили суда».

К концу 73 года атмосфера в Сицилии стала очень напряженной. Возникло подозрение, что и в Сицилии готовится новая война рабов. Хозяева местных латифундий вооружили верных людей и усилили за рабами надзор. А наместник? Что делал он? Он пришел вдруг к выводу, что на грозящей войне рабов тоже можно нажиться.

Итак, Веррес стал плодить доносчиков на владельцев больших рабских фамилий. Многие предпочли отделаться от него с помощью взятки. Но далеко не все оказались сговорчивы. Друг и гостеприимен Цицерона Аполлоний из Панорма, богач и влиятельный человек, не захотел пойти «на мировую» — и вот что из этого получилось. «Приехав в Панорм, Веррес послал за ним и велел глашатаю кликнуть его имя с трибунала. На площади было много народа, жители округа массами явились в Панорм. Тотчас среди присутствующих пошли толки: «А я удивлялся, как это он так долго оставляет в покое богатство Аполлония!» — «Видно, он что-нибудь придумал, что-нибудь нашел!» — «Уж, конечно, не так просто вызывается Верресом такой богач!..» Все ждут с крайним нетерпением, что будет. Вдруг прибегает, едва переводя дыхание, сам Аполлоний с молодым сыном; старик отец давно уже не покидал постели. Веррес называет его Аполлониева будто бы раба, пастуха-десятского, говорит, что он заговорщик, подстрекавший массы рабов к мятежу, — а между тем у Аполлония такого раба и не было — и требует его выдачи. Тот уверяет, что раба с этим именем у него вообще нет. Тогда Веррес велит схватить его и от трибунала отвести в тюрьму. Аполлоний стал кричать, что он, несчастный, ничего не сделал, ни в чем не провинился, что у него все деньги в обороте, наличных же в настоящее время нет. Пока он заявлял об этом в присутствии несметной толпы, давая этим каждому понять, что он сделанся жертвой такой жестокой несправедливости единственно вследствие своего отказа дать наместнику взятку — пока он, повторяю, заявлял об этой истории с деньгами, его схватили и увели в тюрьму».

Аполлоний был не единственный, пострадавший от Г. Верреса, но

только он один «испил чашу его неправоты до дна, остальные — а их, конечно, было немало — дали деньги, чтобы освободиться от дальнейших неприятностей».

Цицерон не берет безоговорочно Аполлония под свою защиту. Он лишь считает, что «не следовало без суда так жестоко наказывать почтенного гражданина почтенной общины». Слабый довод, приводимый оратором («при характере богатства Аполлония, состоявшего из множества рабов, скота, усадеб и находившихся в обороте денег, никто более его не пострадал бы от малейшего мятежа, малейшей войны в Сицилии»), был достаточно шатким даже в глазах самого Цицерона. Он хорошо понимал, что и в Италии рабовладельцы не хотели восстания, следили за своими рабами, и все-таки восстание произошло.

Что касается Верреса, то его возможность выступления рабов не очень беспокоила. У него имелся свой четкий план: как следует ограбить провинцию; затем — если вся Италия перейдет в руки победоносного Спартака, — погрузить свои богатства на корабли и бежать с ними в безопасное место.

Так представлял себе будущее при неблагоприятном ходе событий Веррес. А всякий текущий день он, как сторонник эпикурейской философии, по-своему им понимаемой, начинал с мыслью об одном: надо прожить его с наибольшим удовольствием. Что это значило у Г. Верреса, очень выразительно рассказал Цицерон: «...он избрал постоянным местопребыванием Сиракузы, известные своим приятным местоположением и своим прекрасным климатом, в которых никогда не бывает, говорят, таких ненастных и бурных дней, чтобы хоть раз не выглянуло солнце. Здесь наш добрый полководец в течение зимних месяцев вел такую жизнь, что его нелегко было встретить не только вне дома, но даже вне ложа; краткий день проводился в пиршествах; длинные ночи коротались развратом. Затем с наступлением весны — для него, однако, весна начиналась не тогда, когда начинал дуть зефир или восходило такое же созвездие; нет, он заключал о появлении весны при виде первой розы — Веррес всецело отдавался труду и разъездам и обнаруживал при этом замечательную неутомимость и энергию: никто никогда не видел его верхом. Как некогда вифинских царей, его несли восьмеро рабов на носилках, причем он лежал на набитых розами подушках из прозрачной мелитской ткани, имея один венок на голове, другой — вокруг шеи и вдыхая сверх того запах роз из нежной, как пух, сеточки. Таков был его марш. Когда он кончался и был достигнут город, его на тех же носилках вносили прямо в спальню. Сюда к нему являлись сицилийские магистраты,

являлись и римские всадники — что удостоверено показаниями многих свидетелей под присягой, — и знакомили его тайно с существом споров; вскоре затем во всеуслышание объявлялись его постановления. Посвятив, таким образом, некоторую часть проводимого им в спальне времени совершению суда и расправы сообразно не с правами каждого, а с предлагаемой им взяткой, он считал остаток достоянием Вакха и Венеры».

Вот так жил в Сицилии и управлял ею в 73–71 годах Веррес.

Немудрено, что при такой политике спартаковские эмиссары, прибывавшие в Сицилию группами и в одиночку, чувствовали себя на острове довольно свободно и вели усиленную работу по подготовке общесицилийского восстания. Повсюду формировались партизанские отряды («разбойники», по определению Цицерона), действовавшие в различных районах. А наместник на все это смотрел сквозь пальцы.

Двусмысленная политическая позиция Г. Верреса делает вполне понятной его политику по отношению к рабам и рабовладельцам в самой Сицилии, политику, над которой Цицерон едко иронизировал: «Что сделал ты, добрый страж и защитник провинции? Рабов, пытавшихся взяться за оружие и зажечь в Сицилии пламя войны, признанных виновными после произведенного тобою следствия приговором твоим и твоих заседателей, — этих рабов, переданных уже палачу для свершения над ними казни по обычаям предков, ты осмелился вырвать из рук смерти и объявить свободными от суда...

...Да, ты отличный полководец, не чета доблестному Манию Аквилию, а разве Павлу, Сципионам, Марию! Какую дальновидность обнаружил он среди той паники, среди угрожавших провинции опасностей! Убедившись в неблагонадежном настроении сицилийских толп рабов, вызванном бушевавшей в Италии невольнической войной, какой спасительный страх сумел он нагнать на них, чтобы отбить у них охоту шевельнуться! Он велит схватить буянов — кто бы тут не испугался? велит хозяевам явиться на суд — что за страшное мгновение для рабов! произносит вердикт: «Да, виновны!» — ясно, что пожар вовремя потушен слезами и кровью немногих людей. Что же дальше? Ну, разумеется, бичевание, пытка огнем и крайняя кара осужденным, крайний страх прочим — мучительная смерть на кресте... Нет, от всего этого их освободили! Воображаю, как ужаснулись рабы при виде этой податливости наместника, у которого можно было выкупить жизнь осужденных за преступный заговор рабов даже (в последнюю минуту) при посредничестве самого палача!»

Для Верреса вторжение восставших рабов в Сицилию давало возможность снять с себя ответственность за состояние острова: все — и

свои собственные деяния! — можно было свалить тогда на них. Неблагоприятных же последствий для себя он мог не опасаться: корабль для бегства всегда находился наготове...

Пока он занимался грабежами, Л. Лукулл шел дорогой славы, мечтая стать новым Александром Македонским. И казалось, счастье улыбалось ему...

Глава четырнадцатая

ТРЕТИЙ ГОД ВОЙНЫ С МИТРИДАТОМ

(72 ГОД)

Предстоящий третий год войны обеими сторонами рассматривался как решающий. И Л. Лукулл, и Митридат энергично готовились к новым боям. Понтийский царь зимовал всего в 150 километрах от римлян, к востоку от города Команы и реки Лик, в области Кабиры, где находились его богатый дворец и сокровища. Он писал многочисленные письма к сыну Махару, правителю Боспора, требуя прислать ему военную помощь. Он просил о поддержке царей Скифии, своего зятя Тиграна Армянского и парфян.

Махар и скифы прислали помощь, Тигран же и Арсак под разными предложениями в ней отказали — ни тому ни другому не хотелось ввязываться в опасное и неудачное предприятие Митридата.

В приготовлениях и переговорах прошла зима. Наступила весна. В распоряжении Митридата находилось уже 60 тысяч человек пехоты и 8 тысяч человек конницы.

В конце апреля, узнав о готовности Митридата к военным действиям, Л. Лукулл отдал своему войску приказ о выступлении на юг. Вместе с ним в путь отправились 30 тысяч римлян, 30 тысяч вспомогательного войска и 5 тысяч конницы, состоявшей из римлян и фракийских наемников. У Амиса римский полководец оставил с частью сил Л. Мурену, у Синопы — Ап-пия Клавдия, у Евпатории — Кассия Барбу, у Темискиры — Кв. Вокония, поручив им продолжать осаду неприятеля.

Чтобы остановить врага и предотвратить его нападение на Кабиры, Митридат поспешно высылает навстречу Л. Лукуллу 50 тысяч пехоты и 5 тысяч кавалерии (командиры армий — Менандр, Менемах, Мирон, Метрофан и Л. Фаний). В долине реки Лик начались конные стычки. Наконец обе стороны сошлись для битвы. В ходе боя Метрофан и Л. Фаний, сговорившись тайно с Л. Лукуллом об измене, сломали внезапно фронт и вызвали тем самым бегство всего войска.

Получив известие об измене, о поражении и беспорядочном отступлении войска, Митридат пал духом. Но, ободряемый Таксилом, Метродором, Каллистратом и начальником своей личной гвардии Битоитом, он понемногу пришел в себя и отдал приказ Таксилу и Диофанту с вновь набранным войском, которое они усиленно обучали, — 40 тысяч

пехоты и 4 тысячи кавалерии — поспешить на помощь разбитым частям. Одновременно Митридат поручил Таксилу попытаться подкупить в войске Л. Лукулла фракийские конные части. Еще недавно они сражались на стороне царя, но были пленены римским полководцем и включены в состав его собственного войска, поэтому Митридат надеялся склонить их к отпадению от последнего.

Совместно с фракийскими командирами был выработан общий план действий. И когда после серии новых стычек стороны сошлись в большом конном сражении, фракийцы обратили вдруг оружие против римлян. Произошло страшное избиение римской части конницы. Остатки ее, бросив своего раненого начальника М. Помпония — такое случалось у римлян не часто! — обратились в паническое бегство.

М. Помпоний был взят в плен и доставлен торжествующими победителями к Митридату.

Получив известие о поражении своей конницы (остатки ее спаслись в расположении римской пехоты), Л. Лукулл стал поспешно отходить в горы. Поразмыслив над своим новым положением, Л. Лукулл решил двинуться не назад, к побережью, а вперед, к Кабирам. Именно туда хотел он вызвать подкрепления — новые конные части, которые по его поручению должны были набрать для него офицеры-вербовщики, направленные в Галатию и Каппадокию.

Найдя проводников-греков, Л. Лукулл горными тропами направился к Кабирам. Туда же по равнине поспешили и понтийские войска. Они прибыли первыми, а ночью в намеченное им место прибыл Л. Лукулл. Он разбил лагерь прямо над головами врагов.

Митридат, желая поставить врага в трудное положение с продовольствием — он хорошо запомнил урок Кизика, — приказал беспощадно разорить всю округу. Расчет оказался правильным. Понуждаемый необходимостью, Л. Лукулл вскоре был вынужден отправить в Каппадокию (после известного поражения римской конницы верность царя ее заколебалась, и он перестал посылать хлеб) сильные отряды для захвата продовольствия. Митридат, узнав об этом, отрядил против него крупные по численности части. После нескольких столкновений произошла большая битва, в которой войска Митридата потерпели сокрушительное поражение в окрестностях Кабир.

М. Помпей, родственник Гн. Помпея Великого, с порученным ему легионом овладел лагерем Митридата за рекой Лик. Неустанно преследуя по пятам уходящего врага, он старался во что бы то ни стало взять его в плен.

Загоняя до смерти коней, Митридат с небольшой свитой примчался в Коману. Соединившись здесь со стоявшим в качестве гарнизона отрядом всадников (2 тысячи человек), он немедленно повернул на восток. Продолав за три дня путь в 200 километров, царь перешел через границу Армении у Телавра (июнь 72 года).

М. Помпею поневоле пришлось остановиться на границе в ожидании дальнейших распоряжений своего полководца.

А Лукулл, спустившись с высоты, куда загнал его Митридат (таковы-то перемены воинского счастья), осадил Кабиры. Он предложил гарнизону сдаться, но получил отказ. В Кабирах еще надеялись на помощь, которую Митридат обещал привести от Тиграна.

Оставив для осады города часть сил, с остальными Л. Лукулл поспешил к Телавру, где находился уже М. Помпей. Он прибыл туда через четыре дня после перехода Митридатом армянской границы.

Долго размышлял Л. Лукулл, как быть: перейти ли границу или нет? Послать ли Тиграну требование выдать Митридата? Или пока воздержаться от всяких конфликтов с армянским царем?

Наконец он остановился на самом осторожном решении: предоставить пока и Тиграна, и Митридата самим себе. Присоединив к себе легион легата, Л. Лукулл двинулся для мести в земли халдеев и тибаренов, давших царю войска для войны, а оттуда в Малую Армению. Повсюду он заставлял сдавать себе крепости и города.

Победы, одержанные Л. Лукуллом, привели в восторг всех сулланцев в Риме. Смягчились даже многие его противники. Повсюду в адрес полководца рсточались самые горячие похвалы. Не отставал от других и Цицерон. В каком духе произносил он свои панегирики, можно судить по следующим его словам: «Прежде всего я желал бы дать всем понять, что я воздаю Л. Лукуллу всю ту хвалу, которой он заслуживает, как храбрый воин, мудрый администратор и великий полководец. Его прибытие состоялось в ту пору, когда Митридат располагал громадными войсками, которые к тому же были снабжены всем необходимым, ни в чем не терпя недостатка, а глубоко преданный нам город Кизик, один из самых главных городов Азии, был обложен полчищами царя под его личным командованием и подвергался жестоким нападениям. И что же? Благодаря мужеству, бдительности и находчивости Л. Лукулла этот город был освобожден от страшной опасности, которой ему грозила осада. Им же был разбит и уничтожен огромный и прекрасно оснащенный флот, который под начальством вождей-серторианцев и с пылающим ненавистью экипажем неся к берегам Италии. Он же, истребив в целом ряде сражений

несметные рати врагов, проложил нашим легионам путь в Понт, который до тех пор был со всех сторон недоступен для римского народа...»

А победоносный полководец тем временем из Малой Армении вновь направился под Кабиры. В городе же гарнизон пришел в полное отчаяние. Помощь, обещанная Митридатом, все не приходила и — стало ясно — не придет. По сведениям, полученным из Армении, Тигран не допускал к себе Митридата. Он предоставил ему для жительства один из царских дворцов и велел оказывать подобающие его сану почести, но на просьбу о свидании ответил молчанием.

Тщетно посылал также Митридат письма парфянскому царю Арсаку, уговаривая его начать войну против римлян.

Совершенно отчаявшись в восстановлении своего царства, Митридат вызвал к себе верного евнуха Бакхида. Он велел ему во главе отряда всадников отправиться в приморский город Фарнакию, где вдали от войны с ее опасностями находились сестры, жены и наложницы царя. Митридат приказал умертвить их всех.

Бакхид выполнил приказ царя, дав лишь возможность каждой из женщин выбрать себе наилучший способ смерти.

Отчаянное решение царя принесло ему новую беду. По его приказу начальники гарнизонов поняли, что он считает утраченными все надежды. Поэтому они сочли себя свободными от прежних клятв в верности и стали один за другим посылать к римскому полководцу гонцов с изъявлениями покорности. Наконец сдались и Кабиры, выговорив себе предварительно некоторые льготы. Таким образом, Л. Лукулл овладел огромными богатствами. Часть их он тотчас раздал жаждавшим добычи солдатам. Из заточения Л. Лукулл освободил всех своих сторонников — греков и понтийцев (среди них находились участвовавшие в заговоре против Митридата его сестра — Нисса, многочисленные родственники Феникса и греки — главы проримских партий в различных понтийских городах).

Из-под Кабир Л. Лукулл двинулся назад к Амису. Осада у Л. Мурены шла пока без всякого успеха — его противник Каллимах славился как искусный полководец и талантливый военный инженер. Тщетно пытался Л. Лукулл уговорить его и жителей города открыть ему ворота. Понтийцы не хотели и слышать о прекращении сопротивления. Римский полководец был очень огорчен. Поручив своему легату продолжать осаждать несговорчивого врага, он со своим войском отправился под Евпаторию, где Кассий Барба осаждал Клеохара. И здесь не было видно никакого успеха.

Надвигалась осень, но Л. Лукулл затеял новые большие работы — строительство башен и сооружение полной укрепленной линии. Солдатам,

утомленным в боях под Кабирами, очень не хотелось браться за столь тяжелую работу, но полководец был неумолим. Проклиная его, обозленные легионеры взялись за топоры, пилы и кирки.

Поручив Кассию следить за работами, сам Л. Лукулл вызвал с Геллеспонта флот Г. Триария и вместе с ним стал обходить побережье, подчиняя еще стоявшие на стороне царя города (Амастриду, Гераклею Понтийскую и др.).

Покончив с этим делом, с побережья Л. Лукулл отправился в провинцию Азию. Обосновавшись в Лаодикее, он стал энергично приводить в порядок ее дела. Ввиду крайне сложной политической обстановки (в Италии восстание рабов достигло невиданной силы, Митридат имел еще возможность попытаться вернуть себе царство, так как Тигран пока не высказал ему своего окончательного решения; симпатии жителей Понта и Азии, таким образом, являлись залогом прочных военных успехов), Л. Лукулл решил принять в отношении откупщиков крайние меры. Опираясь на авторитет своей проконсульской власти, распространенной на Азию, Вифинию, Понт и Киликию, он объявил, что заимодавец имеет право лишь на 1/4 доходов своего должника, ростовщик, включивший проценты в сумму первоначального долга, теряет всё (Плутарх).

Для ненасытной алчности римских всадников такое постановление оказалось ужасным ударом. Немудрено, что они тотчас заявили о страшной несправедливости к ним победоносного полководца и с помощью денег стали натравливать на него в Риме старых врагов во главе с П. Цетегом и Л. Квинкцием.

Человек красивый, статный, с острым умом, прекрасно образованный, одинаково красноречивый на форуме и в походе, Л. Лукулл имел все замашки аристократа старых времен и в этом отношении совсем не походил на своего учителя Суллу. Он не обходил палаток, не разговаривал с воинами запросто, по-товарищески. Его требования были неумолимы, а награды скупы. Он не хотел располагать воинов на зимовку в союзных и греческих городах; он показывал явно свое желание заставить их зимовать в тонких кожаных палатках во враждебной стране; наконец, он не позволил разграбить ни одного богатого города. И это, конечно, определило их отношение к нему.

72 год подходил к концу, и Л. Лукулл мог подвести его итоги. Понт был явно потерян для Митридата. Тигран (по крайней мере в настоящий момент) не хотел ввязываться в войну. Не желали этого и парфяне. Всадники были обозлены на Лукулла и вели против него агитацию в Риме

и среди воинов. Армия высказывала недовольство. Правда, провинции его почти боготворили...

Будущее казалось Л. Лукуллу достаточно неопределенным. Он являлся победителем, но сама победа не была достаточно надежной, пока за спиной Митридата стоял полный сил его зять Тигран. Стать новым Александром можно было только в одном случае — сокрушив армянского царя. Но ход событий в Италии (непрерывные поражения римских войск от Спартака) заставлял его все чаще задавать себе вопрос: а не придется ли ему, как Сулле, прекратить войну с Митридатом, заключить с ним поспешный мир и отправиться в Италию на помощь сенату? Думать так, казалось, имелись все основания...

Глава пятнадцатая

БОРЬБА СПАРТАКА С КОНСУЛАМИ

ГИБЕЛЬ КРИКСА И ЕГО АРМИИ

I

Наступил 72 год, которому, по убеждению вождей движения, надлежало решить исход задуманного ими дела. 19 высших военачальников повстанцев (фракиец Спартак, самнит Крикс, кельт из Испании Каст^[29], галл Ганник, бывший доверенный раб П. Вариния — Публипор, способствовавший победам восставших и бежавший от своего господина с важными римскими секретами^[30], начальники легионов, конницы и лазутчиков, префект лагеря и ремесленников) на военных советах в различных вариантах многократно обсуждали планы дальнейших действий.

Положение представлялось следующим. Юг, за исключением Капуи, где засели остатки войск П. Вариния (сам он находился уже в провинции Азия, полученной им по жребию) и еще нескольких городов, принадлежал повстанцам. В их распоряжении находилась армия в 70 тысяч человек, то есть 14 легионов пехоты, насчитывавших по 5 тысяч солдат, и конница в 4200 человек.

По приказу верховного вождя в расчете на другие легионы (их предстояло собрать) кузнецы со всей энергией ковали оружие. По решающим стратегическим направлениям создавались армейские продовольственные магазины. Припасы для них поставляли многочисленные имения юга, захваченные и управляемые рабами.

В средней и северной Италии все усиливалось партизанское движение, учащались нападения и поджоги имений, убийства рабовладельцев, побеги рабов из вилл и латифундий. Городские рабы, ободряемые успехами товарищей на юге, тоже стали думать о восстании.

Против этой угрозы, достаточно веской, по мнению вождей повстанческого движения, сенат принимал все еще недостаточные меры. Но следовало ожидать, что, почувствовав наконец серьезность угрозы, сенат отзовет войска из провинций: в первую очередь из Фракии, затем

одну армию (Помпея или Метелла) из Испании, наконец, часть сил из Понта, где Л. Лукулл воевал с Митридатом.

Думать так были все основания. М. Лукулл в качестве наместника Македонии успешно воевал с фракийцами-бессами. Одновременно он вел дипломатические интриги, стараясь склонить к миру царя одриссов Садалу. Со всей энергией римский полководец совершал нападения на греческие города, не пожелавшие остаться в стороне от борьбы за независимость (Метрополь, Мессембрия, Одесс, Томи и др.).

В это же время явно кризисный момент наступал в Испании. В армии Сертория росло дезертирство, общины отпадали от него. Офицеры правого крыла и даже центра марианской партии стали косо смотреть на своего полководца. Помпей и Метелл открыто объявили всем повстанцам амнистию и большую денежную награду за убийство Сертория, следовало поэтому ожидать всяких неприятных сюрпризов.

После многократных обсуждений Спартак и его товарищи выработали общий план дальнейших действий. Было решено разделить армию на две части. На юге, поскольку он в основном очищен от неприятельских войск, оставить Крикса с 30 тысячами, поручив ему удерживать хлебные районы (Апулия), формировать для дальнейшей войны новые легионы и конницу, вплотную заняться организацией десанта в Сицилию и вовлечением ее в орбиту восстания, а также ликвидировать еще державшиеся в некоторых городах сулланские военные колонии, в первую очередь в Сипонте. Ибо Сипонт собирал зерно и товары со всей Апулии и распространял их по восточному побережью Италии (немало хлеба в результате попадало в Рим) [\[31\]](#).

В это же время сам Спартак с большей частью армии — 40 тысяч человек — через неприятельскую территорию по восточному побережью Италии, где сулланские военные колонии всего слабее, начнет рейд на север. Формируя по пути новые легионы, рассылая во все стороны партизанские отряды, он будет прорываться в подготавливаемую к революционному взрыву Этрурию, где рабы имеют уже опыт ведения войны (восстание 196 года до н. э.), где много партизан из беглых рабов и вообще недовольных.

Главная задача его армии — поднять Этрурию на восстание, лишить Рим второго (и важнейшего) хлебного района, вторгнуться в Цизальпийскую Галлию, разгромить войска ее наместника, перевалить через Альпы и разгромить войска наместника Трансальпийской Галлии. В обеих Галлиях Спартак должен прочно обосноваться, создать здесь вторую опорную базу для восстания.

Отсюда, из Галлии, после необходимых наборов он отправит часть войск во главе с Кастом в Испанию на помощь Серторию. Тем самым римляне будут лишены возможности снимать части своих войск с испанского театра боевых действий.

Сам Спартак, находясь в Галлии, срочно отправит послов в Свободную Галлию и Германию. Нет сомнения, что воинственные племена галлов — арвернов, секванов, гельветов, — любителей войны и добычи, старых недругов римлян, не говоря уже о германцах, пожелают принять участие в антиримском движении.

На совещании у верховного вождя были рассмотрены также различные возможности активизации борьбы племен во Фракии, Иллирии, Македонии.

В дружном согласии вожди восстания приняли новый план дальнейшего ведения войны.

II

Быстро были сделаны последние приготовления. В конце мая 72 года войска повстанцев вышли на дорогу, шедшую вдоль восточного побережья Апеннинского полуострова через города Фирм, Анкону, Аримин, Мутину на Плаценцию (северная окраина провинции Цизальпийская Галлия).

Повсюду раздавались звуки свирелей и флейт, музыки фракийской, германской, галльской, малоазиатской. Воины пели боевые песни. Женщины из толпы, провожая своих близких, подносили им сосуды с вином.

Спартак, Крикс и другие высшие командиры также не были в стороне от общего веселья... Затем они совершили по отеческим обычаям возлияния богам и Гераклу — победителю, покровителю героев.

— А ты вспоминаешь иногда, Спартак, арену, свои выступления мурмилоном? — спросил вдруг Крикс.

Спартак посмотрел на него с удивлением:

— Очень далекое ныне прошлое... Что ты вдруг о нем вспомнил?

— Не знаю, — ответил Крикс задумчиво. — Вспомнился вдруг наш ланиста Батиат... всё происходившее с нами в его школе...

— Иногда... — Спартак на мгновение прикрыл глаза, словно стараясь сосредоточиться, — очень редко... иногда мне снится арена амфитеатра в Капуе... мое первое выступление... Мне попался опытный ретиарий... Он сумел набросить на меня сеть... В тот день я едва не погиб... я просто

чудом вырвался! Позже я никогда так не рисковал, как в первый раз! Всегда я проявлял величайшую осторожность, на каждый бросок противника отвечал молниеносным уходом...

— Все-таки мы многих с тобой убили на арене... — со вздохом заметил Крикс. — Наша слава гладиаторов досталась нам недешево!

— Что толку прошлое вспоминать? — ответил Спартак. — Кому Судьба сулила погибнуть, те и погибли! Если боги существуют, погибшие еще в земной мир вернутся! А нам с тобой надлежит теперь думать не о них, но о предстоящей войне с консулами. Если победим, всё будет для всех нас хорошо! А если проиграем борьбу, грозят пытки и несомненный крест! Или вновь нас ждет арена амфитеатра — эта участь Сатира с его людьми после поражения восстания рабов в Сицилии.

— Никогда такого с нами больше не будет! — покачал Крикс головой. — Путь назад отрезан, нам с тобой — в особенности! Наш путь: или победа, или смерть в сражении! За меня не беспокойся: ни при каких обстоятельствах я не сдамся, чести своей не уроню!

Два вождя повстанцев обнялись на прощание и по-братски расцеловались.

— Будь осторожен, дорогой Крикс! — напутствовал Спартак товарища. — Не доверяй на слово никому! Не полагайся на знамения и предсказания! Ничем не руководствуйся, кроме разума!

Крикс улыбнулся:

— Будь спокоен, Спартак! Говоря словами поэта,

*Я пройду и меж зубами змея
И в конце концов останусь цел, —
В лапах я бывал у львов, а все же
Ускользнуть от них всегда умел!*

Рожки всех легионов дали сигналы: «Внимание! Знамена поднять!» Знаменосцы, вырвав древки из земли, на лихих конях выехали вперед. Воины, в последний раз поцеловав близких, заняли свои места в колоннах, выровняли ряды. Новые сигналы привели всю огромную массу людей в движение: поплыли над головами, трепеща на ветру, знамена: фракийские — с изображением дракона, кельтские — с изображением кабана, германские — бога грома Тора и покровителя героев — Геракла, двинулась на рысях конница, за ней — пехота, потом — обозы...

Так они расстались, чтобы не увидеться больше никогда. Крикс, как и

было задумано, с 30 тысячами пехоты и 1800 человек кавалерии остался на юге. А Спартак с 40 тысячами пехоты и 2400 человек конницы двинулся на север.

Армия шла быстро (обозы были минимальными) и по пути беспощадно разоряла неприятельскую территорию. Рабовладельцы, наскоро собрав самое ценное из имущества, в панике бежали в Рим. Толпами, в траурной одежде, беглецы являлись в сенат и молили самых влиятельных сенаторов найти управу на мятежных рабов.

По ночам с городских стен часовые видели огненное зарево на далеком горизонте — это, всё сокрушая на своем пути, шла страшная армия Спартака, рассылая повсюду десятки «летучих» отрядов.

И многие годы спустя воспоминания об этих ужасных днях все еще были живы в памяти римлян. И поэт Гораций Флакк, сын богатого отпущенника, родившийся на юге Италии, где совсем еще недавно властвовали восставшие, в книге своих од позднее вспомнил о Спартаке:

*Мальчик, скорее беги за венками,
Дай нам еля, вина, что при марсах созрело,
Если от полчищ бродящих Спартака что уцелело.*

III

Только теперь наконец все соперничавшие группы в сенате сообразили, как плохо обстоят дела. Раньше, по словам сенаторов, их беспокоил лишь «недостойный позор рабского восстания» (Плутарх). Теперь же в глазах всех Спартак стал «велик и грозен».

Ввиду явной опасности ситуации сенат объявил чрезвычайное положение. Тотчас в различных пунктах города, на Капитолии, в аристократическом квартале на Палатинском холме, где жили самые знаменитые римляне — М. Красс, Кв. Гортензий, Л. Каталина и др., во всех других важных пунктах города были размещены сторожевые пикеты. Повсюду стали рассылать многочисленные отряды, состоявшие из ветеранов, знатных граждан, верных вольноотпущенников и рабов. Им поручалось следить за всем, что происходит вокруг. Ночью патрули прочесывали весь город и подвергали арестам подозрительных. Во все стороны отправлялись вербовщики и уполномоченные сената для набора новых воинов. Были установлены награды за доносы, вскрывавшие тайны

заговоров, направленных на оказание помощи Спартаку (рабам — свобода и деньги, свободным — деньги и безнаказанность за участие в заговоре).

Среди всех этих мероприятий, обеспечивавших безопасность, наибольший спор в сенате вызвал вопрос о кандидатуре нового полководца для войны со Спартаком. Был рассмотрен список наиболее видных командиров, находившихся в тот момент в Италии:

1. П. Сервий Исаурийский (121—44 до н. э.), легат Суллы, бывший консул, победитель пиратов в 79 году и племени исавров в Киликии (78—75 до н. э.), «лучший знаток всякого рода войны и опытейший государственный деятель» (Цицерон);

2. Г. Курион (118—53 до н. э.), командир правого крыла в войске Суллы, легат, консул 76 года, бывший наместник Македонии (75—73), победитель дарданов, сумевший продвинуться до Дуная;

3. Л. Мурена-отец (род. 113 до н. э.), командир левого крыла в войске Суллы в Первой Митридатовой войне, предводитель римских войск во Второй Митридатовой войне (83—82), единственный из римских полководцев, сумевший получить триумф за войну, которую он не выиграл. Цицерон, вспоминая об этом, говорит, что, мол, Митридата он «после многих жестоких столкновений оставил значительно приниженным, но не усмирённым»; в 73 году в ранге претора по поручению сената воевал с пиратами, но и тут не добился успеха;

4. Л. Гортензий-отец, бывший претор Сицилии, командир центра в войске Суллы на войне с Митридатом и марианцами;

5. Г. Антоний Гибрида (род. 105 до н. э.), начальник конницы в войске Суллы. В 83 году, оставленный своим полководцем управлять Грецией, разграбил ее (за что был в 76 году привлечен Цезарем к суду, но коллеги оправдали его). Участвовал в проскрипциях марианцев, после чего жил как богатый человек.

6. Сервий Гальба — командир легиона в войне Суллы с Митридатом; отец его прославился тем, что вызвал в Испании знаменитое восстание Вириата (150—139 до н. э.);

7. Л. Минуций Басилл — командир легиона в войске Суллы на войне с Митридатом, активный участник кампании против марианцев.

8. М. Красс, легат Суллы на войне с марианцами. Кроме этих лиц, назывались и другие имена: консулов 72 года Л. Геллия и Гн. Лентула, преторов Кв. Аррия, П. Консидия Лонга (все они прошли через войну с Митридатом и марианцами; начав службу военными трибунами, постепенно поднялись до более высоких чинов).

При оглашении этих имен сенаторы горестно вздыхали. О причине их

тогдашней удрученности Цицерон два года спустя (в 69 году) сказал так: «Военное дело перестало быть приманкой для молодежи; храбрые воины и выдающиеся полководцы перевелись, отчасти умерши естественной смертью, отчасти пав жертвою гражданских междоусобиц и прочих несчастий, обрушившихся на наше отечество, — а между тем столько войн необходимо требует нашего участия, столько их возникает внезапно и непредвиденно!..»

Вот именно по этой-то причине и вздыхали в 72 году сенаторы. Не было среди всех возможных кандидатов ни одного, кто в силу своих исключительных достоинств и положения устраивал бы всех.

После ожесточенных препирательств решили направить против Спартака Геллия и Лентула, консулов того года. Решение оказалось не из легких (первый принадлежал к группе Помпея, а второй — к аристократическим реформаторам), но выхода у сената не было. Кроме того, проконсульской властью был облечен П. Сервилий Исаврийский и вслед за незадачливым Муреной отправлен на борьбу с пиратами.

Побуждаемые к энергичным действиям опасностью положения, консулы и П. Сервилий взялись за дело со всем рвением. П. Сервилий отправился к римскому флоту в Остию, а оттуда — к берегам Сицилии. Консулы же послали письма в Цизальпийскую Галлию проконсулу Г. Кассию и в Трансальпийскую Галлию пропретору М. Фонтею, требуя поставить свои провинции на военное положение и начать сбор сил для участия в облаве на «убегающего из Италии Спартака». Одновременно в самом Риме они произвели набор и составили два легиона, которые и присоединили к войскам, набранным вербовщиками в Лации, Этрурии, Умбрии, Пицене, Трансальпийской Галлии (Цицерон). Конницу консулам доставили из Свободной Галлии эдуи (позже — в период войны Цезаря в Галлии — эдуи ставили себе в заслугу оказание Риму помощи в войне со Спартаком и неоднократно напоминали Цезарю о такой своей услуге).

Быстро завершив формирование армий, Геллий и Лентул двинулись с ними на восток от Рима, навстречу шедшему на север Спартаку.

Вскоре они разделились. Геллий повернул на юг — он взял на себя Крикса, а Лентул продолжал движение Спартаку наперерез. У второго консула имелась личная причина взять на себя вождя рабов. Все это время — от начала «войны Спартака» — он подвергался в Риме укорам за своего бывшего гладиатора. Поэтому Лентулу не терпелось сразиться со Спартаком и «привести в чувство» своего мятежного гладиатора.

Весь Рим замер в ожидании. Действительно, зрелище предстояло небывалое: бывший хозяин состязался со своим бывшим гладиатором в

счастье и воинском таланте.

IV

Каждый новый день Цицерон начинал в большом волнении. Он жадно ловил всякую весточку из армии, где находилось много близких ему людей, и с нетерпением ждал писем от своих друзей — консулов^[32].

Ни в какой мере восставшим рабам и италийским низам Цицерон не сочувствовал. Для этого взгляды его были слишком консервативны. И сам он никогда этого не скрывал. Уже в одной из первых своих речей, когда ему было 26 лет, он говорил: «Кто меня знает, тому известно, что, когда мое задушевное желание о примирении партий (Мария и Суллы. — В. Л.) не осуществилось, я, насколько позволяли мои слабые, ничтожные силы, трудился для победы тех, которые ныне победили. Всякому было ясно, что тут подонки общества вступали в борьбу за власть с его цветом. Одни только дурные граждане могли не примкнуть в этой борьбе к тем, торжество которых обеспечивало государству достоинство внутри и почет извне. Доволен и рад от всего сердца, судьи, что это стало действительностью, что каждому были возвращены его права и преимущества, и вместе с тем не могу не признать, что все это произошло по воле богов, при живом участии римского народа и благодаря уму, военной силе и счастьем Л. Суллы. Я не имею права порицать того, что были наказаны люди, упорно сражавшиеся за дело другой партии, не могу не похвалить того, что возданы почести героям, оказавшим громадные услуги при исполнении самого дела. Ради этого, мне кажется, сражались они, ради этого, признаюсь, примкнул к их партии и я».

Такой спич не являлся насилием над собой, вызванным тяжелыми обстоятельствами времени — мрачным господством сулланского режима. Цицерон в силу своего воспитания всегда тяготел к аристократии, а демократию марианцев не выносил. Недаром, конечно, он говорил: «Все мы, честные люди, всегда благосклонно относимся к знатности». Себя самого он именовал «борцом за дело сената, Италии, государства» и очень любил порассуждать о «безумных стремлениях вожаков народа». Всякий народный трибун, несогласный с сенатом, был для него «явный негодяй и неимущий». О самом римско-италийском плебсе Цицерон отзывался презрительно. Так, в одном интимном письме Аттику (в 61 году) он пишет о «составляющей народные сходки пьявке казначейства, жалкой и голодной черни», в другом (60 год): «Ведь нашу силу, как ты хорошо знаешь,

составляют богатые люди. Народу же и Помпею я вполне угодил своим предложением о покупке земель (ведь этого я и хотел); я полагал, что, проведя ее настойчиво, можно будет вычерпать городские подонки и заселить безлюдные области Италии».

Понятно, что при таких взглядах Цицерону не терпелось узнать, как же консульские армии разделились с мятежниками. Нетерпение его вскоре было удовлетворено, но не совсем так, как он ожидал.

V

Проводив армию Спартака, Крикс со своими легионами двинулся к Сипонту, на земле которого располагалась колония сулланских ветеранов (около 10 тысяч).

Основанная в 194 году до н. э. недалеко от горы Гарган (к югу от нее находилась печально знаменитая болотистая Салапия), колония эта являлась худшим из всех районов расселения ветеранов (82 год до н. э.).

Но такое положение оказалось временным. Ветераны сильно обогатились на восточной войне и на проскрипциях, деньги у них были, война их уже не привлекала, теперь они жаждали спокойной и мирной жизни, заслуженного почета и славы. Естественно, что они с величайшей охотой по заветам предков вновь взялись за земледелие, в большом количестве покупали рабов из галлов и германцев, лошадей и овец, обстраивались, осушали землю, пробовали разводить виноград, широко используя советы многочисленных римских агрономов и знающих соседей.

В результате за небольшой срок, меньше чем за 10 лет, окрестности Сипонта и Салапии совершенно преобразились.

Вот в эту-то область и двинулся Крикс. Он намеревался окончательно разделаться с ветеранами, засевшими в Сипонте, освободить из эргастулов заключенных туда рабов, захватить для формирования кавалерийских частей новые конские табуны, создать еще одну продовольственную базу.

Сулланские ветераны, призванные вновь к оружию декретом сената и необходимостью, и не думали сдаваться, хотя их было и гораздо меньше. Поседевшие в войнах, люди храбрые и опытные, увенчанные блестящими победами под начальством Суллы, они презирали повстанцев, во-первых, как людей, уже однажды побежденных ими на войне, во-вторых, как собственных беглых рабов, по спинам которых они еще столь недавно прохаживались палкой и плетью.

Собравшись с началом восстания в Сипонте, ветераны сильно

укрепили город. Отсюда они делали частые вылазки против осадившего их Крикса. Последний отвечал разорением окрестностей с помощью летучих отрядов. И ветераны, сжимая кулаки и задыхаясь от злобы, вынуждены были смотреть, как горели их имения и под стенами города толпы беглых рабов делили их имущество.

А с главными военными силами римлян происходило в это время вот что: консул Геллий, разделившись с Лентулом (последний двинулся на Спартака), стремительно вел свои войска на юг. По соглашению между ними он должен был взять на себя Крикса.

Предки Л. Геллия Публиколы были самнитами. Десятилетиями они воевали с римлянами, а со Второй Пунической войны (218–201 до н. э.) переселились в Рим. К началу спартаковской войны род Геллиев дал уже несколько поколений видных политиков и полководцев и путем брака с фамилией знатных Валериев приобрел для своих сочленов почетное прозвище Публиколы. Отец Л. Геллия, сенатор и судебный оратор средней величины, известен был своей образованностью, знанием родной истории, находчивостью в судебном споре. Великие ораторы того времени оттеснили его с первых мест. «Тем не менее он принес много пользы своим друзьям и прожил так долго, что был современником ораторов многих поколений» (Цицерон). Сам Л. Геллий (114 — после 45 до н. э.), «сильный и мудрый человек», по отзыву его друга Цицерона, враг Верреса (вместе с ним он был претором в 74 году), благодаря принадлежности к «кругу» Помпея и большим способностям военачальника и оратора сумел подняться до положения консула, а в 70 году со своим коллегой Гн. Лентулом стал даже цензором. Наместничество он проводил в провинции Ахайе (71 год), в Афинах затем исполнял обязанности легата Помпея при его борьбе с пиратами (67 год). Был на стороне сената в борьбе с Каталиной и голосовал вместе с другими за казнь руководителей заговора (63 год). Способствовал возвращению Цицерона из изгнания (57 год).

Видавший виды в прошлых войнах, с кадровыми воинами из ветеранов, призванных из Этрурии, Умбрии и Пицена, с хорошими, тщательно отобранными командирами, Геллий твердо надеялся на победу в войне со Спартаксом. В этом направлении он предпринимал и необходимые тайные меры. По его заданиям целые отряды из верных германцев и галлов приходили к Спартаксу и просили принять их в ряды «доблестных борцов за свободу». Им консул поручал разлагать ряды врага, сеять смуты, ссоры из-за добычи, побуждать кельтов, народ, склонный к неумеренному пьянству и обжорству, сводить счеты из-за добычи с оружием в руках, запугивать и подкупать неустойчивых, сообщать ему тайные планы Спартака,

нашептывать всем галлам и германцам подряд: «Пейте день и ночь, поступайте, как греки!», то есть живите в свое удовольствие! «Сломить мятежников пороками легче, чем оружием!» — усмехаясь, говорил многоопытный Геллий и обещал своим агентам сделать так, чтобы повстанцы в бою не раз брали то, что окажется для них всего вреднее — предметы римской роскоши, вино и т. п.

Легат и помощник Л. Геллия Кв. Аррий всячески укреплял консула в надежде на победу. О человеке этом, сыгравшем столь важную роль в последующих событиях, следует рассказать. Квинт Аррий (112 — после 52 до н. э.), родом из Этрурии, имевший очень смешное провинциальное произношение и сам не замечавший того, принадлежал к числу полудрузей-полуврагов Цицерона. В своей переписке великий оратор не раз именует его «неверным другом», памятуя о его губительных советах и действиях. Кв. Аррий был значительным военачальником своего времени и незаурядным оратором. Сначала он выступал как сторонник М. Красса, потом — Гн. Помпея, потом опять М. Красса. Соответственно менялись его оценки политического положения и советы. Цицерону они дорого обошлись, и он, вспоминая о нем, дает ему крайне враждебную характеристику: «То же самое (что и о Г. Косконии. — *В. Л.*) можно сказать и про Квинта Аррия, который был как бы подголоском при Марке Крассе. Этот человек должен быть для всех примером того, как далеко можно пойти в нашем городе, если уметь многим угождать и многим оказывать услуги в делах и помощь в беде. Именно таким вот образом Аррий, несмотря на низкое происхождение, достиг и почетных должностей, и богатства, и влияния и, не имея ни способностей, ни знаний, стяжал себе призвание как адвокат. Но, как недостаточно обученный кулачный боец, который, возжаждав олимпийских наград, выносит натиск кулачных ударов, но подчас не может вынести солнечного зноя, так Аррий, успешно пройдя через все должности, несмотря на великие усилия, не вынес строгих требований преобразованного суда (70 год до н. э.), который оказался для него полуденным солнцем».

Подготовка новой кампании завершилась в Риме. Сенат, сознавая опасность положения, энергично помогал своим авторитетом. Консулы не давали покоя ни себе, ни другим. Шпионы Геллия сообщали ему о каждом шаге повстанцев. Они сумели проникнуть даже в лагерь Крикса и доносили оттуда о вещах очень интересных. Последнее сообщение, породившее у консулов радостные надежды, было таково: в лагере рабов (наконец-то!) произошел полный раскол. Сообщались важные подробности. Общая

картина представлялась такой. Спартак и Крикс, и прежде не очень согласные во мнениях по многим вопросам, окончательно разошлись между собой относительно планов дальнейших действий. Сам Спартак предлагал вполне разумный план действий: повести войско к Альпам, перевалить их и оттуда, со свободной территории, отправиться всем на родину: одним — во Фракию, другим — в Галлию, третьим — в Германию. «У нас, — говорил он, — нет лучшего плана действий. Мы слабее Рима. В нашем войске нет дисциплины, ее нарушают даже высшие командиры. Подготовка воинов, несмотря на все усилия, на низком уровне. О вооружении и вовсе нечего говорить. На что можно надеяться?.. Неужели кто-то полагает всерьез, что победы будут и дальше на нашей стороне?.. Пустые надежды!.. Римляне раздавили в Италии все народы, посмевающиеся с ними бороться, а у них имелись армии более многочисленные, чем наша, лучше подготовленные, отлично знавшие местные условия. Римляне победили прославленные победами войска галлов в долине реки По, одолели могущественных этрусков, сломили население Африки, Испании, Греции, Малой Азии. Они одолели Пирра и Ганнибала, величайшего полководца, какого знает история. Дважды римляне победили великого царя Понта Митридата и сейчас, в третьей войне, наносят ему новые сокрушительные удары. Как только с ним будет покончено — а это, судя по всему, быстро случится, — войска из Малой Азии вернутся в Италию. Нет! Ждать и медлить, составлять нелепые планы, питать иллюзии на успех — величайшее безумие! Нам не удастся сломить Рим! Это не удалось даже Ганнибалу, 16 лет воевавшему на почве Италии и одержавшему здесь множество славных побед!»

Спартаку яростно возражали Крикс и его единомышленники из галлов и германцев. Крикс проявлял особую заносчивость. Не стесняясь в выражениях, он поднимает на смех предложение верховного вождя. Смысл его многочисленных выступлений таков: «О великие боги, да где же подобное видано?! Где видано, чтобы победители оставляли поле битвы и убегали, словно побежденные?! Если поступить так, как предлагает Спартак, то все они станут предметом насмешек и вполне заслуженного позора. «Труссы!..» — скажут о них, и такое мнение будет справедливо. Нет, не убегать надо из Италии!.. Никогда и никого еще бегство не спасало! Спасают лишь мужество и сила, спасает полная победа над врагом! Напрасно Спартак питает пустые надежды: не позволят римляне бежать своим рабам за Альпы! В распоряжении сената пока еще достаточно войск, они смогут преградить им к Альпам дорогу. Значит, все равно придется сражаться, проливать кровь. Но если бы даже задуманное Спартаком и

удалось, на что он, собственно, надеется? Где его ждут?! Где та пресловутая родина, о которой он говорит?! Войной сейчас охвачен весь мир: война идет в Испании, в Трансальпийской Галлии, во Фракии, в Малой Азии, в сопредельных царствах. Война бушует на море и даже в провинциях. Ныне на земле нет спокойных и безопасных уголков! Бежать некуда, да, некуда!.. Но если бы даже было куда, какой народ захочет принимать к себе трусливых беглецов?! Они сами себя не смогли защитить оружием и теперь надеются на гостеприимство других народов, которые из-за них станут ссориться с римлянами, победителями народов, подвергать опасности свой дом, свою жизнь, свою свободу!.. Нет, пустая надежда! Трусливым беглецам нет спасения! Он, Крикс, предлагает другое: не убегать из Италии, а продолжать яростно сражаться. Надо собирать новые армии, укреплять дисциплину, вооружать воинов, обучать их, поднимать на восстание новые области Италии, зажать Рим в железное кольцо, уморить его голодом, как Марий поступил с сулланцами во время недавней войны. И как только наступит удобный момент, следует немедленно нанести удар по самому Риму! Всегда удастся именно то, чего никто не ожидает! И они, несомненно, смогут победить, если ударят прямо по Риму! Не следует брать пример с Ганнибала: 16 лет воевал в Италии, а по Риму ударить не посмел и потому проиграл войну. Правильно сказал о нем карфагенянин Магон: «Ты умеешь выигрывать сражения, но ты не умеешь пользоваться плодами победы!..» Спартак — человек доблестный, он, несомненно, похож на Ганнибала: тоже умеет побеждать и тоже не умеет пользоваться плодами побед. Итак, надо отклонить его ошибочный и вредный план постыдного бегства из Италии!.. Надо все силы своего ума и души сосредоточить на одном: подготовке условий для нанесения прямого удара по Риму».

Вот о чем в величайшем секрете вожди мятежных рабов недавно спорили между собой на своих советах. Крикс остался в меньшинстве и был этим чрезвычайно раздражен. Он всячески поносил своих противников, говоря: «Спартак заразился малодушием от своих фракийцев. Они ни во что не ставят наши войска, доблестных галлов и германцев, покрытых славой великих побед! Он говорит, будто они во всем уступают римским. Неправда: мы побеждали римлян уже не раз и много раз еще сумеем их победить!.. Мы возьмем Рим, проклятый город, и разрушим его до основания, не оставим от него камня на камне!.. Впрочем, если Спартак так боится за свою жизнь, почему бы не сложить ему своих полномочий?! Пусть убегает с маленькой кучкой малодушных за Альпы!.. Тот же, кто хочет чести, добычи, славы от потомства, кто хочет отомстить римлянам за

бесчисленные унижения, за гибель близких и родных, за попранные земли своей родины, тот останется здесь! Мы разорим всю Италию, если она посмеет бороться против нас. Не забывайте: Италия полна рабов, они жаждут свободы, они наши союзники, они нам окажут помощь. С каждым днем восстание становится все сильнее, а наши враги — все слабее!.. Боги с нами, предзнаменования сулят нам победу!.. И потому я не собираюсь служить Спартаку спутником в позорном бегстве!.. Я остаюсь в Италии и буду вести борьбу с Римом до конца!»

Так говорил Крикс на последнем военном совете. И Спартак, не сдержавшись, в гневе сказал ему: «Ты погубишь понапрасну все войско! 30 тысяч доблестных мужей без всякой пользы падут — и ты один будешь виновен!» Крикс ему ответил: «Всякий человек смертен и рано или поздно умрет. А храброму воину вообще не суждена смерть в своей постели. Мы же, если нас и постигнет неудача, погибнем с великой славой, и потомки воспоют наши деяния! А какая слава выпадет на долю того, кто трусливо бежит за Альпы, кто кончит жизнь в жалкой дряхлости, в полной неизвестности, в каком-нибудь удаленном уголке мира, забытом и богами и людьми?!»

Итак, вождям мятежников не удалось достичь соглашения. Вопрос: «Идти за Альпы или не идти?» — был вынесен на собрание всего войска. Две трети войска, фракийцы и галлы, высказались все-таки за предложение Спартака, одна треть — в пользу Крикса, а это все — германцы, часть галлов и местные итальянские уроженцы. Видя, что делать нечего, Спартак позволил им от себя отделиться. Германцы и галлы отошли от него с чувством огорчения и печали. Они любят Спартака, уважают его, разговорам о его трусости не верят. Но германцы и галлы — опытные и неустрашимые воины, любящие битвы. Они не боятся проливать кровь, считают это высшей доблестью и хотят продолжать борьбу с Римом на почве Италии. В то же время их мучают всякие опасения. Но Крикс их успокаивает. Он ссылается на предзнаменования и волю богов, сулит им верную победу.

Вот что сообщили римскому консулу его шпионы. Тщательно обдумав обстановку и взвесив характер Крикса, Геллий приказал распустить повсюду слухи о предзнаменовании, в силу которого вся германо-галльская армия Крикса обречена в жертву Великой матери богов.

Об этом вдруг заговорили разом все: и местное свободное население окрестностей Сипонта (лесорубы, охотники, рыбаки, пахари и т. п.), и приходившие к Криксу рабы, об этом кричали повстанцам со стен осажденные в городе сулланцы.

Эти единодушные разговоры сильно смутили повстанцев. Воины, а за ними и командиры по германскому и галльскому обычаю стали гадать на палочках с наговорами, пытаясь таким образом узнать свою судьбу. У одних знамения получались благоприятные, у других — нет. Тогда жены видных германских командиров, известные предсказательницы (они не раз предсказывали повстанцам благоприятный исход в их рискованных предприятиях), вновь, как и прежде, стали бросать жребий. Трижды они делали это и всякий раз получали один ответ: «Вас ждет неподалеку ужасная опасность, затем — гибель». Тут уже замешательство стало всеобщим. Посовещавшись, смущенные командиры пришли к своему полководцу и честно сказали ему, что страх начал заползать в души солдат. Они напомнили ему, что неподалеку, у горы Гарган, вдающейся в Адриатическое море, находится знаменитый на всю Италию памятник и оракул героя Калханта (Калхаса) из Линии, известнейшего прорицателя греков в Троянской войне^[33]. Командиры просили Крикса прибегнуть к услугам этого оракула, чтобы узнать будущее, положить конец слухам и начавшему распространяться страху; они сказали также, что кельты жаждут совершить поход к своей национальной святыне — Гаргану («Небесной горе»), посвященной великому богу-великану Гаргану, сыну величайшего кельтского бога Бела, божеству их древней прародины, так как Гарган может открыть им их будущее.

Крикс сильно колебался: такой поход не был согласован со Спартаксом. Сам Крикс верил в богов (хотя Спартакстарался всячески поколебать его веру) и со времен юности был мистом, о чем свидетельствовало само его имя (Крикс значит: «Тот, кто носит браслет»; древнегреческое *krikos* — браслет, кольцо^[34]). Он также верил в предчувствие и предзнаменование, считая справедливым римское изречение: «Предчувствия предваряют судьбу». Правда, он знал, что Спартак и к вере, и к предзнаменованиям относится отрицательно, хотя некоторыми «предзнаменованиями» разумно пользуется ради успокоения массы.

Долго думал Крикс и наконец согласился. Оставив под Сипонтом 10 тысяч человек продолжать осаду города, остальную часть армии он повел к Гаргану. Устроив здесь лагерь, Крикс в сопровождении высших командиров отправился на холм, где находился оракул. По пути к оракулу он, чтобы принести отраду духу умершего, совершил возлияние^[35] у памятника герою Подалирию, фессалийцу, называвшему себя сыном бога Асклепия, врачу греков под Троей. Поднявшись затем на холм к оракулу, Крикс переговорил со жрецами, по обычаю принес в жертву черного быка. Затем

он улегся спать на шкуре черного барана, ожидая, что в сновидении Калхант откроет ему участь его и подчиненного ему войска.

Спал он плохо. Его мучили опасения всякого рода и сознание ответственности за жизнь 30 тысяч человек. Только под утро он забылся в недолгом сне, а когда проснулся, то вышел навстречу товарищам и с просветленным лицом объявил им, что герой Калхант сулит им всем победу.

Командиры с облегчением вздохнули и, довольные, последовали за ним назад к войску, желая обрадовать воинов. Когда они вернулись, то были страшно изумлены: доносили, что со стороны Рима на них надвигается враг — преторская армия Кв. Аррия — не меньше 10 тысяч человек.

Все единогласно решили, что боги ведут Кв. Аррия на гибель. Крикс среди радостного возбуждения тотчас приказал вывести войско из лагеря и двинуться врагу навстречу, чтобы уничтожить его, используя свое преимущество в силах.

Завязалась ожесточенная битва. Крикс и его командиры считали себя уже победителями, как вдруг, неизвестно откуда, точно снег на голову свалился новый враг.

Это был Л. Геллий. Блестяще все рассчитав вместе с Кв. Аррием, он выдвинул его вперед как приманку, а сам (при нем находилось 30 тысяч войска) сумел совершить стремительный и скрытый маневр, в результате чего вышел повстанцам в тыл. Вот во что обошелся Криксу вояж к оракулу Калханта!..

Этого внезапного удара повстанческие войска не выдержали, хотя сражались с огромным мужеством и стойкостью. Крикс сделал все возможное, чтобы развернуть часть войск фронтом в сторону нового врага, но перестройка из-за условий местности и неизбежного замешательства сильно запоздала. В результате войско оказалось разбито наголову. Почти вся армия — 20 тысяч человек — легла на поле битвы. Сам Крикс показал в бою чудеса храбрости, пытаясь переломить ход боя. Видя, что поражение армии полное, он, помня о своем достоинстве и прошлых подвигах, бросился в гущу врагов и пал, пронзенный множеством неприятельских мечей.

Весть об этом ужасном и неожиданном поражении заставила оставшуюся часть войска (это были главным образом соплеменники Крикса — воины из Лукании и Брутия, говорившие на оскском языке, а также япиги из Апулии и Калабрии — племя, близкое иллирийцам) снять осаду Сипонта. Разделившись на отряды, они рассеялись по окрестностям.

Многие двинулись на север, в погоню за Спартак, везя с собой тело погибшего вождя, унесенное его щитоносцами с поля боя, и печальную весть о неожиданном разгроме.

А торжествующий победитель, отправив в Рим послание о победе, соединился с ликующим гарнизоном Сипонта. После короткой передышки он также двинулся на север. Л. Геллий торопился прийти на помощь Гн. Лентулу. С собой он вел около 45 тысяч человек пехоты и 3 тысячи человек конницы.

VI

Гн. Лентул Клодиан (114 — до 45 до н. э.), человек представительный на вид, со значительным и умным выражением лица, принадлежал к одной из родовитейших в Риме фамилий, насчитывавшей в себе немало знаменитых политиков, полководцев, членов самых почетных жреческих коллегий. Прадед Гн. Лентула прославился особенно тем, что принял в Риме в свои руки статую Великой матери богов — Кибелы (Цицерон), дед Публий Корнелий Лентул, принцепс сената, консул 162 года, умер от раны, полученной во время подавления движения Гая Гракха (121 год). Сам Гн. Лентул, человек одаренный и образованный, воевал с Митридатом и марианцами под начальством Суллы, в Риме был видным деятелем форума, в суде красноречивым защитником, спасшим жизнь и достояние многим согражданам. Слава о его красноречии, не совсем, правда, отвечавшем требованиям Цицерона, гремела по всему Риму. Позже Цицерон говорил о нем: «Умелыми паузами, восклицаниями, голосом приятным и звучным он снискал себе такое восхищение, что никто не жалел о тех качествах, которых ему недоставало». В сенате Гн. Лентул принадлежал к разряду аристократических реформаторов (Л. Котта и др.); он пользовался в Риме огромным авторитетом: «...удостоив его высших должностей, — говорил Цицерон о своем друге, — вы признали его человеком исключительной мудрости и строгих правил».

Этот-то вот Лентул и вел уже операции против Спартака. В его распоряжении находилось войско в 60 тысяч человек пехоты и 4 тысячи человек конницы. Он выделил двух легатов с 10-тысячными армиями, поручив им действовать на флангах у Спартака, теснить его во взаимодействии с ним в неудобную местность и стараться окружить.

Но римские военачальники недооценили трудность поставленной себе задачи. Спартак, один из самых выдающихся полководцев Античности (М.

Фронтон), двигаясь по Апеннинам, среди оливковых насаждений и виноградников, хлебных полей и пастбищ, дубовых, каштановых и буковых рощ, а также еловых лесов, проявил огромное искусство. Как в кампании против П. Вариния, он вновь ловко разобщи́л неприятельские силы, по очереди сокрушил 10-тысячные армии легатов и захватил весь войсковой обоз (консул, желая идти налегке, весь обоз оставил легатам, чем сковал их маневренность). Затем со всей яростью Спартак обрушился на самого Гн. Лентула, разбил его и обратил в бегство.

Л. Геллий и Кв. Аррий вошли в зону боев, намереваясь отомстить за неудачи товарищей, но обоим ждала та же участь: они тоже были разбиты.

Побуждаемые обстоятельствами, побежденные смирив свое честолюбие и объединили все силы в одно войско, насчитывавшее 90 тысяч человек пехоты и 4 тысячи кавалерии. Полные надежд, они вновь двинулись на Спартака. Но последний, пополнив ряды своих войск рабами из партизанских отрядов, снова разбил римлян и, не преследуя их, двинулся на север.

Удрученные новым поражением, консулы все-таки не хотели сдаваться. Быстро приведя в порядок потрепанные части, они двинулись за уходящим врагом, не вступая с ним, однако, в соприкосновение. Их гонцы, посланные вперед, вызывали на помощь из Цизальпийской и Трансальпийской Галлий их наместников — проконсула Г. Кассия и пропретора М. Фонтея.

Последние тем временем не дремали. М. Фонтей, видный помпеянец и опытный военачальник — «закаленный в бою солдат, столь часто бросавшийся с оружием в руках навстречу густым отрядам врагов» (Цицерон), — видя, в какую сторону склоняется ход событий, усиленно готовился к кампании против Спартака. Он производил все новые наборы и собирался с войском выступить на юг, в Цизальпийскую Галлию. Там, в лагере у Мутины, с нетерпением ждал его наместник.

Г. Кассий Лонгин Вар (115—43 до н. э.), наместник Цизальпийской Галлии в 72 году, принадлежал к одной из древнейших римских фамилий патрицианского происхождения. Человек богатый, со связями, всеми уважаемый, он удачно делал карьеру (в 77 году — эдил, в 75-м — претор, в 73-м — консул).

Сам Г. Кассий, по общему признанию, был скорее законовед, чем полководец. Поэтому, поручив командование претору Гн. Манлию, известному военачальнику Суллы, прибывшему с поручением от сената возглавить войска в провинции, он с нетерпением ожидал подхода младшего коллеги из Трансальпийской Галлии.

Но М. Фонтей запоздал. События разворачивались со страшной быстротой.

Войска Спартака вступили на территорию Цизальпийской провинции и были восторженно встречены местным населением и особенно рабами, начавшими в большом количестве сбегаться к нему. Беспрепятственно повстанческие войска дошли до Мутины, сильной крепости на пути к реке По (прежде это был город этрусков, а с 189 года до н. э. — колония римлян), и стали вызывать Г. Кассия на бой.

Л. Геллий и Гн. Лентул, не выдержав темпов спартаковского марша, отстали. А Г. Кассий, подвергаясь обвинению со стороны спартаковцев в трусости и боясь всеобщего восстания рабов и галлов-инсубров^[36] в своей провинции при дальнейшей медлительности, не усидел в лагере. С 20-тысячной армией (половину ее составляли вспомогательные галльские отряды, часть которых немедленно перебежала к восставшим) он дал Спартаку битву и понес сокрушительное поражение.

Паника охватила римлян. Многие из бежавших в лагерь клятвенно утверждали, будто проконсул погиб (на самом деле он был только ранен и его успели спасти). Одни требовали сдаться победоносному врагу, другие — пойти на прорыв. С трудом удалось навести среди воинов порядок и заставить их оборонять лагерь от наседавших на бегущих римлян рабов. Впрочем, обороны хватило ненадолго: скоро восставшие ворвались в лагерь, и римляне толпами начали сдаваться. Повстанцам досталась большая добыча.

При известии о новом поражении в Риме сильно приуныли. Консулы были крайне удручены. Они остановили войска неподалеку от границы Цизальпийской Галлии, не решаясь уже вызывать врага на битву.

А Спартак, одолев войска Г. Кассия и захватив провинцию, тотчас начал отправлять по суше и морю делегации к различным племенам галлов и германцев. Он приглашал их принять участие в походе на Италию.

Положение же у соседей Спартака было следующим.

Глава шестнадцатая **ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ТРАНСАЛЬПИЙСКОЙ И СВОБОДНОЙ ГАЛЛИЯХ**

I

Провинция Трансальпийская Галлия ко времени восстания Спартака существовала всего каких-нибудь 50 лет. Она появилась в результате побед полководцев из партии популяров — М. Фульвия Флакка, друга Г. Гракха (125–124 до н. э.), Г. Секстия Кальвина (123–122), Г. Домиция Агенобабра (122 год) и Кв. Фабия Максима, родного брата Сципиона Эмилиана (121 год).

Новая провинция оказалась беспокойной. Галлы часто устраивали заговоры и восстания. Поэтому римляне поддерживали против них свободную и союзную общину Массилию, богатый и культурный город (туда обычно удалялись изгнанные по суду римские аристократы), а также свободные от податей колонии римских граждан Нарбон и Аквы Секстиевы. Нарбон, подобно Массилии, имел общинное устройство, а Аквы Секстиевы являлись военной крепостью.

Собственно галльская область делилась на четыре части: 1 — земли волков-тектосагов (столица — Толоза); 2 — земли аллоброгов (столицы — Виенна и Генава); 3 — земли воконтийцев (столица Араузион); 4 — земли лигурийских племен (столица Генуя (Лигурион)).

О хозяйстве этой богатой провинции Страбон отзывался так: «Вся провинция Нарбонида производит те же самые плоды, что и Италия. При продвижении к северу и к горе Кемлоену видно, как кончается страна оливковых рощ и фиговых деревьев, но другие плоды еще произрастают. Вся виноградная лоза далее на севере также созревает с трудом. Вся остальная страна дает большое количество хлеба, проса, желудей и скота всевозможной породы; она целиком возделывается, за исключением тех частей, где обработке препятствуют болота и чащи. Однако и эти места густо заселены, но скорее по причине избыточности населения, чем в силу его усердия. Женщины отличаются плодovitостью и хорошие кормилицы,

мужчины скорее воины, чем земледельцы».

Такова была провинция Трансальпийская Галлия. Сюда-то в начале 73 года — в главный город Нарбон — прибыл новый наместник М. Фонтей, чтобы пробыть здесь три года (73–71).

Обстановка в провинции была в то время напряженной. Для М. Фонтея это, собственно, не являлось новостью, ибо в последнем письме Помпея, оглашенном в сенате в январе 74 года, было сказано следующее: «Ближнюю Испанию, которая не занята врагами, мы или Серторий разорили дотла, кроме прибрежных городов, нам же в расход и отягощение. В прошлом году Галлия содержала войско Метелла, а теперь из-за плохого урожая сама едва существует» (Саллюстий). К этому добавлялось еще крайнее озлобление могущественных племен провинции волков-арекомиков и аллоброгов. Отправляясь в Испанию в 77 году, Помпей при подавлении восстания, поднятого ими, отнял у них в наказание часть земель и подарил их в награду за верность Массилии. В силу указанных причин национальная партия в провинции имела множество веских аргументов за новое восстание.

Таким образом, новый наместник стоял перед необходимостью разрешения очень трудных задач. С одной стороны, надо было за счет своей провинции организовывать снабжение сражавшихся в Испании армий Помпея и Метелла (другого выхода не было; в 73-м и особенно в 72 году государственная казна находилась в совершенном запустении), кормить попеременно армии Помпея и Метелла во время зимних стоянок и в то же время отклонять галлов от мыслей о новом восстании.

Задачи эти были почти неразрешимы, и Помпею, находившемуся в Испании, оставалось лишь уповать на дипломатическую ловкость, личное бескорыстие, энергию, полководческую репутацию и преданность М. Фонтея интересам помпеянской партии, видным членом которой он являлся.

Галлы встретили нового наместника (предшественником был Г. Валерий Флакк — 74 год) недружелюбно. Из уст в уста шла молва о его прошлом. Отец М. Фонтея был легатом пропретора Г. Сервилия (91 год) и погиб вместе с ним в городе Аскуле от восставших жителей — эти убийства и послужили сигналом к Союзнической войне (90–88).

М. Фонтею в момент убийства отца было 24 года (род. в 114 году). Он происходил из довольно известной в Риме семьи: на страницах римской истории его предки (родом из города Тускула) появляются со Второй Пунической войны (218–201).

В качестве мстителя за отца М. Фонтей юношей участвует в

Союзнической войне. В политике он выступает как большой поклонник Г. Мария. Это обстоятельство сближает его с молодым Цицероном, гордившимся своим общим происхождением из города Арпина с Г. Марием, кумиром всех «новых» людей.

После смерти последнего М. Фонтей избрал себе в качестве вождя Л. Цинну и получил от него за многочисленные услуги квестуру. Когда Л. Цинна был убит мятежными солдатами (84 год), М. Фонтей вместе со своим другом Гн. Помпеем перешел на сторону Суллы (83 год) и принял участие в борьбе с бывшими товарищами по партии. За свои услуги он тотчас получил награду в виде должности легата при пропреторе Г. Аннии Луске, отправлявшемся наместником в Дальнюю Испанию (82 год).

В 79 году М. Фонтей вернулся в Рим. Как хорошо зарекомендовавший себя военачальник, он получает новое важное назначение — легатом в Македонию при консуле Аппии Клавдии. С этим последним М. Фонтей упорно сражается с фракийцами в течение 78–76 годов.

После возвращения из провинции, проведший свою молодость и зрелые годы в боях и походах, Фонтей с помощью Помпея легко добивается претуры и отправляет ее одновременно с Г. Берресом (74 год), после чего перед ним открывается широкое поле деятельности в качестве провинциального наместника.

М. Фонтей пользовался в Риме известностью и большим авторитетом (его родная сестра являлась весталкой).

Вот какими фактами ознаменовалась деятельность М. Фонтея в Трансальпийской Галлии за годы его наместничества. Была, во-первых, достроена «государственной важности» (так определял ее Цицерон) Домициева дорога, соединявшая Италию с Испанией. Каждая галльская община получила для проведения дороги определенный участок. Отлично сознавая, что этим строительством они куют себе цепи, галлы пытались сначала уклониться от строительной повинности, подкупив легатов. Когда из этого ничего не вышло, они стали строить намеренно плохо. Но легаты Л. Анний Беллиен и Г. Фонтей, стоявшие по своей честности «выше всяких подозрений» (Цицерон), быстро разгадали их тайные намерения. Они повсюду производили строжайшую инспекцию и заставляли галлов переделывать негодные участки дороги. Такая неумолимая требовательность вызвала среди последних страшное озлобление.

А сам М. Фонтей тем временем лично занимался судом и проведением мероприятий экономического характера. Совместно со всадниками из откупщиков он разработал план получения больших денежных сумм путем установления таможенных пошлин на вино, шедшее на пограничные

территории. В соответствии с этим планом назначенные им агенты брали: в Толозе — по четыре денария с амфоры вина, в Сегодуне — по три, в Волкалоне — по два с викториатом и т. д.; с торговцев, отправляющихся с вином в Свободную Галлию, брали даже по шесть денариев.

Галлы были взбешены столь хитроумным мероприятием. Большие любители вина, изобретатели различных его сортов, охотно заимствовавшие друг у друга новинки, они считали, что М. Фонтей допускает ужасающее злоупотребление, так как им приходится теперь ограничивать себя в своих привычках и по римскому обычаю пить вино, разбавленное водой, что казалось им противным.

Другими мероприятиями, проведенными М. Фонтеем, оказались: хлебная повинность, обязанность принимать на постой римские войска и непременно давать для войны вспомогательные пешие и конные части.

Эти повинности галлы выполняли крайне неохотно. Зато М. Помпей и его товарищ Кв. Метелл были М. Фонтеем очень довольны. «Груды хлеба (были доставлены) Галлией, многочисленные пешие войска — Галлией, очень много всадников — Галлией» (Цицерон). В общем итоге при М. Фонте Трансальпийская Галлия погрязла в долгах, была угнетена невыносимыми налогами и злоупотреблениями римской администрации (Цицерон говорил, что «вся Галлия наполнена негоциантами из римских граждан, ни один сестерций в Галлии не может шевельнуться, не оставляя следа в кассовых книгах римских граждан»), массовым обращением людей в рабов. Провинция кипела от возмущения. Наконец в 72 году вспыхнуло восстание галлов-воконтийцев, представители которых вели тайные переговоры с эмиссарами Сертория и Спартака и заключили соглашение о взаимной помощи. Восстание воконтийцев поддерживали аллоброги во главе со своими вождями Индутиомаром и Катугнатом. Галльские отряды осадили Массилию и Нарбон и, распространившись по стране, начали избивать римских «деловых людей».

М. Фонтею пришлось со всей энергией начать борьбу против восставших. Цицерон позже вспоминал: «М. Фонтей был наместником Галлии, то есть той провинции, народы которой (старого я поминать не буду) отчасти при наших отцах вели ожесточенные и продолжительные войны с римским народом, отчасти лишь недавно были покорены нашими полководцами, недавно были укрощены оружием, недавно нам дали повод к триумфам и победным памятникам, недавно были в наказание лишены земли и городов по приказанию сената, отчасти даже сразились с самим М. Фонтеем и лишь благодаря его полной трудов и лишений деятельности признали власть и господство римского народа. С другой стороны, в той же

провинции лежит город Нарбон Марсов, колония с правами нашего гражданства, передовой пост римского народа, твердыня, о стены которой должен был разбиться натиск тех племен; там же, наконец, находится и город Массилия, о котором речь была выше, населяемый нашими верными союзниками, помощь которых, состоявшая и во вспомогательных войсках, и в прочих военных средствах, уравнивала грозившие нам со стороны галлов опасности. Из таких-то разнородных элементов состоит провинция, наместником которой был, как я сказал, М. Фонтей; настоящих врагов он покорил сам, недавних врагов заставил покинуть те области, которые у них постановлено было отнять, остальным (которые с тем-то и были покорены в жестоких и не раз возобновленных войнах, чтобы навсегда оставаться подданными римского народа) он приказал доставить много конных отрядов для тех войн, которые велись тогда римским народом по всему миру, много денег на жалование им, очень много хлеба на потребности испанской войны».

Эта галльская война, ведшаяся М. Фонтеем (первые признаки ее наметились еще в 73 году в виде действий многочисленных партизанских отрядов), тянулась до 71 года и закончилась только с окончанием спартаковской войны.

II

Но в поле зрения Спартака находились дела не только Цизальпийской и Трансальпийской Галлий, но также Свободной Галлии и даже Германии (здесь его интересовали племена свевов, самого большого и воинственного народа во всей Германии, убиев, имевших в нравах много сходного с германцами, а также узипетов и тенктеров). Но в первую очередь его внимание приковывали ближайшие соседи Трансальпийской Галлии — арверны (столица — Герговия), эдуи (столица — Бибракте), секваны (столица — Весонтион), гельветы (столица — Гельвет) и аквитаны (столица — Бурдигала) — племена южной части Свободной Галлии. Именно к ним, к их царям и народным собраниям посылал Спартак своих разведчиков — галлов и германцев, а потом письма, посольства и подарки. Предводитель италийских рабов усиленно склонял царей и отдельных военных предводителей к нападению на Трансальпийскую Галлию; не исключено, что он предлагал организовать и новое галльское вторжение в Италию.

Предложения и письма Спартака вызывали в галльских общинах

острую борьбу партий.

Положение, однако, было еще не до такой степени выгодным, как хотел Спартак. К числу союзников он мог отнести только арвернов и гельветов. К числу противников — эдуев, секванов и аквитанов. У арвернов власть держал в руках выдающийся военный предводитель Кельтилла, отец главы будущего общегалльского восстания против Цезаря Верцингеторига. Кельтиллу поддерживали многие видные вожди, среди которых находился и знаменитый Критогнат, в будущем также противник Цезаря. Проримскую партию возглавлял родной брат Кельтиллы Гобаннитион.

Сильной была национальная партия у гельветов. Во главе ее находился Дивикон, заклятый враг римлян, победивший в 107 году консула Л. Кассия и приведший римскую армию под позорным ярмом (тогда вместе с консулом погиб и дед будущего тестя Цезаря — Л. Пизон). Дивикона окружали воинственные юноши. Самым блестящим среди них был молодой Оргеториг. В проримской партии видную роль играли Наммей и Веруклетий, будущие послы гельветов при переговорах с Цезарем.

Устойчиво проримской политики держались эдуи, связанные с римлянами многообразными хозяйственными и политическими связями, отношениями дружбы и гостеприимства. Во главе проримской партии стояли Эпоредориг-старший, а позже — Дивитиак и Лиек. Антиримская партия была слаба и не имела видных руководителей, за исключением молодого Думнорига (позже — враг Цезаря).

Сходная картина наблюдалась у секванов, где во главе проримской партии стоял царь Катаманлед, его сын Кастик станет в будущем верным союзником Цезаря.

Равным образом у аквитанов во главе проримской партии стоял царь Пизон, связанный узами гостеприимства с римской аристократической фамилией Пизонов; внук этого Пизона, тоже Пизон, будет начальником аквитанской конницы у Цезаря и получит с его помощью титул друга и союзника римского народа; он погибнет в одной из схваток в 55 году.

Все указанные, как и другие галльские племена, почти ежегодно до прихода Цезаря в Галлию вели войны между собой. Арверны, нападая на эдуев, старались отнять у них первенствующее положение в Галлии и вовлечь в союз против них секванов. Эдуи с помощью своих союзников, и особенно белловаков, энергично давали врагу отпор и часто совершали набеги на земли более слабых секванов. Последние, не в силах сами успешно отражать их набеги, пригласили к себе на помощь из-за Рейна молодого предводителя свевов Ариовиста с 15-тысячным войском.

Появление германцев в Галлии (72 год) Спартак горячо приветствовал.

Нападение на враждебных ему эдуев из-за Рейна облегчало положение сочувствующих Спартаку племен и увеличивало возможность победы восставших гельветов и волков-тектосагов Трансальпийской Галлии.

И галлы и германцы были много наслышаны о Спартаке и его победах благодаря полученным от него письмам, рассказам путешественников и купцов, собственным шпионам, побывавшим в Италии, и взаимному быстрому оповещению друг друга о всех важных новостях.

В целом Спартак мог быть доволен ходом дел в Свободной Галлии. На враждебных ему эдуев с двух сторон обрушивались мощные удары. Германцы-свевы благосклонно слушали его приглашение принять участие в походе на Италию.

Несмотря на гибель Крикса с многочисленными германскими частями, Спартак мог надеяться, что скоро получит им замену, причем такую, от которой в особенности содрогнутся души и сердца римлян.

Так замышлял Спартак. Но... «Счастье во всем играет большую роль, особенно же в делах войны» (Цезарь). Вот что из замыслов вождя италийских рабов получилось...

Глава семнадцатая

УБИЙСТВО СЕРТОРИЯ

I

К весне 72 года отношения между членами серторианского сената обострились до крайности. Было это далеко не случайно.

Восстание рабов в Италии к этому времени приняло громадные размеры. Юг практически полностью отпал от Рима, и рабы создали там свое государство. Рабовладельцы подверглись страшному избиению; те, кому посчастливилось, бежали в Рим. Спартак, действуя с большой энергией, создал армию в 70 тысяч человек и готовился перенести действия в центральную Италию. Угроза, таким образом, создавалась непосредственно самому Риму.

В этой связи компромисс между различными группами серторианского сената (при резко противоположном отношении к ситуации в Италии) становился все более невозможным.

А Помпей и Метелл весной 72 года вновь перешли Эбро и возобновили военные действия против неприятельских городов. Видные деятели правого крыла серторианского сената, добившись с ними тайного соглашения, начали проводить явно пораженческую политику. Командуя войсками, они позволили Помпею и Метеллу разбивать части их войск, почти непрерывно отступали и сдавали города.

А что делал Серторий? После мучительных размышлений он пришел к выводу, что ситуация складывается для него неблагоприятно, и он практически ничего не предпринимал.

Имея все это в виду, Серторий «ни с того ни с сего» (Аппиан) перестал вдруг заниматься делами, стал проводить время в обществе женщин, в пирах и попойках, обставил себя роскошью и не обращал, казалось, внимания ни на что, в то время как его войска терпели частые поражения.

Такое поведение Сертория вызвало против него озлобление левого крыла марианской партии (стали говорить, что он «уже не тот, что прежде»). Против Сертория был составлен заговор.

Заговор был, однако, раскрыт, Серторий обрушился со страшными репрессиями на все левое крыло марианской партии. Чрезвычайно

раздраженный раскрытым заговором и проявленным к нему недоверием, Серторий стал подозревать в измене большое число собственных соратников.

В марианском сенате создалось крайне напряженное положение. Страх перед незаслуженными карами, ненависть к его двусмысленной политике вызвали вскоре новый заговор — на этот раз со стороны ведущих деятелей правого крыла и значительной группы «центра» во главе с Перперной.

Бывший соратник М. Лепида, человек честолюбивый и знатный (отец его, консул Перперна, подавил в 130 году восстание Аристоники), М. Перперна при всей ненависти к итальяским рабам был еще мучим уязвленным тщеславием. По его мнению, он сам не меньше Сертория заслуживал высшей власти.

С этой-то мыслью, побуждаемый к действию и последними событиями, Перперна стал сколачивать группу заговорщиков, всячески разжигая подходящих людей. Он говорил им: «Какой злой гений овладел нами и влечет от дурного к худшему? Мы сочли недостойным остаться на родине и выполнять приказы Суллы, господина всей земли и моря, а явились сюда, где ждет нас верная погибель, ибо, рассчитывая жить свободными, мы добровольно стали свитой беглеца Сертория. Мы составили здесь сенат, и это название вызывает насмешки всех, кто его слышит, а вместе с тем на нас обрушиваются брань, приказы и повинности, словно на каких-то испанцев и лузитанцев» (Плутарх).

Разговоры Перперны пали на подготовленную почву. А вскоре две группы заговорщиков установили контакт и подали друг другу руки ради общей цели — убийства Сертория.

Сообща был выработан хитрый план, рассчитанный на компрометацию Сертория в глазах Испании. После этого с большой настойчивостью все участники заговора перешли к действиям. «Например, они обижали туземцев, жестоко наказывали их и налагали на них тяжелые подати, ссылаясь на мнимое приказание Сертория. Благодаря этому в отдельных городах происходили восстания или волнения. Отправляемые для их успокоения и улаживания несогласий лица возвращались, еще более разжегши дух вражды и усилив нежелание повиноваться, вследствие чего в мягком, гуманном раньше характере Сертория произошла такая резкая перемена, что он поступил несправедливо к воспитывавшимся в Оске детям испанцев — одних приказал казнить, других продал в рабство» (Плутарх).

Этот шаг со стороны Сертория оказался роковой ошибкой. Испанцы были озлоблены, заговорщики втихомолку рукоплескали. Успех, казалось,

находился совсем рядом. И вдруг всё переменялось. Лузитанская охрана Сертория напала на след заговора и захватила важные улики. Ознакомившись с ними, разгневанный полководец приказал схватить своих врагов.

Большинство арестованных было изобличено в организации заговора и казнено. Некоторым удалось все-таки бежать.

Перперна думал уже покончить с собой — серьезные улики имелись и против него. Но Серторий, считая его своим другом, отверг обвинение против него.

Отчаявшийся было Перперна снова воспрянул духом. После совета с уцелевшими единомышленниками он составил план нового выступления и привлек к делу ряд новых видных лиц.

Однажды вечером заговорщики привели к Серторию своего человека под видом гонца. Тот передал полководцу восторженные письма, в которых говорилось о крупной победе над врагом. «Обрадованный этой новостью, Серторий совершил благодарственное жертвоприношение; тут Перперна объявил, что устраивает пир для Сертория и других присутствующих (все это были участники заговора), и после долгих настояний убедил Сертория прийти. Трапезы, на которых присутствовал Серторий, отличались умеренностью и порядком: он не допускал ни бесстыдных зрелищ, ни распушенной болтовни и приучал сотрапезников довольствоваться благопристойными шутками и скромными развлечениями. Но на этот раз, когда выпивка уже была в разгаре, гости, искавшие предлога для столкновения, распустили языки и, прикидываясь сильно пьяными, говорили непристойности, рассчитывая вывести Сертория из себя. Серторий, однако, — толи потому, что был недоволен нарушением порядка, то ли разгадав по дерзости речей и по необычному пренебрежению к себе замысел заговорщиков, — лишь повернулся на ложе и лег навзничь, стараясь не замечать и не слышать ничего. Перперна поднял чашу неразбавленного вина и, пригубив, со звоном уронил ее. Это был условный знак, и тут же Антоний, возлежавший рядом с Серторием, ударил его мечом. Серторий повернулся в его сторону и хотел было встать, но Антоний бросился ему на грудь и схватил за руки; лишенный возможности сопротивляться, Серторий умер под ударами множества заговорщиков» (Плутарх).

Так в начале июля 72 года закончилась в Испании серторианская эпопея. Серторий, доблестный воин и герой, пал в результате собственной двусмысленной политики.

Большинство испанцев из его войска тотчас разбежались. С

оставшимся меньшинством и римскими легионами Перперна (ему хотелось доказать, что недаром умерший полководец сделал его по завещанию своим наследником!) дал Помпею битву и, разумеется, проиграл ее. «При начавшемся общем бегстве Перперна укрылся в густо растущий кустарник, боясь своих солдат больше, чем вражеских. Несколько всадников захватили Перперну и повлекли его к Помпею. Они поносили его как убийцу Сертория, а Перперна вопил, что он много расскажет Помпею о междоусобной распри в Риме. Не знаю, правду ли он тут говорил или с той целью, чтобы его привели к Помпею живым. Помпей, однако, послал своих людей вперед и приказал им убить Перперну прежде, чем он к нему явится. Он боялся, как бы Перперна вдруг не открыл ему чего-нибудь неожиданного, что могло бы дать толчок к другим бедствиям в Риме. Оказалось, что в данном случае Помпей поступил очень благоразумно, и это послужило упрочению его доброй славы» (Аппиан).

II

Завершив труднейшую войну победой в результате больших трудов и удачного стечения обстоятельств, Помпей стал готовиться к походу в Италию, куда вызывал его сенат. В Испании должен был остаться Метелл, чтобы довести до конца замирение страны. Перед собой (для подготовки необходимой военной и политической ситуации) Помпей немедленно отправил в Италию своих помощников — Л. Афрания, А. Габиния и М. Петрея. Они отбыли, имея с собой преторские когорты, испанских всадников, большие суммы денег и подробные инструкции.

Все эти лица играли огромную роль в проведении Помпеем его политики, и о них следует, хотя бы вкратце, рассказать. Самым старшим по возрасту был М. Петрей (112—46 до н. э.), командир левого крыла в войске Помпея. Он вышел из низов. Начал военную службу в 95 году. Принимал участие в Союзнической войне в войсках Помпея-отца. В 82 году — военный трибун, в 77-м — командир легиона в войсках Помпея-сына, в 75-м, во время войны с Серторием, — легат (37 лет), в 72-м — претор, в 62-м — легат консула М. Антония с правами пропретора (нанес поражение Катилине при Пистории). Цицерон с похвалой отзывался о его роли в подавлении восстания Каталины. Он восхвалял Петрея за «исключительное присутствие духа», «преданность государству», «выдающуюся доблесть в государственных делах», «необычайный авторитет среди солдат», «исключительный военный опыт».

Л. Афраний (102—46 до н. э.) — политический и военный деятель, обязанный карьерой Помпею, его близкий друг, командующий центром войска. В 74 году — квестор, в 62 году — претор, в 60 году — консул. В консулы прошел при сильном сопротивлении знати и всей партии Красса.

Афраний принимал видное участие в войнах Помпея с Митридатом, затем в гражданской войне против Цезаря.

А. Габиний (101—47 до н. э.) — политический и военный деятель, обязанный карьерой Помпею и Цезарю, ловкий оратор и храбрый военачальник. Участник войны против Сертория, он заменил погибшего в бою начальника конницы Г. Меммия, мужа сестры Помпея. В 67 году — народный трибун, провел закон о назначении Помпея командующим для войны с пиратами, в 61 году — претор, в 58 году — консул. За поход в Египет без санкции сената с целью наживы был осужден по суду и отправлен в изгнание. В гражданской войне принял участие на стороне Цезаря и умер в Салонах, потерпев поражение от дарданов (Иллирия). Плутарх определяет Габиния как одного из наиболее отвратительных льстецов Помпея. Цицерон, в свою очередь, предавал Габиния, своего врага и друга Клодия, яростному поношению. В суде (56 год) он ядовито издевался над временами его молодости, заявляя, что все свое состояние Габиний промотал в кутежах, разврате и немислимой роскоши, что в силу этого многие «попользовались его свежей юностью», что, наконец, угодил он в объятия Катилины и долго служил ему «усладой», «купаясь в благовониях» и расхаживая «с завитой гривой». Ростовщики, так как он влез в неоплатные долги, не давали Габинию покоя. Он смотрел на них с остервенелой ненавистью, и от судебного преследования ему пришлось искать «убежище в гавани трибуната».

Глава восемнадцатая

СПАРТАК В ЦИЗАЛЬПИЙСКОЙ ГАЛЛИИ

I

Провинция, захваченная Спартак, отличалась исключительным богатством. Полибий, характеризуя ее, писал: «Нелегко перечислить все достоинства этой земли. Так, она изобилует хлебом в такой степени, что в наше время нередко сицилийский медимн пшеницы (52,53 литра) стоит четыре обола, медимн ячменя — два обола, столько же стоит метрет вина (39,39 литра); гречиха и просо рождаются у них в совершенно невероятном изобилии. Как много растет желудей на этих равнинах в дубовых лесах, раскинутых на некотором расстоянии один от другого, всякий может заключить лучше всего из следующего: в Италии убивается огромное количество свиней частью для домашнего употребления, частью для продовольствия войск, а животные доставляются главным образом этими равнинами. О дешевизне и обилии съестных припасов можно судить всего вернее по тому, что путешествующие в этой стране, заходя в таверну, не расспрашивают о стоимости отдельных предметов потребления, но вообще, сколько возьмет хозяин с человека. Обыкновенно содержатели трактиров, давая часто всего вдоволь, берут за это пол-аса, что составляет четвертую часть обола; лишь в редких случаях взимается более высокая плата».

В этой-то богатейшей провинции, в Цизальпийской Галлии, Спартак пробыл около полутора месяцев. В результате напряженной деятельности его армия выросла до 120 тысяч человек пехоты и около 8 тысяч человек конницы (число легатов с 14, как было в начале похода, увеличилось до 24, многие среди них выдвинулись в ходе последних боев). В этом не было ничего удивительного. После блестящих побед, одержанных Спартаком, к нему ежедневно «стекалось множество рабов» (Афиней). Одновременно в результате поражений консулов в римской армии вновь началось, как при П. Варинии, массовое дезертирство. Спартак же формировал партизанские отряды и отправлял их действовать на операционных линиях объединенных под командой Л. Геллия обеих консульских армий.

Но невознаградившей потерей для себя Спартак считал потерю 20 тысяч опытных солдат, а также Крикса и трех других командиров, погибших вместе с ним в сражении против Л. Геллия и Кв. Аррия. Их тела, доставленные к нему отступившими из укреплений под Сипонтом двумя легионами, вызвали в его сердце боль и гнев — боль за то, что так скоро прекратилась его дружба с погибшими, вместе с ним задумавшими все дело, гнев на несправедливую судьбу, отнявшую у него авторитетнейших помощников и настоящих вождей как раз тогда, когда он в них особенно нуждался.

В присутствии всего войска тела Крикса и его товарищей были с почетом кремированы. У погребальных костров павших вождей по приказу Спартака часть римлян, взятых в плен в боях с консулами, была вынуждена биться в качестве гладиаторов. Римский историк Флор в этой связи не может сдержать своей злобы: «Он (то есть Спартак. — В. Л.) приказывал пленным сражаться с оружием в руках около погребального костра, как будто желая вполне загладить всякий позор прошедшего, если только он сам, бывший прежде гладиатором, будет устраивать похороны, как какой-нибудь важный вельможа, с гладиаторскими боями».

Решением всего войска Крикс был причислен к числу полубогов-героев. Прах его погребли в спешно построенной гробнице, засыпали ее землей, а наверху соорудили жертвенник. Отныне душе Крикса предстояло жить в этой гробнице, быть посредником между богами и людьми, защищать своих товарищей, отвращать от них всякие беды, сообщать им о тайных замыслах врагов.

II

Благодаря сбору новых сил понесенные потери для войска восставших численно были возмещены. Но новые воины имели пока худшее вооружение и были еще слабо обучены. Спартак всеми силами старался устранить эти недостатки. Он усиленно вооружал и обучал новобранцев, готовил часть сил к походу в Трансальпийскую Галлию для освобождения ее от войск наместника Фонтея, а оттуда — в случае успеха — в Испанию для борьбы с Помпеем. Эта акция планировалась вождем, с одной стороны, как психологическая (легко было представить, какое впечатление произведет в Испании появление повстанческих легионов, увенчанных победами над сулланскими войсками в Италии!), с другой — как военная. Появление опытных легионов, пополненных отрядами из Цизальпийской и

Трансальпийской Галлий, могло действительно оказать большое влияние на ход войны в Испании, быть может, даже дать Серторию победу. Одновременно предводитель рабов всеми силами старался ввести сенат в заблуждение относительно своих действительных планов. С этой целью он через консулов завязал с ним переговоры и предлагал заключить мирный договор в обмен на уступку ему обеих галльских провинций для поселения там.

Разумеется, испытанные политики сената предложению победоносного врага не доверяли. Уступить ему важнейшие провинции стратегического назначения считали верхом глупости. Они знали также о зарубежных посольствах Спартака и боялись его возможного успеха, особенно у галлов и германцев — своих исконных врагов, от которых римляне не раз терпели страшные поражения. Последнее такое поражение было в 105 году до н. э., когда оказались разгромлены сразу две армии — Кв. Цепиона и Гн. Манлия. «Страх заставил содрогнуться всю Италию. С тех пор и до наших дней, — пишет Саллюстий, — римляне всегда считали, что все должно покорно склоняться перед их доблестью, но с галлами борьбу приходится вести ради собственного спасения, а не из-за славы».

Чтобы разрушить неприятельские планы, сенат, в свою очередь, отправлял за Альпы посольства уговаривать племена — близкие и дальние — не слушать соблазнительные речи, но предпочесть опасностям войны с ее неверными выгодами безопасное бездействие с привезенными ими подарками в настоящем и выгодами тесного общения в будущем.

Вместе с тем самому Спартаку сенат не давал отрицательного ответа и всячески тянул время, предоставляя возможность консулам реорганизовать свои армии и собрать подкрепления.

Спартак легко разгадал тайное намерение сената, но ничуть не смутился. Его положение было достаточно устойчивым и твердым. Власть римлян в провинции рушилась на глазах под ударами отрядов повстанцев, распространившихся во все стороны.

Всё шло, казалось, прекрасно. И вдруг... и вдруг все прежние планы рухнули...

Глава девятнадцатая

НЕУДАЧА ПЛАНА СПАРТАКА

НАПАСТЬ НА РИМ

I

В середине июля 72 года Спартак получил потрясающее известие: своими собственными римлянами-офицерами убит Серторий. Ему сразу стало ясно: военная и политическая ситуация в корне изменилась. Вышел из игры блестящий полководец, сковывавший две сильные неприятельские армии. Спартак не надеялся на Перперну в качестве преемника Сертория и полагал, что даже в лучшем случае Помпей задержится в Испании не больше полугода, а потом двинется в Италию на помощь войскам сената.

На военном совете у Спартака высшие командиры тщательно обсуждали создавшееся положение. Подавляющим большинством голосов было решено: надо опередить появление Помпея в Италии и немедленно нанести удар по самому Риму. Учитывая, что война теперь станет более богатой переменами военного счастья, следует обеспечить себя от колеблющихся элементов — перебежчиков; в армию их не принимать. Если удар на Рим не удастся, следует уходить на юг Италии, во что бы то ни стало перебросить десант в Сицилию и поднять там восстание, энергично продолжать переговоры с германцами и галлами о вторжении их в Италию.

После детального обсуждения с командирами нового плана и породивших его обстоятельств Спартак отдал приказ всем отрядам, находившимся в различных местах Цизальпийской Галлии, собираться в центральный лагерь под Мутиной.

Через несколько дней все 24 повстанческих легиона были в сборе. Накануне выступления их командиры вновь совещались со Спартаком.

После совета с командирами Спартак отдал приказ о Большом жертвоприношении.

II

Наступил вечер. Вокруг алтаря, воздвигнутого в честь Крикса-героя,

собралось все войско, выстроенное в каре по легионам. У алтаря стояли Спартак и высшие командиры, верховная жрица — жена Спартака, другие жрицы, входившие в жреческую коллегию, все в белых одеждах, с золотыми венками на головах, служки, жертвенные животные и 300 человек римской молодежи из знати, взятых в плен в последних боях. Римляне стояли молча, опустив головы, со связанными за спиной руками. При общем благоговейном молчании верховная жрица стала бросать в огонь священного костра серу, ладан, благовонные травы. Потянуло сладковато-приторным дымком — дым окуривал войско, очищал его, подготавливая к Большому жертвоприношению. Служки отпустили жертвенных животных — быка, свинью и барана. Спартак, отделившись от группы высших военачальников, копьем стал подгонять животных, и они, спасаясь от острого наконечника, проворно побежали, направляемые суровым вожатым. Так они трижды — по обычаю — обежали вокруг всего войска и вернулись к алтарю. Здесь служки очистили их соленой водой, в которой предварительно погасили зажженные факелы — для увеличения ее очищающей силы! — после чего надели на жертвы венки и посыпали их жертвенным ячменем. Верховная жрица, касаясь рукой земли, прочитала положенную молитву, обращенную к подземным богам. Затем служки друг за другом стали подводить жертвенных животных (сначала быка, потом свинью и барана) к алтарю. Жрица отрезала у них со лба несколько волосков и бросала их в огонь на алтаре, а служки короткими заученными движениями наносили им тяжелыми топориками удары по голове и, оглушив, перерезали горло острым дорийским ножом. Кровь жертвенных животных вместе с возлияниями — смесью черного вина, воды и меда, — выплеснутыми верховной жрицей из особой жертвенной чаши, стекала особым желобком с западной стороны алтаря на землю... Туши жертвенных животных, сняв с них кожу, тут же рассекали на части. Большую часть их оттаскивали в сторону, меньшую — сердце, печень и легкие — бросали в огонь на алтаре. Главная жрица внимательно рассматривала внутренности, стараясь определить по ним волю богов. Дым от сжигаемых жертв за клубился к небесам. Повстанцы, вытягивая шеи, жадно всматривались в голубую высь: каждый хотел лично увидеть, как боги-маны, точно мухи, слетаются на жертвенный дым, чтобы отведать его, чтобы насладиться им... Общее напряженное внимание достигло максимума, когда старшая жрица, обращаясь к пленным римлянам, торжественно сказала:

— Римляне! Сегодня великий день! Душа Крикса требует человеческой жертвы! Вы все, наши заклятые враги, будете принесены ему

в жертву согласно его желанию. Да будет душа Крикса радостна и спокойна! Жрицы, наденьте на римлян жертвенные венки!

Повинуясь приказу великой жрицы, ее младшие подруги стали обходить римлян, кропить их водой, надевать им на головы венки, служки осыпали их жертвенным ячменем. Римляне, тяжело дыша, словно после бега, с ненавистью смотрели на повстанцев, стоявших вокруг стройными рядами и сжимавших в руках оружие. По завершении процедуры римлян окропили кровью жертвенных животных. Затем служки поочередно брали под руки каждого из них, подводили к камню на могиле Крикса, прикрывавшего яму особой формы (через нее душа Крикса должна была появиться наружу), ставили их на колени. Особый служка наносил им молниеносный удар ножом в шею. Сраженные насмерть римляне падали наземь, обагрывая камень своей кровью. Их тела оттаскивали в сторону и укладывали на заранее приготовленные дрова, которые предстояло поджечь, чтобы соорудить огромный костер. 300 самых знатных римлян, скрипя зубами, бледнея от страха, ужаса, бессильной злобы, изо всех сил старались подавить противную дрожь и желание дико закричать, молить о пощаде и снисхождении, один за другим становились на колени у камня, ощущая лбом его теплую шероховатость. Получив смертельный удар, они молча падали на землю, обагрывая ее и камень своей кровью...

Когда тело последнего римлянина было отнесено служками в общую кучу к вязанкам дров, а общее напряжение достигло наивысшей точки, главная жрица громким голосом повелела:

— Поднимите камень!

Проворные служки подбежали к камню, дружно навалились и свернули его в сторону. Тотчас раздался странный звук, точно где-то в вышине прозвучала жалобная струна. Дружный вопль вырвался из тысяч глоток:

— Это душа Крикса! Он с нами!

Спартак поднял руку. Все затихли, и он сказал:

— Это душа Крикса, нашего бога-покровителя! Крикс с нами! Он зовет нас за собой, зовет идти на Рим!

Общий вопль вновь вырвался из тысяч глоток:

— На Рим! На Рим!!! Сокрушим его!

Спартак вновь взмахнул рукой. По его сигналу многочисленные факельщики поднесли факелы к костру, на котором лежали тела убитых римлян, покрытые полотнищем цвета крови, сосуды с маслом, куски жира, ароматы и другие горючие вещества. В одно мгновение костер яростно вспыхнул. Дрова затрещали, полетели искры, пламя множеством языков

взметнулось к небу... Спартак вновь поднял руку. Тотчас сигнальщики подали трубами сигнал: «Выступление!» Ряды повстанцев развернулись, перестроились в походную колонну. Спартаку и окружавшим его военачальникам подвели лошадей. Они сели на них и поскакали — каждый на свое место в колонне. Поход на Рим начался.

На поднятых знаменах восставших появились новые лозунги: уничтожение Рима и всех его тиранических порядков, создание нового государства всеобщей справедливости — «Государства Солнца». Об этом говорили известные всем италикам символы: бык, попирающий копытами римскую волчицу; богиня возмездия Немезида, несущаяся по воздуху в колеснице, запряженной грифонами — мифическими чудовищами с орлиной головой и львиными туловищами; непобедимого бога света и добра Митры, в короткой развевающейся одежде, во фригийском колпаке — знаке освобождения, он мечом убивает быка.

III

По Эмилиевой дороге армия восставших двинулась на юг. Значительная часть багажа, обременявшая армию, была сожжена, взятые в плен римляне убиты, лишний скот перерезан. Предполагалось идти налегке, сокрушить молниеносным натиском консулов и напасть на Рим.

В римском лагере известие о намерении Спартака идти на город вызвало панику.

В Пицене консулы попытались остановить Спартака, но успеха не имели.

Непрерывные поражения консулов произвели на всю Италию, на все Средиземноморье глубочайшее впечатление. Об этом можно судить по различным источникам. Так, даже в V веке н. э. разные авторы пишут об одном:

«Или ты, о Спартак, привычный консулов разгонять отряды. Нож твой был посильней меча их», — говорит один из них (Аполлинарий Сидоний), а второй:

...Буду ль я говорить о Спартаке?
Огнем и мечом бушевал он вдоль всей Италии,
Битвой открытой не раз он сходилась
С консульским войском, у слабых владык отнимая их лагерь.

Доблесть свою орлов потерявших в позорных разгромах
Часто оружием восставших рабов разбивал он...

(Клавдиан)

Интересные детали о кампании консулов в связи с биографией Катона Младшего прибавляет Плутарх. «В начале войны с рабами, или войны со Спартаксом, — пишет он, — армией командовал Геллий. Катон участвовал в походе добровольно, ради своего брата — Цепион был военным трибуном. Война была ведена неудачно, поэтому Катон не мог проявить по мере сил своего усердия и храбрости. Тем не менее при страшной изнеженности и роскоши, царивших тогда в армии, он высказал свою любовь к порядку, мужество, присутствие духа и ум во всех случаях, так что, казалось, не уступал Катону Старшему. Геллий назначал ему награды различного рода и блестящие отличия, но Катон отказался от них, не принял, сославшись на то, что не сделал ничего, заслуживающего награды. За это он прослыл чудачком» (Катон Младший, VIII)^[37].

Одержав над консулами новую победу, Спартак, однако, не стал их преследовать. Он изменил внезапно маршрут и двинулся на юг, намереваясь пробиться в Луканию.

Перемена в плане вождя рабов произошла в силу трех причин: во-первых, выучка и вооружение новых легионов, по его мнению, оказались недостаточны; во-вторых, крупные города областей Пицена и Этрурии, на присоединение которых он рассчитывал, не оказали ему поддержки: проримские партии всюду решительно взяли верх; в-третьих, на помощь консулам по Фламиниевой дороге с новыми шестью легионами, набранными в Риме, спешил назначенный новым главнокомандующим М. Красс.

Положение в самой столице римлян к тому времени было следующим.

Глава двадцатая

М. КРАСС — ПРЕЕМНИК КОНСУЛОВ

I

В Риме в течение всего 72 года борьба партий продолжала обостряться. Представители различных групп с величайшим озлоблением преследовали друг друга в суде и на форуме, и ораторы возвращались оттуда «утомленные препирательствами» (Цицерон). Народные трибуны собирали уличные сходки, обвиняя друг друга в заговорах и ущемлениях прав сограждан.

Помпеянцы, занятые вопросом о внесении розни и раскола в среду серторианцев, усиленно агитировали за законопроект об амнистии бывших сторонников М. Лепида, сражавшихся в тот момент в армии Сертория в Испании. Этот законопроект с удовольствием поддержали в сенате сторонники Цетега, Красса и Л. Котты, сменившего на посту вождя аристократических реформаторов своего знаменитого умершего (73 год) брата — Г. Котту. Таким образом, еще до убийства Сертория благодаря успешно проведенному закону из Испании и других мест стали прибывать беглецы, бывшие сторонники М. Лепида. Другим важным законом, проведенным в это время также по желанию Помпея, был Геллиев — Корнелиев закон (72 год) о предоставлении римского гражданства жителям Испании за важные услуги в войне против Сертория по решению воинских сходов армий Помпея и Метелла. Проведением этого закона Помпей и Метелл хотели расширить свою социально-политическую базу в Испании и обеспечить резерв из самих испанцев для своей армии (их намерение полностью удалось), а также ослабить приток сил в армию Сертория.

Очень тревожила в указанный период все группы в сенате также необходимость найти денежные средства для пополнения государственной казны, дошедшей до степени крайнего истощения. Имея в виду пресечение почти всех источников доходов — за исключением тех, что давали Сицилия, обе Галлии, отчасти Африка, Малая Азия, — консул Гн. Лентул Клодиан предложил и при поддержке групп Помпея и Цетега провел закон о взыскании денег, прощенных Суллой тем, кто согласился взять имущество проскрибированных^[38].

Члены групп Кв. Катулла и М. Красса, особенно обогатившись на проскрипциях, были крайне возмущены законом Гн. Лентула, бившим их по карману.

С 72 года все бывшие сулланцы особенно остро почувствовали, сколь ненадежными являются все их несправедливо приобретенные богатства, которые могут у них потребовать назад в любой момент. С этого-то времени в их собственной среде стали появляться люди, предлагавшие отделаться от ненадежной собственности с помощью продажи ее государству. Но далеко не все сулланцы хотели расставаться с богатыми землями, лесами, доходными имениями и т. п. Всячески понося реформаторов, они клялись при первом удобном случае отплатить Гн. Лентулу за его гнусный закон. Такая возможность им представилась год спустя (в 70 году). Один из народных трибунов, сторонник М. Красса, подверг имуществу Гн. Лентула консекрации — конфискации в пользу храма без всякой судебной процедуры, с одним лишь участием флейтиста и курением благовоний. Дело это произвело большой шум и скандал и, хотя не имело практических последствий, доставило Гн. Лентулу, тогда уже цензору, много неприятностей (Цицерон).

Объектом острой борьбы в сенате являлись также важнейшие восточные дела и общее направление восточной политики — отношение к Митридату, Тиграну, а также к Сирии, Иудее, парфянам, Египту и т. д.

Дела Митридата бурно обсуждались во время приезда в Рим и доклада о дальнейших возможностях борьбы понтийского царя двух его полководцев, перебежавших от него к Л. Лукуллу — Л. Фания и Метрофана (Саллюстий).

В резкой полемике сулланцы всячески расхваливали Л. Лукулла, настаивали на расширении и продлении его полномочий, против чего восставали помпеянцы, критиковавшие образ действий полководца и обвинявшие его в намеренном затягивании войны.

Другой вопрос, активно всех интересовавший, был связан с отношением к судьбе сирийского царства Селевкидов. Последнее вот уже 11 лет (с 83 года) было «безнадзорным» ввиду изгнания царя Антиоха Благочестивого армянскими войсками. В Сирии царила обстановка безвластия и смуты. Наибольшим влиянием здесь пользовались приморские города, где правили: Дионисий — владетель Триполя, Кинир — владетель Библа, Сила — владетель Лизии (у Апамеи на Оронте). На севере Сирии всех подавлял своим могуществом владетель итиреев Птолемей, сын Меннея, содержавший постоянно 8 тысяч всадников. На востоке Сирии наибольшую роль играли арабские владетели: Эдессы —

Абгар, Гемесы (между Антиохией и Дамаском) — Сампсикерам, Аретусы — Азиз, области рамбеев — Алкавадоний. Все эти владельцы — «сыны пустыни» — вели непрерывную борьбу с прибрежными сирийскими городами и занимались одновременно торговлей и разбоем.

Азиз и Сампсикерам особенно активно вмешивались в дела Антиохии, главного города Сирии, участвовали во всех распрях граждан.

Свои притязания на власть в Сирии заявлял и царь Аристобул, сын иудейского царя Александра Яннея (умер в 91 году до н. э.). Вмешивался в сирийские дела и царь набатеев Арет. Владелец богатого царства на Синайском полуострове (его столица Петра славилась своими роскошными дворцами и гробницами), Арет питал честолюбивые замыслы и не жалел денег на организацию многочисленных сторонников в Сирии, желавших видеть его преемником Селевкидов.

Однако законные царевицы из рода Селевкидов не собирались отступаться от своих прав. В 74 году в Рим с большой свитой и дорогими подарками явились молодые сыновья Антиоха Благочестивого. Они просили сенат вернуть одному из них сирийский престол, а другому египетский на том основании, что притязания на Сирию для них вполне законны по отцу, а Египет — по матери (она являлась дочерью Птолемея Евергета II).

Царевицы побыли в Риме почти два года. Они усиленно уговаривали и обхаживали виднейших сенаторов, истратили массу денег, но успеха не добились. «Благодаря неблагоприятно сложившимся для нашего государства политическим обстоятельствам, — говорил Цицерон, — они не могли добиться от сената того, чего хотели, и отправились обратно в свое отечество, в сирийское царство».

В соседней с Сирией Парфии все больше крепла партия, стоявшая за войну с Римом на стороне Митридата. Письмо, присланное понтийским царем Фраату III, внимательно изучалось. Озлобленный поражениями Митридат писал чрезвычайно резко: «Этот сброд (то есть римляне. — В. Л.) людей когда-то без отечества, без родичей, стал теперь бичом всего мира. Никакие ни человеческие, ни божеские законы не удерживают их от того, чтобы предавать и истреблять своих союзников, расположенных далеко и близко, слабых и могущественных, и чтобы всё, что не в рабстве у них, особенно царства, считать себе враждебным. Ведь немногие стремятся к свободе, большинство хочет иметь справедливого господина: мы для них подозрительные соперники, которые со временем окажутся мстителями» (Саллюстий). Свое письмо Митридат заканчивал следующим увещанием: «Тебя ожидает слава, если ты, выступив на помощь царям, разгромишь

разбойников, угнетателей всех народов. Убедительно прошу тебя сделать это и не предпочесть ценой нашей гибели продлить существование одного только своего царства тому, чтобы в союзе с нами оказаться победителем».

С этим письмом Митридата римский сенат ознакомился вполне своевременно благодаря копии, добытой путем шпионажа. Письмо вызывало тревогу. Успокаивало лишь заверение Л. Лукулла, что Фраат боится римского могущества и не посмеет решиться на войну. Впрочем, сенаторы считали, что такое положение не обязательно будет длиться долго и что упрямого царя военная партия может устранить с дороги ударом кинжала или кубком с ядом.

Достаточно непрочным считалось и положение в Египте. Здесь, при дворе, открыто властвовала царская гвардия из наемников. Она свергала и возносила вверх министров, считала себя вправе осаждать царя в его дворце, когда он отказывался повысить ей жалованье, и всячески препятствовала проримской партии, желавшей присоединения Египта к Римской республике на правах провинции, на основании завещания Александра II, убитого в Александрии через несколько дней после вступления на престол (81 год).

Со своей стороны, сулланцы хотели появления Л. Лукулла в Египте. Но остальные сенатские группы, не желавшие превращения богатейшего царства Средиземноморья в вотчину политических недругов, решительно протестовали против нарушения прав дружественного царя Птолемея.

Благодаря коренному расхождению интересов различных групп в сенате новому египетскому царю путем взяток удалось купить у сената признание своего титула. Но сенатское постановление не было еще утверждено народным собранием, поэтому он не мог чувствовать себя вполне спокойно.

Еще меньше оснований для спокойствия имелось у другого Птолемея, царя Кипра. Его небольшим владениям в первую очередь угрожало поглощение Римом. Царь это отлично понимал, и, не осмеливаясь вступить с римлянами в открытую войну, старался вредить им тайно, поддерживая пиратов.

Последние же в 72 году находились на вершине своих успехов, и П. Сервилий никак не мог разгромить их. Вопрос о борьбе с пиратами вновь и вновь всплывал на заседаниях сената. Но бешеная борьба различных групп не давала возможности положительно разрешить трудный вопрос.

Что касается Африки, то там положение было достаточно безрадостным. В Кирене с 74 года, не переставая, действовали повстанцы. На запад от нее мавретанские цари Бокх и Богуд (властители восточной и

западной Мавретании), оба сторонники Сертория, и царь Нумидии Гиемпсал II, союзник Помпея, вели между собой упорную, но безрезультатную борьбу. Все попытки сената склонить мавретанцев к прекращению сопротивления не давали результатов.

Наконец наряду с внешнеполитическими вопросами сенат на своих заседаниях рассматривал вопросы внутриполитического характера, в первую очередь связанные с войной против Спартака. Особенно остро дискутировался вопрос о допустимости заключения мира со Спартаком путем уступки ему обеих Галлий. Все группы в сенате высказывались единодушно против какого-либо мира с предводителем восставших рабов.

II

В конце июня 72 года, как обычно, в Риме состоялись выборы магистратов на следующий, 71 год. Так как оба консула находились на театре боевых действий, выборами руководил междуцарь Л. Валерий Флакк (Старший) — принцепс сената, назначивший Суллу диктатором, брат марианского консула Флакка, погибшего на войне с Митридатом во время солдатского мятежа (86 год).

В результате острой борьбы партий консулами стали П. Корнелий Лентул Сура и Гн. Анфидий Орест. Оба были боевыми сулланскими офицерами, участниками войны с Митридатом и марианцами. В сенате первый из них принадлежал к сторонникам Кв. Катулла, второй — Л. Котты. В качестве политического деятеля Орест так быстро сошел со сцены (командуя римским флотом, в 71 году он потерпел от пиратов поражение у Остии и погиб), что даже имя его не оказалось зафиксированным в обширной переписке Цицерона. Иной оказалась судьба его коллеги Лентула Суры, любителя хорошо пожить, щедрого устроителя народных увеселений. Ему суждено в ближайшем будущем принять самое активное участие в крупных событиях. Девять лет спустя он выступит как видный руководитель и соучастник так называемого «заговора Катилины» и с четырьмя другими товарищами, тоже руководителями заговора, будет казнен Цицероном, тогда консулом.

После выбора консулов на 71 год были также избраны десять новых народных трибунов (среди них оказался М. Лолий Паликан, храбрый офицер Помпея, ненавистный всей сулланской знати, помешавшей позже ему добиться консульства), восемь преторов (самыми влиятельными среди них были М. Красс, соперник Помпея, и легат последнего М. Петрей,

прибывший из Испании), а также четыре эдила.

Красс, которому не понравилось внезапное прибытие из Испании влиятельных военачальников Помпея — Петрея и Афрания (второй руководил избирательной кампанией первого, и избранию не удалось помешать), ожидал со страхом, что Петрей немедленно выдвинет свою кандидатуру на пост командующего в войне со Спартаксом. Но Петрей медлил. Вскоре Красс понял, в чем дело: Помпей велел легатам подготовить военные и политические позиции к его возвращению и ждать, пока сложится абсолютно критическая ситуация.

По завершении выборов магистратов сенат, раздраженный поражениями консулов, объявил о намерении заменить их одним военачальником и предложил желающим выставлять кандидатуры. Каждая из партий усиленно рассматривала все имевшиеся в ее распоряжении возможности и делала соответствующие предложения наиболее видным из своих офицеров. Однако все возможные кандидаты отказывались наотрез. Никому не хотелось рисковать своей военной репутацией, взявшись за столь неблагодарное дело, как война с талантливым предводителем рабов.

Сенат, не находя кандидатов на пост командующего, был в большом затруднении. И когда Спартак оставил вдруг Цизальпийскую Галлию и двинулся на юг с намерением идти на Рим, город квиритов охватила паника, увеличивающаяся еще больше при известии о новом поражении консулов. Положение стало критическим, и «государство испытывало почти не меньший страх, чем когда Ганнибал стоял угрожающе у стен Рима» (Орозий).

Ввиду опасности положения сенат немедленно объявил мобилизованным весь призывной возраст. Во всех частях города под началом городских преторов были расставлены когорты: одни — на стенах, другие — для охраны Яникульского холма, где находилась государственная казна, у деревянного моста через Тибр и т. д. Часть преторов спешно отправилась в гавань, привести в порядок корабли и лодки на тот крайний случай, если враг все-таки ворвется в город и сенату придется бежать за море — в Малую Азию к Л. Лукуллу или в Испанию к Помпею и Метеллу. Была усилена охрана всех ворот — Капенских, Коллинских (Соляных), Виминальских, Тибурских, Эсквилинских, а также аристократического квартала Палатина. Этот квартал, где жили самые знатные и богатые граждане (Сулла, М. Красс, Гортензий, Метеллы, Курион-отец и др.), всегда играл большую роль в жизни Рима. Он располагался на меньшем из семи холмов Рима и получил название в честь богини — хранительницы скота Палее. Здесь находился древний «квадратный Рим» и священные остатки

седой старины, предмет гордости народа квиритов. Все они бережно сохранялись в течение веков потомками: пещера волчицы, по преданию, вскормившей Ромула и Рема; источник и смоковница, под которой их нашли в корзине; шалаш пастуха Фаустула, их воспитателя; хижина Ромула — на самой вершине холма; жертвенник Пана; жертвенник «квадратного Рима»; курия жрецов-салиев (они хранили авгурский жезл Ромула и 12 щитов Марса — «отца» Ромула и Рема); лестница великана Кака (по ней Геракл тащил побежденного им страшного разбойника) и великий жертвенник, поставленный в честь этого подвига царем Эвандром, выходцем из Аркадии, называвшим себя сыном Гермеса; храмы Весты, Фортуны, Приваты (покровительницы семьи), Матери богов; наконец, древний храм Юпитера-Статора (Хранителя, Спасителя), рядом с которым жил некогда царь Тарквиний Древний родом из Этрурии.

III

В Риме царило смятение. Из уст в уста переходили всякие изречения оракулов, каждый дом и храм были полны знамений и чудес, по всему городу давали обеты, совершали жертвы, возносили молитвы богам о помощи. Делались самые разные предложения: вновь отправить, как после ужасного Каннского поражения, посольство в Дельфы, чтобы узнать, что сулит будущее и как отвлечь от себя новые несчастья; вновь прибегнуть к указаниям Книги Судеб, к магии, к предсказаниям этрусков, к чрезвычайным жертвоприношениям на Бычьем рынке, где в войну с Ганнибалом приносили людей в жертву богам, — так и теперь следует закопать живыми в землю три пары мужчин и женщин — из фракийцев, галлов и германцев...

Толпы испуганных граждан тотчас побежали на Капитолий. На вершине его находился римский кремль, а также сиявший золоченой крышей храм Юпитера. Этот священный храм украшали по фасаду шесть стройных колонн, между которыми висели на цепях три диска, а в треугольном пространстве над дверью на щитах сидел Ромул, перед ним находилась волчица. Верх здания увенчивала колесница Юпитера, запряженная четверкой коней. Юпитер держал в одной руке молнию, в другой — посох. По обе стороны от него располагались статуи Минервы и Юноны.

Внутри этого древнего и почтенного храма находились облаченная в пышные одежды глиняная статуя Юпитера, выкрашенная киноварью, а

также статуи Минервы и Юноны. Статуя Юпитера считалась древней и досталась Риму в результате успешных завоеваний: одни говорили, что она из Вей, другие — из Фрегелл.

Храм Юпитера являлся одновременно государственным казначейством: здесь хранилась добыча Суллы, взятая в результате успешной Первой Митридатовой войны. В подвалах храма находились также сокровища, образовавшиеся из приношений общественных и частных (сосуды, золотые венки, разные вещи из золота и серебра, трофеи, щиты, изображавшие военные подвиги, и пр. — периодически их превращали в слитки).

Вот сюда-то и бежали римские граждане, готовясь к искупительным жертвам. В величайшем волнении и страхе пробегали они мимо статуй богов и выдающихся людей, стоявших на пути к храму Юпитера, шепча молитвы и заклинания. Кое-кто из благочестия задерживался все-таки по пути в других храмах, покрывавших Капитолийский холм: храмах Верности, Чести и Мужества, Юпитера, которому приносится добыча (храм победоносных полководцев), Юпитера-стража, Венеры-победительницы, Венеры Капитолийской, Благоденствия, богини жатвы Опс.

На ходу граждане обменивались новостями. Услышанное повергало в страх. Говорили, что у некоторых воинов загорелись наконечники копий, на нескольких щитах, статуе Марса и статуях волков на Аппиевой дороге выступил кровавый пот, с неба падали огненные камни, реки потекли кровью, курица превратилась в петуха, родился ребенок неизвестного пола, в садах вдоль Тибра слышались трубные звуки и стук оружия.

Люди, сведущие в предзнаменованиях, скорбно покачивали головами и говорили: «Это не к добру!.. Наступают последние времена Вечного города!..»

Другие им горячо возражали: «Дела не так еще плохи!.. Рим, как достоверно известно, будет сохранен до тех пор, пока в руках квиритов находятся священные предметы, а всего их семь: камень с изображением Кибеллы из Пессинунта, терракотовая колесница из Вей, пепел Ореста, скипетр Приама, покрывал о-палладий из Илиона, статуя, упавшая с неба, священные щиты салических жрецов эпохи царя Нумы^[39]. Этих святынь, охраняемых бдительностью добрых граждан и мощью государства, Спартаку не видать. И боги на стороне Рима, хотя они и подвергают его ныне испытанию за многочисленные грехи. Следовательно, победа все равно будет наша».

Форум и сенат в эти часы кипели страстями. В сенате, собравшемся на Капитолии в храме Диоскуров (свидетельство опасности момента!), консулы подверглись острым нападкам за неспособность расправиться с армией мятежных рабов. Помпеянцы требовали немедленно вызвать в Италию Помпея и передать ему всю высшую военную власть для ведения борьбы со Спартаксом. Противники Помпея яростно возражали. Они считали возможным в крайнем случае передачу высшей военной власти только члену сената, присутствующему в данный момент в Италии, а также призвать на военную службу всех ветеранов, сохранивших еще силу и воинский дух.

В народном собрании также не было единомыслия. Часть вольноотпущенников и плебеев (люди свободных профессий), все должники, люди, находившиеся под страхом уголовного преследования, — словом, те, кому нечего было терять, кто не имел никаких надежд, — предавали поношению должностных лиц, сенат как собрание кровопийц. «Погодите, вот придет Спартак!.. Он вам покажет!..» — таков был лейтмотив всех их речей. Другая часть народа и отпущенников, связанная клиентскими связями с сенаторами и всадниками, имевшая определенное имущество и виды на карьеру, встретила известие о походе Спартака на Рим страшно враждебно. Они заявляли о своем намерении с оружием в руках сопротивляться «нашествию обезумевших рабов».

Между этими двумя партиями на форуме происходили жаркие перепалки. Заканчивались они, как правило, потасовками с применением палок и оружия. В течение нескольких дней толпы бедноты, отпущенников и рабов («пропащие, нищие и наглые люди», как говорил о них Цицерон) — противники сената — под начальством своих вождей Лентидия, Плагулея, мима Сергия и др. пытались силой захватить форум. Должностных лиц при этом прогоняли из храмов, другим на форум пройти не позволяли. Народных трибунов, сторонников сената, с криками и руганью стаскивали с ростр. Всё решалось насилием и рукоприкладством. Не раз с форума выносили убитых. Но сенат, поскольку свалки чаще всего завершались в его пользу, не назначал в этой связи чрезвычайного суда^[40].

В такой крайне тревожной обстановке Квинций, Макр, Геллий-младший, Гипсей, Фирмидий, Тиций («вожаки и руководители шаек наймитов», как определял двух последних Цицерон) и другие ораторы народной партии чувствовали себя как рыба в воде. В течение дня они

многократно выступали на различных народных сходках и до хрипоты спорили со своими противниками. Они утверждали, что в настоящий критический момент надо отложить в сторону прежние споры о трибунской власти, дать дружный отпор мятежным рабам, чтобы защитить отечество и богов-пенатов.

Народная партия колебалась. Но когда выступил Красс (а он больше всех страдал от опустошений, причинявшихся Италии восставшими рабами, поэтому у него и больше всех было оснований для забот), раздал плебеям деньги и хлеб^[41] (а хлеб поступал скупно, главным образом из Сицилии от Верреса, в Африке же и Сардинии, двух других «житницах римского народа», действовали партизаны) и сделал еще больше соблазнительных обещаний насчет ближайшего будущего, симпатии массы склонились в сторону сопротивления Спартаку. Красс был человек, всем отлично известный, влиятельный и богатый, всегда выполнявший свои обещания и множеству людей среди народа оказавший важнейшие услуги. Не верить его обещаниям не было никаких оснований^[42].

Опираясь на широкую общественную поддержку, на народное собрание, Красс, действовавший до сих пор скрытно через зависимых от него людей, теперь считал возможным открыто предложить свою кандидатуру на пост командующего. Он знал, что помпеянкам не хочется вручать ему войско, но надеялся, что крайняя необходимость окажется сильнее всех прочих соображений. Расчет этот оказался правильным, и кандидатура вновь избранного претора была поддержана подавляющим большинством сената в качестве нового главнокомандующего.

Красс взялся за дело очень энергично. В самом Риме спешно произвели набор в шесть легионов (30 тысяч человек)^[43]. В преторскую когорту командующего был включен цвет римской аристократии (многие отправились на войну благодаря его известности и по дружбе с ним, многие — в силу необходимости). Объяснялось это просто. Красс был не только политический деятель и коммерсант, но также и ростовщик. Он железной хваткой держал в руках многих (в том числе и сенаторов), особенно аристократическую молодежь. Поэтому отказаться пойти с ним на войну никто просто не смел: это значило бы прослыть в его глазах трусом, лишиться кредита и увидеть свои векселя предъявленными к взысканию. Очень тщательно Красс выбрал себе помощников из числа своих давних друзей и сотрудников. Вот список этих лиц:

1. Публий Консидий Лонг (ок. 122 — ок. 57 (?) до н. э.), уже принимавший участие в боях при консуле Геллии, «который считался

знатоком военного дела и в свое время служил в армии Суллы» (Цезарь); Красс избрал его на роль военного советника и назначил командиром почетного правого крыла войска. И сам П. Консидий, и его братья, Гай и Луций, выступали как сторонники Красса. Гай имел также связи с Помпеем, Луций не так давно был известен как сторонник М. Лепида и М. Брута. О деятельности его, одного из основателей колонии в Капуе (77 год) в силу аграрного демократического закона, Цицерон вспоминает с крайним недоброжелательством (он всегда враждебно относился к подобным проектам).

2. Марк Муммий (род. в 110 году до н. э.) — опытный офицер, потомок видной плебейской фамилии^[44], ставший в 70 году при поддержке Красса претором; он был назначен командиром левого крыла войска.

3. Публий Сулла (107—45 до н. э.) — сын Сервия Суллы, брата диктатора, в будущем участник заговора Красса против Помпея и соратник Цезаря во время гражданской войны (49—46), командир правого крыла в его войске в решающем сражении при Фарсале; Крассом он был назначен временно исполняющим обязанности командира центра войска (предполагалось, что командиром центра станет Кв. Аррий, самый удачливый офицер консульских армий).

4. Луций Каталина (108—62 до н. э.) — боевой офицер с большим военным опытом, влиятельный человек среди сулланцев, зять Кв. Катулла по первому браку; в будущем поднимется до сана претора (68 год); в компании с Крассом и Цезарем попытается захватить в государстве власть и погибнет в сражении с правительственными войсками при Пистории; из-за этих его мятежных устремлений о прошлых его заслугах позже предпочтут не вспоминать.

5. Публий Автроний Пет (107—62 до н. э.) — из сенатского сословия; школьный друг Цицерона, вместе с ним в 75 году отправлял в Сицилии должность квестора; избранный консулом на 65 год и отстраненный от должности вместе с П. Суллой за подкуп избирателей, он, как говорили, составил заговор и вместе со своим коллегой подвергся судебному преследованию, в результате которого ему пришлось отправиться в изгнание.

6. Луций Варгунтей (106—53 до н. э.) — сулланский командир, сенатор; в 76 году вместе с Цицероном отправлял должность квестора, в 63 году, как и П. Сулла, принял участие в заговоре против сената; со всадником Г. Корнелием готовил покушение на Цицерона, сторонника Помпея и его политического представителя, расстроившееся из-за осторожности последнего; позже принял участие в походе Красса против парфян, во

время которого погиб.

7. Гней Тремеллий Скрофа (99–44 до н. э.) — происходил из известного в Риме рода, гордившегося своим знаменитым предком — квестором 142 года Л. Тремеллием Скрофой, победителем Лжефилиппа Македонского. Сам Гн. Скрофа, 27-летний молодой человек, был избран Крассом на должность квестора предпочтительно перед другими, более опытными офицерами из-за тесной дружбы с его отцом.

Скрофа-старший (ок. 129 — ок. 68 (?) до н. э.) до гражданской войны с марианцами и особенно после нее усиленно занимался сельским хозяйством и среди современников считался «первым во всех отраслях сельского хозяйства» (М. Варрон). О результатах его сельскохозяйственной деятельности М. Варрон, сам видный агрономический писатель, отзывался следующим образом: «Его имения обработаны так, что многим приятнее глядеть на них, чем на некоторые по-царски отделанные здания. К нему в усадьбу приезжали поглядеть не на картинные галереи, как к Лукуллу, а на хранилище для фруктов. Его сады, говорю, — сколок с верхнего конца Священной дороги, где за фрукты платят золотом».

Но Скрофа-отец занимался не только садами. Он был выдающимся специалистом в области животноводства. Своим друзьям, занимавшимся, как и он, скотоводством, Скрофа говорил: «С раннего возраста я прилежно занимался хозяйством, а свиньи и для меня, и для вас, великие скотоводы, предмет, одинаково близкий. Кто из нас хозяйничает в имении так, чтобы не иметь свиней, и кто не слышал, как отцы наши называли лентям и мотом человека, у которого в кладовой висела ветчина от мясника, а не из собственных имений?»

Скрофа-младший в отличие от отца свою жизнь посвятил по преимуществу политике, выступая на форуме как сторонник М. Красса. В 70 году Скрофа-младший, «человек старых правил», «личность в высшей степени совестливая и добросовестная» (Цицерон), выступал в числе судей Г. Верреса и подал голос за его осуждение.

8. Луций Квинкций (125 — ок. 49 до н. э.) — народный трибун 74 года, потомок широко известной фамилии, державшейся в политике демократического направления. Наиболее известным лицом в ней, предметом гордости всех сородичей был консул 198 года Т. Квинкций Фламинин, победитель Македонии во Второй Македонской войне и «освободитель Греции», удачливый посол в Вифинии (184 год), изгнавший из жизни путем ловких переговоров с царем великого Ганнибала.

Сам Л. Квинкций, избранный Крассом на роль начальника конницы, несмотря на бурную жизнь и возраст — ему исполнилось 53 года, был на

удивление крепок, горяч, храбр и искушен во всех интригах и хитростях. Он по опыту хорошо знал службу в кавалерии, участвуя в Первой Митридатовой войне с марианцами (он был правой рукой начальника конницы Суллы — Г. Антония).

С такими помощниками, с армией в 30 тысяч человек пехоты и 2 тысячи конницы М. Красс спешил на соединение с консульскими войсками. Предполагалось, что он приведет их в порядок, наберет при необходимости новые когорты по деревням и разделается наконец с проклятым Спартаксом, внушавшим теперь всем богатым римлянам горькое чувство и жестокий страх (Блаженный Августин).

V

Спустя три дня, после усиленного марша, Красс соединился с обеими консульскими армиями.

Вручив консулам постановление сената о передаче ему всей власти в связи с войной против Спартака, Красс заслушал отчет своих старших коллег. Услышанное не радовало. И воины и офицеры от непрерывных поражений заразились паническими настроениями. Противник оказывался великолепно осведомленным о всем происходящем в римском лагере, о всяком шаге римского командования, о многих намерениях и планах. Секретная агентура Спартака сумела просочиться в легионы и разлагала их с помощью агитации. Все попытки помешать ей не приносили успеха.

Передав консулам распоряжение сената немедленно возвращаться в Рим (чему они, измученные, потерявшие веру в себя и подавленные стыдом, без сопротивления подчинились), Красс взялся наводить порядок в консульских войсках. Созвав солдат на сходку, он стал резко упрекать их за малодушие и трусость, позорящие Рим, повелитель многих народов, и кончил следующим заявлением:

— Я решил за непрерывные поражения, которые вы позволяете себе нести от собственных рабов, подвергнуть вас старинному наказанию — децимации, казни каждого десятого.

Заявление Красса привело офицеров консульских армий в ужас. Подобное наказание не применялось уже очень давно и считалось совершенным анахронизмом. Тщетно просили они полководца отказаться от столь жестокой и непопулярной меры, способной внушить не храбрость, а ненависть к нему, но Красс был непреклонен.

Тогда воины двух консульских легионов на виду всего войска,

построенного в каре, стали бросать жребий. Тысяча римлян, которых быстрые ноги спасли от смерти на поле битвы, не смогли все-таки уйти от судьбы. При общем стенании всего войска они были наказаны ликторами розгами, а затем обезглавлены.

Дав всему войску столь жестокий и предметный урок, Красс разместил солдат на отдых. Он не имел никакой охоты сам идти навстречу Спартаку и вступать с ним в бой прежде, чем подойдут набираемые его офицерами когорты резерва.

VI

А предводитель повстанцев некоторое время колебался: идти ли на Красса и пытаться разбить его или сразу начать движение на юг, признав попытку напасть на Рим неудавшейся?

После обстоятельного размышления он решил все-таки испытать намерения Красса и двинулся ему навстречу.

Узнав о приближении врага, Красс выделил из своих войск две армии по 10 тысяч человек под начальством Кв. Аррия, победителя Крикса, и М. Муммия. Он поручил им двигаться на флангах войска Спартака, завязывать с ним стычки, но в бой без приказа не вступать.

Кв. Аррий, получивший от повстанцев жестокие зарубки на память, стал в силу этого очень осторожен. Он точно выполнил приказ своего командующего. М. Муммий же, не имея еще личного печального опыта, горел желанием отличиться. Это и завлекло его в ловушку Спартака.

Увлеченный притворным бегством неприятельских отрядов, М. Муммий преисполнился воодушевления и дал битву. В итоге легионы его оказались разбиты наголову и обратились в бегство. В руки восставших рабов попали римские обозы и много оружия.

С трепетом в душе вернулся М. Муммий в главную квартиру. Он ожидал самых страшных последствий для себя лично, но, к своему удивлению, отделался строгим выговором. От воинов же полководец потребовал поручителей в том, что они будут впредь беречь оружие, которое он им снова раздаст. Обманувшим его поручителям, тем, кто таковых не представит, и новым беглецам Красс грозил повторной децимацией. Его угрозе верили и не верили.

Не без труда воины М. Муммия отыскивали среди товарищей тех, кто пожелал дать за них полководцу страшный залог. 500 же солдат найти себе

поручителей не могли. Тогда Красс на глазах всего войска велел разделить их на пятьдесят десятков и из каждого десятка вновь казнил по одному человеку.

Новая децимация, казалось, переломила страх перед спартаковцами. Но Красс не вполне доверял настроению воинов. Только после того как подошли вновь набранные когорты, он почувствовал решимость и силу вновь двинуться на врага.

А Спартак с видом уstraшенного и обращенного в бегство через земли сабинов, марсов, гирпинов шел на юг, в сторону Лукании. По пути он останавливался, завязывал с авангардом римских войск стычки и пытался втянуть легата Красса Кв. Аррия в битву, но безуспешно.

В конце концов от успешно завершавшихся стычек и непрерывного движения повстанцев на юг (Красс именовал это «бегством»!) римляне осмелели. Однажды разведчики донесли Крассу, что 10 тысяч рабов почему-то отделились от своих и устроили самостоятельный стан. Обрадованный Красс поспешил к небольшому лагерю восставших с намерением предложить битву.

Последние не задумались принять бой. Сражение разгорелось. В самый разгар его явился Спартак, нанес римлянам поражение и заставил их отступить в лагерь.

После этого повстанческая армия беспрепятственно двинулась на юг, к морю.

Хотя Красс и уничтожил из 10 тысяч армии спартаковцев две трети ее бойцов и 900 человек даже взял в плен (об этом он поспешил сообщить в Рим), собственные потери его оказались тоже очень значительны.

Но особенно раздражало полководца малодушие, проявленное легионами при известии о подходе к полю битвы самого Спартака. С таким недостойным поведением воинов Красс считал необходимым непримиримо бороться. Однако подвергать наказанию союзников из италийских народов после резни, устроенной им Суллой, он опасался. Таким образом можно было только дать новый повод к их раздражению против Рима, а оно и без того явилось достаточно сильным и находило себе выражение в дезертирстве. Поэтому в отношениях с воинами из других городов и деревень приходилось быть дипломатом. Но малодушие своих собственных сограждан-римлян Красс считал абсолютно нетерпимым.

Итак, он вновь собрал на претории всю армию. В середине ее на глазах у всех Красс поставил 40 тысяч солдат, набранных в Риме (10 тысяч из войска консулов плюс 30 тысяч, приведенных им самим). Вновь в своей

речи полководец заклеил позором их трусость.

— Я не потерплю, — заявил Красс, — чтобы люди, обязанные показывать другим пример в доблести, показывали его в малодушии! Я решил вновь подвергнуть вас, римляне, децимации и стану подвергать ей каждый раз, когда войско посмеет отступить перед врагом!

От такой угрозы у всех кровь застыла в жилах. Помощники Красса пробовали вмешаться. Он заставил их замолчать. И пришлось воинам 8 римских легионов бросать горестный жребий. И около 4 тысяч римлян были затем наказаны розгами и обезглавлены.

Третья децимация оказалась решающей и по-настоящему переломила настроение всей армии. С этого времени, как замечает Плутарх, Красс оказался для своих солдат страшнее побеждавших их врагов.

Глава двадцать первая

СПАРТАК, КРАСС И ПИРАТЫ

I

Весть о расправе Красса с собственными воинами вызвала в Риме и в сенате страшный шум. Помпеянцы требовали объяснений.

После безуспешных попыток затемнить существо дела Крассу в очередном письме пришлось сделать ряд очень неприятных признаний: дела обстоят крайне плохо; угроза со стороны восставших рабов стала больше, чем когда-либо прежде; Спартак явно намерен пробраться в Сицилию и вызвать там новое восстание рабов. В конце письма полководец требовал расширить его полномочия и вызвать на помощь М. Лукулла из Фракии и Гн. Помпея из Испании.

Предложения Красса, как и его признания, вызвали в сенате острую борьбу. Помпеянцы нападали на полководца, обвиняя в бездарности, в неумении вести войну, требуя смещения и передачи всего дела в руки своего лидера.

После длительных прений и взаимных обвинений предложения Красса в компромиссной форме были все-таки приняты. Сам он был возведен в сан проконсула (Евтропий). Помпею и М. Лукуллу были отправлены распоряжения сената срочно возвратиться в Италию для участия в войне с «проклятым» Спартаком.

Получив от сената расширенные полномочия, Красс стал действовать с большей решительностью. Он шел по следам Спартака и непрерывно завязывал с ним стычки.

На совете со своими командирами Красс не переставал обсуждать один и тот же вопрос: как взять верх над страшным врагом, непобедимым в открытом бою? Командиры в ответ тяжело вздыхали: никто, даже удачливый Кв. Аррий, не мог подсказать ничего подходящего. В конечном итоге все присоединялись к мнению П. Консидия, самого лучшего среди них знатока военного дела: соблюдать крайнюю осторожность и стараться победить Спартака голодом, а не оружием. И Крассу — не от хорошей жизни! — пришлось принять к сведению такой совет.

Во второй половине августа 72 года Спартак с войском вышел на Луканское побережье. Отправленные им вперед посредники в Мессинском проливе (они вышли туда на рыбацких лодках) встретили корабли пиратов и от имени вождя вступили с предводителем эскадры Гераклеоном в переговоры. По их словам, Спартак с помощью пиратов за определенную по договору плату хотел переправить в Сицилию несколько вооруженных отрядов.

Гераклеон не возражал. За сумму, о которой стороны тут же договорились, он обязывался доставить к условленному сроку корабли, погрузить на них спартаковские отряды и высадить их на северном берегу Сицилии — в прибрежных городах Панорме, Аполлонии, Мессане, на южном берегу — в Лилибее, Гераклее и Агригенте, на восточном берегу — у Тавромения и Сиракуз. Обладанию Сиракузами — самым крупным и влиятельным городом Сицилии — Спартак придавал большое значение. В Сиракузах находилась общесицилийская тюрьма — сиракузские каменоломни, где томились все недовольные римскими порядками и личные враги наместника.

Захватив опорные базы на побережье Сицилии, в местах наибольшего скопления рабов, десантные армии Спартака должны были наступать вглубь острова, стараясь вызвать общее восстание рабов.

Но план Спартака неожиданно рухнул. Гераклеон, удрученный вестью об убийстве Сертория и плохим положением дел у Митридата (он находился в Армении у зятя Тиграна на положении почетного пленного), вдруг переменял образ мыслей. Он счел исход войны, ведшейся Спартаком, предрешенным. Поэтому, по его мнению, теперь следовало заботиться не об исполнении договоров, а только об одном: о деньгах, о новой добыче.

Имея это в виду, пиратский адмирал нарушил данное им обещание, разумеется, не возвратив полученных им подарков. Одновременно он вступил в сношения с Крассом, прибывшим в Луканию, и сообщил ему о намерении Спартака с помощью пиратов переправить вооруженные отряды в Сицилию.

Красс пришел в ужас. Гераклеон просил римского полководца не волноваться. Он предлагал ему перекупить задуманную Спартаком операцию.

После долгого торга стороны пришли к соглашению. За большую сумму Гераклеон брался переправить два легиона Красса в Сицилию.

Не без тревоги вручил Красс посланцам Гераклеона солидный задаток. Он отлично понимал, что «честное» соблюдение пиратами заключенного соглашения будет зависеть от многих обстоятельств, которые нельзя предвидеть наперед.

Но приходилось рисковать. На роль своих легатов в Сицилии Красс выбрал Л. Каталину и П. Автрония — людей, близких ему, авторитетных, дружных между собой, надежных военачальников. П. Автроний всесторонне познакомился с Сицилией в свою квестуру (75 год), проведенную в Сиракузах. О степени дружбы обоих легатов между собой Цицерон, припомнив, кстати, и третьего «собрата», выразился так: «...кто был так тесно связан с Катилиной и Лентулом, как Автроний? Был ли между какими-либо людьми такой тесный союз в честнейших делах, какой был между Автронием и ими в преступлениях, произволе, дерзости? Какую задуманную им гнусность Лентул совершил не вместе с Автронием? При каком злодеянии Каталина обошелся без участия того же Автрония?»

Сам Цицерон Автрония знал хорошо, они являлись соучениками в детстве, друзьями в юности, коллегами по квестуре (Цицерон был квестором в Лилибее). Он оказывал услуги Цицерону, поскольку имел множество друзей среди лиц, первенствовавших в государстве, и сам пользовался его услугами. Был Автроний человеком страстным, напористым, исключительно честолюбивым, всегда готовым к действию, влиятельным офицером в армии. Цицерон отзывался о нем, заклятом враге по делу Каталины, так: «Он всегда был дерзок, нагл и развратен; мы знаем, что он, защищаясь от обвинения в распутном поведении, привык не только употреблять самые непристойные слова, но и пускать в ход кулаки и ноги; что он выгонял людей из их владений, устраивал резню среди соседей, грабил храмы союзников, разгонял вооруженной силой суд, при счастливых обстоятельствах презирал всех, при несчастливых сражался против честных людей, не подчинялся государственной власти, не смирялся даже перед превратностями судьбы».

Глава двадцать вторая

АРМИЯ ВОССТАВШИХ В ФУРИЯХ

После поражения Крикса и ухода армии Спартака на север власть повстанцев на юге значительно ослабела. Римляне снова отвоевали ряд городов, в том числе приморских (Метапонт, Кротон, Фурии и др.), и поставили там сильные гарнизоны.

Измена пиратов разбила план Спартака о переправе части войска в Сицилию, но не заставила его отказаться от самой идеи. В новой ситуации он решил лишь дать ей другое оформление: двинуться к морю, занять один из приморских городов, самому построить на побережье Тарентского залива корабли, перебросить на них в Сицилию десант. В то же самое время верховный вождь восставших собирался реорганизовать непрерывно пополнявшуюся армию.

Рассмотрев различные варианты, Спартак остановил свой выбор на Фуриях. Он исходил из следующих соображений: 1) Фурии являлись влиятельным городом южной Италии, имевшим смешанное население, крупным портом, одним из центров посреднической торговли между Грецией и Италией. Эта аристократическая республика, возникшая рядом с разрушенным Кротонем знаменитым Сибарисом, огромным городом, древняя афинская колония, являлась крупным культурным центром^[45]. В прошлом жители Фурий многократно воевали на стороне афинян, воевали с брутгиями, со Спартой, с Римом, были на стороне Ганнибала, служили со своими судами Спарте в качестве ее флота. Затем город стал римской колонией Каструм Ферентинум, а после Союзнической войны — римским муниципием, то есть городом с внутренним самоуправлением. Жителей Фурий родственные узы связывали с Тарентом и Метапонтом. Вместе с Тарентом Фурии являлись самым знаменитым греческим городом юга Италии; 2) надо было захватить соседние серебряные рудники; взять под контроль торговые связи Фурий с Грецией и Малой Азией; 3) построить большой флот из леса на горах Силы; 4) создать мощную оружейную и продовольственную базу, поскольку район Фурий отличался исключительно плодородными почвами, прекрасным развитием сельского хозяйства и животноводства.

Итак, приняв важное решение относительно Фурий, Спартак четыре дня спустя (армия повстанцев двигалась от Песта, от Луканского

побережья, где намечалась встреча с пиратами) прибыл с войском в окрестности Фурий и внезапным броском завладел городом. Один легион расположился в его стенах в качестве гарнизона, а остальные в нескольких лагерях на окрестных горах.

С огромной энергией под начальством своих командиров — в соответствии с указаниями Спартака — повстанцы взялись за работу. Они пилили и валили лес на горных склонах, везли стволы к берегу моря и здесь складывали для сушки в штабеля. Корабельные мастера, имевшиеся в войсках Спартака, в считанные дни на городской верфи с подчиненными им людьми выстроили опытные образцы. Их опробовали и нашли вполне удовлетворительными. Оставалось лишь выждать некоторое время, пока заготовленный лес просохнет и станет наиболее удобным для распиловки.

Пока шли подготовительные работы для строительства флота, сам Спартак с большой энергией занимался реорганизацией войска, его обучением и вооружением. Много внимания он уделял также правильной организации лагерной жизни. Его тревожили неприятные и опасные эксцессы, которые время от времени проявлялись в легионах: проявления корпоративной племенной спайки в дурных делах, желание мстить римлянам любым путем, чисто римская страсть к грабежу, роскоши и безудержному личному обогащению. Грабежи озлобляли италийское население, наносили большой ущерб политике Спартака. Безудержное стремление к обогащению и стремление роскошно пожить, по его мнению, порождали противоречия, подрывали силу и сплоченность войска.

Необходимость решения сложных и трудных задач политического характера заставляла Спартака много времени уделять изучению различных философских доктрин и идей. Большим вниманием его пользовались южноиталийские философы Элеаты (школа Ксенофана — Парменида — Зенона) и известные греческие философы — младшие софисты (Антисфен, Алкидам, Критий и др.), очень много занимавшиеся вопросами этики и морали, обоснованием «естественного права», равенства всех людей и упразднения рабства. Ибо уже в древнюю эпоху были люди, которые, подобно философу Антифону, думали и писали: «Мы делим людей на варваров и греков, на знатных и простых; знатных мы уважаем, простой народ презираем. Но при этом мы сами поступаем как варвары, так как нигде не презирают так простой народ, как у варваров: вот, например, египтяне считают только египтян людьми, а всех прочих людей — варварами, в том числе и греков. А в действительности между людьми нет никакой разницы: все рождаются голыми, все дышат воздухом, едят руками».

Борьба с отрицательными тенденциями велась Спартаксом с помощью различных средств. Во-первых, всячески укреплялся авторитет верховного вождя и других командиров (корпусов и легионов). Этому сильно способствовал ряд обстоятельств: почти все главные должности в армии занимали соратники Спартакса, бывшие гладиаторы, участники заговора, тесно связанные между собой общей опасностью и близкими личными отношениями, почему вся война и получила название «войны гладиаторов». Непрерывные победы сильно укрепили влияние командиров, и особенно Спартакса, ибо, как говорили в древности, «победы создают полководцу расположение войска, а неудачи вызывают ненависть». Во-вторых, систематически и упорно насаждался в войске культ героизма и самопожертвования, причем бережно поддерживалось из племенных обычаев все ценное, что соответствовало такой политике. Целый штат певцов и сказителей, сгруппированных вокруг верховного вождя, воспевал подвиги бойцов и командиров, бичевал самыми ядовитыми словами малейшие проявления нерешительности, малодушия, нераспорядительности и т. д. Эти песнопения, как и театральные спектакли на злобу дня с собственными актерами (на них в Фуриях собирались только повстанцы, без участия посторонних), оказались большой силой. Стать предметом общих насмешек не хотел никто. И, как показали события, восставшие были готовы биться, не щадя жизни, чтобы только не покрыть себя позором в глазах товарищей. В-третьих, предводитель восстания стремился поставить на службу своему делу тех италийских и греческих философов, которые приходили к нему. Пример при этом брался с Александра Великого. Ведь последний имел при себе в персидском походе многих философов — Оносикрата и других. Оносикрат являлся философом кинической школы Диогена. Александр же лично знал Диогена и очень уважал его за непритворную чистоту души.

Духовные запросы той части войска, которая верила в богов, должны были удовлетворять жрицы бога Солнца (у галлов — Белена, у германцев — Туистона (Соль), у италийцев — Соль, у фракийцев — Диониса — Кандаона — Дзибелсурда, у жителей Малой Азии — Митры и т. д.). Бог Солнца, как воплощение правды, справедливости, по примеру восставших рабов Сицилии, был объявлен верховным богом восставших. И Спартакс, хотя он сам не верил в богов, играл фактически роль главы жреческой коллегии, благодаря чему жрицы выполняли его волю.

Наиболее трудным для решения оказался вопрос о добыче и женщинах. В первое время повстанцы неохотно сдавали захваченную добычу для последующего равного раздела (каждый хотел владеть тем, что

захватил, и такое желание разжигало страсть к грабежу и безудержному обогащению). С этим упорно боролись. Но ввиду непрерывного притока новых людей никак не удавалось стабилизировать положение. Многие повстанцы вступали в личные контакты с торговцами, приходившими к лагерю восставших, продавая им захваченную у врагов утварь. Спартак считал такие контакты нежелательными, опасаясь шпионажа, утечки войсковых секретов. Он стоял за централизованную продажу добычи и последующее распределение денег в виде жалованья, что в конце концов главным образом и стало практиковаться. При этом часть денег шла в армейскую кассу и использовалась на нужды всей армии.

Второй трудный вопрос был вопрос об отношениях с женщинами. Армия повстанцев, понятно, не походила на собрание аскетов. Она состояла из молодых, цветущих людей. Сбросив с себя ненавистное ярмо рабства, бывшие рабы желали всеми способами отомстить своим бывшим господам. И в период своего владычества на юге, когда повстанцы штурмом брали города, многие хватали и бесчестили жен и дочерей своих врагов — надменных римских и италийских аристократов. Это тоже являлось формой сладостной мести: в отместку за свои мучения и унижения, за разорение своих домов, такие же насилия римлян в захваченных странах, обесчестить теперь их жен и дочерей, наделать им незаконных детей с неизвестными отцами из рабов — вещь, по римским представлениям, позорная для репутации всякой известной семьи.

Этим, однако, дело не ограничивалось. В течение двух первых лет войны повстанческие командиры всех рангов старались получить в результате битв, через пиратов или разбойничьи отряды дочерей римской и италийской аристократии. Последних они держали при себе в виде наложниц, по одной или по несколько сразу. Спартак относился к такой практике неодобрительно. Такие поступки подавали, по его мнению, плохой пример воинам, создавали почву в окружении всякого командира для шпионажа, наконец, вызывали чувство кровной обиды и всевозможные интриги со стороны бывших сожительниц командиров из рабынь, деливших с ними прежде горечь рабства, а теперь добившихся свободы. Поэтому, как ни досадно казалось это командирам всех ступеней, но им пришлось все-таки отказаться от подобной практики и восстановить в правах своих бывших сожительниц.

Рядовым воинам приходилось еще труднее: их сожительницы не могли за ними угнаться — ведь они частью следовали за ними в обозе, частью воины находили их среди женщин, по разным делам и обстоятельствам селившихся в зимний период у постоянных повстанческих лагерей, когда

царило относительное затишье и не было походов. Следовательно, такие связи были заведомо временными или осуществлялись с большими перерывами.

В зимний период дисциплина неизбежно ослаблялась (и Спартак считал это естественным). Воины и командиры были не прочь покутить, ибо никто не знал, будет ли он жив завтра, щедро тратили деньги, полученные за добычу, покупали всякие безделушки и вино, попивая его из серебряных и золотых кубков.

В первое время после освобождения командиры повстанческой армии были чрезвычайно увлечены происшедшей в их судьбе счастливой переменой. Им хотелось создать себе как можно скорее подобие той роскошной жизни, которую им приходилось наблюдать у знатных римлян. Они задавали друг другу роскошные пиры при всяком удобном случае, наряжались в цветистое греческое и варварское платье, обзаводились сетями для охоты и породистыми собаками (добыв их у врага в бою), многочисленными скакунами, выбранными из захваченных у римлян табунов, ценным оружием, дорогими предметами быта и т. п. Они были бы рады обзавестись банщиками и спальниками, если бы вождь этому не воспрепятствовал. При этом он мягко и по-дружески упрекал их, напоминая, чем кончилось дело Ганнибала, привыкшего к роскоши в Капуе, — полным поражением.

Защищаясь от упреков вождя, командиры, в свою очередь, черпали аргументы у философов и отвечали так, как позже говорил стоик Эпиктет (ок. 50 — ок. 138): «Свободен тот, кто живет так, как желает, кто не подвластен ни принуждению, ни помехам, ни насилию, чьи влечения не испытывают препятствий, стремления достигают успеха, избегания не терпят неудач». Вождь в ответ возражал: «Свобода — это гимнастические упражнения, охота, состязания в беге, борьба с насильниками, ловля воров, защита обиженных. Только тот, кто идет этим путем, получит от народа заслуженные почести и славу». Спорам о пределах свободы не предвиделось завершения.

В конце концов, на исходе второго года войны, опираясь на большой приобретенный опыт (а предводитель восстания тяготел к военной системе воспитания, приучавшей военачальников к простой и воздержанной жизни), Спартак решил пойти на крайнюю меру для обуздания людской алчности и распущенности: всеобщему запрещению употребления в лагере золотых и серебряных сосудов и посуды, а затем — золота и серебра вообще до его особого распоряжения. Отныне золото и серебро могли употребляться только в обороте вне лагеря для закупок железа и меди у

италийских купцов с целью изготовления оружия.

Это распоряжение Спартака сразу же стало повсюду широко известно и глубоко поразило римлян. И Плиний Старший, вспоминая о нем, впоследствии писал: «Стыдно смотреть на наше время, когда придумывают новые названия, взяв их с греческого языка, серебряным вещам, отделанным или покрытым золотом. И подумать только, для каких нежностей продаются золоченые и даже золотые сосуды! А в то же время мы хорошо знаем, что в своем лагере Спартак запретил кому-либо иметь золото и серебро. Настолько выше было у наших беглых рабов благородство души».

Последствия введенного Спартаком запрещения не отразились на его отношениях с италийскими купцами. С последними он всеми силами налаживал добрые отношения, стараясь привлечь их выгодой деловых операций. Его усилия имели положительные результаты. Италийские торговцы охотно скупали добычу у войска восставших, поставляли им в большом количестве медь и железо и доставляли ценную информацию о делах, совершавшихся в Риме и в провинциях.

Глава двадцать третья

СПАРТАК КАК ЛИЧНОСТЬ

Вопрос. Ваш любимый герой?

Ответ. Спартак, Кеплер.

К. Маркс. Исповедь, 1865

С самого начала войны Спартак не знал покоя ни днем, ни ночью: военные заботы, международные отношения, сложность которых он хорошо понимал, религиозные вопросы, дипломатическая переписка, изучение внутривосточной ситуации в Риме, отношения с различными италийскими племенами...

Его осведомленность о положении в провинциях, в Риме и в других городах Италии была очень значительной. В качестве прославленного гладиатора Спартак имел многократные встречи с большим количеством людей, включая сенаторов (возможно, что с некоторыми из них он даже находился в личных отношениях, которые, разумеется, не афишировал). Видимо, особенно внимательно он присматривался к римским военачальникам, тщательно изучая их как своих будущих врагов.

Первой его заботой являлась армия, поскольку от нее зависело все. Он много времени находился среди воинов — своих «соратников», как он их ласково называл, то обучая их, то беседуя с ними о житейских и военных делах, стараясь укрепить их дух, силу и доблесть. Знание многих языков и обычаев, приобретенное в прошлых походах, в неустанной работе над собой, делало его своим человеком в любой среде.

Одним из источников его замечательного влияния на массу, которое непрерывно возрастало, было умение убеждать. Его красноречие, конечно, не походило на изукрашенную риторическими фигурами речь софистов или многословных ораторов римского форума; оно выглядело, пожалуй, грубоватым, как та среда, в которой он постоянно вращался. Но это красноречие было метким и ярким, способным затронуть самые чувствительные струны человеческой души, возбудить энтузиазм, жажду борьбы и победы.

Он был проницателен и верно оценивал людей даже по немногим словам. Но он был также и осторожен в оценках и о людях, его

интересовавших, опрашивал многих: какую славу имели их родители и родичи; находились ли они в каких-нибудь личных отношениях с римским сенатом и римской знатью; где и кем воспитывались; в каких войнах участвовали; знают ли военное дело по личному большому опыту или по чужим рассказам; каковы их личные качества: умны они или глупы, воздержанны или сластолюбивы, честны или вороваты, отличаются прямой или лукавством и т. п.

Спартак завоевал в армии большой авторитет. Тем не менее высшие командиры, его сотоварищи по гладиаторству, на военных советах не всегда с ним соглашались, поскольку и военная и политическая обстановка всегда была запутанной и не поддавалась однозначной оценке; к тому же все они были люди смелые, с самостоятельным мнением, над многими еще довели племенные обычаи. Он убеждал их терпеливо, без гнева, апеллируя к их собственному опыту. Он много раз оказывался правым. И его правота вместе с одержанными победами создали вождю восстания огромный авторитет. Ему верили также и потому, что слово вождя никогда не расходилось с делом и никогда он не искал ничего лично для себя.

Спартак был воплощением бескорыстия. Он получал свою долю добычи, как все, по жребию, одевался просто, отличаясь от других лишь ростом и богатырским сложением, умением убедительно говорить и умно повелевать. Он вполне разделял известное мнение, гласившее:

*И серебро и пурпурная мантия
На сцене хороши, а в жизни ни к чему:*

Позже, по желанию воинов, он принял захваченные в бою ликторские связки, получил почетную стражу и стал появляться вместе с Криксом (до его гибели) в консульской одежде (Флор). Товарищи добыли ему великолепного коня, желая, чтобы их предводитель даже внешне не уступал римскому.

Он сохранил, однако, прежнюю простоту. Часто его видели евшим из солдатского котла и спавшим, подобно Ганнибалу, на земле, завернувшись в походный плащ, среди воинов. Он нередко лично обходил посты. В походах он часто шел пешком, переноса со всеми зной и холод, предпочитая учить не словами, но личным примером. По этой же причине в бою, если складывалось угрожающее положение, он лично выходил в первую линию, всячески ободрял воинов и сражался вместе со всеми, хотя командиры много раз уговаривали его не рисковать понапрасну. Спартак,

однако, не соглашался с ними и остался верен до конца своему убеждению, что место полководца там, где создается наиболее страшная угроза. Он любил повторять слова Демосфена: «Злодею подобает смерть по приговору суда, а полководцу — в бою с врагами». Его пример имел решающее значение. Теперь считалось само собой разумеющимся, что командиры всех ступеней должны показывать товарищам пример в храбрости, в перенесении трудностей в походах, а если войско терпит поражение, то делить со всеми его судьбу.

Палатка вождя являла собой образец спартанской простоты. Каждый видел, что посуда из простой глины, непритязательная деревянная мебель. Зато повсюду много свитков различных книг, в первую очередь по военному делу. Книги эти — любимые им книги Ксенофонта, исторические сочинения о походах Ал. Македонского, Пирра, Ганнибала и др. — покупались у купцов, или их доставляли предводителю как добычу после разгрома римских военных лагерей, имений, взятия враждебных городов. Впрочем, были также книги философов и поэтов.

Как и подобает истинному фракийцу, — а они всегда гордились своими поэтами, тем, что именно их земля произвела великого царя и музыканта Орфея, сумевшего очаровать своей музыкой даже мрачного подземного владыку Аида, смелого сатира Марсия, посмевавшегося соперничать в игре с самим Аполлоном, великого царя и певца Тамираса, не побоявшегося вызвать на соревнование самих Муз, покровительниц пения и искусства, и за это ими наказанного, — Спартак также был и любителем звонких, чеканных строк. В споре с недовольными, с теми, кто не желал подчиняться строгой дисциплине и затевал ссоры, верховный вождь мог кстати сослаться на поэмы Гомера.

Сам Спартак делал большой упор на подвиги фракийских вождей, о которых Гомер повествовал более кратко: Акидаман-та, «храбрейшего среди фракийцев» (его убил Аякс), Пейроса, Ифидаманта, Коона, «выдающегося воина», Ригма (пал от руки Ахиллеса), великого царя Реса и брата его Гиппоконта, знаменитых предводителей Пеонов — Пирхема, Астеропа, Аписаона.

Вообще в своих культурных запросах и их удовлетворении Спартак был вполне человеком своего времени. Из эпиков он выше всех ценил Гомера, среди трагиков — Софокла и Еврипида, среди лириков — Архилоха, из исторических писателей — Геродота, Фукидида и Ксенофонта, из ораторов — Демосфена. В философии он оказывал предпочтение стоикам, которые старались дать своим последователям твердую опору в превратностях жизни, проповедовали равенство и

братство всех людей, учили следовать суровому долгу. Спартак ценил также многих римских писателей, современных ему философов. Знал он и собственно фракийскую литературу.

По желанию вождя с целью воспитания бойцов и командиров устраивались театральные спектакли. В них повстанцы высмеивали незадачливых римских полководцев, воспевали подвиги собственных героев. Победитель получал почетную награду, которой гордился не только сам, но и все воины его когорты.

Не чуждались воины и музыки, поскольку ее любил и сам предводитель, о чем свидетельствовали музыкальные инструменты, висевшие в его палатке, на которых он сам время от времени наигрывал.

В зимний период, в промежутках между боями, когда имелось больше свободного времени, чем обычно, Спартак, встав ото сна, приносил жертвы богам, завтракал, отдавал распоряжения по войску, осведомлялся о новостях, беседовал с друзьями, читал, упражнялся в стрельбе из лука, бросании копья, поднятии тяжестей, фехтовании. Он отличался большой силой, а выносливостью превосходил любого воина собственной армии. Оружием и конем Спартак владел замечательно, прекрасно плавал. Любил игру в мяч.

Во второй половине дня вождь восставших обычно разбирал судебные дела, конфликты между воинами, спорившими из-за первенства, добычи или женщин, а также между поселянами, обращавшимися к его посредничеству, встречался с земледельцами и батраками, обсуждал положение дел на местах, вопросы разведения скота, выращивания хлеба и пр.

Он принимал принесенные ему, как вождю, подарки, чтобы сделать людям приятное, и сам щедро одаривал многих.

По вечерам в его палатке давался обед. За пиршественным столом, где подавали простые блюда, он всегда наблюдал, чтобы соблюдалась справедливость и никого не обделяли. Он требовал, чтобы сотрапезники — свои люди и гости — воздерживались от хвастовства и злословия, чтобы шутки не выходили за пределы умеренности и приличия.

Спартак не терпел льстецов и сразу обрывал витиеватые, угодливые речи. Он вполне разделял мнение философа-киника Кратета: «Кто окружен льстецами, тот одинок, как теленок среди волков: ни там, ни здесь ни в ком вокруг содействия и во всех вражда».

Желая крепче привязать к себе воинов, Спартак старался проявлять необходимый такт в религиозных вопросах. Он часто появлялся перед войском в сопровождении пророчицы, своей жены, одетой в белые одежды,

с золотым венком на голове.

С друзьями и соратниками Спартак нередко мечтал о том прекрасном времени, когда можно будет без опаски сложить оружие, когда в Италии и во всем мире падет тираническая власть Рима, когда все народы смогут жить по заветам предков и заниматься только мирными делами.

В часы досуга, который бывал, как правило, невелик, потому что его всегда осаждали дела и люди, Спартак уходил с друзьями на охоту. Сломя голову скакал он за убегавшими лисицами, стрелял птиц, любил на реках и озерах бить острой рыбу. В этом заключался отдых. Одновременно он изучал теснины в горных местах и обрывы на равнинах, задавая попутно своим спутникам тактические задачи, приучая их пользоваться выгодами местности.

На протяжении всей войны Спартак тщательно улучшал свой штаб, свои командные кадры. Он прорабатывал с командирами вопросы стратегии и тактики в войнах крупнейших полководцев. Командиров всех ступеней (на верхах в особенности) отбирали тщательно: обязательными условиями являлись, помимо храбрости и ума, предусмотрительность, теоретическое знание военного дела, участие в других войнах на командных должностях, широта культурного кругозора, преданность делу, умение подчиняться и дружно работать с коллегами. Последнему пункту Спартак с течением времени стал придавать особенно большое значение (в начале войны при необходимости в людях, естественно, приходилось быть менее разборчивым).

Большое внимание вождь восстания уделял своей разведке, служившей глазами и ушами армии, многократно вводившей врагов в заблуждение путем ловкого распространения противоречивых слухов, устройством побегов мнимых перебежчиков.

Воины повстанческой армии, несмотря на обычные человеческие недостатки, горели честолюбием, желанием отличиться. Любой воин, совершивший подвиги, наделенный способностями, знаниями, умом, знал, что он будет замечен, награжден, отмечен почетом, быстро выдвинут на командную должность, что сам полководец станет ухаживать за ним во время болезни или при ранении и обеспечит ему в случае гибели пышное и славное погребение, после чего вся его жизнь будет воспета в песнях, а на его примере будет учиться все войско.

Спартак хорошо знал человека, его несовершенство, но также и его склонность к героизму. Он был полностью согласен с утверждением Ксенофонта: «Люди любят больше всего то, что возбуждает соревнование. Поэтому надо внушать повиноваться своим начальникам, быть

трудолюбивым, смелым до дерзости, ловким, охотником до хорошего оружия, а более всего жадным к похвале».

Мудрость руководителя, справедливость, гуманность, простота, доступность, соединенные с величайшей удачливостью, создали Спартаку огромное расположение, любовь и доверие всей армии.

Всегда бодрый, хотя он и мало спал, энергичный, хотя и умеренно ел, чуждый всяким проявлениям роскоши, образец преданности делу, верный друг в дни мира и на войне, Спартак представлял собой замечательный пример для каждого командира и воина повстанческой армии.

Глава двадцать четвертая

ПЛОТЫ СПАРТАКА И СТЕНА КРАССА

I

В конце августа Красс со своим войском также прибыл к Фуриям. Теперь он был уже не так храбр, как прежде, и не смел сам вызывать повстанцев на битву.

Спартак, со своей стороны, не тревожил его и рассылал в разных направлениях сильные отряды под начальством своих легатов для опустошения территорий, объявивших себя на стороне римлян, и для сбора продовольствия. Красс для спасения репутации вынужден был посылать союзникам помощь. Но ему положительно не везло. Его отряды, сталкиваясь со спартаковскими, каждый раз терпели поражение (Аппиан). Эти новые неудачи не могли прибавить римлянам храбрости. Но Красс старался не дать своим людям упасть духом. По примеру Спартака он непрерывно тренировал их, заставляя в присутствии начальников легионов и старших командиров на деле доказывать, что они не даром получают свои пшеничные пайки (по римскому обычаю воины, не обнаружившие успехов в воинских упражнениях, получали вместо пшеницы ячмень), что они способны выполнить всё, чего требует военное искусство. Убыль в людях он старался своевременно ликвидировать за счет новых пополнений, набиравшихся в Кампании его вербовщиками. При этом Капуя оказывала Крассу огромную помощь.

Вспоминая об исключительной роли и помощи Капуи Риму через десять лет — в связи с полемикой против С. Рулла, предложившего аграрный законопроект (63 год), — Цицерон говорил: «Заметьте мои слова: в случае раздела Кампанской земли произойдет выселение и обезземеление бедных земледельцев, а не водворение таковой и наделение их земель. Вся Кампанская земля составляет владение возделывающего ее мелкого крестьянского люда, дельного и скромного; и вот эти-то честные люди, эти трудолюбивые земледельцы и храбрые солдаты изгоняются вашим народным трибуном, этим другом римской бедноты!

...Действительно, со времени консулата Кв. Фульвия и Кв. Фабия (212 год), при которых Капуя была побеждена и взята, не было со стороны этого

города не только враждебных действий, но даже замыслов против нас. С тех пор мы много вели войн и с царями Филиппом, Антиохом, Персеем, Лжефилиппом, Аристоником, Митридатом и т. д., — и других не менее серьезных — с Карфагеном, с Коринфом, с Нуманцией; много было в нашем государстве внутренних смут, которых я припоминать не буду; были войны с союзниками — Фрегелланская, Марсийская — и что же? Во всех этих внутренних и внешних походах Капуя нам не только не вредила, но с величайшей готовностью помогала вести войну, снабжая всем необходимым наши войска, которые в ней же находили кров и убежище».

Эта идиллическая картинка, разумеется, не вполне соответствовала действительности. И в пределах Кампании во время спартаковской войны кипела социальная борьба и часть бедноты стояла на стороне восставших рабов. Но бесспорно было и то, что другая часть действительно стояла на стороне Рима и давала ему воинов. Именно поэтому Спартак так и не смог захватить Капую и перетянуть на свою сторону всю Кампанию.

II

Приближалась середина сентября; казалось, уже так давно он, Красс, взял все дело в свои руки, но войне не виделось конца. И настроение полководца было неважным. Его тревожили вести о происках врагов в Риме, неблагоприятные сообщения из Понта, Испании и Сицилии.

После убийства Сертория М. Крассу и П. Цетегу стало известно, что их секретная переписка с мятежным полководцем попала в руки Помпея. Говорили, правда, что последний сжег все письма, найденные в ставке Сертория. Но, перепуганные возможной компрометацией, противники Помпея считали эти разговоры ложью, рассчитанной на введение их в заблуждение. Боясь Помпея, опасаясь его сотоварища Метелла, Красс и Цетег решили от них отделаться так, как сами они отделались от Сертория, — простым ударом кинжала.

С этой целью в Испанию, якобы по делам, был командирован молодой Г. Цетег, сын П. Цетега, с группой верных людей. Возможность покушения на Помпея, человека очень осторожного, им, к их огорчению, не представилась. Но покушение на Метелла едва не увенчалось успехом. Престарелый полководец был ранен кинжалом Г. Цетега-младшего на пиру. Но в завязавшей затем свалке соратники все-таки сумели защитить его и спасти. Пришлось Г. Цетегу со своими людьми поспешно бежать из Испании. Вспоминая позже эту историю (Г. Цетег был тогда его

противником, участником заговора Каталины), Цицерон бросил по его адресу злобное замечание: «Если кто-нибудь подумает о Гае Цетеге, о его поездке в Испанию и о ранении Квинта Метелла Пия, то ему, конечно, покажется, что тюрьма для того и построена, чтобы Цетег понес в ней кару».

Малоутешительные известия приходили к Крассу и с востока. Л. Лукулл решительно не желал ввязываться в настоящий момент в войну с Тиграном. Тем самым он сохранял руки свободными и мог в любой момент поспешить на помощь своим сторонникам в Италию, чтобы тем самым отнять у него, Красса, возможные лавры победителя Спартака.

Очень не понравилось Крассу также известие о посольстве Митридата к Помпею в Испанию. Понтийский царь, лишенный царства, просил победоносного полководца о покровительстве и третейском суде между ним, Митридатом, и римским сенатом. Всем противникам Помпея это предпочтение, оказанное молодому полководцу, пришлось, естественно, не по вкусу. И они поспешили объявить главу посольства тайным соглядатаем Митридата, хотя сам Помпей признал его послом и обещал сделать все, что окажется в его силах (Цицерон).

Наконец, не слишком радовали и вести из Сицилии. Г. Веррес (он не сомневался уже в предстоящем ему процессе) обнаглел сверх всякой меры. Точно простого смертного, он обобрал сирийского царевича Антиоха, возвращавшегося на родину из Рима. Веррес отнял у него самые красивые вазы, ковшик из самоцветного камня и великолепной работы канделябр, осыпанный драгоценными камнями, посвященный храму Юпитера (его предполагалось поставить там при втором приезде Антиоха в Рим, после завершения ремонта в храме). Это ограбление царя с грубым выдворением его из провинции вызвало шумный скандал... не имевший, однако, для наместника никаких последствий. И год спустя Цицерону пришлось доказывать судьям невозможность, недопустимость подобных поступков. «Знайте, судьи, — восклицал он, — имя ваше и народа римского станет предметом ненависти и проклятия для иноземных народов, если это столь великое его бесчинство останется без наказания. Все будут думать, — в особенности когда слава об алчности и жадности наших сограждан успеет разнестись повсюду, — что в этом поступке виновен не он один, но и те, кто отнесся к нему равнодушно».

Поступая столь бесцеремонно с царями, наместник тем более не стеснялся в обращении с простыми сицилийцами. Он тиранил их с такой яростью, что самые видные лица Сицилии засыпали сенат и виднейших политиков Рима просьбами и мольбами поскорее прислать Г. Верресу

преемника, который был уже жребием определен, — претора Кв. Аррия, победителя Крикса, в настоящий момент — противника Спартака.

Красс знал, что провинция ждет Кв. Аррия с величайшим нетерпением (Цицерон). Но среди понесенных поражений и неудач ему вовсе не хотелось расставаться с самым удачливым из своих офицеров. Поэтому в сенате по вопросу об Аррии последние месяцы 72 года шла острая борьба. Красс требовал оставить его в Италии. Помпеянцы настаивали на отправке его в Сицилию. Сами сицилийцы затаив дыхание следили за этой борьбой. В конце концов Крассу все-таки удалось взять верх. Тем не менее он пережил много неприятных минут, и были такие дни, когда он вскрывал очередное послание сената с отвратительным чувством: а вдруг помпеянцы взяли верх и сенат прислал ему приказ уступить Кв. Аррия Сиции?..

Имея в виду все неблагоприятные моменты и предстоявшее вскоре возвращение Помпея в Италию, Красс стал склоняться к мысли о неизбежности в самом ближайшем времени решительной битвы со Спартаком. П. Консидий, однако, всячески отговаривал его и настаивал на соблюдении максимальной осторожности.

III

Между тем Спартак, закончив реорганизацию, перевооружение и обучение войска, готовился начать решающие боевые операции с целью уничтожения Красса и проникновения в Сицилию. За прошедшие недели его мастера построили несколько десятков разведочных скафов. Каждый из них нес по 50 человек (роль гребцов на таком суденышке исполняют воины). Для экспедиции в Сицилию были оснащены также большие лодки фурийцев. Для предстоящей экспедиции Спартак отобрал лучших бойцов и командиров.

12 сентября, получив последние инструкции, командиры усадили своих людей на суда (общей численностью в 2 тысячи человек), вышли в море и взяли курс на Сицилию. За двое суток они должны были проплыть 440 километров, внезапно напасть на Сиракузы, захватить город, овладеть сиракузскими каменоломнями, освободить заключенных, сформировать новые отряды, вооружить их и начать наступление вглубь острова, в районы наибольшего сосредоточения рабов, подготовленные к восстанию.

А сам Спартак в это время, рассмотрев различные возможности, вновь начал пытаться поймать Красса в одну из своих ловушек, на устройство которых он был большой мастер...

Наконец римский полководец не устоял против очередного приятного известия. По словам разведчиков, от главных сил повстанцев из-за разногласий вновь отошли 10 тысяч человек. Красс обрадовался. Ночью он снялся с лагеря, скрытно подошел к неприятельской стоянке и расположился с ней рядом. На рассвете он предложил врагам битву. Те, надеясь на крепость своей позиции, не задумались ее принять. Битва разгорелась, и римский полководец уже предвкушал успех. К несчастью, на помощь своим вскоре прибыл Спартак. Частное столкновение немедленно превратилось в ожесточеннейшее сражение. Увидев, что дела складываются плохо, Красс велел отходить в лагерь.

Несколько дней после битвы стороны стояли еще друг против друга. Предводитель восставших рабов старался внушить римлянам смелость для нового большого сражения. Но всё было тщетно. Красс, получивший еще один тягостный урок, решительно не хотел рисковать.

IV

А в то время как две армии — рабов и римлян — вели между собой борьбу в окрестностях Фурий, десант Спартака, проделав путь по относительно спокойному морю (благоприятный для плавания сезон подходил к концу), внезапно для римлян высадился у Сиракуз.

Появления неприятеля у стен сицилийской столицы Л. Каталина (105—62 до н. э.) и П. Автроний (107—62 до н. э.) — легаты Красса, командированные в Сицилию, — никак не ожидали. Исходя из убеждения, что у противника суда отсутствуют, по согласованию с Крассом они решили сначала сторожить главным образом «ворота в Сицилию» — город Мессану.

Расположенная на наиболее уязвимом месте острова — Пелорском мысе, за укреплениями, воздвигнутыми Г. Берресом (Саллюстий), — Мессана отделялась от южной Италии нешироким проливом (всего 3,5 километра в самом узком месте). Для переправы через этот пролив (при скорости течения 9 километров в час) требовалось только 25 минут.

Через некоторое время оба легата решили разделить силы. Защиту Пелорского мыса с большей частью сил взял на себя Каталина. Защиту Сиракуз — имея в виду известное вероломство пиратов и прошлый успех Гераклеона, едва не захватившего город, — принял на себя Автроний.

Такая предусмотрительность в разделении сил оказалась для римлян спасительной. Спартакowski десант, благополучно добравшийся до

Сицилии, попытался по следам Гераклеона ворваться в Сиракузскую гавань, но был отбит.

После нескольких неудачных попыток, повторенных друг за другом, спартаковцам пришлось примириться с неудачей. Они отошли от города, разделились на отряды и рассеялись по сиракузской округе, поджигая виллы рабовладельцев и призывая рабов к восстанию. Повсюду впереди неслась молва о разорении всего сиракузского округа, о восстании множества рабов.

Эта молва не являлась простым преувеличением. Действительно, сицилийские рабы в местах прохождения повстанцев охотно следовали их призыву взяться за оружие и дружно восстать против римского владычества. И вновь, как 35 лет назад, во времена второго сицилийского восстания рабов (104–101 до н. э.), над сицилийскими рабовладельцами нависла мрачная тень беды. «Много тысяч рабов без всякого приказа стекло, чтобы погубить своих господ», — писал о том сицилийском восстании Диодор.

Оба легата были крайне удручены случившимся. Итак, мятежники все-таки прорвались в Сицилию. Что будет дальше? И как помешать врагам совершить такой прорыв во второй и третий раз? Как остановить их?

И пришлось легатам, сломив гордость, пойти к Гераклеону на поклон и просить его через своих посланцев организовать охрану сицилийского побережья в районе Сиракуз. За большие деньги пиратский адмирал позволил себя уговорить и расставил суда вдоль восточного берега Сицилии для несения дозорной службы.

Для командира десантных войск повстанцев это не явилось неожиданностью. Получив известие о передвижении пиратских кораблей к Сиракузам, он отослал свои суда назад к Фуриям. Одновременно одному из капитанов он вручил письмо для Спартака, извещающая о неудаче с захватом Сиракуз, об опустошении окрестностей, этого города и начале наступления вглубь острова. Письмо заканчивалось просьбой о присылке подкреплений.

Получив послание легата, Спартак созвал военный совет. Всем было ясно, что силами одного отряда, при неудаче во взятии Сиракуз, не удастся произвести на острове быстрый и решительный переворот и что подкрепления жизненно необходимы. Имелось, однако, два неприятных «но». Во-первых, Пелорский мыс надежно охранялся когортами, присланными Крассом, а восточное побережье Сицилии — кораблями пиратов. Во-вторых, наступил неблагоприятный для плавания сезон.

Долго обсуждали командиры различные возможности. Наконец пришли к следующим выводам: 1) нужно все-таки рискнуть и выслать в

море второй десант, не обращая внимания на погоду; 2) все силы врагов, находящиеся в Сицилии (в том числе и корабли пиратов), надо отвлечь к Пелору; для этого следует двинуться всей армией к городу Регию (южная оконечность Брутийского полуострова) и с помощью плотов и барок производить демонстрацию, угрожая переправой и переправляясь на деле при удачном стечении обстоятельств.

Так было решено. К вечеру войска с продовольствием и оружием вновь сели на суда, вышли в море и взяли курс на юг; им предписывалось занять бухту за мысом Геркулеса и здесь ждать дальнейших распоряжений Спартака, который пять дней спустя собирался со всей армией прибыть к Регию.

V

Итак, внезапно для римлян Спартак вдруг снялся с лагеря и двинулся на юг. Для Красса уход восставших оказался весьма на руку: еще раз перед своими воинами он объявил себя победителем в предыдущей битве, а в Рим отправил послание, которым ставил сенат в известность, что он «неустанно преследует Спартака, отступающего к морю, и что война на исходе».

Сообщая сенату столь приятную новость, Красс тем не менее старался соблюдать величайшую осторожность, не ввязываться в такие стычки, которые могли бы вызвать новое большое сражение.

Пять дней спустя войска Спартака вышли на крайнюю оконечность области Брутия — Регийский полуостров. Расположившись с легионами на побережье, Спартак часть сил послал блокировать Регий, чтобы сидевший там римский гарнизон не мог тревожить его внезапными нападениями. Одновременно он приказал вновь начать заготовку леса.

Повстанцы взялись за дело со всем усердием. Спиленные в окрестных горах деревья, очистив от ветвей и распилив надвое, везли к берегу на мыс Сцилла (мыс Брутийского берега, наиболее выдающийся в море; волны разбиваются о него со звуками, напоминающими лай собак) и сваливали в воду. Здесь из них делали плоты, подвязывая для увеличения плавучести пустые бочки.

Работа шла день и ночь. Спартак торопился: погода непрерывно ухудшалась, возможностей для переправы с каждым днем становилось все меньше.

Прибыв вслед за Спартаком на Регийский полуостров, Красс решил, что нет никакого смысла рисковать, давая новое сражение. Объезжая со

своим советником П. Консидием местность, он согласился с ним, что сама природа подсказывает решение: провести укрепленную линию от моря до моря, отрезать мятежных рабов от внешнего мира; лишенные возможности добывать продовольствие по суше и по морю, они неизбежно погибнут от голода или капитулируют.

Этот план полководец изложил своим офицерам. Понравился он не всем. Многие считали его невыполнимым и указывали на огромный объем работ, проделать который за короткий срок, по их мнению, было невозможно. Кроме того, они говорили, что Спартак, увидев угрозу для себя, немедленно покинет опасную позицию и таким образом сделает все труды римлян напрасными.

На это Красс отвечал: как бы Спартак ни поступил, надо дать занятие войску, чтобы оно не развращалось от безделья; кроме того, хорошо известно из опыта, что земельные работы большого объема особенно придают мужества войску и решимости для битвы.

В конце концов после жарких споров военный совет согласился с мнением Красса. Итак, расположившись вдоль линии, намеченной П. Консидием, легионеры взялись за кирки и лопаты. Им предстояло вырыть ров глубиной и шириной в 4,5 метра, а над ним воздвигнуть стену в 4,5 метра с палисадами на самом верху и поставить вдоль всей укрепленной линии башни для наблюдения за врагом.

Объезжая фронт работ, Красс недовольно хмурился: слишком ревностно, точно они превратились в мирных земледельцев, взялись легионеры за лопаты.

Впрочем, Красс отлично понимал, в чем причина неслыханной старательности: с помощью стены легионеры надеются избавиться от новой жестокой битвы. Но возможно ли это? На такой вопрос полководец даже сам себе не мог дать твердого ответа...

VI

В то время как римляне с величайшим усердием сооружали свою стену, повстанцы с не меньшей энергией строили плоты.

Спустя трое суток работы были завершены. Погрузив на плоты и на бывшие в его распоряжении барки (их нашли у побережья) отборных бойцов, Спартак стал делать попытки переправы. Этим попыткам сильно мешало бурное море и неблагоприятные подводные течения в Мессинском проливе. Тем не менее каждый день, когда позволяла погода, спартаковцы

выходили в море и, приблизившись к Сицилии, пытались пристать к Пелорскому мысу.

Когорты, присланные Крассом, вспомогательные войска Верреса и корабли пиратов, отозванные поспешно из-под Сиракуз, энергично отражали их стрелами и камнями из скорпионов, пращей, онагров и баллист. И каждый раз, потерпев очередную неудачу, спартаковцы с потерями отступали и возвращались назад в Италию, так и не достигнув желанного Пелорского мыса.

Велико было их огорчение. Утешением служило лишь то, что второй десант, пользуясь уходом пиратских кораблей к Пелору, из своей засады у мыса Геркулеса нанес внезапный удар и благополучно проскочил в Сицилию. Захватить Сиракузы, правда, опять не удалось, и десант двинулся вглубь острова, громя по пути рабовладельческие поместья.

Весть о высадке в Сицилии нового повстанческого отряда заставила содрогнуться римские сердца. Призрак новой сицилийской войны рабов грозно витал над головами рабовладельцев.

О том, что в Сицилии далеко не благополучно, стало известно и в Риме. Оттуда, из сената, шли к Крассу неприятные запросы. Но последний, решив держаться до конца, отвечал категоричным отрицанием: ему, Крассу, ничего не известно о высадке мятежных рабов в Сицилии; этого не может быть, так как он прочно держит их в руках и скоро заставит сдаться; разговоры об успешном десанте Спартака в Сицилию распространяются его врагами, намеренными его дискредитировать; на самом деле все обстоит хорошо, война явно идет к концу.

В таком духе Красс писал в сенат. В то же время, сознавая, как на деле обстоит положение, для обороны Сицилии и для охраны ее рабовладельцев на пиратских кораблях он поспешил перебросить туда подкрепления. Им было поручено подкрепить наличные силы и начать энергичную борьбу с неприятельским десантом^[46].

Одновременно Красс усиленно подгонял собственных воинов, побуждая их энергичнее и скорее работать. Легионеры старались изо всех сил, но полководцу казалось, что дело продвигается вперед страшно медленно.

А Спартак сначала не обращал внимания на труды римлян. Он знал, что вскоре предстоит прибытие Помпея и Красс, не желающий уступать ему славу победителя, непременно будет вынужден сломать собственную стену и выпустить его на волю для решительной битвы. Что касается продовольствия, то, во-первых, вождь восставших надеялся на сделанные запасы, а во-вторых, на получение его с Регийского полуострова и из

Брутия по морю.

Между тем погода резко ухудшилась. Когда однажды утром, как обычно, повстанцы спустились к морю, они не узнали побережья: ночной бурей их плоты оказались разбиты в щепки.

Многим такой исход показался плохим предзнаменованием. Спартак постарался их успокоить: гибель плотов — беда небольшая, а в период бурь — вещь обычная.

По приказу вождя восставшие вновь взялись за работу — стали рубить лес, возить его к берегу и строить новые плоты. Одновременно, чтобы затормозить работы Красса, которые многим его товарищам казались опасными, Спартак стал посылать легковооруженных завязывать с римлянами стычки.

И, начиная с этого момента, последние ежедневно, и утром, и днем, и вечером, все время тревожили римлян частыми нападениями. Они бросали в ров на головы противников камни, факелы, зажженные пучки хвороста, обстреливали их из луков и боевых машин.

В конце концов Крассу пришлось выставить у рва, где работали воины, часть воинов под оружием, чтобы своевременно отбивать все вылазки врагов.

В такой борьбе с обеих сторон шли усиленные работы. Спартак, соорудив новые плоты, вновь возобновил попытки переправиться в Сицилию, но успеха все-таки не имел. А Красс, неустанно понукая своих, довел наконец свое предприятие до конца. 30 сентября, на исходе недели работ, в стену (53 километра с лишним) забили последние палисады.

Повстанцы были наконец заперты и полностью отрезаны от внешнего мира. П. Консидий и Красс торжествовали. Капитуляция Спартака представлялась теперь неизбежной.

Глава двадцать пятая

ГНЕЙ ПОМПЕЙ — НОВЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ В ВОЙНЕ СО СПАРТАКОМ

I

О своем славном подвиге — невиданной стене — Красс с гордостью сообщил в Рим. В его письме особенно подчеркивалось, что такие большие работы он вопреки общим ожиданиям завершил в короткое время.

Но в Риме почему-то никто не разделял его восторга. На народных сходках явно властвовал видный сторонник Помпея М. Лолий Паликан, красноречие которого Цицерон именовал «более удобным для слуха невежд». Этот-то вот Паликан прямо говорил о неспособности полководца и указывал, сколь опасно дальнейшее затягивание войны благодаря тактике новоиспеченного Фабия Кунктатора. По его словам, финансовое положение государства продолжает оставаться далеко не блестящим, курсы акций в связи с каждой победой Спартака или неоднократно возобновляемой надеждой на его поражение то поднимаются, то вновь резко падают, разоряя большое количество состоятельных людей.

Паликан говорил правду. Налицо была та самая история, которую Цицерон в связи с войной против Митридата характеризовал позже (66 год) так: «Когда в ту пору множество граждан потеряло в Азии большие капиталы, в Риме платежи были приостановлены, и все курсы пали. Иначе и быть не может; немислимо, чтобы в одном государстве многие граждане потеряли свое имущество, не вовлекая в свою погибель и массы других лиц. Оградите же от этой опасности наше государство, — восклицал оратор, — и поверьте если не мне, то своим собственным глазам; римские курсы, римские денежные операции, производимые здесь, на форуме, состоят в тесной, органической связи с денежными оборотами в Азии; крушение этих последних не может не втянуть в ту же пучину и первых».

На эту-то тему в связи с войной против Спартака много говорил и Паликан. Указывал он также и на крайнюю жестокость войск Красса в обращении с италийским населением. И это не являлось ораторским

преувеличением. В свое оправдание Красс мог только сказать — и его сторонники так и говорили, — что и предшественники его поступали не лучше. Позже (66 год) Цицерон вспомнил и об этом. «Вспомните, — говорил он, — о том, какими происшествиями не так давно ознаменовалось следование наших полководцев по Италии, по городам и селам римских граждан; тогда вам легче будет догадаться о том, что происходит у иностранных народов. Верьте мне: не столько неприятельских городов погибло за это последнее время от оружия наших воинов, сколько союзнических — от их зимовок».

Несмотря на затруднительность положения, Красса в народном собрании стойко защищали его агенты и молодые друзья, видную роль среди которых играл Г. Цезарь. Этот молодой человек 31 года, родившийся в обедневшей аристократической семье, возводившей начало к Юлу, внуку богини Венеры, и римскому царю Анку Марцию, племянник Г. Мария и зять Л. Цинны, считался одним из демократических вождей, подававших большие надежды.

Но обстановка для Красса становилась в Риме все более неблагоприятной. Страшная угроза его престижу со стороны его соперника Помпея непрерывно нарастала.

II

Разделавшись с Перперной, Помпей в течение трех месяцев устраивал дела Ближней Испании, устанавливая права и обязанности общин, решая имущественные дела частных лиц (Метелл в это время отправился довершать покорение лузитан в Дальнюю Испанию). Сделав для провинции «много добра», оставив там «немало влиятельных клиентов» (Цезарь), Помпей 30 октября отправился с армией назад в Италию, куда вызывал его сенат, недовольный осадой, затеянной Крассом.

В 50 дней Помпей проделал путь в 1500 километров, поставил на альпийских вершинах памятники в честь своих испанских побед и 18 декабря, восторженно встреченный согражданами, прибыл с войском под Рим. В его распоряжении находились шесть римских легионов, один «туземный» (из испанцев, получивших права римского гражданства за оказанные услуги), а также 5 тысяч кавалеристов.

Противники Помпея дрожали, и Плутарх говорит, что «было почти столько же людей, выходивших к нему навстречу с дружескими приветствиями, сколько и тех, кто делал это из страха». Помпей объявил

многим влиятельным гражданам, что он поможет народным трибунам вернуть себе власть в полном объеме. Это заявление привело сулланцев в неистовую ярость. Между тем на народных сходках Паликан, чувствуя себя в безопасности за спиной Помпея, отбросил прочь всякую сдержанность и обрушился на Красса с крайне резкими нападками. Он требовал сместить его с поста главнокомандующего на войне со Спартаксом и объявить новые выборы.

Требование Паликана не понравилось ни Кв. Катулле, ни П. Цетегу, ни другим видным политикам. Ни у кого из них не вызывало сомнения, кто имеется в виду в качестве преемника.

Итак, после краткого замешательства среди оппозиционных Помпею сил борьба вновь разгорелась со всем ожесточением. Помпеянцы подготавливали решительный удар и на все лады прославляли своего победоносного вождя. Делать это было легко. Ибо, по словам Цицерона, Гней Помпей «своей доблестью затмил славу не только своих современников, но даже и тех, о которых повествуют предания старины», в силу чего он может «служить примером для всего, что только есть хорошего на свете».

Говоря так, раскрашивая Помпея всеми красками своей ораторской палитры, — чем Цицерон всегда очень гордился^[47], — он определял важнейшие качества победителя Сертория следующим образом: «Начнем со знания военного дела. Знаете ли вы человека, который в большей мере обладал бы этим качеством или в котором можно было бы в большей мере предполагать его? Ведь он еще отроком, оставив школу и учение, отправился к войску отца и в школу военной службы в самый разгар труднейшей войны со свирепым врагом (с союзниками. — В. Л.). Он к исходу своего отрочества был воином в войске замечательного полководца, а с первых лет своей молодости сам был полководцем большого войска. Он чаще сражался на поле брани с врагом, чем кто-либо другой — перед судом с противником, больше войн знает по личному в них участию, чем другие по описаниям в книгах, больше провинций исходил в победоносных походах, чем другие в командировках. В своей юности он изучил военное искусство не по чужим наставлениям, а сам властвуя, не на неудачах, а на победах, считая свою службу не годами, а триумфами. Есть ли затем такой род войн, в котором несчастья нашего государства не потребовали бы его услуг?

...Что касается затем природных дарований Гнея Помпея, то никакая человеческая речь не может с ними сравняться; нет в ней выражений, достойных его и в то же время новых для вас, неизвестных кому бы то ни

было. Действительно, если бы даже обыкновенно так называемые «полководческие качества» — выдержка, храбрость, деятельность, быстрота, предусмотрительность — были единственными необходимыми для военачальника достоинствами, то и ими он далеко превзошел бы всех прочих полководцев старого и нового времени, вместе взятых. Знает это Италия, освобождение которой (от марианцев. — В. Л.), по признанию самого победителя Суллы, состоялось благодаря доблестному содействию Помпея. Знает это Сицилия, которую он избавил от окружавших ее отовсюду опасностей не угрожающими военными действиями, а быстротой и целесообразностью принятых им мер. Знает это Африка, с которой он стряхнул иго несметных полчищ врагов, напоив ее их собственной кровью. Знает это Галлия, через которую он открыл нашим легионам дорогу в Испанию по гудам убитых галлов. Знает это Испания, столь часто видевшая поражение и истребление им такого множества врагов; знает это опять-таки та же Италия, которая под гнетом ужасов и опасностей невольнической войны его призвала к себе на помощь из чужбины — и вскоре увидела, как ее враги, при одном его ожидании присмирившие и павшие духом, были уничтожены и стерты с лица земли при его прибытии...

...Ваше дело, квиниты, желать и требовать, — как вы это, впрочем, и делаете, — чтобы эта божья милость могла осенять его неуклонно и вечно, к счастью для нас и нашей державы, к чести для него самого».

Так и в таком духе говорили помпеянцы, прославляя своего молодого вождя. Сторонники же Красса не имели чем подкрепить притязания своего главы. Поэтому и в народном собрании, и в сенате они потерпели неудачу: сенат принял после оживленных прений постановление, в котором отмечал, что требование народом новых выборов справедливо и что следует его удовлетворить в самый кратчайший срок.

Этим постановлением исход всего дела оказался предрешен. Ни у кого не вызывало сомнения, что Помпей (оказывая, если сочтет нужным, давление на несогласную часть избирателей) добьется теперь нужных ему полномочий. Так действительно и получилось. Благодаря сильной агитации и крайнему раздражению народа на затеянную Крассом осаду противники Помпея потерпели полное поражение. Красса лишили его чрезвычайных (проконсульских) полномочий. Было решено, что он передаст новому главнокомандующему Помпею — тоже в ранге проконсула — войско, а сам вернется в Рим для исполнения своих прямых обязанностей в качестве претора.

Итоги выборов означали для Красса полную катастрофу. Теперь у него

оставался один-единственный шанс — заставить Спартака дать битву до прибытия Помпея и во что бы то ни стало победить.

С такой мыслью тотчас после выборов Г. Цезарь с небольшим отрядом хорошо вооруженных, верных ему гладиаторов поспешно выехал из Рима. Не щадя лошадей, он мчался на Регийский полуостров в ставку Красса с докладом об отчаянном положении дел и с предложением пойти на риск — дать Спартаку генеральное сражение.

Впереди себя Цезарь послал скоростных гонцов с письмами об итогах выборов — одного морем, другого по сухому пути...

Глава двадцать шестая

ВОЙСКА СПАРТАКА ПОКИДАЮТ РЕГИЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

I

Два дня спустя (по морю от Рима до ставки Красса было около 500 километров) одно из писем Цезаря прибыло к своему адресату. Собрав к себе легатов, Красс в их присутствии зачитал письмо, в котором сообщалось о результатах выборов, о выступлении Помпея с войском на юг и о раздававшихся при выборах голосах, что именно ему будет принадлежать окончание войны: придя, он сразу даст Спартаку битву и разом уничтожит его.

Выслушав короткое письмо Цезаря^[48], легаты Красса, а вместе с ними и полководец, погрузились в мрачные размышления. Перед всеми стоял один мучительный вопрос: что делать дальше? Проклятый Спартак, несмотря на нехватку продовольствия (так говорили перебежчики), никак не желает сдаваться. Что делать? Ломать собственную стену? Сколько трудов на нее затрачено — и каких!.. Идти со Спартаком на бой — этого требует обстановка... А если опять легионы побегут, как бежали они неоднократно?.. Но не ждать же сложа руки?.. Или все-таки уступить Помпею славу победителя?..

Молча сидели легаты, погруженные в свои мысли. Напряженные лица у П. Консидия, Кв. Аррия, М. Муммия, Гн. Скрофы. Очень велика ставка.

А Красс заново — от начала — пересматривал свою жизнь. Что такое происходит?.. Или он напрасно терзает себя честолюбивыми мыслями?.. Напрасно борется с Помпеем? Напрасно не хочет примириться с положением второго лица в Риме?..

Уступить?.. Тогда он не подвергнет риску свою жизнь, судьбу горячо любимой жены и двух дорогих сыновей — Публия и Марка; тогда он доживет до глубоких седин и избежит ужасных опасностей...

Но нет: покой и Красс несовместимы, как несовместимы желание власти и трусость!.. Он не может перестать быть собой, не может отступить перед Помпеем и Спартаком!.. Что бы ни сулило будущее, надо смело

встретить его!.. И кому, собственно, точно известно, что честолюбие доведет его до плачевного конца?.. В самом деле: кому?..

Отдернем на мгновение закрытую для Красса и его офицеров завесу Судьбы! Посмотрим, какое будущее на склоне лет приготовит он себе!..

II

...И когда знатные слушатели стали рукоплескать искусной декламации Ясона из славного города Тралл, в зал вошел доблестный полководец парфян Скилак. Сопровождаемый победителями-соратниками, он почтительно приблизился к своему царю и вместе с ними упал перед Ородом ниц. Когда все стихли, он сказал:

— О, царь царей! Я принес тебе голову и руку злодея Красса. Он, присланный вероломными римлянами, осмелился посягнуть на твои владения. За свое преступление он заплатил жизнью. Прими, владыка, милостиво ратную добычу от верных воинов!..

И Скилак привстал и подал царю правую руку Красса, ту руку, которой римский полководец писал оскорбительные письма, а голову его под радостные крики парфян, пировавших с армянами по случаю заключения мира и взаимного согласия на брак сына царя Орода Парфянского и сестры царя Артабаза Армянского, — он, доблестный полководец Скилак, соратник великого Сурены, победителя Красса, — он швырнул голову римлянина на середину залы.

Гости радостно кричали и рукоплескали. А царь, взяв руку Красса и передав ее по кругу гостям, сказал: «Я доволен, мой Скилак!..»

И повелел царь слуге с почетом пригласить Скилака возлечь среди царских друзей и разместить рядом с ним его соратников, как они того заслуживали по рангам. И позаботились слуги о почетных царских гостях. На ложе вместе со Скилаком возлегли все его прославленные соратники.

А Ясон, трагический актер из Тралл, полный восторженного исступления, схватил голову Красса и начал декламировать такие стихи:

*Нашей охоты добычу счастливую
С гор мы в чертоги несем...*

А когда дошел он до стихов:

Кем же убит он?.. —

Эксатор, славный военачальник, участник последней схватки вокруг Красса, отрубивший ему голову и руку, быстро вскочил с места, выхватил голову из рук Ясона и, подняв ее вверх, перед всеми провозгласил:

Мой это подвиг!.. Мой!..

И дружно ему рукоплескали собравшиеся, а восхищенный царь, по обычаю предков, наградил его. И праздновала победу древняя армянская столица Артаксата.

Новому унижению имя Красса, римского триумвира и полководца, замышлявшего покорить Парфию и проникнуть за Индийский океан, подверглось в славном и богатом парфянском городе Селевкий, имевшем значение столицы.

Через весь город двигалось триумфальное шествие. Впереди на верблюдах покачивались пленные трубачи и ликторы — на их секиры были насажены отрубленные головы римлян, а на розги привязаны кошельки, которые римские командиры собирались наполнить парфянским золотом. Позади шли актрисы-гетеры, они распевали насмешливые песенки о малодушии Красса и его воинском неумении. За ними верхом на лошади, одетый в женское платье, трясся похожий на Красса пленный римский солдат Г. Пакциан. Парфянские воины били его плетью, он морщился от боли и на их вопросы: «Где ты, Красс? Где император?» — выкрикивал, как ему было приказано: «Здесь я!.. Я — Красс!.. Я — император!..»

И многие греки, стоявшие в толпе ликующих парфян, нетерпеливо ждавшие Красса-освободителя, не могли теперь удержаться от горького смеха. Но он тут же замирал у них на устах, когда они видели покрытых пылью воинов, страшную парфянскую конницу, в которой и люди и кони были закованы в ослепительно сверкавшие на солнце медные и железные латы.

Да, величайшим позором в консульство Л. Домиция и М. Валерия Месаллы (53 год) покрыли себя римские знамена и оружие! И виной всему стал Красс, богатейший из римских аристократов, патрон галльского наместника Цезаря, давний соперник Помпея на поприще славы и безраздельной власти в Риме, человек, претендовавший на звание

«победителя Спартака»!..

Как же получилось, что в свои шестьдесят лет, накопив столь большой жизненный и политический опыт, Красс имел столь недостойный и жалкий конец?

Или ему сулила его с самого начала Судьба?..

III

Детство Марка Красса было небезмятежным, но счастливым. Он родился в очень знатной семье (113 год)^[49], жил как все мальчики его круга: играл с двумя старшими братьями в мячик, орехи, колесницу, чет-нечет, в суд, в войну, с восторгом слушал рассказы отца о славных подвигах предков. Он учился в римской школе, где царила суровая дисциплина, и получал, как и другие, удары линейкой по рукам, по плечам и голове.

Первое сильное потрясение, не забывавшееся им никогда, он испытал в десять лет. В 104 году в Сицилии началось второе восстание рабов. Повстанцы истребили воинский отряд претора Публия Лициния Нервы (родственника семьи Крассов), уничтожили на значительной части острова римскую администрацию и создали собственное государство. Во главе его стал царь — сириец Сальвий, принявший имя Трифона, популярного на востоке царя-узурпатора из бывших рабов.

Восставших рабов поддержала сицилийская беднота. Богачи, теряя стада и имущество, в панике бежали в Рим, умоляя о помощи. Четыре года шла напряженная борьба. Римские полководцы прилагали отчаянные усилия, стараясь уничтожить государство повстанцев, распространявшее повсюду возмущение и мятеж.

В самом Риме как реакция на сицилийские события вновь возобновилась острая борьба популяров и сената. Лидеры популяров Л. Сатурнин и Г. Главция в союзе с Г. Марием, видным полководцем, влиятельным лидером сословия всадников, старались восстановить позиции, поколебленные поражением и гибелью Гракхов.

В 101 году им удалось добиться значительного успеха: на 100 году провести Г. Мария в консулы (в шестой раз), Л. Сатурнина — в трибуны, Г. Главцию — в преторы.

Эти события мальчик Красс переживал очень живо. Неоднократно ему приходилось быть свидетелем бурных дискуссий и споров, происходивших в доме за обеденным столом, где ежедневно собирались отец, оба старших сына, многочисленные родственники и друзья. Нередко бывал среди них и

сам принцепс сената Эмилий Скавр, наиболее уважаемое в Риме лицо.

В тринадцать лет М. Красс впервые увидел воочию дикую борьбу популяров и сената. Сначала столкновение произошло из-за законов Сатурнина-трибуна (о снижении цены на модий хлеба до 5/6 асса; об организации колоний в провинциях; о наделении земель ветеранов Мария), затем из-за желаний Сатурнина опять стать трибуном, а Главции — консулом.

Как во времена Гракхов, борьба вновь вылилась в цепь беззаконий: разгон народного собрания силой, убийства неугодных враждующим партиям кандидатов (первым пал сторонник сената Г. Меммий, за ним — вожди популяров Главция и Сатурнин).

Марий в критический момент, как говорили, отступился от своих союзников. Сильно скомпрометированный в глазах всего общества своей двусмысленной политикой, он был вынужден уехать из Рима на восток, якобы из желания поклониться Матери богов — Кибеле.

Победители немедленно отменили ненавистные законы, проведенные Сатурнином через народное собрание. Его соратников по суду массами отправляли в изгнание.

Всадническое сословие не препятствовало этому. Занятое торговлей и ростовщичеством, оно помышляло лишь о выгодах ближайшего момента. С помощью подчиненных им судов всадники устраняли всех наместников провинций, мешавших им в проведении «деловых», то есть грабительских, операций.

Бесцеремонность всадников вызвала крайнее озлобление сената и подготовила новый драматический конфликт: прямое столкновение двух сословий.

Умеренные элементы сенатской партии видели это. Они усиленно разрабатывали различные проекты, исполнение которых должно было бы предотвратить борьбу и сделать ее впредь невозможной.

В такие-то годы М. Красс вступает в пору юношества. Когда ему исполнилось шестнадцать, его отец, известный военачальник, даровитый и уважаемый человек, соединявший справедливость со строгостью и отзывчивостью, стал высшим лицом в республике — консулом.

Через год семнадцатилетний Красс, с удовольствием покинувший своего ратора, уехал с отцом в провинцию Дальняя Испания. Здесь П. Красс в качестве наместника (96–94) вел успешную войну с восставшими лузитанами, а сын его проходил военную службу, участвуя в походах и получая первые в жизни практические уроки военного дела.

В 93 году, усмирив лузитан дипломатией и оружием, П. Красс с сыном

возвратился в Рим. За свои испанские победы он справил триумф, в котором, по римскому обычаю, приняли участие и члены его семьи.

Стоя позади отца на триумфальной колеснице, восторженно внимая приветственные крики пестрой римской толпы, двадцатилетний Красс уносился мысленно в тот край, где он провел трудные, но чудесные годы, где оставил много новых друзей... И он мечтал о том времени, когда сам, как отец, станет знаменитым полководцем, блистательным триумфатором.

И вновь молодой Красс погружается в повседневную и хлопотливую римскую жизнь. Он вращается в лучшем обществе, изучает историю и философию. С особым усердием упражняется в ораторском искусстве, к чему постоянно поощряет его отец, сам выдающийся оратор, наставник молодежи.

Да, отец любит молодежь! Для нее всегда широко открыты двери его дома. Под его опытным руководством сталкиваются в ораторских схватках будущие блестящие ораторы, политики и полководцы, чьи пути потом далеко разойдутся, кому суждено враждовать и злоумышлять друг против друга: Кв. Гортензий (21 год), Децим Брут (26 лет), два Лепиды, Марк и Мамерк (26 лет), Кв. Серторий (30 лет); совсем юные и еще родеющие М. Цицерон (13 лет), Гн. Помпей (13 лет), братья Лукуллы (13 и 12 лет) и др.

В жизни М. Красса наступает самый счастливый, самый безоблачный период. Ничто еще не выдает в нем Красса будущего, того, которому Л. Сициний, трибун-демагог, связанный с Помпеем, присвоит за бешенство в политической борьбе кличку «быка с сеном на рогах».

Да, Марк Красс, юный, веселый, с красивым лицом, представительной фигурой, приветливый, обходительный и доброжелательный, всегда готов всем помочь. Он любим товарищами, отцом, старшими братьями и их молодыми женами. Как и прежде, ежедневно собираются все вместе в дружном отцовском доме за обедом.

С каждым годом все более уверенно Красс включается в дела форума. С большим успехом проводит он первые судебные дела, в доме отца встречается все с новыми влиятельными людьми. Самый интересный человек среди них — новый смелый реформатор Ливий Друз (дядя М. Катона Младшего). Молодому Крассу нравятся его горячие, полные искреннего убеждения речи. Друз предполагает перестроить всю государственную систему и прекратить острую сословную борьбу: в сенат ввести 300 всадников и таким образом уравнивать в правах враждующие сословия; суд снова сделать сенатским; расширить удешевленную продажу хлеба для народа; вывести колонии в Кампанию и Сицилию; предоставить права гражданства римским союзникам.

Простые, но полезные для государства законопроекты! Крассу легко это понять и еще легче сделать выбор: ведь горячими сторонниками тридцатичетырехлетнего Друза, честнейшего сенатора и гражданина, являются и братья и отец.

Законопроекты Друза, выставленные им в 91 году в качестве народного трибуна, вызывают резкую оппозицию крайне консервативных элементов сената. Чтобы провести свои идеи в жизнь, Друз передает обсуждение законопроектов в народное собрание. Здесь после бурных дебатов по всем вопросам, за исключением вопроса о союзниках, ему удается взять верх. Тогда взбешенные противники, опасаясь полного провала, подослали к нему убийцу...

Трагическая гибель Друза, которого двадцатидвухлетний Красс считал почти сверстником, глубоко потрясла его. Но еще больше потрясла Красса начавшаяся вслед за тем Союзническая война.

Потерпев крах в своих надеждах, союзники (неримские граждане, служившие в легионах) решили добиваться гражданских прав с помощью оружия. Опираясь на тайную организацию, главой которой был при жизни Друз, они подняли восстание, объявили о создании нового государства «Италия» и обратились за помощью к понтийскому царю Митридату.

Открытое выступление союзников привело к власти в Риме военную партию.

Почти два года (90–88 до н. э.) шла упорная, жестокая борьба. Римские войска потерпели много неудач. В критической обстановке республику спасла крупная неудача Митридата: ему не удалось организовать высадку понтийской армии в Италии. Все боевые действия ограничились исключительно периферией: Македонией, Грецией, Малой Азией, островами Эгейского моря.

Отсутствие блестящих успехов у военной партии дало возможность снова воспрянуть партии реформ. Рядом законов 89 года (в проведении их очень помог отец Красса, бывший в том году цензором) удалось склонить многие италийские племена к прекращению борьбы. В 88 году, после гибели самого блестящего военачальника восставших Помпеия Силона, римлянам удалось подавить последние очаги сопротивления.

Кровопролитная борьба закончилась. Свободному населению Италии, за исключением луканов и самнитов, были предоставлены права римского гражданства с зачислением их в восемь триб (таким путем имелось в виду ослабить их влияние на политические дела в государстве).

Союзническая война оказалась для молодого Красса второй войной, в которой он принял участие. Война эта произвела на него тяжелое

впечатление большим количеством смертей людей, до войны часто бывавших у них в доме, к которым он лично тепло относился... Тогда еще Красс не знал, что самое худшее, самое тяжелое для него впереди...

После ликвидации государства союзников «Италия» у римлян остался один враг — Митридат. Команду в войне с ним желали получить два полководца, лучше всех показавшие себя во время Союзнической войны: представитель всадничества — Марий и представитель сената — Сулла. Марий сумел устроить союз с новым представителем партии популяров — народным трибуном П. Сульпицием Руфом и его товарищами. С помощью воинов Мария были проведены предлагаемые ими законы (возвращение изгнанных из Рима по делу Сатурнина; исключение из сената самых злостных должников; распределение италиков не по 8, а по 35 трибам), и за такую услугу он получил должность командующего. Но Сулла и его армия, с нетерпением ждавшие выгодного восточного похода, решению народного собрания не подчинились. Возбужденная армия пошла на Рим и взяла его точно вражеский город. П. Сульпиций и его виднейшие сторонники были убиты. Марий успел бежать. Сулла отменил новые законы, провел другие в пользу сената, организовал консульские выборы и, покончив с делами, отбыл с армией на восток.

В его отсутствие явные и тайные марианцы во главе с одним из консулов, Л. Цинной, будущим тестем Г. Цезаря, попытались отменить вновь установленные порядки, но были побеждены и бежали из Рима. Некоторое время спустя Цинне удалось все-таки собраться с силами. Вместе с Марием, вернувшимся из Африки, он взял Рим и устроил дикую резню сенатской партии. По следам бежавших отправилась погоня. Преследователям удалось перехватить сначала одного из братьев Красса и убить его, а позже бежавших вместе Красса-отца и старшего сына, особенно ненавистного Цинне. Убедившись, что спасения нет, Красс-отец своей рукой убил сына, которому ликующие враги сулили уже злейшие пытки, а потом покончил с собой.

Младшему Крассу (в критический момент он находился вне Рима) удалось избежать непосредственной опасности. Но так как его со всех сторон окружали и выслеживали, а друзья семьи из страха за себя поспешили отказаться от него, то он решил оставить Италию. В сопровождении трех товарищей, сослуживцев по Испании, так же как и он преследуемых марианцами, и десяти слуг Красс бежал в провинцию, надеясь укрыться там от злобы врагов. Он испытал в пути много бед и злоключений.

С величайшим трудом 27-летний Красс пробрался туда, где, как он

думал, за три года приобрел много друзей. Но, увы, кто помнит о дружбе при подобных превратностях судьбы? Все, к кому Красс обращался за помощью, отказывали ему, ссылаясь на страх перед Марием. Только один из старых знакомых, Вибий Пациан, показал себя и другом, и настоящим мужчиной. Несмотря на опасность, он в течение восьми месяцев снабжал Красса и его товарищей, укрывавшихся в приморской пещере, едой и постоянно сообщал им политические новости через двух красивых прислужниц, которых он послал жить к Крассу в пещеру.

В этот период, когда Красс и его спутники находились в пещере, отрезанные от мира, в постоянном страхе за свою жизнь, у них имелось много свободного времени, чтобы подумать над сложностями бытия. И они ставили друг другу трудные философские вопросы: что такое слава и что такое человек? Для чего живет он? Существуют ли действительно в мире боги и вмешиваются ли они в человеческую судьбу? Есть ли дружба на земле? Какова цена жизни и смерти? Как делать карьеру? И допустимо ли изменять ради выгоды принципам и своей партии?

Вопросы были мучительно трудными, и среди участников кружка разгорелись яростные споры. Красс быстрее других пришел к вполне определенным выводам, разрывавшим со многими римскими традициями. Он всячески насмехался над разговорами о «воле богов». Сильнейший аргумент, приводимый им в защиту своих взглядов, был тот же, что позже и у Лукиана: «...почему это Фокион, человек добродетельный, умер в такой бедности, терпя нужду в самом необходимом, и до него — Аристид точно так же, а Каллий и Алквиад, распущенные юнцы, утопали в богатстве вместе с дерзким Мидием и Хиропсом с Эгины, гнуснейшим развратником, который уморил голодом собственную мать? И почему, далее, Сократ был предан в руки Одиннадцати, а Мелет не был? Почему был царем Сарданапал, настоящая баба? А сколько прекрасных и благородных персидских мужей были распяты им за то, что не одобряли существующего порядка?»

Из сказанного Красс делал следующий важный вывод: добродетель имеет мало значения; о «воле богов», скорее всего не существующих, смешно говорить; в современном мире властвуют богатство и сила; люди честные, но лишённые богатства, находятся в общем презрении, умирают в нищете и безвестности. Поэтому следует любой ценой, не стесняясь в средствах, завоевать богатство. Только в этом случае можно будет прожить жизнь приятно, а если ты обладаешь еще и смелостью, то стать также и знаменитым, вписать свое имя в анналы истории.

Товарищи Красса в своих доводах оказались гораздо слабее.

Обескураженные, они поглядывали друг на друга, не зная, что еще возразить, чтобы не стать мишенью страстного и ядовитого красноречия Красса.

Так они и жили, перемежая философские споры с воспоминаниями о счастливом прошлом, которое уже не повторится, обсуждениями политической ситуации и робкими надеждами на будущее.

Наконец Судьба улыбнулась им, и колесо Фортуны внезапно повернулось. В 84 году Цинна, готовивший экспедицию в Грецию против Суллы, был убит собственными взбунтовавшимися воинами (Марий умер еще раньше). Известие о смерти злейшего врага вся сенатская партия встретила с ликованием.

Красс, до крайности утомленный отсиживанием в пещере, немедленно покинул ее. А когда ему сообщили, что в Африке видный полководец сената Метелл Пий (будущий коллега Гнея Помпея по войне в Испании против Сертория) ведет успешную борьбу против марианцев, Красс сразу решил к нему присоединиться. Он собрал отряд из таких же, как и он, беглецов и всяких авантюристов и переправился с ним в Африку.

С Метеллом, однако, Красс не ужился и отправился со своими людьми к Сулле в Грецию. Последний принял приведенное подкрепление с охотой. Многократно в качестве офицера Красс выполнял различные поручения полководца и сумел заслужить с его стороны почет и уважение.

Тридцати лет от роду Красс вместе с Суллой вернулся в Италию и принял участие в войне с марианцами. За спиной он имел большой жизненный опыт, знал действительную цену словам, друзьям и деньгам.

По поручению Суллы Красс сначала собирал войска, потом командовал порученными ему частями. Всеми силами он тянулся за 23-летним Г. Помпеем, молодым, чрезвычайно удачливым полководцем. За ним за его блестящие победы Сулла утвердил почетное воинское звание «император».

Соперничество с Помпеем стоило Крассу многих бессонных ночей. В душе он сознавал, что его военная подготовка много хуже, чем у Помпея, что ему не хватало опыта ведения крупных военных операций. Но в конечном счете это было и естественно: отец Помпея, блестящий полководец, с детских лет готовил сына к военной карьере и многие секреты ремесла передал ему, Красса же отец хотел видеть великим оратором и политиком...

М. Красс менялся буквально на глазах. Он вдруг как-то сразу стал завистлив, алчен и скуп, погряз в лести и угодничестве. Зависть развивало неудачное соперничество с Помпеем, льстивость и угодничество —

отношения с высшими, их он хотел использовать для своей карьеры. Наконец, алчность и скупость породили потерю состояния, конфискованного марианцами.

Обстановка беззаконий, порожденных войной, прибавила вскоре и другие качества. Во время боевых действий Красс начал вести деловые операции, накладывать штрафы, производить произвольные конфискации, присваивать при удобном случае часть добычи. Этим он вызвал по своему адресу много нареканий.

И все-таки его ценили: за преданность партии, за смелость и решительность, за геройское поведение в последнем сражении у стен Рима, когда армия была уже почти обращена в бегство, а он опрокинул врага у Коллинских ворот и тем спас всё...

Вступив в Рим, Сулла беспощадно расправился с сенаторами-соглашателями (90 человек) и своими врагами из сословия всадников (2600 человек). Имущество их он пустил с аукциона. Желая вознаградить себя за потери, Красс одним из первых стал скупать его, не обращая внимания на пересуды и проклятия. Он добился также возвращения родового имущества (на сумму в 300 талантов). Чтобы не упустить ничего из семейного добра, он женился на Тертулле, жене убитого брата (это решение далось ему легко, потому что она давно нравилась ему).

От Тертуллы, впоследствии любовницы Цезаря, Красс имел двух сыновей — Публия и Марка. Первый из них стал позже знаменитым кавалерийским офицером Цезаря (в Риме поговаривали, будто он и был его действительным сыном). Второй занимался, как и отец, финансовой деятельностью и у Цезаря в Галлии был на должности квестора. И его не обошли городские сплетники; утверждали, что он на самом деле сын сенатора и банкира Аксия, на которого он действительно походил лицом.

В домашней жизни Красс показал себя как заботливый муж, внимательный отец, отличный воспитатель. Его сыновья славились в Риме как воздержанные, умные и скромные молодые люди. Этому удивлялись, ибо нелегко было сохранить хорошие душевные качества среди царского богатства, да еще в Риме, где знатная молодежь утопала с юных лет в пирах и вине (сыновья Кв. Аррия, например, были известны как кутилы, изобретатели нового вида жаркого — из соловьев).

Из Рима волна репрессий распространилась на Италию. Разъездные суды, сопровождаемые военными отрядами, всюду выискивали сторонников побежденной партии. Истребляли их беспощадно. «Поводами к обвинению служили гостеприимство, дружба, дача или получение денег в ссуду. К суду привлекали даже за простую оказанную услугу или за

компанию во время путешествия. И всего более свирепствовали против лиц богатых» (Аппиан).

В такой обстановке свои вновь приобретенные качества Красс обнаружил во всем блеске. Он запугивал богатых людей и вымогал себе «подарки». Он заставлял включать себя в число первоочередных наследников. Наконец, он дошел до такой наглости, что внес в проскрипционные списки кое-кого из сторонников Суллы, своих врагов.

Последний его проступок переполнил чашу терпения грозного диктатора, и он отстранил Красса от ведения общественных дел.

Красс был обижен. Он считал себя пострадавшим невинно. Особенно огорчало его то, что он так и не успел сравняться с Помпеем на поприще военной славы.

Тридцати одного года от роду Красс целиком погружается в коммерческие и гражданские дела. К сорока годам, не брезгуя никакими средствами, он становится самым богатым человеком в Риме.

И все эти годы Красс усиленно занимался философией. Особенно почитал он Аристотеля, но утверждал, что нравится ему также и учение стоиков. На вопрос Цицерона: «Почему?» — он отвечал: «За утверждение, что богатый добродетелен». — «Ане за то ли, — смеясь, спросил Цицерон, — что добродетельный владеет богатством?» (Плутарх).

С еще большим рвением, чем философией, занимался Красс совершенствованием в ораторском искусстве, которому в молодые годы обучал его отец, великий оратор. Красс часто вел судебные дела.

В течение ряда лет он считался одним из лучших адвокатов. Цицерон следующим образом оценивает результаты его упорной работы над собой: «Латинский язык его был чист, слова не избитые, построение тщательное, однако никаких блесков или прикрас; большое душевное напряжение и никакого усилия в голосе: почти всё произносилось им на один лад и в одной манере». Не было такого дела, которое Красс счел бы слишком мелким и ничтожным для себя. Не находилось и такого дела, перед которым бы он смутился. Цицерон в одном из писем к другу Аттику ярко описывает, какими средствами он боролся за оправдание П. Клодия, привлеченного к суду по обвинению в кощунстве (П. Клодий был пойман в доме Цезаря во время религиозного праздника Доброй богини, пробираясь на свидание к его жене): «В течение двух дней, при помощи одного раба и этого человека из школы гладиаторов, он устроил все дело: позвал, посулил, похлопотал, дал. Более того, всеблагие боги! Какое падение! Даже ночи определенных женщин и доступ к знатым юношам были в полной мере к услугам некоторых судей в виде прибавки к оплате. Итак, при

полном отсутствии честных граждан, когда форум был заполнен рабами, двадцать пять судей все же были столь мужественны, что они, несмотря на крайнюю опасность, предпочитали даже погибнуть, нежели всё погубить. Но на тридцать одного судью голод оказал большее действие, чем дурная слава. Катулл, увидев одного из них, спросил: «Почему вы требовали от нас охраны? Не из страха ли, что у вас отнимут деньги?»

Вот в самых коротких словах каков был этот суд и какова причина оправдания».

Такой-то вот (очень успешной!) защитой в судах, приветливостью и доступностью, умением узнавать в лицо всякого римского гражданина, называя его непременно по имени, Красс старался понравиться согражданам и сравняться в славе с Помпеем, получившим уже прозвище Великого.

Вдобавок Красс никому не отказывал в денежных ссудах, не без процента, разумеется. Исключение он делал только для друзей, но возвращение ссуды в установленный срок требовал неукоснительно.

Число деловых друзей Красса было очень велико. Время от времени в число их попадал и Цицерон, хотя вообще их разделяли многие несогласия, особенно «дело Катилины». В 63 году Цицерон — а он был очень высокого мнения о своих деяниях периода консульства и отзывался о них в следующих высокопарных словах: «Государство погибало — я пришел ему на помощь. Отчизна тонула — я ее спас» — позволил своим клеветам публично заявить, что и Красс находился среди заговорщиков. Разумеется, Красс выкрутился, но долго Цицерону не мог этого простить. Тем не менее публично, когда их отношения улучшались, Цицерон говорил о Крассе как о «храбрейшем муже», с которым он «был связан теснейшими дружескими отношениями». В другие времена он отзывался о нем похуже, говоря, что есть люди, «готовые претерпеть всё, что угодно, уступить любому человеку, только бы достичь того, что они хотят; такими, как мы видели, были Сулла и Марк Красс», и еще: «с ним (то есть Крассом) у меня было много споров, и притом сильнейших».

С особым размахом Красс действовал в провинциях. Тут он занимался спекуляциями и ростовщичеством (часто через подставных лиц). Он приобрел серебряные рудники в Испании. В Риме он непрерывно покупал дома и сдавал их внаем. В Италии повсюду у него были богатые земли, хорошо устроенные имения, большие стада скота. Наконец, он покупал, как и Цезарь, красивых рабов, тщательно обучал их наиболее выгодным профессиям и также отдавал внаем.

Проводя жизнь в непрерывных хлопотах, Красс по примеру отца

широко открывал дом для знатной молодежи. Она пользовалась его прекрасной библиотекой, получала ссуды, слышала за столом интересные беседы.

Вообще Красс охотно давал обеды, особенно же любил приглашать на них влиятельных людей из народа. Простота его стола, как и неперменное радушие, доброжелательность и обходительность, производила на всех сильное впечатление...

IV

Наконец полководец прервал угрюмое молчание и сказал, что у них нет другого выхода, кроме одного — срочное сражение со Спартаксом и победа над ним: если они вздумают уклоняться от битвы, вся слава достанется Помпею...

Легаты не возражали. Молча встав, они поспешно разошлись по палаткам — готовить на всякий случай завещания.

V

Известие о выборах нового главнокомандующего в Риме и о победе Помпея Спартак получил почти одновременно с Крассом. В случившемся для него не заключалось ничего неожиданного. Тщательно изучая обстановку, верховный вождь повстанцев уже вскоре после убийства Сертория пришел к выводу, что следует ожидать замены Красса на посту главнокомандующего Помпеем.

Теперь, когда это случилось, предстояло перейти к выполнению составленного на этот случай плана: прорыву линии Красса и решительному сражению с ним. Что такое сражение неизбежно — и не для одной только стороны, но для обеих, — Спартак не сомневался.

Красс со своей стороны поспешил подтвердить такое мнение: в тот же вечер, когда было получено известие о выборах в Риме, по распоряжению полководца были ослаблены дозорные посты, стоявшие по всей линии вдоль стены.

Узнав об этом, в ставке Спартака собравшиеся командиры дружно посмеялись: предсказание вождя сбылось в точности; стена Красса оказалась совершенно бесполезной и не дала никаких выгод.

Итак, впереди была битва. В конечном успехе ее никто не сомневался.

Красс являлся хорошо знакомым, не раз битым противником. По указанной причине повстанцы надеялись на победу и на этот раз. Всю ночь в ставке Спартака обсуждали различные планы действий...

Среди всех предложений как главные были выделены для обсуждения следующие: 1) переправить все войско в Сицилию, 2) переправить его в Африку, 3) в Иллирию и Фракию, 4) в Сирию, 5) в Причерноморье, к скифам, 6) к галлам и германцам, 7) в Малую Азию, 8) продолжать войну в Италии.

Вариант с Сицилией и Африкой, несмотря на его поддержку некоторыми командирами, оказался отвергнутым сразу и подавляющим большинством. Сицилия служила для Рима безопасной периферией. Какие бы там поражения ни терпел Рим, они не могли оказать решающего воздействия на его судьбу. Пример двух сицилийских восстаний рабов неоспоримо это доказывал. Нельзя было также не учитывать следующего обстоятельства: Помпей уже развязал себе в Испании руки, победив Сертория, следовательно, он мог немедленно последовать со своим войском (присоединив в случае необходимости и войско Красса) в погоню за повстанцами в Сицилию. Избежать войны таким образом все равно не удалось бы. Кроме того, сицилийский театр военных действий Помпею хорошо знаком, поскольку он уже воевал там против марианцев и имел немало личных связей.

Отвергли и африканский вариант. Провинция Африка также была хорошо знакома Помпею — и там он воевал против марианцев. Сама провинция представляла собой узкую полосу, зажатую между морем и пустынями, неблагоприятную для действий больших армий. Сухой, очень жаркий климат рассматривался как заведомо неподходящий для выходцев из стран с умеренным и влажным климатом: Галлии, Германии, Фракии. Имелись и другие неблагоприятные обстоятельства: население Африки всегда ненавидело чужаков, отличалось коварством. Местные царьки, как и крупные приморские города, находились на стороне Рима. Следовательно, перспективы ведения здесь войны не могли рассматриваться иначе как крайне сомнительные. В случае неудачи отступить было бы некуда: с одной стороны пустыни, с другой — море. И если бы флот повстанцев в боях с римлянами погиб, вся армия оказывалась в большой западне...

Не нашло поддержки и предложение относительно Иллирии и Фракии. Большинство собравшихся считало, что Фракия разорена войной с М. Лукуллом, сильно ослаблена понесенными тяжелыми поражениями, потеряла боеспособность и боевой дух. Иллирия была отвергнута как бедная страна, имеющая маленькое население, маленькие ресурсы и мало

простора для боевых действий. Близость ее к Италии давала бы возможность римлянам быстро перебрасывать сюда войска. Следовательно, удаляться из Италии в Иллирию для ведения тех же боевых действий не имело никакого смысла.

Отвергли также и вариант «бегства в Сирию», хотя некоторым он казался особенно предпочтительным. Действительно, туда римлянам было бы труднее организовать экспедицию ввиду ее значительной удаленности. Можно было надеяться выиграть несколько лет мира. Но через несколько лет война с римлянами все равно должна была бы возобновиться: сенат, конечно, не мог позволить, чтобы с территории Италии — с оружием в руках! — бежали огромные отряды вооруженных рабов. Мнимая передышка могла только породить вредные иллюзии, она передавала инициативу в нападении римлянам. Но опыт предыдущих войн неоспоримо доказал одно: кто только обороняется в войне с римлянами на своей территории, тот неизбежно ими побеждается (такова оказалась участь царей Филиппа Македонского, Персея, греков и пр.). Надеяться на победу может только тот, кто ведет войну непременно на территории Италии, перекрывает ее своими маршрутами вдоль и поперек, поднимает повсюду восстания, опустошает враждебные области, делает частые попытки нападения на Рим с целью взять его штурмом или осадой. Так поступал великий Марий, ведя войну с сулланцами в 87 году. Как известно, он тогда победил, взял Рим и вырезал всех своих врагов. В сирийском варианте имелись и другие серьезные минусы. Сирия являлась «яблоком раздора» между сильными соседями: Арменией, Парфией, Египтом. Если бы войска повстанцев там и появились, эти державы, исходя из собственных интересов, немедленно послали бы туда свои войска (относительно могущественной Парфии, во всяком случае, не боящейся и римлян, в этом нет никаких сомнений). Следовательно, вместо желанного для некоторых мира все равно получилась бы новая война: на первом этапе с Парфией или даже с тройственной коалицией, на втором — с римлянами. Вмешавшись в войну на заключительном этапе, они пожали бы плоды, легко одолев ослабленного тяжелой войной победителя.

Горячо отстаивали свое предложение поклонники испанского варианта. Они ссылались при его защите на вполне неоспоримые преимущества: огромная территория, слабо освоенная римлянами и очень богатая, имеющая серебряные рудники; воинственное население, сильно враждебное римлянам: меньше чем 80 лет назад лузитаны сражались здесь девять лет против римлян под начальством пастуха и полководца — царя Вириата (149–139 до н. э.); непримиримо враждебным к римскому сенату

показало себя местное население и при Сертории (80–72 до н. э.): под его знаменами оно сражалось восемь лет. Борьба была прекращена лишь коварным убийством Сертория и его собственными ошибками. Испания находится близко к Галлии и Германии, значит, легко будет поддерживать связь с ними, подстрекать их на новую войну с Римом.

Достоинства испанского варианта Спартак признавал. Перспективным считал он и другой вариант: уход с войском в Причерноморье, к скифам. Спартак не сомневался, что неустрашимые скифы, никому не подвластные, никем не покорявшиеся, к тому же родственные фракийцам по крови, не боясь римских угроз, охотно примут все повстанческое войско. Но этот вариант Спартак рассматривал как самый крайний...

Наконец, галло-германский вариант. Его вождь восстания считал очень сомнительным: ни в Галлии, ни в Германии не имелось свободной земли для поселения. Уже по одному этому местные племена едва ли захотели бы принять их. Но было и другое веское соображение: в Свободной Галлии располагалось много племен, союзных Риму. Следовательно, если бы и удалось проложить путь через две римские провинции, занятые вооруженной силой (Цизальпийскую и Трансальпийскую Галлии), то и тогда в Свободной Галлии пришлось бы неизбежно вступить в вооруженную борьбу с римскими союзниками. Исход ее предвидеть было невозможно, поскольку римляне находились неподалеку.

Учитывая все это, сам Спартак высказался за то, чтобы при крайних обстоятельствах борьбы в Италии переправиться с армией в Малую Азию. Цель такой переправы: 1) блокировать армию Л. Лукулла, заручиться поддержкой Митридата, непримиримого врага римлян, 2) овладеть неограниченными финансовыми ресурсами. В случае если война окажется неудачной, отступать в Скифию. Там можно будет снова собраться с силами, набербовать вспомогательные войска, как не разделал Митридат, договориться со скифскими предводителями и царями о войне по вполне определенным направлениям...

Предложение Спартака подавляющим большинством было признано наилучшим. Военный совет восставших поручил своему верховному вождю принять все необходимые практические меры для подготовки этого варианта в качестве резервного на случай неудачного оборота войны в Италии. Ибо война в южной и центральной Италии была признана самым главным вариантом. Военный совет восставших постановил: не уступать врагу ни пяди и держаться в Италии, подобно Ганнибалу, до последней крайности, так как только такая война дает надежду на успех, на победу над Римом.

Утром следующего дня, после прорыва спартаковцев на большом участке стены, начались первые стычки легковооруженных. Красс не хотел торопиться и по настоянию осторожного П. Консидия желал дать возможность легионерам вновь укрепиться в мысли, что за славу победителей им предстоит еще раз скрестить оружие с восставшими рабами.

А на следующий день, 21 декабря, со своей охраной в римский лагерь примчался Цезарь. Едва смыв с себя дорожную пыль (в самый холодный месяц года температура на юге Италии + 10°), он сделал перед Крассом и его легатами обстоятельный доклад о выборах нового главнокомандующего в Риме и общей политической ситуации. Как и в своем письме, он горячо высказывался за немедленное сражение.

Цезарю возражал П. Консидий. Он стоял за более осторожную тактику, за постепенное возвращение воинов к мысли о новом сражении путем предварительных мелких стычек.

Со своей стороны Красс находил достаточно убедительными доводы обеих сторон и сильно колебался, склоняясь попеременно то в одну, то в другую сторону. Он хорошо понимал, как велик риск.

В конце концов Консидий благодаря своей признанной военной репутации взял все-таки верх. После этого совещания 21 декабря стычки шли уже изо дня в день, утром, в полдень и вечером. Цезарю, получившему под свою команду легион, хотелось всей армией перейти на вражескую сторону, двинуться прямо к Регию и у стен его дать врагу битву. Но Красс с таким предложением не соглашался, считая его опасным.

В свою очередь, восставшие (к стене по приказу вождя они выдвинули половину армии под начальством Ганника) успешно отражали нападения врагов и старались оттеснить их назад.

После одной, очень удачной стычки, когда римляне обратились в бегство и потеряли много воинов убитыми и взятыми в плен, Ганник приказал распять на кресте их предводителя, знатного римлянина. Крест был воздвигнут в промежуточной полосе между двумя войсками, на виду у римлян.

К месту казни пленный римский военачальник тащил крест — по римскому обычаю — на собственных плечах, изрыгая страшную брань и проклятия, а восставшие, сопровождавшие его нестройной толпой, в свою очередь, отвечали ему бранью и насмешками.

При виде креста с распятым легионеры и командиры из римского лагеря закусали губы от бессильной злобы. Красс постарался их успокоить, говоря:

— Этот варвар подкрепляет таким образом упавший дух своих воинов. Он показывает им образ того, что ждет их при поражении. Римлянам следует воспринимать произведенное распятие как предзнаменование. Такая позорная казнь будет скоро уделом всей банды взбунтовавшихся рабов! Никто из них не избежит расплаты, и они, победители мира, уставят крестами всю дорогу от Капуи до Рима.

Лица легионеров после речи Красса прояснились. Но некоторые из наиболее опытных командиров многозначительно переглянулись. Они восприняли весь этот эпизод как свойственный германцам обычай — акт жертвоприношения, которым объявлялось начало непримиримой войны ^[50].

И это действительно было так. В повстанческом лагере легаты и военные трибуны усиленно тренировали солдат. В свободное время, главным образом в вечерние часы, они и певцы, воспевавшие героев, готовили воинов к новому подвигу — к прорыву и решительному сражению с врагом.

А верховный вождь восставших неустанно изучал планы местности, в которых им намечались будущие бои. Он тщательно взвешивал различные возможные маршруты Помпея. Спартак старался рассчитать такой вариант, чтобы с максимальной выгодой сыграть на противоречиях между двумя римскими полководцами.

По ночам за линию вражеских укреплений отправлялись его посланцы. Они везли с собой приказ вождя конным партизанским отрядам прорываться к нему на соединение. Одновременно лазутчики и мнимые перебежчики пробирались и приходили в лагерь римлян и рассказывали там истории, рассчитанные на введение в заблуждение Красса относительно планов Спартака и его действительного положения.

В партизанских отрядах приказ верховного вождя повстанцев встретили с пониманием. Уже к вечеру первого дня боев в лагерь Спартака стали прибывать отряды конницы из Брутия.

Три дня спустя после возобновления боев Спартак переслал Крассу письмо с предложением переговоров. Он советовал ему взять на себя посредничество в заключении мира между ним и сенатом. Условие мира — уступка ему, как он и прежде предлагал, двух провинций — Цизальпийской и Трансальпийской Галлий. Красс, зная позицию сената, отвечавшего до сих пор молчанием на все письма Спартака, с презрением отверг его предложение. От перебежчиков римский полководец имел, как ему

казалось, вполне обнадеживающие вести: по словам последних, повстанцы терпели недостаток в продовольствии, Спартак вот-вот будет вынужден обратиться к великодушию римского полководца.

В ставке Красса с жадностью внимали таким речам. Впервые — после многих неудач — на лицах легатов появились радостные улыбки. Красс и П. Консидий торжествовали: нет, не напрасна оказалась стена; не напрасно вынесли они столько ругани своих политических противников и проявили такую выдержку; нет сомнения, их великий план вот-вот принесет им бескровный успех, ничуть не менее значительный, чем успех, которого добился Л. Лукулл под стенами Кизика.

В римском лагере воцарилось радостное и нетерпеливое ожидание...

VII

А в то время как среди подчиненных Красса господствовало приподнятое настроение и в честь будущей победы уже устраивались пирушки, особые отряды, высланные Спартаком к римским укреплениям, в ночь на 24 декабря приблизились к ним и беспрепятственно заложили часть рва мешками с землей, бревнами и связками фашинов. После этого 50 тысяч человек пехоты и 4 тысячи человек конницы («Третья часть войска», — как говорит Плутарх) во главе со Спартаком вышли из лагеря, под прикрытием густого снега прошли через линию римских укреплений и форсированным маршем двинулись на север... В повстанческом лагере у Регия осталось по приказу верховного вождя еще 90 тысяч войска...

VIII

Слитный топот огромной массы людей, шедших сначала шагом, а потом перешедших на бег, поднял на ноги римские дозоры.

Хрипя и ругаясь, легионеры бежали от насиженных мест у костров к стоявшим в стороне лошадям — они сразу поняли: враг производит вылазку огромного масштаба...

Через 20 минут римский лагерь напоминал развороченный муравейник. Легаты, военные трибуны, центурионы, толкая друг друга, выскакивали из палаток и бежали к палатке главнокомандующего. Красс, узнав о неприятельской вылазке, совершенно для него неожиданной, так как он ожидал сдачи от Спартака, побледнел. Столпившиеся вокруг него

легаты, за которыми стояли толпы воинов, одолевали его вопросами: «Кто совершает вылазку — сам Спартак или подчиненные ему командиры? Какая часть неприятельского войска выбралась из ловушки? Куда намерены идти бежавшие рабы? Что делать теперь?..»

На эти вопросы Красс не мог ответить. И до самого рассвета (отправив разведчиков по следам ушедших вперед рабов с приказом доставить ему пленных или перебежчиков) полководец метался по своей палатке. Его душили злоба и страх.

Красс терял постепенно голову. В одну из таких ужасных для него минут он присел к походному столу и написал два исключительно важных письма. Одно адресовалось сенату, в нем полководец сообщал о совершенном повстанцами прорыве, с болью в сердце предупреждал, что угроза со стороны рабов стала еще большей, и требовал назначения диктатора. В другом письме, адресованном М. Лукуллу, Красс умолял его о помощи и просил прибыть из Фракии в Италию не позже двух недель по получении письма...

IX

На рассвете разведчики вернулись в римский лагерь и привезли с собой перебежчиков. Красс допросил их и узнал следующее: за выстроенными им укреплениями осталось две трети неприятельского войска под начальством Ганника; последнему поручено, как Спартак выразился, «сторожить Красса»; сам Спартак с одной третьей войска отправился навстречу Помпею, имея намерение сокрушить его молниеносным натиском. Тем самым, по его мнению, Красс окажется перед необходимостью снять осаду с оставшейся части войска. В результате она сможет вновь соединиться с ним, чтобы возобновить с Крассом борьбу.

Так говорили перебежчики. Удалив их, полководец заслушал доклад своих разведчиков, долго следовавших по следам вышедших за укрепления Красса повстанческих частей. Данные разведчиков с данными перебежчиков совпадали.

Когда последние также удалились, полководец и члены военного совета долго молчали. Всех терзала одна мысль: а вдруг проклятый Спартак действительно победит Помпея? Тогда Рим беззащитен... А если он проиграет битву? Несомненно, слава победителя достанется Помпею... Выходит, как ни крути, выход один: надо бросить бесполезные теперь укрепления и скорее спешить вдогонку за Спартаком. Нельзя позволить ему

вступить с Помпеем в бой...

На том и порешили. Тотчас по закрытии военного совета римская армия поспешно собрала свои обозы и выступила из лагеря. Имея впереди кавалерию — ей Красс приказал догнать противника и постараться задержать его, — римляне двинулись следом за ушедшими вперед повстанцами.

X

Известие об уходе римлян из лагеря Ганник получил тотчас. Повстанцы торжествовали и осыпали Красса насмешками за проделанную им бесполезную работу.

Итак, половина задачи благополучно разрешилась: осада была снята. Открывалась реальная возможность без всякого риска, не подвергаясь внезапному нападению, вывести за вражеские укрепления оставшуюся часть войска.

Выступая перед воинами на претории, Ганник в яркой речи разъяснил новую ситуацию: сейчас они и сами выступают в поход; в лагере остается 10 тысяч человек под начальством Публипора. Им предстоит продолжать борьбу у Регия, стараясь отнять город у римского гарнизона и продолжая делать попытки переправы в Сицилию до тех пор, пока не будет достигнут успех. Остальные отправятся на соединение со Спартаксом. Впереди у них несколько жестоких сражений, в которых надлежит окончательно сокрушить и уничтожить Красса. Никакого мира, никакого соглашения с римлянами не будет. Об этом говорит молчание сената, не желающего уступить им ни обе, ни одну галльскую провинцию, отказ от переговоров со стороны Красса. Залогом непримиримой войны будет отныне смерть всех римлян, взятых в плен в последних боях. Предстоит также избавиться от лишних вьючных животных и лишнего багажа. Их ждет стремительный марш на север налегке.

Так говорил Ганник, ближайший соратник Спартака после смерти Крикса. Речь его войско встретило с энтузиазмом.

В течение часа палатки были свернуты, колонны выстроены в походный боевой порядок. Лишние мулы и лошади, везшие армейскую добычу и поклажу, подведены ко рву и убиты. Их участь разделили римские пленные. Добровольцы из гладиаторов и рабов, особенно ненавидевшие жителей Вечного города, наносили врагам меткие, смертельные удары и сваливали их друг на друга в ров.

Когда с ними было покончено, трубы дали сигнал к выступлению. По римским телам повстанческая пехота прошла через ров, служивший теперь для каждого как бы символом невозможности примирения с римлянами (С. Фронтин).

После долгого и утомительного пребывания на Регийском полуострове армия с удовольствием покидала его. Впереди был новый поход с его сражениями, подвигами, наградами и добычей, то есть именно той жизнью, которая единственно достойна настоящих мужчин. Так думали галльские, германские, фракийские и другие воины, бодро шагая в колоннах за своими командирами. В том, что их ждет успех, что они победят и Красса и Помпея, среди них не сомневался никто.

XI

26 декабря письмо Красса о совершенном Спартакоем прорыве и его движении на север прибыло в Рим и немедленно — ввиду его срочности — было оглашено в сенате.

Послание полководца произвело потрясающий эффект. Помпеянцы, перебивая друг друга, с неистовым озлоблением набросились на Красса, подвергая его поношению как полководца, требуя — для спасения государства — всю власть сосредоточить в руках одного лица и с этой целью Помпея назначить диктатором.

Сторонники Красса энергично возражали. Они указывали, что Помпей, до сих пор стоящий лагерем под Римом и проявляющий непонятную медлительность, находится еще слишком далеко, чтобы как-нибудь реально помешать действиям Спартака. Это может сделать только Красс, неустанно преследующий восставших. Следует поэтому вручить диктатуру Крассу.

С таким предложением помпеянцы не хотели согласиться. Завязалась жаркая полемика со взаимными обвинениями и оскорблениями. Некоторые ведущие лица сената вообще высказывались против назначения диктатора. Страх перед Спартакоем оказался так силен, что ввиду критической обстановки сенат назначил сразу двух командующих — Помпея и Красса. Правда, командование второго полководца ограничивалось самым коротким временем — соединением Помпея с его армией. После этого незадачливому противнику Спартака надлежало командование сдать сопернику и вернуться в Рим для исполнения обязанностей претора.

Тотчас после закрытия заседания сената скоростные гонцы

отправились в ставку Красса с копией сенатского постановления, с письмами от его друзей.

А Помпей (до сих пор он отговаривался от немедленного выступления необходимостью дать небольшой отдых армии, измученной долгой дорогой из Испании), получив сенатское постановление о назначении его главнокомандующим, тотчас нашел, что армия отдохнула уже достаточно. Всё оказалось у него наготове. Это сразу обнаружилось, когда час спустя после доставки к нему сенатского постановления его армия покинула свой лагерь.

Провожаемый добрыми напутствиями сограждан, Помпей двинулся в поход, должный принести ему и его войску новую честь и славу...

Глава двадцать седьмая

ГИБЕЛЬ ГАННИКА И КАСТА

ПОРАЖЕНИЕ АРРИЯ И СКРОФЫ

I

На пятый день пути, сойдя с дороги, соединявшей Капую с Регием, 40-тысячная армия Спартака вышла в верховья реки Силара и расположилась лагерем. Позади осталось около 180 километров пути. Красс сильно отстал, так как его обременяли обозы. Кроме того, на хвосте римской армии висело пять тысяч кавалерии второго повстанческого войска, шедшего под начальством Ганника. Двигаясь впереди своей пехоты, она непрерывно нападала на врага, подобно тому как большая часть кавалерии самого Красса нападала почти все время на арьергард Спартака.

Расположившись в окрестностях Консенции, где Спартак оставил гарнизон еще при движении на юг, вождь восставших решил испытать против Красса очередную хитрость — первую после совершенного прорыва. С этой целью он организовал отход от своих сил 10-тысячного отряда. Последний не торопясь двинулся на дорогу, ведущую навстречу Помпею, и расположился возле нее лагерем всего в 10 километрах от Спартака.

Мнимые перебежчики и некоторые командиры (по распоряжению вождя они поддерживали тайную обманную связь с римским полководцем) тотчас донесли Крассу о следующем: в армии восставших раскол. Спартак намерен кратчайшим путем проследовать на Брундизий, захватить внезапно его корабли и, соединившись затем с частями войск, ведомыми Ганником, вывезти всех людей в Сицилию. Его личные планы насчет боя с римлянами внезапно изменились. Но с ним согласны далеко не все. На военных советах идут ожесточенные споры. Командиры отошедшего 10-тысячного отряда объявили о своем неподчинении новому плану вождя и желают, как он прежде сам хотел, идти на Помпея. Они послали гонцов с письмами к Ганнику и другим легатам, идущим вслед за Крассом, уговаривая их присоединиться к ним. Они надеются, что Спартак, очутившись в меньшинстве, подчинится желанию большинства и двинется

вместе со всеми на Помпея, как он сам это прежде предлагал.

Получив приятное известие о разногласиях среди врагов, Красс ободрился и уже с готовностью расположился станом возле малого лагеря повстанцев. Он питал большие надежды на победу и не собирался теперь уклоняться от боя. Впрочем, уклоняться от него дальше было бы и затруднительно: впереди находился 10-тысячный отряд врагов, позади — более многочисленное войско под начальством Ганника, слева — море, справа — всего в 10 километрах — Спартаке 30-тысячным войском. В таком положении, находясь как бы в кольце, более предпочтительным казался бой со слабейшим противником. Но так как Красс ничуть не сомневался, что отделившимся окажут помощь, то он, в свою очередь, разделил войска на три части: против 30-тысячной армии Спартака Красс поставил 40 тысяч лучших войск под началом наиболее заслуженного легата — Кв. Аррия; против 10-тысячного отряда спартаковцев-«мятежников» с 15 тысячами стал сам (под его начальством находился и легион Цезаря); остальные свои силы Красс поставил под начальство П. Консидия против Ганника. На какие-либо успехи своих помощников Красс не особенно надеялся и поручил им лишь держаться изо всех сил, выигрывать время, чтобы дать ему возможность уничтожить отделившийся отряд.

Между тем Ганник, находившийся всего в 12 километрах, приблизился к римскому стану и начал окапываться, собираясь устроить крепкий лагерь.

Но Красс не желал дать ему возможности укрепиться и подал сигнал к битве. Кв. Аррию с его легионами пока предстояло бездействовать. Но никто не сомневался, что Спартак явится тотчас, как только узнает о битве.

Так действительно и получилось. По обе стороны от римского лагеря бой развернулся со всем ожесточением. Красс и Цезарь яростно наступали на «мятежников» — оба хорошо сознавали, что бьются за свое влияние и будущую славу; «мятежники» энергично сопротивлялись.

В свою очередь, повстанцы под начальством Ганника и Каста бешено напирали на римлян и теснили их. Через три часа те пришли в совершенное расстройство. Тщетно П. Консидий слал гонцов к полководцу, прося его позволить взять на помощь часть сил у Аррия. Красс на все просьбы отвечал отказом: Спартак вот-вот подойдет своим на помощь; он уже в пути; держитесь изо всех сил; еще немного времени, я покончу со своим противником и затем сам помогу вам.

И П. Консидий держался. Умоляя и ругаясь, появляясь в самых опасных местах, хватая за ворот бегущих воинов и поворачивая их лицом к повстанцам с криком: «Там враг!» — он сумел продержаться до подхода

Красса.

Но когда явился Спартак и прямо с ходу вступил с Аррием в бой, начав сразу теснить его, настроение повсюду в легионах резко упало. И Красс и Консидий это быстро почувствовали. Убедившись, что надежды на победу нет, полководец приказал начать общий отход в лагеря, что и было проделано.

О новой большой битве Красс сообщал в сенат, особенно упирая на свою победу: из 10-тысячного отряда спартаковцев-«мятежников» он уложил на поле боя 6 тысяч, а 900 человек взял в плен. О том, какой исход имели битвы Кв. Аррия со Спартаком и П. Консидия с Ганником, Красс предпочел умолчать.

В тот же день, к вечеру, Красс получил из Рима копию сенатского постановления и многочисленные письма от друзей о положении в столице. Постановление сената Красса обрадовало. Но то же постановление Красса и охладило — оказывается, командование будет находиться в его руках лишь до встречи с Помпеем...

Агентура Красса, оседлавшая все дороги на пути от Рима, доносила: Помпей миновал Террацину. Это значило, что он находится от него на расстоянии около 360 километров, то есть всего девяти дней пути. И с каждым днем теперь расстояние будет быстро сокращаться — ведь спартаковские командиры, как сообщали ему, Крассу, тайные осведомители, на военном совете, вновь собравшемся после битвы, сумели настоять перед своим вождем на движении Помпею навстречу.

В этот вечер и ночь у Красса и его легатов было над чем подумать...

II

Итак, хитрость с отделением 10-тысячного отряда под видом мятежного не дала Спартаку ожидаемого результата: генерального сражения и полного разгрома Красса. Римляне дрались храбро, их полководцы руководили своими войсками предусмотрительно; с другой стороны, численность 10-тысячного отряда для оказания успешного сопротивления врагу оказалась явно недостаточной.

После обсуждения положения с командирами Спартак решил испытать новую хитрость: организовать на этот раз отделение от войска 35-тысячного отряда под начальством своих ближайших помощников — Ганника и Каста; они должны были отойти под видом желающих вести войну на свой страх и риск и двинуться на север, навстречу Помпею,

увлекая за собой Красса. Сам Спартак, чтобы внушить римскому полководцу побольше смелости, собирался задержаться в истоках Силара на сутки и таким образом подать Крассу надежду на беспрепятственное уничтожение отделившейся части повстанческого войска.

Через сутки сам Спартак намеревался сняться с лагеря и двинуться к Луканскому озеру, где предполагалось дать Крассу новое генеральное сражение; Ганник должен был завязать его, а Спартак подойти позже и с ходу включиться в битву.

По расчетам повстанческого вождя, это сражение давало Крассу последнюю возможность стать победителем: на следующий день в зону боев вступал Помпей; после этого Крассу приходилось бы думать уже не только о победе над рабами, но главным образом о том, как бы уклониться от встречи с ним (при встрече с Помпеем ему пришлось бы сдать командование).

В соответствии с принятым решением утром 29 декабря 72 года 35 тысяч пехоты и 2 тысячи всадников под начальством Ганника и Каста покинули лагерь и двинулись на север.

Одновременно в лагерь Красса бежали от Спартака новые мнимые перебежчики, а «сторонники» римского полководца из повстанческих командиров отправили ему новые срочные письма.

Красс со своими легатами с жадным нетерпением прочитал полученные послания и допросил «перебежчиков». Картина представилась следующей.

На военном совете у Спартака конфликт непрерывно расширяется. На последнем совещании повстанческих легатов у Регия перед прорывом за движение на Помпея было подано два голоса (они представляли 10 тысяч человек), за движение на Брундизий с последующей переправой в Сицилию — шесть голосов (30 тысяч человек); пятнадцать человек воздержались от голосования (а представляли они 75 тысяч человек), считая вопрос недостаточно ясным.

На новом совещании после неудачного сражения 10-тысячного отряда с Крассом раскол страшно усугубился: за движение на Брундизий по-прежнему высказывалось 6 человек, за движение на Помпея — уже 7, число воздержавшихся от голосования сократилось с 15 до 9. Так как из-за прибавления голоса самого Спартака в качестве верховного вождя ни одна из точек зрения не получила большинства, было решено провести утром новое голосование.

Всю ночь представители сторон отчаянно уговаривали нейтралистов. Ганник бил себя в грудь и уверял, что победа неподалеку: стоит двинуться

на Помпея — и они одержат верх несомненно; так подсказывает ему его внутренний голос, а он никогда еще его не обманывал. И не сойти ему живым с этого места, если его предсказание ложно. И пусть тогда будет посрамлено его настоящее славное имя Канникий («Предвещающий победу»), и пусть забудется его римское имя Ганник («Блещущий победами»). Так говорил Ганник, и его во всем поддерживал Каст. И хотя он пользовался, как и его товарищ, большой известностью и популярностью за свой ум, храбрость и воздержанный образ жизни, на что указывало само имя (Каст означает «Незапятнанный, бескорыстный»), все-таки они оба не смогли устоять в споре против верховного вождя. Пустив в ход все средства давления, Спартак взял верх. В результате 16 голосами (все колебавшиеся присоединились к нему) против 7 он провел решение о движении на Брундизий. В ответ Ганник и Каст устроили особое совещание. На нем они вынесли решение не подчиняться мнению большинства, отделиться от войска и двинуться на Помпея, начав войну на свой страх и риск. Такое решение вызвало среди командиров, сторонников Спартака, целую бурю. Сам верховный вождь, подобно олимпийцу, метал против грозивших расколом грома и молнии. Он требовал мятежников арестовать и разоружить легионы, которые пожелали бы их поддержать. Ему энергично возражали командиры из бывших нейтраллистов; они больше всего боялись довести дело до внутренней междоусобной борьбы с оружием в руках.

В настоящий момент споры до такой степени разгорелись, что даже нельзя предсказать, как они завершатся: пойдут ли легионы сразу к Брундизию, бросив Ганника и его коллегу на произвол судьбы, или Спартак в конце концов возьмет верх над несогласными и погонится за отделившимися вдогонку с намерением покарать мятежников...

Вот какое мнение составили себе Красс и его легаты на основе полученных писем и допроса «перебежчиков».

Тотчас между ними, в свою очередь, возник ожесточенный спор. Кв. Аррий, Цезарь и группа молодых командиров, стремившихся отличиться на самостоятельных действиях, предлагала разделить Крассу войско на две части: одну послать за Ганником и Кастом в погоню с приказом уничтожить их до столкновения с Помпеем, вторую под его собственным начальством направить против Спартака, чтобы дать ему новое генеральное сражение при первом удобном случае.

Такое предложение Крассу не понравилось. По его мнению, делить войско значило ослаблять его. Поэтому полководец предлагал, испытывая намерения неприятеля, до самого вечера стоять на месте, не обращая

внимания на уход части повстанческих сил. Если Спартак за целый день не сговорится со своими, то они оставят в лагере два легиона для отвода глаз, а всем остальным войском тайно покинут лагерь, пойдут вдогонку за ушедшими мятежниками и разобьют их внезапным нападением, как это Аррий сделал с Криксом.

Предложение Красса пришлось по душе далеко не всем, и они пытались его оспорить. Но тщетно. Полководец твердо стоял на своем, и П. Консидий полностью поддерживал его.

День тянулся мучительно долго — Спартак не двигался с места... Наконец наступила нетерпеливо поджидавшаяся ночь. По распоряжению полководца армия тихо снялась с лагеря и, оставив на месте два легиона для прикрытия обозов (с собой было взято только насущно необходимое), по заранее разведанной дороге в обход повстанческих дозоров двинулась на север.

В течение двух дней — 30 и 31 декабря — римские войска большими переходами спешили вдогонку за отделившимися повстанческими легионами и наконец настигли их у Луканского озера.

К этому времени беспокойство римского командующего достигло предела. Во-первых, расстояние, отделявшее его от Помпея, сократилось уже до самого минимума и составляло в настоящий момент каких-нибудь 100 километров. Во-вторых, как доносили разведчики и перебежчики, Спартак и его легаты, обнаружив уход римской армии, сразу прекратили все споры и двинулись на помощь своим мятежным товарищам.

Медлить было нельзя. Тотчас по прибытии к Луканскому озеру Красс приказал построить два лагеря: меньший против Каста и Ганника — его занял Аррий с 40 тысячами пехоты и 3 тысячами конницы — и другой, больший, против Спартака, в котором разместился он сам с большей частью войска.

Едва земляные работы были завершены, Красс отдал приказ Аррию начинать битву.

Последний, не колеблясь, вывел пехоту и конницу в поле, придвинул их к вражескому лагерю и стал вызывать повстанцев на битву. Ганник ничуть не смутился. В свою очередь, он вывел войска — 35 тысяч человек пехоты и 2 тысячи конницы — из лагеря и выстроил их в боевой порядок. Левым флангом для предупреждения обхода он примкнул к озеру, а всю конницу сосредоточил на другом фланге.

Аррий, старый недруг спартаковцев, гордый своей победой над Криксом, сильно надеялся стяжать себе новые лавры победителя. Но на деле всё оказалось не так просто, как он рассчитывал.

В течение нескольких часов шло упорное сражение. С обеих сторон полководцы уставших заменяли свежими воинами, в критические моменты лично появлялись в боевой линии. Окруженные телохранителями, они яростно действовали мечами.

День склонялся к вечеру, а Аррий все не мог добиться успеха. Крепкая позиция повстанцев исключала возможность обхода и не давала возможности развернуть по фронту больше сил, чем они могли отразить.

Наконец, взбешенный неудачей, Красс приказал трубачам дать кавалерии, тщетно рубившейся с вражеской, сигнал «отбой». Повинуясь приказу полководца, Л. Квинкций со своими людьми начал отходить назад. Повстанцы его не преследовали — Ганник хотел дать своей кавалерии также передохнуть. Но это совсем не входило в расчеты Красса. Из оставшихся у него 7 тысяч конницы (к нему также все время подходили подкрепления) он приказал двинуть в бой отборный конный резерв.

Удара свежих сил конница Ганника не выдержала и стала отходить. Вслед за ней дрогнули повстанческие легионы и, в свою очередь, стали отступать от озера в сторону горы Каламация, находившейся в тылу.

В самый критический момент сражения (Красс уже надеялся, что удастся опрокинуть врага еще одним сильным натиском) явился Спартак со своими легионами. В развернутом боевом строю он напал на большую часть римского войска, возглавлявшуюся самим Крассом.

После этого возможности сторон быстро уравнились, так как Аррию пришлось вскоре послать часть своих сил на помощь Крассу.

Сражение длилось еще несколько часов с большим ожесточением. Каждая из сторон отчаянно напрягала силы, борясь за победу. Но тщетно! Темнота заставила полководцев дать сигналы о прекращении битвы и отходе на исходные позиции^[51].

III

Возбужденные успешной битвой легаты собрались в палатке у Красса. Каждому было чем похвастать. Красс и Аррий, несмотря на потери, были вполне довольны исходом двойного сражения: во-первых, легионеры дрались храбро; во-вторых, враг понес потери не меньшие, если не большие; в-третьих, по слухам, Спартак лишился своего самого видного соратника — Ганника, павшего в битве.

Дошедший до римлян слух оказался справедливым: это вскоре подтвердили новые «перебежчики». Лагерь повстанцев погрузился в траур.

У погребальных костров Ганника и других командиров, павших в бою, Спартак и его соратники перед всем войском говорили речи, прославляя доблесть умерших товарищей.

Особенно лестными словами все единогласно отмечали Ганника, прекрасного товарища, предусмотрительного полководца, доблестного воина, образованного человека, принявшего латинское имя Гая, несмотря на кельтское происхождение.

После траурных речей погребальные костры были зажжены. И снова, как прежде, пленные римляне с ужасными проклятиями должны были в память павших повстанческих вождей с оружием в руках вступить друг с другом в бой на глазах собравшегося гладиаторского войска...

Так завершился день. Прах павших был пересыпан в урны, которые как дорогие реликвии взяли наиболее близкие товарищи погибших с клятвой отомстить за них.

Затем все разошлись по палаткам — завтра предстояло новое сражение. А Каст и еще несколько легатов из меньшего войска до полуночи находились в палатке Спартака. Они пили вино и вспоминали самые блестящие подвиги ушедших от них навсегда боевых товарищей.

Потом они обсуждали события дня и предстоящее новое сражение — последнее до подхода Помпея.

Прощаясь, Спартак крепко обнял Каста и по-братски его расцеловал. Кто мог знать достоверно, что сулит завтрашний день?

IV

Ночь прошла спокойно. Каст со своими товарищами вернулся в малый лагерь. Воины отдыхали, и преемник Ганника (в предыдущем сражении Ганник командовал правым флангом, а Каст — центром войска) также лег спать: к завтрашней битве следовало хорошо отдохнуть.

А Красс, советуясь со своими, не без труда привел их к единому мнению. Для Аррия и его офицеров вопрос казался совершенно ясен: все должны оставаться на своих местах. Сохраняя таким образом за собой в качестве противника Каста, честолюбивый Аррий надеялся стать победителем также и третьего ближайшего помощника Спартака. Красс отлично понимал эту его тайную надежду и с трудом скрывал недовольство: ему вовсе не хотелось, чтобы собственный помощник затмил его своими подвигами.

Проницательный П. Консидий легко уловил затаенное недовольство

полководца и подал ему хитрый совет: надо перемениться войсками. Пусть Аррий станет против Спартака, а он, Красс, против Каста; палатка Красса пусть по-прежнему остается в большом лагере, и личное знамя Красса пусть остается в большом войске, которым станет командовать Аррий. Обманутый этим Спартак будет думать, что против него стоит Красс; но сражаться ему придется с Аррием. Красс же, обманув Каста, сразится с ним и конечно же уничтожит его. Таким образом, на долю Красса выпадет слава, Аррию же стяжать ее не удастся, так как против него сражаться будет сам Спартак.

Хитрый совет П. Консидия Крассу понравился, и на военном совете он сказал о необходимости перемениться войсками. Аррий сразу понял, в чем дело, и стал возражать, доказывая, что подобная перемена нецелесообразна и покажется странной всему войску. После длительного спора ему все-таки пришлось уступить.

Тотчас по закрытии военного совета Красс в сопровождении легатов, подчинявшихся прежде Аррию, отправился в малый лагерь. Оскорбленный Аррий остался в большом лагере. Настроение у него было мрачное. Закусив с досады губу и проклиная хитрого П. Консидия, он обещал сам себе отплатить Крассу за сегодняшнее оскорбление — отнятие у него верной славы победителя Каста и назначение его на трудную битву со Спартаком без права поднять свой личный штандарт.

V

Близились долгожданное утро. Красс и Аррий, поднявшись до зари, взволнованно шагали по палаткам. Аррию было не по себе: вновь придется скрестить оружие со Спартаком. Красс волновался за судьбу посланного им в засаду легиона.

За несколько часов до рассвета римский полководец послал 6 тысяч человек под начальством Цезаря скрытно занять один холм неподалеку от места предполагаемой битвы. Засаде было приказано ударить врагу в тыл, когда завяжется сражение, и римляне начнут притворно отступать, а гладиаторы станут их преследовать.

Красс возлагал на этот план большие надежды, но он, к его огорчению, сразу расстроился. Случилось это так.

Еще до рассвета (1 января 71 года) две женщины — одна фракиянка, а другая галатка (обе входили в число жриц бога Солнца, возглавлявшихся женой Спартака^[52] и отправлявших в войске религиозные обряды) —

отправились на гору Каламация для принесения жертвы в честь вновь наступающего года — такие жертвы приносились ежегодно.

Принося жертву, сверху, с горы, они увидели засевших на холме в засаде римлян, укрывших зеленью свои доспехи и шлемы. Обнаружив неприятеля, жрицы тотчас побежали в лагерь.

Их встретил Каст, бодрый, отдохнувший, дышавший уверенностью и спокойствием. Окруженный разведчиками, он давал им распоряжения обследовать местность вокруг предполагаемого поля битвы.

Донесения жриц пришли очень даже вовремя. Каст немедленно отправил своих лазутчиков с приказом найти наиболее удобные пути подхода к вражеской засаде. Одновременно он велел поднять легионы, накормить их и приготовить к бою.

Распоряжения его были выполнены со всем рвением. Вскоре вернулись разведчики. После разговора с ними Каст приказал одному из легатов по найденному пути скрытно подойти со своим легионом к неприятелю и внезапно атаковать его.

Так-то получилось, что вместо неожиданного нападения на повстанцев Цезарь сам стал жертвой внезапного нападения. Отчаянно отбиваясь, он немедленно послал к Крассу за помощью.

Получив известие о случившемся, Красс грубо выругался: мало того, что засада сорвана, вдобавок и инициатива перешла в руки врага. Но медлить было нельзя: Цезарь находился в трудном положении.

По распоряжению полководца букцинарии своими рожками вызвали в его палатку легатов. Они пришли крайне раздраженные. Все держались мнения, что в срыве засады виноват сам Красс, который назначил ей неумелого командира, и что при Аррии такое бы не случилось.

Красс, однако, сделал вид, будто не замечает негодования легатов. Хладнокровно он указал каждому его место в строю, распорядился часть сил послать на помощь Цезарю, а Квинкцию приказал поделенную между лагерями конницу направить к вражеским станам и начать вызывать рабов на битву.

Квинкций без промедления выполнил приказ. Одна часть римской кавалерии, подскакав к лагерю Спартака, стала бросать через вал камни и копья, выкрикивать оскорбления и ругательства; другая часть проделала то же, подскакав к лагерю Каста.

Спартак и Каст ответили одинаково: оба стали выводить из лагерей легионы. Высланная вперед конница вступила с врагом в схватку и стала теснить его назад.

Убедившись, что повстанцы намерены дать битву, Квинкций приказал

своим отступать. И, когда повстанческая пехота, беглым шагом следуя за конницей, приблизилась к развернутым в боевой порядок легионам Красса, римская кавалерия расступилась, уйдя на фланги, а римская пехота с криком ударила на врага. Так началось сражение, самое большое из бывших в эту войну (Плутарх).

В течение двух часов повстанцы и римляне, не уступая друг другу, с бешенством резали друг друга. Потом прежняя картина вновь повторилась: Спартак начал теснить Аррия, заставляя его отходить к лагерю, а Красс и Консидий стали теснить легионы Каста.

Увидев отступление своих солдат, Каст бросился останавливать их. Повинуясь его властному слову и личному примеру, повстанцы вновь сомкнули ряды и стали яростно отражать натиск врага.

Упорное сопротивление неприятеля, уже, казалось, совсем сломленного, вывело Красса из себя, и он послал Аррию приказ передать в его, Красса, распоряжение свой резерв.

VI

Получив от полководца такое распоряжение, Аррий скривился. Ему самому приходилось туго. Зная, что настоящее сражение последнее до подхода Помпея и что завтра он будет здесь, Спартак лично вел в решающую атаку легионы. Не в силах выдержать страшный натиск, римляне шаг за шагом пятились назад.

Со всех сторон к Аррию летели тревожные вестники и просьбы о помощи. Но полководец держал уже в руках приказ Красса отдать ему свой резерв.

Лица свитских военных трибунов Аррия осунулись от страшного нервного напряжения. Лицо самого Аррия словно окаменело. Талантливый полководец, храбрый человек, он считал решение Красса неправильным, по его мнению, главная битва происходила здесь, и безумным считал он приказ использовать последний резерв на второстепенном направлении. Здравый смысл полководца боролся у Аррия с воспитываемой в каждом римлянине привычкой к повиновению. С трудом, но последняя взяла верх.

Взяв из рук писца чистую табличку, Аррий быстро написал на ней несколько фраз, запечатал табличку своей печатью, вручил командиру конного резерва и сказал ему: «Всю конницу — к Марку!»

Командир резерва повернулся к сопровождавшим его дек-рионам, дал им знак и, повернув коня, поскакал к стоявшим позади правого фланга

конникам. Спустя несколько минут земля тяжело задрожала — это пришли в движение «отборные» кавалерийские части.

Проводив их глазами, Аррий привычным движением вскинул на руку щит и, повернувшись к свитским трибунам, сказал:

— Лошадей, начиная с моей, в тыл! Все в боевую линию!

Стоявшие поблизости конюхи подхватили лошадей под уздцы и повели их назад, за боевые линии, а все трибуны, подняв на руки щиты, вслед за полководцем двинулись вперед. Здесь, став в строй, вместе с легионерами они мужественно встретили страшный повстанческий натиск...

VII

Получив от Аррия записку с предупреждением, что если «отборные» в течение часа не вернутся, то он будет наголову разбит, Красс содрогнулся. Мысли его заколебались. Он готов уже был отдать приказ резерву немедленно возвращаться. С трудом Консидию удалось отговорить его не делать такой глупости, но произвести хотя бы одну атаку. Красс согласился и, немного поколебавшись, решил даже лично возглавить эту отчаянную атаку.

Снова хрипло заревели трубы, 5-тысячная колонна римской конницы, имея во главе Красса и его телохранителей, на рысях объехала фланг сражавшихся и, развернувшись, устремилась в тыл повстанческой коннице.

При виде нового врага выставленные Кастом наблюдатели тотчас подали для своего полководца условленный сигнал об опасности.

У Каста сжалось сердце. Молнией его обожгла мысль: «Конница Помпея?! Невозможно!...»

Выбравшись со своими телохранителями из схватки, Каст бросился к 2-тысячному конному резерву, в свою очередь, быстро развернул его и помчался с ним навстречу римлянам с намерением задержать их и дать возможность правому крылу отойти к лагерю, чтобы предупредить возможность обхода.

Начался новый жестокий и беспощадный бой конницы. И судьба оказалась к Крассу милостива. Хотя он и подверг себя «безумному риску» (Плутарх), но взял все-таки над своими врагами верх.

Задержав римлян и дав возможность в порядке отойти своей собственной пехоте, галло-германская конница повстанцев сама не устояла, была опрокинута превосходящими силами римлян и совершенно

разгромлена. Сам Каст, отчаянно сражавшийся, пал в сече.

Сделав свое дело и оставив Квинкция добивать остатки неприятельской кавалерии, конница Аррия повернула и поспешила назад.

Она прибыла как раз вовремя: римская пехота, не в силах больше держаться, готовилась уже обратиться в паническое бегство. Возвращение конницы заставило ее снова воспрянуть духом.

Но Спартак, в свою очередь, пустил в ход тщательно приберегавшийся для решительного момента конный резерв...

VIII

Узнав от гонца, что Аррий не в силах больше держаться и отходит в лагерь, Красс приказал трубить «отбой». Начав, в свою очередь, отступать к малому лагерю, он послал гонца к Цезарю с приказом отступать к нему на соединение.

Но последнему не удалось этого сделать. Спартак, оттеснив Аррия в лагерь, немедленно направил часть своей конницы против Цезаря. Нового удара большой конной массой безуспешно сражавшиеся легионеры не выдержали, сломали строй и обратились в бегство.

Позже в «Галльской войне» Цезарь мимоходом обронит почти философскую сентенцию: «Нет такого храброго человека, которого неожиданность не смутила бы».

Он прибыл в лагерь Красса в окружении кучки всадников и телохранителей, вне себя от стыда и гнева: мог ли он подумать, что с ним, человеком безусловно храбрым, такое произойдет?

Увидев его вернувшимся без войска, Красс перед лицом всех своих легатов объявил ему, как и Муммию, выговор. Одновременно как пример для подражания он указал всем на Аррия, приказавшего в критический момент увести всех лошадей, начиная со своей, в тыл, который сам вместе со свитой встретил вражеский натиск в первых рядах и сумел сохранить благодаря своему мужеству в неприкосновенности всю армию.

Цезарь выслушал Красса молча, опустив голову. Упрек полководца был справедлив. В этот тяжелый для его самолюбия день Цезарь извлек для себя на практике важный урок. Пример, данный ему Аррием, будущий великий полководец превратит для себя позже в неперенное правило...

IX

День 1 января подходил к концу. Усталые войска после ужина удалились на отдых.

А в ставке Спартака на военный совет вновь собрались командиры: они подводили итоги последних ожесточенных битв. Общий итог оказался нерадостным: хотя Красс понес значительные потери — не меньшие, чем повстанческие войска, — уничтожить его не удалось; больше того, в обоих сражениях повстанцы потеряли ряд самых выдающихся командиров, в том числе обоих заместителей Спартака. Еще хуже было то, что Помпей находился совсем рядом, всего в 20 километрах от них, и завтра должен был прибыть на поле битвы.

Долго Спартак советовался со своими легатами...

Наконец план был составлен: в полночь начать отступление к Петелийским горам, лежавшим на востоке от поля сражения; чтобы затруднить возможное преследование уцелевшей в бою 23-тысячной армии Каста, разделить ее на отряды и позволить им добираться до места соединения различными путями, которые тут же были намечены.

Около полуночи командиры разбудили своих воинов. После повторного быстрого ужина (предполагался тяжелый ночной переход) повстанцы собрались на претории. Здесь для павших командиров (Каста и его товарищей) были приготовлены погребальные костры.

И вновь — всего как сутки назад! — сжимая от гнева кулаки, бойцы слушали надгробные речи своих вождей, следили за тем, как тела их товарищей пожирал всеочищающий огонь, а римские пленные в качестве гладиаторов вновь бились друг с другом у погребальных костров.

Наконец были совершены установленные обычаем обряды и произнесены определенные погребальные формулы. Прах павших опустили в могилу и засыпали землей. Затем все собравшиеся дружно сказали: «Будьте здоровы, души! Пусть земля будет вам легка!» У края могилы водрузили жертвенники, на которых повстанцам — в этом они не сомневались — предстояло вскоре приносить жертвенную пищу дорогим для них существам, новым богам-покровителям.

Трубный звук возвестил, что последний акт погребения окончен, а вслед за тем горны подали сигнал к выступлению.

Через час по заранее разведанному лазутчиками пути повстанцы двигались уже с равнины на восток в сторону гор...

Вечером после битвы Красс погребал, по римскому обычаю, тела павших римлян и подсчитывал неприятельские потери. Последние очень ободрили его: 12 300 человек! Такого успеха он не имел прежде никогда. Но полководец был неприятно поражен, когда ему сообщили, что из столь большого числа убитых только двое имеют раны в спину...

Обеспечив душам погибших сограждан прочное жительство под землей^[53], Красс вновь стал советоваться с легатами. Все держались одного мнения: нельзя дать Спартаку уйти; надо неустанно преследовать его, наседавать, стараться загнать в неудобную позицию для нового сражения; с этой целью следует выделить две небольшие армии для уменьшения возможности маневрирования со стороны рабов; от встречи с Помпеем надо всеми силами уклоняться.

Красс согласился со своими офицерами. Узнав после полуночи, что Спартак выступил из лагеря, он тотчас вызвал к себе Аррия и Скрофу (последний очень отличился в сражении против Каста), велел им взять по 10 тысяч человек пехоты и 2 тысячи конницы и начать преследование Спартака. Обоим вменялось в обязанность завязывать с неприятелем небольшие стычки, но в сражение без приказа не вступать. Сам Красс намеревался выступить попозднее и с армией в 80 тысяч человек пехоты и 5 тысяч человек конницы начать обход повстанцев, лишая их возможности броситься навстречу Помпею.

План Красса расстроился уже на следующее утро. Спартак, умело маневрируя в горах, оставляя позади себя засады, наносил преследователям чувствительные удары. Преследуя бегущих, легковооруженные воины повстанцев принесли им немалые потери. Сам Скрофа, пытавшийся безуспешно удержать бегущих легионеров, был ранен, и его едва успели спасти.

Потеряв от ужаса голову, легионеры бросали оружие и сдавались в плен. К полудню всё было кончено: отряды Аррия и Скрофы перестали существовать. В лагерь Спартака было доставлено много оружия, римские знамена и 3 тысячи пленных (Орозий).

XI

Весть о поражении Аррия и Скрофы достигла войска Красса. Страх, заглушенный двумя последними успешными битвами, вспыхнул с новой силой. По всему лагерю поползли малодушные разговоры.

Легаты Красса, созданные полководцем, не могли скрыть уныния.

Аррий сидел с побелевшим лицом — он едва-едва не попал к заклятым врагам в плен. Сам полководец, терзаемый мрачными мыслями, метался по палатке.

Наконец Красс принял решение. Он вызвал секретаря-отпущенника и продиктовал ему два письма. С болью в сердце полководцу пришлось унять свое честолюбие...

Полчаса спустя гонцы с письмами Красса отправились в Брундизий: они должны были доставить их в Македонию М. Лукуллу (он находился, по последним данным, в Фессалониках, в 160 километрах от Диррахия) и в Понт к Л. Лукуллу. Красс умолял первого ускорить свое появление в Италии. Красс просил второго поскорее прибыть к нему на помощь.

Опустив головы, молча легаты слушали, как полководец диктовал свои письма и отдавал гонцам распоряжения. Всех терзали стыд, злоба, бессильный гнев. Неужели, неужели напрасно пролили столько крови? Неужели пропали все труды и славу отнимут Помпей или Лукулл? Проклятый Спартак!.. Неужели он непобедим, как говорят собственные легионеры?!

Лица легатов потемнели. На них на всех явственно легла печать отчаяния...

Глава двадцать восьмая

ОДНА ИЗ ХИТРОСТЕЙ СПАРТАКА ЗАВЕРШАЕТСЯ УДАЧЕЙ...

I

К вечеру 1 января Помпей находился всего в 20 километрах от поля боя между Крассом и Спартаксом. Устроив своих воинов в лагере на отдых, победитель Испании послал ловких соглядатаев и разведчиков к горе Каламация выяснить обстановку.

Несколько часов спустя разведчики вернулись с новостями — рассказом об итогах битвы рабов с римлянами и с письмами от некоторых легатов Красса, связанных с Помпеем дружескими отношениями.

До самой полуночи, пока легионеры отдыхали, в палатке Помпея шел разговор о Спартаксе и Крассе, о завтрашнем дне, о будущем сражении. Сидя над планами местности, опытные в делах войны легаты старались рассчитать, каким путем станут отходить с поля боя повстанческие части.

В два часа ночи из-под Каламации примчались гонцы: оставленные там соглядатаи сообщали, что рабы покинули свои лагеря и двинулись на восток в сторону гор.

Полученным известиям Помпей не удивился: он считал, что так и должно было произойти. Тотчас по его распоряжению армию вновь подняли по сигналу тревоги.

Шли всю ночь и все утро до полудня с небольшими привалами. В полдень конные разведчики донесли: впереди неприятель численностью до легиона.

Помпей немедленно приказал армии остановиться. Он развернул в боевой порядок два легиона из семи, а перед ними всю свою конницу — 5 тысяч человек, остальным легионам, оставшимся свободными, Помпей велел обойти врагов справа и слева и взять их в плотное кольцо.

При виде римлян повстанческий легион сошел с дороги и отступил на холм. Помпею хотелось, не доводя дела до боя и кровопролития, попросту взять врагов в плен. Но на предложение сдаться спартаковцы ответили отказом.

Пришлось послать в атаку конницу, но ее отбросили. После нескольких безуспешных попыток легаты Помпея, Афраний и Петрей, с трех сторон повели в атаку пехоту.

Кровопролитной и ужасной была битва... Через два часа отчаянное сражение завершилось: повстанцы были истреблены до последнего человека. Обходя поле битвы и переворачивая тела павших, Помпей с трудом скрывал огорчение: он был незлой человек, хотя судьба его и не баловала (труп отца Помпея, видного полководца, сильно досадившего римскому плебсу, римский народ с ненавистью топтал ногами), если мог, охотно щадил врага, а в данном случае, дорожа временем и принимая во внимание некоторые политические моменты, совсем не хотел нежелательной задержки и кровопролития.

Тем не менее ничего уже нельзя было изменить. Оставалось лишь воспользоваться случаем, который даровала Судьба. Это Помпей и сделал, написав тут же на поле боя письмо об одержанной победе и выразив надежду, что конец войны теперь близок; приложив к письму свою печать, на которой лев держит в лапах меч, он немедленно отослал его в сенат.

Победители в течение нескольких часов отдыхали в своем лагере. К вечеру примчался гонец от Красса и привез письмо полководца. Сломив гордость, Красс сообщал о поражении Скрофы и Аррия и просил о помощи.

В палатке Помпея собрались его соратники — старшие офицеры. Были здесь начальник конницы А. Габиний, начальники центра, левого и правого крыла — Л. Афраний, М. Петрей и Г. Меммий, начальник охраны полководца, исполнитель его тайных поручений Геминий и другие.

Прочитав вслух письмо соперника, Помпей бросил его на походный столик и, улыбаясь, процитировал поэта, намекая на Красса: «Талантлив он во всем, только не полководец!»

Все офицеры улыбнулись (лишь Афраний и Петрей сохранили серьезность), а Габиний негромко, но достаточно явственно сказал по адресу Помпея лестный комплимент. Все снова улыбнулись (Габиний был известен как тонкий льстец), а Афраний, правая рука Помпея на войне (он был сильно встревожен поражением Красса), хмуро поправил своего полководца:

— Правильно, Гней, стих звучит так: «Удачлив он везде, где нет оружия...»

И Помпей, ничуть не сердясь, кивнул головой и снова улыбнулся. В отличие от Афрания его ничуть не огорчала неудача Красса; напротив, он считал, что последняя придаст лишь еще больше блеска его собственной

победе.

Украшенный триумфом за победу над марианцами с юношеских лет, сильный физически и морально, с честью прошедший через труднейшие испытания войны с Серторием, молодой и удачливый 34-летний полководец чувствовал себя как нельзя лучше. Он был уверен, что не посрамит себя и увеличит свою славу и популярность в народе, одолев наконец самого Спартака, неоднократного победителя преторов, двух консулов, дюжины легатов.

Широкие надежды Помпея не вполне сбылись. Тем не менее за кампанию против Спартака он стяжал славу едва ли меньшую, чем за свои успехи в Испании. И Цицерон (через четыре года после описываемых событий ему суждено будет выйти на широкую дорогу признанного в Риме политического оратора), хваля своего друга — победоносного полководца, стараясь превознести его заслуги в войне со Спартаком, станет говорить: «Что касается затем природных дарований Гнея Помпея, то... знает это Испания, столь часто видевшая поражение и истребление им множества врагов; знает это опять-таки та же Италия, которая под гнетом ужасов и опасностей невольнической войны призвала его к себе на помощь из чужбины и вскоре увидела, как ее враги, при одном ожидании его присмирившие и павшие духом, были уничтожены и стерты с лица земли при его прибытии».

Так говорил Цицерон. В словах его, однако, содержалось большое ораторское преувеличение. Наделе все обстояло так...

II

После победы Спартака над Аррием и Скрофой прошел день. Через Петелийские горы три армии стремительно шли на восток: впереди Спартак, за ним Красс, позади Помпей.

4 января, загнав до полусмерти лошадей, в лагерь Красса прискакали его разведчики и привезли новых перебежчиков. Последние сообщали новость исключительной важности (и соглядатаи Красса ее подтвердили как совершенно достоверную): в лагере Спартака произошел долго и тщательно подготовлявшийся взрыв; колебавшиеся прежде легионы, воодушевленные победой, одержанной над Аррием и Скрофой, решительно отказались повиноваться Спартаку и его соратникам; в пути они окружили своих начальников с оружием в руках и силой заставили их идти вместе со всеми через Луканию и Самний, намереваясь оставить Красса и Помпея в

тылу и внезапно напасть на Рим.

Весть о бунте, происшедшем в войсках у Спартака, тотчас распространилась в римском лагере и взволновала всех. И Красс, и его легаты поняли: судьба дает последнюю возможность — или они добьются победы сейчас, или никогда!..

После недолгого обсуждения положения было решено изменить маршрут. Призвав воинов терпеливо переносить трудности форсированного марша, Красс резко повернул на север и повел войско дорогой в Самний...

Таким образом, не зная еще этого, Красс попал в новую ловушку Спартака. Погнавшись за неприятелем, шедшим в сторону Самния (партизанскими отрядами, тайно собравшимися в назначенный пункт по приказу Спартака и принявшими вид повстанческого войска), Красс упустил настоящих врагов и дал возможность Спартаку беспрепятственно уйти на восток, в сторону Брундизия^[54].

III

Известие о новом «мятеже» в войске Спартака и его движении в Самний Помпей получил несколько позже Красса. Но, подобно последнему, ни сам полководец, ни его легаты не усомнились в достоверности известия, столь хорошо увязанного с прежними и подтвержденного рассказами перебежчиков и собственных разведчиков.

И Помпей, подобно Крассу, также приказал изменить маршрут и начать движение на север, наперерез предполагаемому маршруту Спартака.

Так оба римских полководца совершили одну и ту же ошибку, попав в расставленную западню: оба направили свои войска в сторону, прямо противоположную той, в какую уходил в действительности Спартак.

Страшный позор ждал бы обоих полководцев, упустивших неприятеля! Но... поистине то «великое счастье» Помпея, о котором говорил Цицерон, «которое сопровождало его великие деяния и в Риме, и на поле брани, и на суше, и на море», не оставило его и тут. И Цицерон, узнав, как всё получилось, мог бы с полным основанием уже тогда сказать, как он сказал несколько лет позже: «Да, я верю в счастье, в этот божий дар, ниспосланный некоторым избранныкам для их собственного величия и славы и для удачного совершения трудных предприятий».

Глава двадцать девятая

ВЫСАДКА МАРКА ЛУКУЛЛА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

I

Брундизий — крупнейший римский порт на Адриатическом море, по преданию, был основан греческим героем Диомедом, участником Троянской войны. Порт обладал значительным и сильным военным гребным флотом, численность которого была, однако, непостоянна (в лучшие времена доходила до 200 судов), и значительным количеством грузовых купеческих кораблей^[55].

Порт Брундизия имел очень хорошую репутацию. Он считался более удобным, чем порт соседнего Тарента^[56], так как одним устьем замыкал несколько гаваней, защищенных от морских волн, и имел перед собой остров. В соединении с городом гавань походила на голову оленя.

Сюда-то, к кораблям, сбив со своего следа Красса и Помпея, спешил Спартак. Впереди повстанческого войска мчался 2-тысячный кавалерийский отряд из уроженцев Апулии, не раз бывавших по разным делам в мирное время в Брундизии. Верховный вождь поставил им следующую задачу: двигаясь впереди армии, добраться до города, небольшими группами пробраться в него и, используя помощь единомышленников, под покровом ночи захватить все стратегически важные места, закрыть выход из порта и не позволить уйти флоту. Такая же задача была поставлена другому отряду в отношении Тарента.

Отряды особого назначения спешили к Брундизию и Таренту с полной уверенностью в успехе. И вдруг... и вдруг разразилась внезапная катастрофа. 5 января в порт Брундизия внезапно вошли корабли флота М. Лукулла, прибывшие из Диррахия (Иллирия)^[57]. Армия начала высадку. Спешно выгружалась кавалерия. Беспокоясь о судьбе Красса, полководец тотчас отправил к нему навстречу своих разведчиков.

Эти-то вот разведчики и попали в руки спартаковского отряда, которому поручили захватить Брундизий. Их немедленно доставили к Спартаку.

Когда римлян допросили и увели, командиры долго сидели и молча размышляли. Благодаря внезапному появлению в Брундизии М. Лукулла (никто не сомневался, что часть его флота и войска заняли также и Тарент) положение сразу стало отчаянно трудным: потеряна была надежда на флот, которым можно было при необходимости вывезти войско в Сицилию или Малую Азию; в борьбу включались новые 40 тысяч человек пехоты и 3 тысячи человек конницы — все прекрасно обученные, закаленные в многочисленных боях и походах — с третьим по значению полководцем республики (первым считали Л. Лукулла, а вторым — Гнея Помпея).

«Как быть дальше?» — такой вопрос поставил Спартак на обсуждение военного совета. Никогда еще собравшимся не приходилось решать вопроса более трудного. Идти дальше на Брундизий (до него оставалось около 200 километров) все считали бессмысленным: Лукулл попросту не выйдет из города, не примет невыгодного боя и станет ожидать подхода на помощь Красса и Помпея.

Остаться на месте? Нет выгодной позиции для сражения; они не успеют разбить Красса до подхода Помпея.

Следовательно, выход только один: идти назад; выбрать выгодную позицию и вызвать туда Красса, врага, изученного со всех сторон, неоднократно битого. Красс будет вынужден принять последнюю битву, так как он, конечно, не желает уступать славу победителя соперникам.

Что повстанцы смогут его победить, в этом нет сомнения: они побеждали его неоднократно; им отлично известны его вооружение, его выучка; из-за частых поражений легионеры не доверяют ни себе, ни полководцу — отсюда у римлян такое большое количество дезертиров. Но армия, не доверяющая полководцу, наполовину побеждена.

Соображения Спартака все признали основательными и единогласно согласились с его решением: идти навстречу Крассу, выбрать отличную позицию, построить лагерь, дать воинам отдохнуть и, вызвав Красса сюда, напасть на него, утомленного маршем, и разбить.

Итак, повстанческие войска повернули назад. Отрядам, посланным к Брундизию и Таренту, были посланы распоряжения возвращаться назад для участия в последней битве.

II

Помпей и Красс двигались по направлению в Самний со всей энергией весь день 4 января. И с каждым часом недоумение их становилось все

больше: следы движения повстанческого войска на северо-запад становились как бы все менее отчетливыми и как бы непохожими на то, что им приходилось до того наблюдать ежедневно.

Ночью оба полководца не спали: со своими легатами они вновь и вновь изучали планы местности, сопоставляли различные данные, доставленные им в течение дня разведчиками, и с нетерпением ожидали новых.

Утром призрачное спокойствие и уверенность рухнули. Разведчики примчались сломя голову и принесли ужасное известие о коварном обмане Спартака, жертвами которого все они стали.

Оба полководца разразились ужасными проклятиями: такого унижительного исхода ни один из них не ожидал! Спешно снялись они с лагеря и, оставив на месте почти всю поклажу, поспешили назад, на юго-восток, к Брундизию.

В душе оба полководца корили себя за легкоеверие. Оба знали: предстоит крайне неприятное объяснение с сенатом. В самом деле, как могло так получиться, что оба одновременно упустили неприятеля? Может быть, они получили от рабов за это взятку?!

Уже одна такая мысль и Крассу и Помпею была очень неприятна. А что такое обвинение последует со стороны их личных врагов — в этом они не сомневались.

Догнать Спартака, ушедшего далеко, практически не было возможности, и потому Красс и Помпей стали уже мысленно изобретать всевозможные оправдания.

Вдруг... о, невероятное счастье! Посланные вперед разведчики Красса, возвратившись на рассвете 6 января, рассказали: в Брундизии высадился М. Лукулл, прибывший из Фракии; это известно от разведчиков Спартака, которых они повстречали; последние вручили им для передачи Крассу письмо своего полководца.

Римский полководец торопливо взломал печать. Письмо оказалось коротким. Предводитель повстанцев извещал Красса о прибытии его нового соперника, предлагал решить спор за славу между ними, извещал о своем местонахождении и предостерегал против медлительности; по его словам, такой же вызов на бой несколькими часами позже он отправил и Помпею.

После оглашения письма легаты Красса долго удрученно молчали; положение казалось самым отвратительным. Наконец полководец приступил к поименному опросу своих военачальников: давать ли Спартаку бой? Идти ли ему навстречу?

Ответ легатов оказался единодушен: да, идти! И Красс решился: произнес на претории большую и убедительную речь, постаравшись внушить воинам чувство ненависти к мятежным рабам и решимость не уступать соперникам победу, сулившую большие выгоды и славу, Красс снялся с лагеря и поспешил с войском к тому месту, где ждал его Спартак.

Глава тридцатая

ИСТЕКАЮТ ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ

I

В последние сутки перед сражением среди множества обычных дел, связанных с подготовкой новой битвы, Спартак выкроил несколько свободных часов и уединился в своей палатке для размышлений. Он хорошо понимал, что при царящих на войне случайностях разного рода дать какую-нибудь гарантию относительно исхода предстоящей битвы нельзя. Особенно сейчас, когда сила сопротивления римлян, извлекая из многочисленных поражений важные уроки, серьезно выросла. И он вновь и вновь возвращался к одному вопросу: «Что будет, если?..»

Относительно самого себя, своей жены, командиров, всей армии у него не имелось каких-либо сомнений. Такой вопрос он давным-давно решил вполне определенным образом: при проигранном сражении у всех будет одна судьба — доблестная, героическая смерть.

Но судьба начатого дела, которое он рассматривал как часть грандиозной борьбы народов против римской тирании, очень его волновала.

Обдумав вновь ситуацию и взвесив шансы, полководец собственной рукой — хотя обычно он диктовал — написал ряд важных политических писем друзьям и единомышленникам.

Потом Спартак вызвал доверенных людей, вручил им запечатанные письма и велел тотчас покинуть расположение армии, добравшись до условленного места, там остановиться и ждать конца битвы. Если исход ее окажется неблагоприятным и они услышат, что он, Спартак, погиб, они тотчас должны двинуться в путь и во что бы то ни стало доставить письма адресатам; если же битва, по слухам, завершится для них успешно, им следует задержаться до получения новых распоряжений от него.

Получив письма, доверенные письмоноscopy тотчас покинули повстанческий лагерь. А Спартак, отдав распоряжение о секретной отправке из ставки наиболее важных документов и приказав созвать всех командиров на обед, сам отправился к воинам.

Воины уже обедали — и по-праздничному. Он поочередно подходил к

разным кружкам, перекидывался с сидевшими репликами и шутками, пробовал понемногу пищу из воинского котла. Настроение воинов, судя по лицам, жестам, речам и смеху, было спокойным. Ничего похожего на смятение или панику. Успокоенный Спартак вернулся к себе.

II

Вечером перед решающей битвой в палатке Спартака собрались высшие командиры — фракийцы, галлы и германцы.

Холодный ветер налетал волнами, и туго натянутая кожаная стенка палатки глухо гудела под его ударами. Внутри палатки было тепло и многолюдно. Светильники в виде лодок ярко освещали все углы. Молодые стражи (они охраняли Спартака, и их выбирали из числа самых прославленных воинов, отличавшихся умом и храбростью; с ними Спартак связывал в будущем свои надежды) разносили пищу. Служить за столом старшим товарищам, видным военачальникам и героям считалось почетом, и никто не видел в этом ничего для себя унижительного.

Кушанья были обильными, обед — вопреки обычаю Спартака — почти изысканным. В больших глиняных блюдах и горшках на общий стол из простого кленового дерева ставили: жареную говядину и рыбу, рассеченного на куски жирного козленка, не знавшего еще травы, вареную и жареную птицу, убитого на охоте одним из командиров дикого кабана и принесенного им Спартаку в подарок, сыр, вареные яйца, оливки, масло в больших бутылках, соусы и подливки, различные овощи — капусту, латук, репу, редьку, сельдерей, пироги с мясом и лепешки.

Поздоровавшись, командиры занимали места. Богов почтили короткой молитвой, кусочками еды и каплями жертвенного вина. Потом приступили к трапезе. Ели молча. Каждый был погружен в свои мысли...

Наконец принесли десерт — сотовый мед, виноград, румяные яблоки и отличное вино: фалернское, хиосское и исмарийское — напоминание о далекой Фракии. Кубки наполнялись. Спартак произнес первый тост в честь погибших товарищей-героев, новых богов, хранителей войска на войне. Все встали, выпили, потом снова сели.

От выпитого вина разговор завязался. Один из командиров, прославленный храбростью, галл Атлант сказал:

— Наш доблестный вождь, Спартак! Я вот о чем сейчас думаю. Почти два с половиной года мы все свободны, не подчиняемся римской власти, не знаем ни эргастулов, ни плетей, ни гладиаторских карцеров, ни кровавой

арены и зрителей-римлян, истошно вопящих, заключающих об исходе битвы пари, опускающих палец вниз и велящих добить побежденного! Живем мы ныне по своим законам! На долю каждого, я думаю, досталось немало всяких удовольствий. Несправедливо было бы жаловаться...

— И все-таки наши потери очень значительны, — резко перебил его другой командир, галл Элевтер. — Семьдесят восемь гладиаторов совершили побег из школы Батиата. Они приняли на себя руководство нашей справедливой войной. И вот в живых осталось уже меньше трети — а ведь война только начинает по-настоящему разворачиваться!

Тотчас один из соседей, галл Витул, поддержал его, сказав:

— Да, из семидесяти восьми в живых ныне осталось только двадцать пять! Как раз я посчитал сегодня и спросил себя: «А сколько будет сидеть из нас на следующем обеде у Спартака?!» Уже нет с нами самых знаменитых из наших соратников — Крикса, Эномая, Ганника и Каста. А ведь все они были заместителями Спартака!

Тотчас послышались другие голоса:

— В чем причина наших таких неудач?

— Римляне идут на нас всей мощью своего государства!

— Что ждет нас, Спартак, впереди?

— Чем завершится наше дело?!

— Будет нам сопутствовать удача или нет?..

Спартак немного помолчал, размышляя, потом сказал:

— Мои дорогие друзья, храбрые соратники, доблестные полководцы, прославленные герои! Вы задаете тяжелые вопросы. На них трудно ответить, удовлетворив всех, ибо человеческая способность к правильному суждению ограничена самой природой. Стараясь представить себе будущее, человек только предполагает, все остальное зависит от милости богов, случая или Судьбы! И халдеи, и мудрецы-философы считали одинаково: Судьба — загадочна, милость богов — ненадежна, жизнь — борьба, странствие по чужбине, время человеческой жизни — миг! Ни у кого нет более хрупкой жизни, чем у человека, ни у кого нет столь безграничных страстей, такого яростного накала чувств! Лишь человеку больше всего достается от другого человека! Воистину не без основания многие думали, что лучше бы человеку вовсе не родиться или, по крайней мере, как можно скорее кончить свое существование! Все умирают рано или поздно! Мы тоже, как установила каждому Судьба, умрем. Каждый из нас является актером в драме жизни, каждый должен играть роль, предназначенную ему Роком! Следует же играть свою роль как можно лучше!

Тотчас кто-то прервал речь вождя колким вопросом:

— А если Судьба сделала тебя рабом или гладиатором?! Значит, оставаться в таком положении?!

Спартак пристально посмотрел на вопрошавшего и, улыбнувшись, ответил:

— Нет, конечно, мой дорогой друг, о храбрый Донат! Из всех человеческих зол рабство — наихудшее. От него надо отбиваться не только войной, но и ценой жизни! Рабство — незаконное состояние, порожденное величайшей несправедливостью! Все люди по рождению одинаковы. Мир для всех общий родитель. Наиболее знатен тот, кто по природе честен, кто совершил наиболее славные деяния, направленные к благу людей. Так учит философия. Это мнение разделяю и я. Рабство! Что может быть ужаснее в жизни?! Ни один человек не пожелает по доброй воле стать рабом другого, подвергаться ежедневным ужасным унижениям! Они сокрушают печень! Эти унижения горше самой тяжелой работы! Я помню, как меня самого доставили в первый раз в Рим рабом... Что я тогда там испытал, что увидел?! О, как подлы и гнусны римляне, как они погрязли в пороках! Чередуя распутство с обжорством и беспечной праздностью, они прикрывают свои гнусности — стыдно сказать! — под маской философии! Целыми толпами они сбегаются туда, где слышатся похвальные слова в честь удовольствия! Несчастный Эпикур! Если бы он знал, какое употребление найдет у римлян его философия!

— А все-таки римляне умеют пожить! — мечтательно воскликнул галл Декорат. — В ожидании трапезы они покоятся на усыпанных розами ложах, услаждают слух мелодиями, глаза зрелищами, ноздри — сирийскими и египетскими ароматами, небо — тонкими вкусовыми ощущениями...

— Чему тут завидовать? — возразил Спартак. — Они утопают в удовольствиях и пороках — правда, но ждет их впереди страдание: то, чему они так радуются, не есть благо!

— Но что такое благо, Спартак? — горячо поддержал Деко-рата германец Церулей. — Каждый понимает его по-своему!

— Ты ошибаешься, Церулей, — отвечал Спартак. — Существуют только два понимания блага! Одно понимание: благо — богатство и порождаемые им удовольствия; другое понимание: обладание суммой наилучших нравственных качеств, при которых богатство, как и его отсутствие, не представляется существенно важным! Каждый, я полагаю, на многих примерах имел возможность убедиться в следующем: мнение, будто богатство есть высшее из благ, разъедает человеческую душу, выводит ее из равновесия, лишает сна, наполняет жжением и завистью,

толкает к низкому корыстолюбию, подлости и предательству, бросает в петлю, толкает со скал, не дает свободно жить и говорить. С другой стороны, люди, не обладавшие богатством, например Диоген, Аристид, Эпаминонд, являлись, несомненно, счастливыми!

— Ты хочешь, Спартак, — с досадой вскричал галл Декорат, — отнять у людей все удовольствия, ограничить их желания, посадить их, как спартанцев, на невкусную и деревенскую пищу!

— Почему ты так решил, Декорат? — улыбаясь, спросил Спартак. — Никогда я ни к чему подобному не призывал! Мне бы хотелось внедрить в ваши умы совсем другое: чтобы вы пользовались богатством, не становясь его рабом! Ограничивать желания надо не для того, чтобы всегда употреблять простую пищу, но чтобы не бояться этого! Простая пища — это доказано! — способствует улучшению здоровья. Она делает человека деятельным, неустрашимым перед случайностями, приводит нас в лучшее расположение духа, когда мы — после долгого перерыва — получаем доступ к предметам роскоши. Короче: люди жалки, если лишены удовольствий, — согласен; но они еще более жалки, если по самую макушку утопают в них! В первую очередь мои слова относятся к тем, кто находится на войне! Человек изнеженный, погрязший в роскоши, всегда — и быстро! — побеждается врагом. Вспомните Ганнибала и развратившую его Капую! Вспомните царя Пирра! Делают человека счастливым не богатства, не деньги, даже не физическая сила...

— А что? Что, Спартак? — перебил вождя галл Амик, самый молодой из командиров легионов, но успевший уже отличиться в боях.

— Я скажу тебе, Амик! — отвечал Спартак. — Несомненно, три вещи делают человека счастливым: во-первых, правота дела, которому он служит, во-вторых, мудрость, не позволяющая делать житейские ошибки, в-третьих, жизнь сообразно с природой. Напрасно некоторые улыбаются! Жить сообразно с природой вовсе не так-то легко! Для такой жизни необходимы определенные качества: здравый ум, мужество, энергия, благородство, выносливость и подготовленность ко всяким переменам, с которыми можно встретиться в жизни. Для меня несомненно: очень важно пользоваться в жизни дарами Судьбы, не делаясь их рабом! Иначе говоря, счастливую жизнь составляют: свобода, непоколебимая стойкость, неустрашимость, бодрость, твердое сознание, что единственное благо — достоинство, непобедимая сила духа, умудренного опытом, большая гуманность и заботливость по отношению к окружающим, единственное зло — отсутствие свободы, низкое корыстолюбие, позорная порочность...

— А слава, Спартак? — перебил вождя фракиец Астеропей.

— Я могу, — отвечал Спартак, — снова повторить самое важное для нас: нет ничего важнее, чем стремление к славе, но славе, исполненной благородства и чести; славы жаждут все, но не все ее заслуживают; славы следует искать безмерной, а богатств только честных; к концу жизни придет каждый, пусть, кто может, завоюет славу прежде, чем умрет, — это лучшее, что останется после нас! Теперь о наших потерях. Да, они велики! Что ж поделаешь! Так было всегда на всех войнах, что кто-то кого-то убивал! Война тяжелая вещь! На войне часто приходится пить воду из рек, окрашенных кровью, переходить реки по мостам из трупов, терять лучших друзей и соратников, есть траву вместо хлеба, покорять племена, засыпанные глубокими снегами, брать города, спрятанные под землей, переплывать с опасностью для себя через бушующие моря, не знать ни мягкой зимы, ни благодатного лета, ни праздников, ни торжественных шествий, ни театральных зрелищ! Это все война, и слава воинская не достается без пота и крови, без гибели друзей, без великого риска, тягот и мучительного труда! А смерть — что смерть?! Она закон природы и великое таинство. Смерть уравнивает Александра Великого и простого погонщика мулов! Эномай, Крикс, Ганник, Каст и многие другие из наших погибли — верно! Но разве кто-нибудь из них раскаивался в сделанном выборе?! Может быть, Крикс, узнав о гибели Эномая, пожалел об участии в нашем заговоре?! Может, он сказал, и это кто-нибудь слышал: «Ах, зачем Эномай не остался в гладиаторской школе Батиата?! Останься он — глядишь, прожил бы еще несколько лет! Но он избрал другую дорогу — и тотчас погиб! И я скоро, верно, последую за ним!» (Общий смех собравшихся.) Вы смеетесь? Справедливо смеетесь! Такие малодушные речи и Крикс несовместимы! Наш доблестный друг держался иного принципа: «Силу надо одолевать мужеством, а Судьбу — дерзостью. Для смелых нет никакой преграды, для трусов — никакой опоры!» Всю жизнь, начиная с юности, Крикса вели доблестный дух и Судьба! Он никогда не смирялся и всегда яростно боролся с врагами, защищая справедливость! Так вели себя и Эномай, и Ганник, и Каст, и все наши погибшие друзья! Так будем вести себя до конца нашей жизни и мы! Вот что совершенно несомненно, соратники: трусость никого еще не спасала от смерти; страшна не смерть, ибо всякий человек смертен, страшна бесславная жизнь! Так я думаю! Так думали всегда славные мужи, оставившие свой след в человеческой истории! Или, может быть, кто-нибудь среди вас думает иначе? Кто-нибудь жалеет о карцерах Батиата? Хотел бы с плачем вернуться к нему в школу, а потом на арену?!

Общий дружный смех и возгласы:

— Никто!

— Нет среди нас малодушных!

— Нет здесь трусов!

— Да ты смеешься, Спартак?!

— О, это гладиаторство! — проворчал германец Квартин. — Самое гнусное и подлое изобретение! Когда сыновья умершего римлянина Брута Перы выдумали гладиаторские бои (и выступало-то всего три пары!), кто бы мог подумать, что из подобного творения получится?!

— Ты не совсем прав, Квартин, — возразил Спартак. — Во-первых, сражения пленных у погребальных костров аристократов существовали задолго до римлян (например, у этрусков). Но сыновья Брута первыми превратили поминальные бои в честь умершего в кровавые игры для удовольствия зрителей. Во-вторых, игры были перенесены в амфитеатры много позже. Но, бесспорно, они быстро укоренились на римской почве, поскольку вполне соответствовали вкусам римлян и рассматривались как важное средство воспитания. Зрелища кровавых боев должны были учить бесстрашию, презрению к смерти, решимости без колебания убивать другого человека. Число сражавшихся пар стало быстро нарастать. И вот мы уже видим в амфитеатрах бойцов, сражающихся по родам оружия: самнитов, димахеров, — тех, кто сражается двумя мечами, андабатов — бродящих на ощупь^[58], тавроцентов — кто прыгает на спину зверя или катервариев — кто сражается целым отрядом, ретиариев — неперенных противников галлов или мурмилонов, ловящих врагов в свою сеть. Я сам принадлежал прежде к «малым щитам», то есть фракийцам, потом был мурмилоном. Это вы все знаете! Самые популярные среди гладиаторов, бесспорно, ретиарии и мурмилоны. Именно среди них чаще всего появляются самые прославленные бойцы!

— А ведь, если сильно повезет, Спартак, — оживился вдруг молчавший до сих пор галл Фламма, — то можно добиться свободы, больших денег, заполучить дома, виллы, ценное имущество, выйти — хотя бы во втором поколении! — в сословие всадников, стать римским гражданином!

— Иногда так бывает, — согласился Спартак. — Но подобная участь распространяется лишь на немногих. Их, счастливых, можно пересчитать по пальцам. Участь остальных совсем иная: они гибнут молодыми, в возрасте двадцати — двадцати пяти лет. Или искалеченные скитаются по кабакам, воруют, режут глотки, живут в нищете, спиваются... Ужасный и постыдный для мужчины конец! Нет, лучше рисковать своею жизнью за свободу, за благородные идеи! А римлян, наших заклятых врагов, завзятых

кровопийц, всех надо истребить! Их не переделать! Теренций, римский поэт и драматург, вольноотпущенник сенатора Теренция Лукана, участник кружка знаменитого полководца Сципиона Эмилиана, справедливо отразил общее настроение этих зверей в человеческом облике! Он так писал о второй постановке своей пьесы «Свекровь» (первая провалилась):

*Пытаюсь ставить сызнова. И первый акт
Понравился: внезапно слух разносится,
Что будут гладиаторы; народ бежит,
Шумят, кричат, дерутся за места вокруг.
На сцене удержаться я не мог тогда...*

Вот вам отношение римлян к гладиаторским боям: для них это любимое зрелище, на втором месте за которым стоят бои перепелиные!

— А все-таки римляне нас уважают, — вновь вставил Фламма. — Кто более популярен в Риме, чем гладиаторы?! Нас воспевают поэты, наши фигуры и лица красуются в лавках, на блюдах и горшках, на стеклянных сосудах, на лампах. Художники и скульпторы изображают нас на стенах дворцов, храмов, театров. Имена прославленных бойцов переходят из уст в уста, они имеют множество верных поклонников и почитателей среди молодежи и в высших кругах. Самые знатные лица обращаются с нами очень фамильярно! И уж немалое количество аристократок выбирают себе любовников среди гладиаторов!

Тут поднялся общий смех, посыпались грубоватые остроты... Когда все успокоились, Спартак сказал:

— Не отрицаю, и это тоже правда! Но главное все-таки в другом: мы для них — предмет забавы! Наша жизнь — ничто! На нашей крови может богатеть ланиста, содержатель гладиаторской школы. Виднейшие представители аристократии не стыдятся заводить собственных гладиаторов и отдавать их внаем. Дело выгодное: за два представления можно вернуть потраченные деньги! А иметь в своем распоряжении полностью зависящих от тебя молодцов с крепкими кулаками, ловко владеющих кинжалами и мечами, разве плохо? «Убьют гладиатора — не велика беда, всегда можно купить нового!» О, эти римляне, худшие из людей! Они хотели бы держать нас в непроходимом невежестве и делать безопасными предметами своих зверских развлечений! Но ничего у них не получится! Мы знаем всё, знаем их историю от самого начала: как они боролись с соседними народами и завоевали их, как Ромул убил из

честолюбия своего родного брата Рема, как римляне сражались с собственными рабами в Сицилии! Мы всё знаем! В крови римляне начали свою историю, в крови ее и кончат!

— Я согласен с тобой, Спартак, — ответил гигант германец Квартин. — Я и в самом деле не совсем точно выразился, говоря о сыновьях Брута. Верно, римляне — кровопийцы даже не в переносном смысле, а в абсолютно буквальном! Какой свирепостью отличается римская аристократия, какой свирепостью отличается народ! Всё справедливо! Действительно так! Они пьют нашу кровь — кровь павших гладиаторов! — на своих преступных оргиях, смешав ее с вином!

— Это еще не самое худшее! — с негодованием подхватил фракийский командир Океан. — Разве вы не знаете другое: мерзкие потомки Ромула — о, лютые волки, порождение римской волчицы! — способны рассечь грудь убитого гладиатора, вырвать печень, разрезать на девять частей и тут же, на глазах у всех, съесть!

— Месть им! Месть негодяям! — Вся палатка Спартака задрожала от негодующих криков собравшихся.

Спартак поднял руку:

— Успокойтесь, друзья! Их черед придет! Кары от людей и богов самому преступному городу на земле не избежать! Никто из нас, пока он жив, не забудет ужасов и позора гладиаторства: эргастул по сравнению с гладиаторством — детская забава! За всё мы римлянам отплатим: за разорение наших домов, за гибель близких и друзей, за наш собственный позор и унижение! Нам смерть не страшна! Мы столько раз видели ее в лицо! И Красса, если помогут боги и благосклонная Судьба, мы победим!

— Спартак, — вдруг вмешался в беседу до сих пор молчавший галл Ахиллес. — Ты часто говоришь о богах и воле богов. Твоя жена — наша верховная жрица. Скажи, а ты сам веришь в богов?

Спартак внимательно посмотрел на галла и, несколько помедлив, ответил:

— Друг мой, Ахиллес! Ты задаешь вопрос, самый сложный из всех! Не знаю, как тебе ответить... Наши фракийцы искренне верят в богов. Но далеко не все. Даже во многих сочинениях царя Орфея (или тех, кто писал позже от его имени!) чувствуется неверие в богов. Я же с юных лет изучал философию. Мне хорошо известно сочинение Эвгемера^[59] «Священная запись». Сам он сицилиец из Мессены. Если ты читал его философский роман, то ты должен знать, каково мнение столь выдающегося человека: богов как сверхъестественных существ нет; их никогда и не было; боги выдуманы жрецами из политической выгоды; первыми богами являлись

люди, совершившие выдающиеся подвиги; потомки разукрасили новыми мифами их жизнь, окончательно оторвав их от числа людей...

— Так ты совсем не веришь в богов?! — огорчился галл.

— Нет, — ответил Спартак. — Я слишком долго изучал философию, и мой ум, трезвый и практический, не может полагаться на выдумки и сказки... Ты, может, скажешь: «Зачем ты тогда всегда говоришь о богах?!» Да потому, дорогой Ахиллес, что я не простой человек, не частное лицо! Я — предводитель, глава войска, в котором очень многие верят в богов. Я не могу оскорблять их религиозного чувства! Я должен с ним считаться, уважать их мнения, даже если сам думаю иначе! Возьми римлян для сравнения! Как думаешь: консулы Луций Лукулл, Марк Лукулл, Луций Геллий и все прочие верят в богов?

Раздался хор голосов:

— Верят!

— Трудно сказать!

— Не верят!

— Нам они не сообщали!

— Нет, друзья мои! — Спартак резко взмахнул рукой. — Все они в богов не верят! Не верят на деле в богов ни Помпей, ни Красс! Почему же они все приносят жертвы от имени государства, говорят о воле богов?! Причина проста: таково государственное установление. Являясь государственными деятелями, они в общении с воинами и народом должны придерживаться установленного порядка, оставляя собственное мнение при себе!

— Спартак, а если римляне все-таки одолеют нас? — вдруг озабоченно спросил германец Каллисфен. — Как, по-твоему, Спартак, это будет свидетельством ума римлян?

— Если бы такое случилось, то это было бы скорее свидетельством их счастливой Судьбы! — помедлив, ответил Спартак. — Впрочем, соотношение ума и счастливой Судьбы — вопрос самый сложный, по существу философский. Покойный Сулла, как всем известно, являлся умнейшим человеком. Но свои многочисленные успехи и победы он всегда приписывал счастливой Судьбе. Он всегда выдавал себя за любимца богов. «Те мои предприятия, — говорил он, — которые я начинал внезапно, без длительного обдумывания, полагаясь на богов, всегда имели лучший исход, чем те, которые я обдумывал долго!» Он любил называть себя Эпафродитом, то есть «Любимцем богини Венеры»! Был ли он вполне искренним? Кто знает...

— Спартак, а что означает имя твое? — любопытствовал галл

Серванд. — Я давно хотел тебя спросить...

— Дорогой Серванд! В нашем языке, языке фракийцев, имя Спартак означает «Предводитель копьеносцев». Такое имя носят только члены царской стражи. Из них со временем вырастают самые крупные военачальники. В молодости они служат царю в его доме и в походе: приносят еду и питье, подводят лошадь, когда он собирается выезжать, присутствуют на советах с полководцами, охраняют царя ночью, короче — находятся при нем неотлучно.

— Спартак, а ты сам счастлив? — спросил вдруг германец Нитим.

Спартак посмотрел на него, улыбнулся и ответил:

— Можешь, Нитим, не сомневаться: Спартак счастлив! Я прожил уже длинную жизнь и много интересного в ней повидал. Участвовал в самых крупных событиях нашего времени, знал многих знаменитых людей в тех странах, где мне пришлось побывать, и со многими из них дружил. Я всюду пользовался уважением людей, и сам многим был очень полезен. Другьям хранил всегда верность, врагов карал по заслугам. Перемены моей судьбы являлись самыми поразительными! Я служил юношей в римской армии, через два года дезертировал (мои соплеменники меды вновь начали с римлянами войну, и я хотел сражаться с ними вместе, а не против них). Я дрался с нашими повстанцами в горах против римлян, неудачно, правда! Потом находился в эмиграции, в Понте. Я долго служил у Митридата. Каждый год мне приходилось воевать с соседними племенами. Потом я участвовал в Первой Митридатовой войне с римлянами. Я вовсе не всегда жил в добровольной суровости, как некоторые подозревают, но, как и другие, знал молодость, роскошь и любовь... А теперь я возглавляю дело самое справедливое среди всех!

— Спартак! — прервал вождя Нитим. — Ты воевал с соседними племенами. Ради чего? Если ты их побеждал, ты нес им порабощение!

— Ты не совсем прав, дорогой Нитим! — возразил Спартак. — Все племена, обитающие по соседству с Понтом, живут в условиях исконной царской власти. Они не знают и никогда не знали свободы! Подчинение власти Митридата для них означало лишь смену властителя — и только! Подчинение Митридату никто из них не рассматривал как потерю свободы! Такое подчинение на деле означало для них приобщение к богатой культуре Понта, открывало широкие перспективы для выдвижения и карьеры. Я сам на себе это испытал, когда после фракийского царства — хотя и столь знаменитого, как царство медов! — попал в великий Понт! Добавлю к сказанному еще следующее: в те годы я был очень молод, мои взгляды являлись не такими, как сейчас, ведь взгляды людей в соответствии с

опытом непрерывно изменяются! Тогда меня тоже, как и других, прельщала блестящая карьера, награды, отличия...

— Как нас сейчас, — вставил, тонко улыбаясь, галл Атлант.

— Да, — согласился Спартак. — Но я не вижу в том ничего дурного. Каждый, находясь в расцвете сил, жаждет славы и отличий, но не каждому они на долю выпадают. Разве Помпей не желает славы? Или Красс? Или, может, Марий и Сулла отказывались от почестей?!

Все дружно согласились, что слава и почести для каждого желанны и необходимы.

— Мои дорогие соратники, — закончил Спартак свою речь, — пора расходиться. Всем следует выспаться. Завтра последний бой с Крассом, последний для него и для нас. Бейтесь, друзья, с величайшим мужеством, не отступайте ни на шаг! Не забывайте о своей прошлой славе! Не забывайте: Помпей и Марк Лукулл, новые сильные враги, рядом! Не позволяйте, чтобы оправдались слова поэта:

*Из нависающей тучи рождается снежная буря,
Яркой молнии блеск гром за собою ведет!*

Напоследок, о соратники, я хочу вам сказать всем: всегда состязайтесь между собой в доблести, великодушии, мужестве и справедливости, в жажде славы и стремлении доводить начатое дело до конца. Только такое стремление дает удачу на войне, делает войско непобедимым! Даю вам, друзья, такой совет вот почему: в завтрашнем бою нам надо любой ценой победить; если мы не победим, я не выйду из боя живым и вам придется выбирать себе нового вождя! Я твердо решил: не отступать ни на шаг! В качестве последнего завета — на всякий случай, кто знает, что сулит темная Судьба?! — хочу сказать вам так: следите всегда за тем, чтобы ваш главный предводитель обладал душой царственной, — для привлечения людей такое качество имеет большое значение. Иметь царственную душу значит: быть щедрым к людям, восстанавливать разрушенные дома и города, облегчать участь народов больших и малых, соседних и отдаленных, для великих городов стараться сделать что-либо достойное их славы, их древнего происхождения! Самое же мое последнее и наиболее важное слово — ибо все мы воины! — таково: *Умирать надо достойно, чтобы потомство помнило и восхищалось!* Выпьем, друзья, последнюю чашу за завтрашний бой и победу! И пусть боги, если они все-таки существуют, как некоторые считают, будут с нами!

Все собравшиеся с готовностью вновь наполнили чаши, сдвинули их и дружно выпили, высказав такие пожелания:

- Живи, Спартак, наш доблестный полководец и друг, долго!
- Переживи всех нас!
- Если ты останешься жив, наше дело, несомненно, победит!
- Мы все сделаем, чтобы победить!

Этот январский вечер 71 года был последним дружеским вечером, проведенным высшими командирами в обществе Спартака. Тот из них, кто уцелел в последнем сражении с Крассом, запомнил речи Спартака до конца своей жизни...

III

Около полуночи в отличном настроении все разошлись по палаткам. Спартак, проверив по своему обыкновению лагерную охрану и дополнительные посты, тоже удалился на отдых.

То, что зависело от человеческой предусмотрительности и воинского таланта полководца перед битвой, он сделал. Все остальное зависело теперь от воинов — своих и римских, — от их напора, ярости и натиска, которые им предстояло завтра проявить в бою.

Глава тридцать первая

ПОСЛЕДНЕЕ СРАЖЕНИЕ СПАРТАКА

I

Последняя операция была спланирована Спартаксом очень тщательно. Проложив навстречу Крассу часть пути, он, как и собирался, выбрал крепкую позицию, построил лагерь, прокопал рвы и устроил особые засады в тылу и на флангах и по всей округе выставил сторожевые дозоры. Верховный вождь восставших намеревался встретить римлян со свежими и сытыми воинами, имея надежные укрепления за спиной. Врагу же пришлось бы вступить в бой неевшим, утомленным маршем, не имея за собой укреплений, куда можно было бы укрыться при неудачном исходе сражения. Благодаря этому Спартак твердо надеялся при лучшей выучке своего войска и искусстве командиров взять над римлянами верх и одержать, наконец, решительную победу.

Все началось так, как Спартак и рассчитывал. Около часа дня (6 января 71 года) показались так называемые римские «отборные» — около 6 тысяч конницы и 10 тысяч человек союзной пехоты. За ними тремя колоннами (каждая из них составляла боевую линию) шествовали правое крыло союзников, затем римские легионы и, наконец, левое крыло союзников. С обеих сторон колонн, прикрывая минимальные обозы, двигалась остальная часть римской конницы.

В первых рядах «отборной» конницы, в кругу трибунов и центурионов, занимавшихся разбивкой лагеря, скакал П. Консидий. Приблизившись к неприятельскому стану, он опытным взглядом окинул местность и выбрал ту часть ее, которая казалась наиболее удобной для разбивки лагеря.

По его распоряжению Л. Квинций развернул кавалерию во фронт для отражения возможных атак неприятеля, а трибуны и центурионы, отмерив место для палатки полководца, поспешно вбили в землю знамя Красса, на положенном расстоянии провели линии, вдоль которых надо было поставить палатки трибунов, легатов, начальников «отборной» конницы и пехоты, затем остальной части союзной пехоты и конницы и римских легионов. Отложив в сторону оружие, поставив щиты и сложив багаж

вокруг знамени, воины бодро взялись за лопаты и кирки.

Но Спартак вовсе не имел намерения позволить римлянам укрепиться. Поэтому он тотчас послал против неприятеля часть своей конницы и легковооруженных. Они опрокинули союзническую конницу Красса, обратили ее в бегство и напали на работавшую пехоту.

Бросая лопаты и кирки, легионеры хватались за копья и щиты. Бой начал завязываться по всей линии. С обеих сторон к сражавшимся подходили непрерывно подкрепления.

Спартак, стоя на лагерном валу, внимательно наблюдал. Наконец он увидел, как все римское войско вышло на поле предстоящего боя и стало разворачиваться в боевой порядок. Тогда Спартак соскочил с вала вниз, сел на коня и, сопровождаемый личной охраной, направился к воротам. По его приказу горнисты дали положенные сигналы: сначала повстанцам, сражавшимся у рва намеченного П. Консидием лагеря, повелевая им отойти назад, затем всему войску выходить из лагеря. Весь лагерь тотчас пришел в движение. Вперед двинулись знамена, за ними конница и пехота.

Спустя совсем недолгое время конница и легионы вместе с отошедшими назад частями развернулись в боевой порядок: это были 90 тысяч человек пехоты и около 10 тысяч человек конницы.

В первых рядах стояли самые прославленные воины — маниаки. Все они были как на подбор: молодые, лет 20–25, огромного роста, крепкого сложения, белокурые, русые или рыжеватые, с медно-красными лицами от постоянного пребывания на солнце и ветру, с небольшими усами и курчавыми бородками. Одеты были маниаки, как обычно одевались для боя: головы их покрывали шлемы, тело и плечи облекали панцири, достигавшие колен, ноги прикрывали железные поножи. В руках они держали копья-пилумы и овальные щиты, на правом боку у каждого висел в ножнах небольшой меч. На шеях маниаков красовались золотые ожерелья (по ним они и носили имя) — предмет их гордости, награды, полученные за выдающуюся храбрость, проявленную в боях. Маниаки стояли спокойного чувством собственного достоинства. Лица этой воинственной молодежи не выражали никакого колебания или сомнения. Смеясь, они перебрасывались друг с другом репликами и отпускали по адресу римлян колкие шуточки.

Служители, сопровождаемые жрицей в белой одежде с золотым венком на голове, подвели к Спартаку белого коня. Согласно обычаю, который существовал у многих варварских народов, перед решительной битвой полагалось принести коня в жертву богу Солнца.

На глазах у воинов, внимательно наблюдавших за его действиями,

Спартак с помощью горячей серы очистил жертвенную чашу, потом совершил богу Солнца возлияние вином, разом опрокинув чашу, чтобы вино вылилось быстро. Затем он обернулся к коню. Тот спокойно стоял и ждал (поведение жертвы, согласно ритуалу, имело большое значение!). Спартак, отбросив с правого плеча красный плащ, развевавшийся на ветру, вынул из ножен меч и одним точным ударом поразил жертву. Конь захрипел, упал на колени и медленно рухнул на бок.

По рядам воинов прокатился легкий гул удовлетворения. А Спартак громким голосом приносил молитву богам: «О, Аполлон и вы все, другие солнечные боги! К вам обращаюсь! Руководствуясь вашей волей, иду на Красса, чтобы уничтожить его. Вам, если останусь победителем, обещаю посвятить десятую часть добычи!»

Жертвоприношение совершено, положенная молитва произнесена. К Спартаку подводят его коня. Он вкладывает меч в ножны, садится на любимого скакуна и скачет вдоль боевой линии.

Объезжая легионы по фронту, Спартак произносит короткие речи, стараясь вдохновить соратников на битву. Воины громкими криками и ударами копий в щиты приветствуют любимого товарища и прославленного полководца.

II

На противоположной стороне Красс, окруженный понтификами и гадателями-авгурами, совершал ауспиции (гадания по полету птиц), закалывал жертвы, приносил молитвы богам, Юпитеру и прочим, прося их помочь ему уничтожить Спартака.

Затем Красс, Консидий и Аррий также объезжали легионы. Они призывали их напрячь все силы, чтобы не упустить выгод, связанных с победой.

Когда необходимые речи были произнесены, с обеих сторон прозвучали обычные сигналы и команды, и войска двинулись друг другу навстречу. Римляне шли в бой в величайшей тревоге, надев на шею священные амулеты, шепча слова заклятий и заклинаний.

Пока враги сближались мерным шагом, шедшие впереди боевой линии легковооруженные и кавалеристы вступили между собой в бой. Он длился меньше получаса. Под бешеным натиском повстанцев римляне были сбиты с позиции и оттеснены назад.

Отступая, римские легковооруженные и конники через интервалы

между подходившими когортами отошли в тыл тяжелой пехоты. Быстро приведя себя в порядок, они разделились на две части и отправились на фланги войска.

А в это время римские когорты сомкнутыми рядами напали на спартаковских легковооруженных. Они отбросили последних назад, а за ними — повстанческую конницу и заставили их, в свою очередь, уйти через интервалы своей тяжелой пехоты в тыл, где они также немедленно разделились между обоими флангами.

Под непрерывные звуки горнов и труб, дававших один сигнал: «Битва!», боевые линии приблизились друг к другу и перешли на бег. С яростным боевым криком бойцы с обеих сторон пустили друг в друга копья, а потом, сдвинув щиты, сомкнутыми рядами сошлись лицом к лицу. С неистовым озлоблением повстанцы и римляне начали работу мечами.

Вслед за пехотой пришла в движение конница. Каждая из ее частей, двигаясь на фланге своего войска, напала на неприятеля и завязала с ним бой.

Так началась последняя битва, самая ожесточенная за всю войну (Аппиан).

Час спустя положение определилось вполне. Сгибаемые железной рукой повстанцев, римляне начали понемногу отступать. Воодушевленные успехом спартаковцы стали наседать на врага с удвоенной энергией.

Сначала Красс, Консидий и Аррий пытались удержать воинов мольбами и ругательствами. Ни то ни другое, однако, не действовало. Тогда по необходимости они стали пускать в ход резервы.

Но Спартак (он своевременно заменял уставших бойцов свежими) продолжал наращивать натиск.

Римская конница не выдержала первой. Повернув к врагу тылом, она обратилась в бегство. Попытки Л. Квинкция остановить малодушных оказались безуспешными.

Увидев бегство конницы, Красс и Аррий (оба командовали флангами, Консидий начальствовал центром) немедленно начали заворачивать фланги, стараясь предупредить появление неприятеля в тылу. С огромным трудом и большими потерями им удалось построить войска в каре.

Окруженные со всех сторон, подвергаясь бешеному натиску, римляне постепенно пришли в отчаяние. Сражение казалось проигранным. Единственная надежда заключалась в следующем: продержаться до темноты и, если не поможет Помпей или Лукулл, под покровом ночи отступить с поля боя.

Спартак прекрасно понимал надежды Красса. Он знал, что в его

распоряжении имеется еще два-три часа до темноты, чтобы окончательно сломить римлян. Если сделать это не удастся, подоспеет конница М. Лукулла (разведка донесла, что она уже в пути), а вслед за ней подойдет и конница Помпея.

По распоряжению полководца трубачи особыми сигналами отозвали воинов назад. Наступила короткая пауза. Римские legionеры, стирая с лица жаркий пот, переводили дух, перебрасывались короткими фразами, перевязывали раны. С ужасом все думали, что, пожалуй, не сумеют продержаться до темноты.

Пока римляне отдыхали, победоносная спартаковская конница перестроилась, вновь занимая место впереди пехоты.

Снова трубачи подали сигнал — и тяжелая кавалерия, взметая пыль, помчалась в атаку на римскую пехоту. Дружным копейным натиском она пыталась опрокинуть врага.

Два часа шел еще яростный бой. Сознавая, что не будет спасения тем, кто обратится в бегство, римляне стояли стеной и мужественно отражали натиск.

Убедившись, что таким образом врага не сломить, Спартак отозвал конницу назад. Выдвинув вперед стрелков-лучников и пращников, а также боевые машины — баллисты, катапульты, онагры, скорпионы, — он велел засыпать римлян стрелами и градом камней.

Начался интенсивный обстрел римских рядов. Противники повстанцев отвечали атаками легкой пехоты, но ее каждый раз отбрасывали назад.

Положение римлян становилось отчаянным. Красс, Консидий и Аррий считали, что у них нет другого выхода, кроме одного: мужественно пасть.

И как раз в тот момент, когда римский полководец стал уже спрашивать себя, не пора ли ему покончить самоубийством, в тылу правого фланга Спартак заревели римские трубы.

И Красс, и его соратники, и все рядовые legionеры радостно закричали — к полю сражения подходил 6-тысячный конный корпус М. Лукулла. Красс снова воспрянул духом: появилась надежда, что свежая конница, напав на врага с тыла, разобьет один из его флангов.

Но дозорные Спартак зорко следили за дорогой, по которой мог появиться враг, и вовремя подали сигнал тревоги. И тотчас Спартак приказал своей коннице, стоявшей против левого фланга римлян, сделать оборот кругом, двинуться навстречу новому врагу и вступить с ним в бой.

Одновременно он велел отойти назад легковооруженной пехоте и коннице и повсюду двинул в бой тяжелую пехоту. Сражение вновь возобновилось со всем ожесточением. Тем временем Л. Квинций вновь с

огромным трудом собрал часть своей конницы, бежавшей с поля боя.

Увидев появление конного корпуса М. Лукулла, Л. Квинций постарался, насколько возможно, вдохнуть мужество в ослабевшие души товарищей, после чего повел их назад. Развернув свой отряд в боевую линию, он напал на своего победителя на правом фланге. Повстанцы яростно отбивались...

Прошло еще два часа... Уже минуло пять часов с момента начала сражения, а исход его все еще казался неясным.

В седьмом часу в тылу римской армии внезапно загорелись огненные сигналы — спартаковские дозоры извещали своего полководца о появлении нового неприятеля. Это был 5-тысячный конный корпус Гнея Помпея, брошенный им вперед, в самостоятельный рейд.

Теперь исход битвы в значительной мере мог решиться случайностью — силы сторон уравнились; однако несколько часов спустя можно было ждать и подхода пехоты Помпея.

Вполне это понимая, Спартак приказал своему 4-тысячному конному резерву преградить помпеянцам дорогу и не дать им вмешаться в битву.

Конный резерв Спартака немедленно на рысях помчался навстречу коннице Помпея, столкнулся с ней и завязал бой.

А сам полководец (в битве явно наступал критический момент) приказал трубачам дать сигнал к отходу пехоте левого фланга. По данному ей сигналу пехота отошла. Тогда, став во главе кавалерии, Спартак лично повел ее в решающую атаку. Сокрушая римлян, вождь восставших надеялся добраться до Красса, вывести его из строя и, обратив врагов в бегство, тем самым решить исход сражения.

Новый натиск повстанческой конницы, возглавленной самим Спартаком, привел на этот раз к прорыву. Ворвавшись в строй римской пехоты, повстанцы стали расширять брешь.

Окруженный телохранителями, Спартак яростно рвался к Крассу. Но охранная римская когорта, тесно сомкнувшись вокруг своего полководца, не менее яростно отражала его натиск.

Спартак не успел выполнить своего замысла. Конный заслон не выдержал страшного натиска помпеянцев, начал отступать и наконец обратился в бегство.

У А. Габиния, командира помпеянской кавалерии, не было ни минуты сомнения, что следующий удар надо наносить по спартаковской коннице, яростно крушившей правый фланг римской пехоты, где находился сам Красс; повинуясь его приказу, помпеянская кавалерия врезалась с тыла в конный отряд Спартака.

Тщетно пытался полководец повстанцев повернуть часть товарищей лицом к новому врагу. Все дело решали минуты, но их уже не оставалось...

Молодой кампанский аристократ, Феликс из Помпей (по иронии судьбы он, как и Крикс, был оском по происхождению), налетел на Спартака сзади и поразил его в бедро всадническим копьем-доратионом. На него тут же надела личная охрана полководца и оттеснила в сторону.

С тяжелой раной в бедре Спартак не мог уже одновременно держаться на коне и продолжать борьбу. Он спрыгнул на землю, отдал своему оруженосцу круглый всаднический щит. Его поспешно перевязали. Военные трибуны, входившие в охрану Спартака, пробовали уговорить его уйти в тыл: «Никто, — говорили они, — не заподозрит тебя в отсутствии храбрости!» Спартак гневно отказался: «Бой, — отвечал он, — последний. Надо победить Красса или умереть!» — «А конь? — спрашивали встревоженные соратники. — Если он достанется римлянам, это будет умалением твоей, Спартак, славы. Нельзя подобного допустить. Коня следует отправить в тыл».

В ответ Спартак гневно отвечал: «В тыл не смеет уходить никто. Все обязаны продолжать сражаться. О коне заботиться нечего: он не достанется врагу!»

И, вновь вынув из ножен меч, Спартак одним ударом заколол своего старого боевого товарища. И, глядя на потрясенных соратников, добавил: «В случае победы у меня много будет прекрасных вражеских коней, а при поражении мне и этот не понадобится».

И все поняли: бой действительно будет последним...

По приказу Спартака вокруг него собрались самые отчаянные храбрецы. С ними-то, имея в руке круглый щит конника, он вновь устремился в атаку на Красса.

Но благодаря вмешательству в дело помпеянской конницы судьба явно повернулась лицом в сторону римлян. Помпеянские всадники, спрыгнув с лошадей, по германскому обычаю, искусно вели бой пешими. Крича и подбадривая друг друга, они энергично напирали на окружавших Спартака и наконец обратили их в бегство.

Пытаясь остановить бежавших товарищей, взывая к их стыду и чести, Спартак, чтобы легче было узнать его, сорвал с головы шлем, но этим лишь привлек к себе внимание неприятеля. И Феликс из Помпей, успевший уже собрать вокруг себя толпу наиболее храбрых и желавших отличиться, стал нападать на Спартака, намереваясь взять его в плен.

Но вождь повстанцев не собирался сдаваться. За 30 лет боевой жизни Спартак многократно смотрел смерти в глаза, знал, что для каждого она

неизбежна, и не боялся ее.

Громко зовя на помощь товарищей, Спартак продолжал энергично отражать удары и нападать. Получив новую рану в бедро, он опустился на колени и, выставив вперед щит, продолжал отбиваться от наседавших на него врагов.

На зов предводителя спешили соратники. И когда Феликс, сделав обманное движение, нанес последний, роковой для Спартака удар, на победителя накатилась волна соратников Спартака. И над телом павшего вождя тут же началась свирепая резня. Римляне старались захватить тело своего заклятого врага, повстанцы желали любой ценой спасти его для погребения по принятому в их войске обычаю. И, вспоминая битву у тела Патрокла, командиры и бойцы, подбадривая друг друга, кричали:

*Если судьба нам, друзья, возле этого мужа погибнуть,
Всем сообща, то и тогда пусть никто не выходит из боя!*

Темнота быстро сгущалась. Все поле боя вокруг было завалено телами павших, лежавших друг на друге.

Многие из тех, кто сражался с Феликсом бок о бок и старался вместе с ним захватить тело Спартака, пали в яростной схватке. Другие, уже появившиеся позже, даже не знали, в чем дело, почему с таким бешенством все кидаются для боя в одно место.

Наконец бой сдвинулся в сторону оттого места, где пал Спартак. Повстанцы, отбиваясь, отходили, римляне их преследовали...

Узнав о гибели вождя, командиры центра и правого фланга повстанческого войска стали отводить легионы в лагерь. Левое крыло войска, сражавшееся против Красса и пытавшееся поддержать свою конницу, лишившись командующего, понесло огромные потери, но правому крылу и центру удалось отойти в сравнительном порядке.

Повстанческие командиры надеялись закрепиться в лагере. Однако римляне в упоении победой пошли на штурм и после нескольких попыток взяли его приступом. Выбитые из укрепления повстанцы были вынуждены спастись в разные стороны небольшими группами. Темнота затруднила их дальнейшее преследование.

Захватив неприятельский лагерь, римляне освободили 3 тысячи своих пленных, взятых Спартаком в плен после победы над Аррием и Скрофой.

Красс, Аррий и Консидий, сойдясь вместе в палатке Спартака, поздравили друг друга с замечательной победой и расцеловались.

Пережитый за эти часы страх (особенно туго приходилось Крассу — пробиваясь к нему, Спартак убил двух центурионов и массу легионеров, так что, как говорит Саллюстий, «пал не неотомщенным») сблизил их и заставил на время забыть о прежних разногласиях.

С любопытством оглядывали они строгое убранство палатки повстанческого вождя, рассматривали различные вещи, разворачивали свитки книг. Все захваченное в палатке у Спартака было позже поделено между римскими командирами в качестве памяти о дорогом доставшейся победе.

Потом Красс созвал небольшое совещание: он считал необходимым сговориться с начальниками конницы Помпея и Лукулла о проведении единой линии перед сенатом насчет выигранного сражения. Красс просил последних уступить ему — разумеется, не безвозмездно — честь победы над рабами и донести своим полководцам, что он, Красс, покончил со Спартаком самостоятельно. Командир конницы М. Лукулла согласился быстро, Габиний же долго не соглашался. После долгих уговоров он все-таки обещал «сделать, что можно».

Тотчас после совещания Габиний и его коллега расположились самостоятельными лагерями у лагеря Спартака и засели за писание отчетов своим полководцам, в которых сообщали, что они «не успели вовремя добраться до поля сражения».

А Красс в это время, советуясь с Консидием и Аррием, написал в сенат письмо о своей выдающейся победе и о том, что армия провозгласила его «императором». Свои потери в битве полководец определял в одну тысячу человек, а о потерях Спартака писал, что их «даже установить нельзя». Сообщая сенату о смерти самого Спартака, Красс обещал доставить его тело и быстро покончить с «остатками» бежавшего повстанческого войска.

Глава тридцать вторая

КОНЕЦ ЭПОПЕИ. ТРИ ТРИУМФА

I

Спасшиеся из битвы повстанцы в большом количестве отступили в соседние горы. Они шли весь вечер до глубокой ночи, стараясь как можно дальше уйти от возможного преследования.

Утром следующего дня легионеры Красса обошли поле сражения, производя подсчет убитых, погребая тела своих (их пало около 10 тысяч, но Красс, стараясь сделать победу более эффектной, в письме сенату объявил о гибели одной тысячи воинов).

Тело самого Спартака, несмотря на долгие и тщательные поиски, найти не смогли. Красс был раздосадован: ему не удалось выполнить данное сенату обещание доставить Спартака живым или мертвым.

По поводу исчезновения тела неприятельского предводителя высказывались различные предположения. Некоторые говорили, что после боя его тело отыскали свои и тайно предали погребению. Другие трусливо утверждали, будто Спартак вовсе и не убит, он сумел спастись из битвы и скоро снова себя покажет. Третьи, горячо возражая вторым, находили очевидцев, утверждавших, что видели собственными глазами, как страшного гладиатора «изрубили в куски».

Феликс из Помпей, узнав, сколь горячо интересуется Красс судьбой Спартака, немедленно явился к нему с друзьями. Он требовал награды и заявлял, что вождь мятежных рабов пал от его руки, в доказательство чего ссылался на свидетельские показания товарищей.

Красс был крайне возмущен «нахальными притязаниями» помпеянца. После резкого обмена с ним колкостями он приказал выставить его из своей палатки. Легаты Красса тем временем — все были обеспокоены возможностью уменьшения своей славы победителей — шумно возмущались. Теперь по знаку полководца они с удовольствием подхватили назойливого декуриона помпеянской кавалерии под руки и выставили из палатки, награждая по дороге тумачами. Вслед за Феликсом из палатки изгнали и его товарищей.

После этого легаты вновь собрались у Красса. Положение бурно

обсуждалось. Наконец после споров решили не присваивать никому персонально звания победителя Спартака и отстаивать перед сенатом ту версию, согласно которой он был в бою «изрублен в куски».

В таком духе на глазах у легатов Красс тут же продиктовал секретарю, одному из своих отпущенников, новое письмо сенату. Одновременно он сообщал, что произвел точный подсчет числа павших врагов: согласно указанному подсчету, он, Красс, «вырезал вместе с самим Спартаком 60 тысяч человек»^[60].

Отправив новое письмо сенату, Красс разделил войско на части и разослал самых выдающихся своих легатов по окрестностям. Он велел им неустанно преследовать «остатки» спартаковского войска и беспощадно их уничтожать. Сам Красс двинулся в горы, куда, как доносили разведчики, отступила основная часть повстанцев.

Разделившись на отряды, повстанцы стремительно уходили от погони. Конница Красса гналась за ними и старалась их задержать. За конницей спешили главные силы римлян, разделенные на четыре армии под начальством самого Красса, Консидия, Аррия и Скрофы.

Четыре крупных спартаковских отряда им удалось перехватить. В жестоких боях повстанцы «погибли все, за исключением 6 тысяч» (Аппиан), взятых в плен; так, во всяком случае, утверждал позже сам Красс.

Мелким отрядам удалось, однако, уйти горными тропинками и оторваться от преследования.

Помпей с пехотой прибыл на поле битвы с большим опозданием, и ему не пришлось лично принять участие в битве. Он был раздосадован тем, что всё обошлось без него. И когда Феликс из Помпей пришел к нему с жалобой на Красса, не желавшего признать его победителем Спартака, победитель Сертория сочувственно встретил своего декуриона.

На встрече с Крассом (в качестве победителя последний не имел теперь необходимости от такой встречи уклоняться) Помпей всячески расхваливал действия своей кавалерии и доблесть ее бойцов. Он требовал от Красса официальным письмом сенату засвидетельствовать заслуги его соратников, а затем передать ему командование, так как полномочия Красса истекли.

Красс и его легаты негодовали. Домогательства Помпея, желавшего, по их мнению, присвоить славу победителя, казались бессовестными. Дело закончилось перебранкой. Красс решительно отказался передать Помпею командование, заявив, что их разберет сенат.

От своего соперника Помпей возвращался раздраженным до

крайности. Он никак не ожидал такого приема, не думал, что армия Красса окажет поддержку своему полководцу.

Тщательно обдумав ситуацию и обсудив ее со своими офицерами, Помпей написал сенату ловкое и дипломатичное письмо. Трезво считаясь с реальным положением, он признавал, что именно Красс разбил гладиаторов в открытом бою; себе же в заслугу Помпей ставил подвиг своей конницы, которая вырвала самый корень войны, избавив сограждан от Спартака (Плутарх).

Письма Помпея и Красса, многочисленные письма легатов и воинов своим близким, восторженно воспевавшим свои подвиги, бурно дебатировались в сенате. Сторонники Красса, Цетега и Катулла притязания Помпея встретили крайне враждебно. Огромная слава Помпея в качестве победителя Сертория с присоединением к ней славы победителя Спартака могла бы сделать его новым Суллой. Но все сенатские группы, помня тяжелый нрав умершего диктатора, страшно боялись повторения недавнего прошлого.

Яростные нападки на Помпея в сенате выглядели особенно контрастными на фоне безудержного его прославления среди римского народа. Плебеев прельщало обещание победоносного полководца вернуть им защиту трибунов с их властью в полном объеме, а также реформировать суд, запятнанный ужасающим взяточничеством и всевозможными злодеяниями.

Кроме того, народу Помпей нравился и как человек, ибо обладал он приятной, располагающей внешностью, живым, выразительным взглядом, приветливостью, умением убедительно говорить. Все хорошо знали его честность, сдержанность в изъятии чувств, умеренность в личной жизни — о ней говорил его простой и скромный дом, — его постоянную готовность оказывать помощь людям из народа, беспредельную любовь к нему его воинов, главное правило жизни: «Превыше всего цени славу и уважение друзей и народа!»

По этим-то вот причинам в народном собрании с удовольствием слушали речи сторонников Помпея и его собственные письма, обращенные к народу. Польщенные плебеи с готовностью повторяли утверждения помпеянцев насчет решающих заслуг конницы Помпея в последнем сражении.

Красс и его легаты были озлоблены вестями об интригах Помпея и отвечали по его адресу грубыми ругательствами^[61]. Они пытались привлечь на свою сторону М. Лукулла, находившегося в Брундизии. Но последний, человек умеренного честолюбия и хороший гражданин,

«влиятельный, добросовестный и честный муж», настоящий «представитель римского народа», «поддерживающий авторитет его державы», как говорил о нем официально Цицерон, предпочел уклониться от решения спора между соперниками. Ему вовсе не хотелось заслужить ненависть Помпея и отравить себе будущее. Поэтому М. Лукулл не пожелал присоединиться к нападкам на Помпея. Узнав 8 января о гибели Спартака, он объявил войну с рабами законченной и немедленно распустил свои войска. После этого в сопровождении немногих близких ему людей Лукулл вернулся в Рим.

Он был довольно хорошо встречен в сенате, сделал ему отчет о своем наместничестве и войне с фракийцами. После этого, считая, что он вполне заслужил почетный отдых, Лукулл целиком ушел в личную жизнь, стараясь уладить свои семейные дела, бывшие уже давно неблагополучными.

Потерпев с М. Лукуллом досадную неудачу, Красс все-таки не отказался от попыток одолеть Помпея в дуэли происков и интриг. Стараясь подкрепить свою репутацию в качестве победителя и внушить рабам страх, Красс решил распять всех пленных. С этой целью (после того как его отряды и отряды Помпея в течение месяца прочесывали Апулию, Луканию, Брутий, Калабрий, Самний и Этрурию, вылавливая «остатки» спартаковских войск и уничтожая их при удаче) он воздвиг от Капуи до Рима 6 тысяч крестов. На них-то Красс и распял всех пленных повстанцев и тех, кого счел за них.

Помпей, более осторожный, нашел такой шаг опасным для будущего и непопулярным и предпочел возвратить захваченных им в плен рабов их бывшим хозяевам.

Сенаторы, испытавшие много волнений и страха за время войны со Спартаком, приветствовали доблестное, на их взгляд, деяние Красса, Помпея же подвергли осуждению. Выезжая группами и с близкими на Аппиеву дорогу, они с облегченными вздохами смотрели на распятые на крестах тела. В предчувствии поживы над ними кружили вороны...

Итак, как Красс и обещал сенату, он быстро закончил войну со Спартаком, потратив на нее шесть месяцев (Аппиан). Он ждал триумфа — желанной для него награды. Но неблагодарные сенаторы, еще не так давно трепетавшие перед Спартаком, теперь стали говорить, что война была ведена «не с настоящим противником», что имя врага «было низким и неподходящим» (А. Геллий) и что к «легкости такой победы более подходит зелень Венеры» (то есть миртовый, а не лавровый венок). По указанной причине, к великой досаде Красса, завистливый сенат не дал ему большого триумфа, а назначил малый — пеший — орации с миртовым венком.

Помпей торжествовал. Красса душила злоба. В конце января оба соперника решили возвратиться под Рим. Каждый из них старательно распространял о другом неблагоприятные слухи. По части очернения Помпея Красс проявил много искусства. «Поэтому было почти столько же людей, выходявших к нему (Помпею. — В. Л.) навстречу с дружескими приветствиями, сколько и тех, кто делал это из страха. Когда Помпей рассеял и это подозрение (что он станет искать единовластия. — В. Л.), объявив, что распустит войско сразу после триумфа, у его недоброжелателей остался только один повод для обвинений, а именно они упрекали Помпея в том, что он скорее держит сторону народа, чем сената, и решил восстановлением власти народных трибунов, которую отменил Сулла, добиться народного расположения. И это было верно, ибо ни к чему другому народ римский не стремился более неистово, ничего не желал более страстно, как видеть восстановленной власть народных трибунов. Поэтому Помпей считал большой удачей, что ему представляется удобный случай для проведения в жизнь этой меры: он полагал, что не найдет другого способа отблагодарить граждан за их любовь к нему, если этим средством воспользуется до него кто-либо иной.

Затем Помпею был назначен второй триумф, и он был избран консулом. Однако не эти почести вызвали удивление перед ним и делали его великим в глазах народа. Доказательством его славы было то, что Красс, замечательный оратор, один из самых богатых и наиболее влиятельных из тогдашних государственных деятелей, Красс, который смотрел свысока на самого Помпея и всех прочих, не решился все же домогаться консульства, не испросив согласия у Помпея. Помпей, однако, с удовольствием принял просьбу Красса, так как давно уже хотел оказать какую-нибудь услугу и любезность, и обратился к народу, настоятельно рекомендуя ему Красса; он заявил открыто, что будет столь же благодарен гражданам за товарища по должности, как и за самую должность» (Плутарх).

Итак, примирившись по необходимости (иначе обоим было невозможно достигнуть высшей должности в государстве; Помпей еще не занимал ни одной государственной должности и не имел требуемого законом возраста — 42 лет^[62]), оба соперника были избраны консулами. Опираясь на поддержку Помпея, Красс, «против обычая, отверг миртовый венок и добился благодаря своему влиянию, чтобы было вынесено сенатское постановление: быть ему увенчанным лавром, а не миртом» (А. Геллий).

В декабре 71 года, успевшие после выборов вновь поссориться,

соперники справили триумф. Встречаемые восторженным народом, Помпей и Метелл, с лицами, выкрашенными киноварью (таков был обычай), проехали на почетных колесницах через весь город с лавровыми венками на головах, сопровождаемые победоносными войсками, и на Капитолии принесли благодарственные жертвы Юпитеру.

II

Феликс из Помпей проходил вместе с другими в рядах победоносной конницы. Он получил награду от Помпея, но так и не сумел добиться от сената признания своей заслуги в качестве «победителя Спартака». Он возвращался в Помпеи к родным пенатам, обозленный на весь свет за допущенную по отношению к нему несправедливость. Тем не менее, не желая никому в угоду отказываться от своих притязаний, он призвал живописца и на светлой облицовке своего нового дома велел ему изобразить боевую схватку помпеянской конницы со спартаковской и затем свой собственный бой со Спартаком на коне и на земле. Живописец выполнил его желание. Картины эти, к сожалению в поврежденном виде, дошли до нашего времени и в 1927 году были найдены Майури, директором Неаполитанского музея.

III

На другой день после триумфа Помпея пеший триумф — но с лавровым, а не с миртовым венком — справил Красс. Самолюбие его страдало, и он мучительно завидовал сопернику, совершенно затмившему его.

Вновь ухудшившиеся отношения между двумя соперниками грозили всему Риму большими осложнениями, быть может, новой гражданской войной. Но ее не хотел никто, в особенности же демократия, более или менее воспрянувшая благодаря выполненным Помпеем обещаниям — восстановлению власти трибунов в полном объеме, а позже — реорганизации судов. Сторонники демократической партии опасались, что победитель в качестве нового диктатора вновь вернет дурные времена Л. Суллы. Были приняты решительные меры к тому, чтобы покончить дело миром. Сначала Помпей и Красс отказались примириться. «После того как некоторые предсказатели стали предвещать наступление многих ужасов в

том случае, если консулы не примирятся, народ снова с плачем и унижением просил их примириться, ссылаясь на бедствия, бывшие при Сулле и Марии. Тогда Красс первый сошел со своего кресла, направился к Помпею и протянул ему руку в знак примирения. Помпей встал, в свою очередь, и подбежал к Крассу. Когда они подали друг другу руки, посыпались на них всякого рода благопожелания, и народ оставил собрание лишь после того, как оба консула объявили, что они распускают свои армии» (Аппиан).

Так завершился в Риме 71 год, а вместе с ним и спартаковская эпопея.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПАРТАКА

(в порядке реконструкции)

Ок. 120 до н. э. — рождение Спартака во Фракии, на земле племени медов.

102 до н. э. — начало военной службы в качестве воина в составе вспомогательных фракийских войск в римской провинции Македонии.

100 до н. э. — в связи с возобновлением борьбы медов против римлян дезертировал из римской армии вместе со множеством других фракийцев.

98 до н. э. — после неудачной двухлетней борьбы с римлянами отправляется с отрядом единомышленников в Понт к царю Митридату в качестве политического эмигранта.

98–90 до н. э. — военная служба у Митридата.

89 до н. э. — участвует в Первой Митридатовой войне и попадает к римлянам в плен.

89 до н. э. — привезен в Рим и на невольничьем рынке продан в качестве раба. Служит пастухом на юге Италии.

87 до н. э. — во время осады Рима Марием и Цинной (Рим принадлежит сторонникам Суллы) совершает побег из скотоводческой латифундии. 86–82 до н. э. — неизвестные страницы жизни Спартака: не исключено, что он находился на службе в марианской армии и участвовал в войне против Суллы. Приговором победителя сдается в гладиаторы.

82–76 до н. э. — находится в гладиаторской школе, выступает в амфитеатрах в качестве мурмилона, добивается личной свободы, но не уходит из школы, занимается обучением гладиаторов в качестве преподавателя.

76 до н. э. — начинает формировать заговор из собственных учеников и гладиаторов корпорации мурмилонов с целью освобождения рабов и гладиаторов.

74 до н. э., лето — совершает побег с кучкой товарищей на Везувий в связи с открытием заговора. Занимается подготовкой к распространению

большой войны на всю Италию.

73 до н. э., лето — осень — начало военных действий, победа над отрядом римских войск, прибывших из Капуи, затем — над армиями преторов Клодия и П. Вариния. Смерть ближайшего соратника Спартака — Эномая. Установление повстанцами на юге Италии новых порядков и уничтожение здесь римской власти.

72 до н. э., лето — поход армии Спартака на север. Гибель Крикса и его армии в битве с претором Аррием и консулом Геллием. Победы Спартака над армиями консулов Геллия и Лентула, а также наместника Цизальпийской Галлии проконсула Кассия.

Убийство Сертория в Испании заговорщиками, полная победа Помпея и Метелла. Резкое изменение военно-политической ситуации на западе и на востоке (Л. Лукулл наносит тяжелые поражения Митридату и заставляет его бежать в Армению).

Спартак меняет план действий и пытается напасть на Рим. Наносит сокрушительные поражения консульским армиям. Сенат назначает на борьбу с повстанцами нового командующего — претора М. Красса.

Август — Спартак вновь возвращается с войском на юг Италии, намереваясь вовлечь в орбиту войны Сицилию. Он располагается на стоянку в городе Фурии и его окрестностях. Борьба с переменным успехом.

Сентябрь — декабрь — Спартак уводит свои войска на Регийский полуостров. Активные попытки повстанцев произвести вторжение в Сицилию с помощью десантов. Красс строит укрепленную линию «от моря до моря» с намерением уморить врагов голодом.

Декабрь — возвращение в Италию по вызову сената Помпея из Испании и Марка Лукулла из Фракии. Помпей назначается новым главнокомандующим в войне со Спартаком. Армия восставших совершает прорыв укрепленной линии Красса. Яростные бои повстанческих войск с войсками Красса. Гибель Ганника, командира и соратника Спартака.

71 до н. э., начало января — гибель Каста, еще одного крупного командира Спартака. Победы повстанцев над римскими военачальниками Аррием и Скрофой. Последнее сражение армии Спартака с войсками Красса. Смерть Спартака в сражении.

ИЛЮСТРАЦИИ

Орфей поет фракийцам, аккомпанируя себе на кифаре.

Рисунок на вазе

Дионис на пантере.

С древнегреческой мозаики

Дом фракийской деревни

Фракийский всадник

Фемида и Бендида, фракийская богиня-охотница

Легионеры жнут хлеб на фракийском поле

Легионеры приносят головы фракийских вождей

Отдыхающий Арес

Форум во времена империи.

Реконструкция

Римский Колизей

Бой гладиаторов

Смерть гладиатора («Пальцы вниз»).

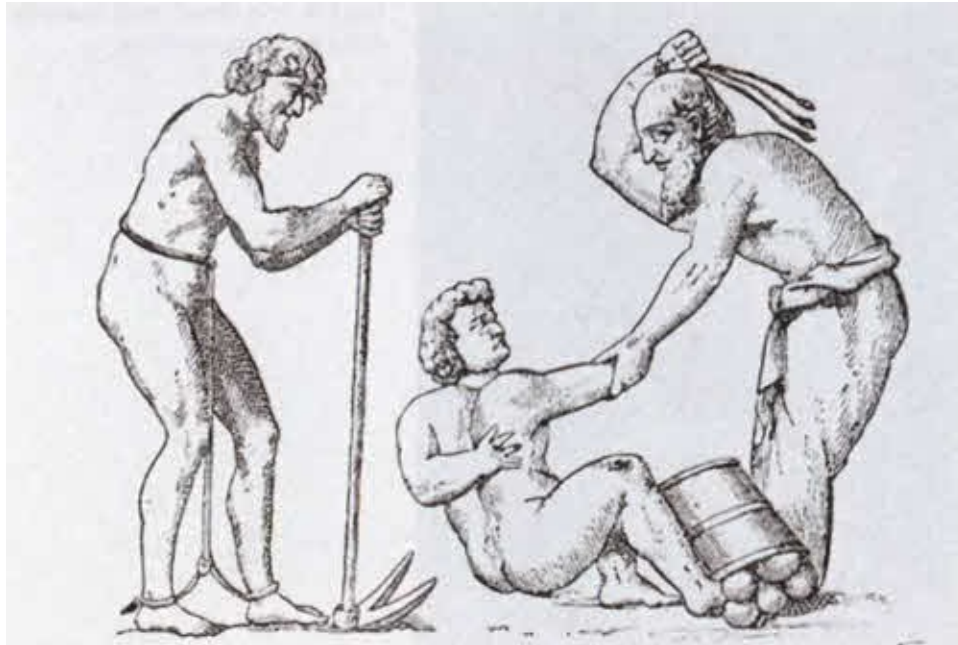
Ж.-Л. Жером. 1872 г.

Вилла в провинции

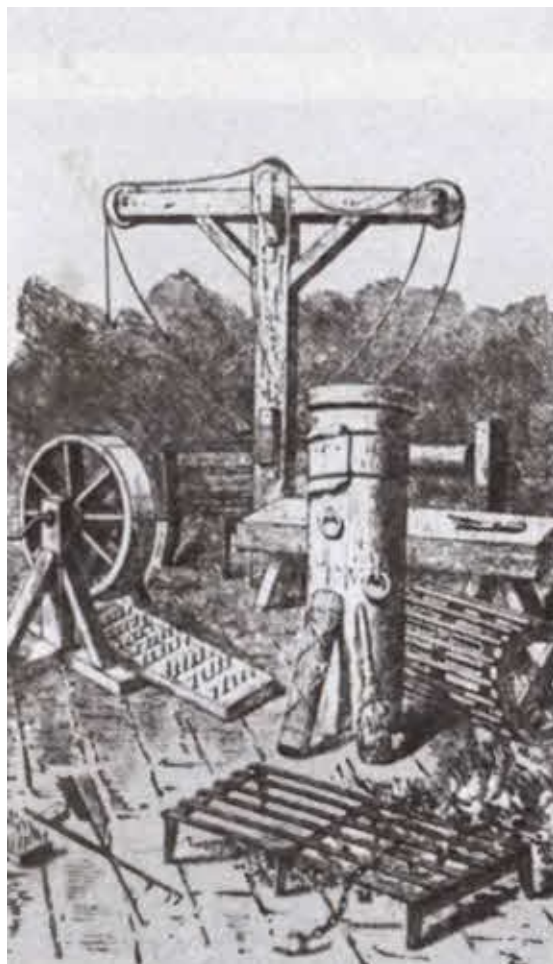
Атриум древнеримского дома. Реконструкция

Раб в кандалах. Наказание раба

Пастух

Орудия пытки

Галл и его жена, кончающие жизнь самоубийством

Пленники германцы

Римский щит

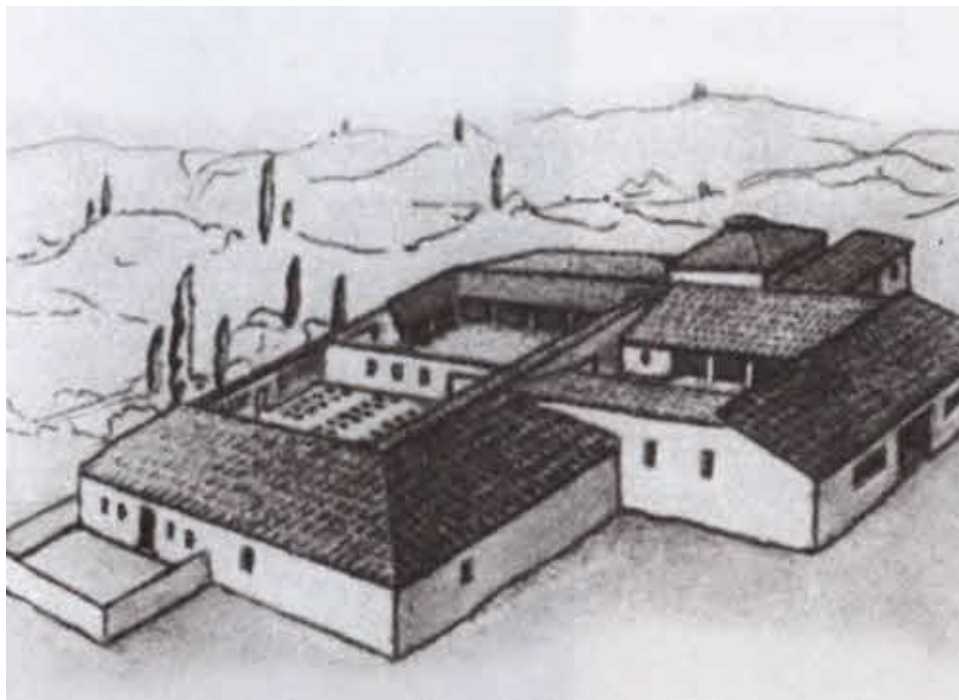
Дакский пленник

Германец

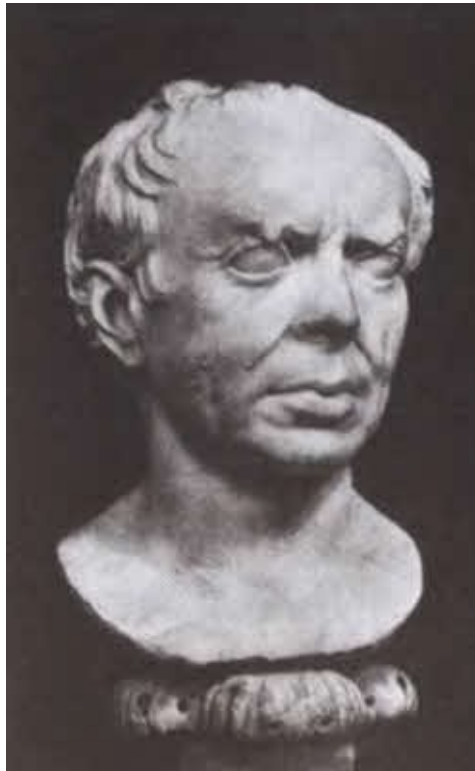
Галл

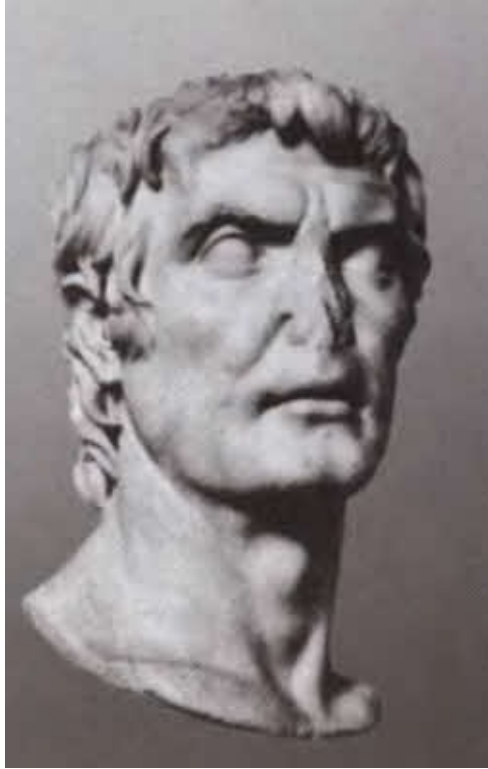
Усадьба Катона. Реконструкция

Крестьянин за плугом

Гай Марий Старший, противник Суллы

Луций Корнелий Сулла

Помпей Великий, противник Сертория

Патрицианка

Митридат VI Евпатор, царь Понта

Тигран, царь Армении

Луций Лукулл, консул 74 года до н. э.

Выдающийся оратор Гортензий

Доспехи гладиатора

Гладиаторские игры

Знатные римляне

Солдаты римской армии

Схватка гладиаторов

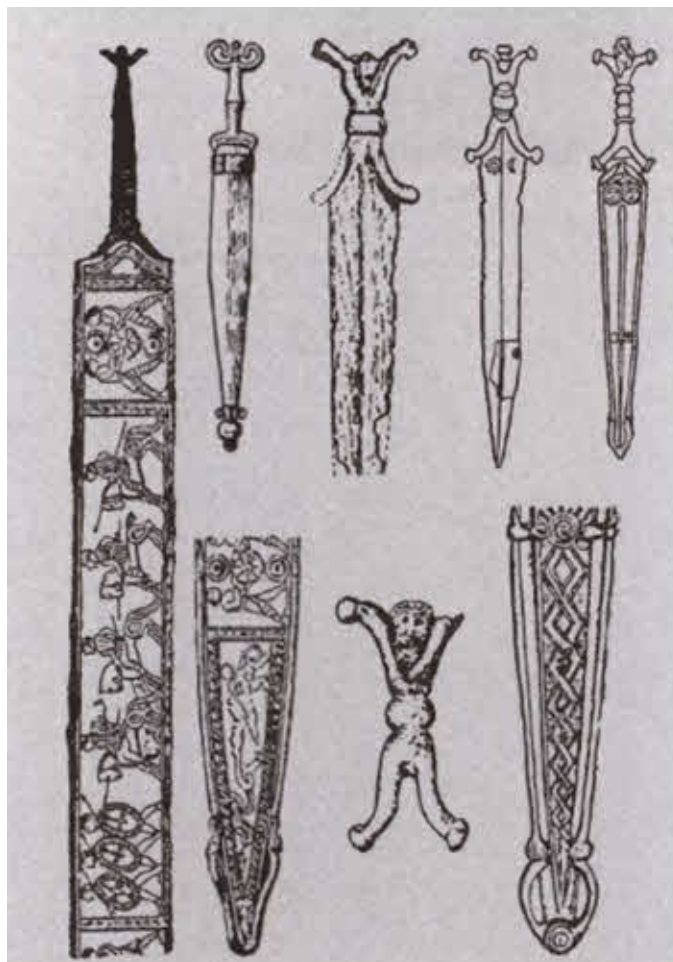
Бог кельтов

Подземное чудовище кельтов, пожирающее человека

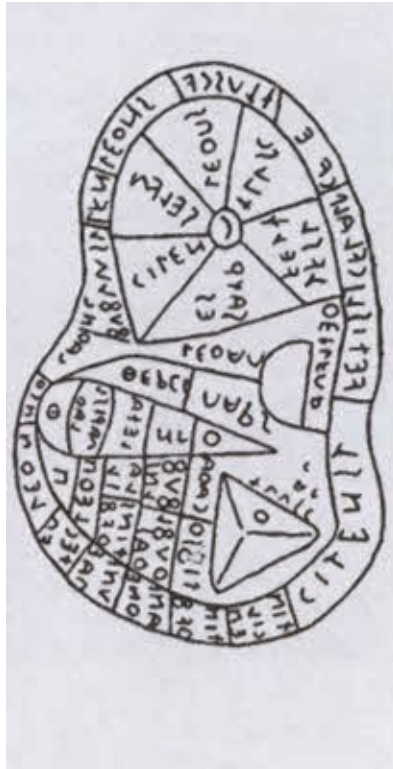
Культовый котелок

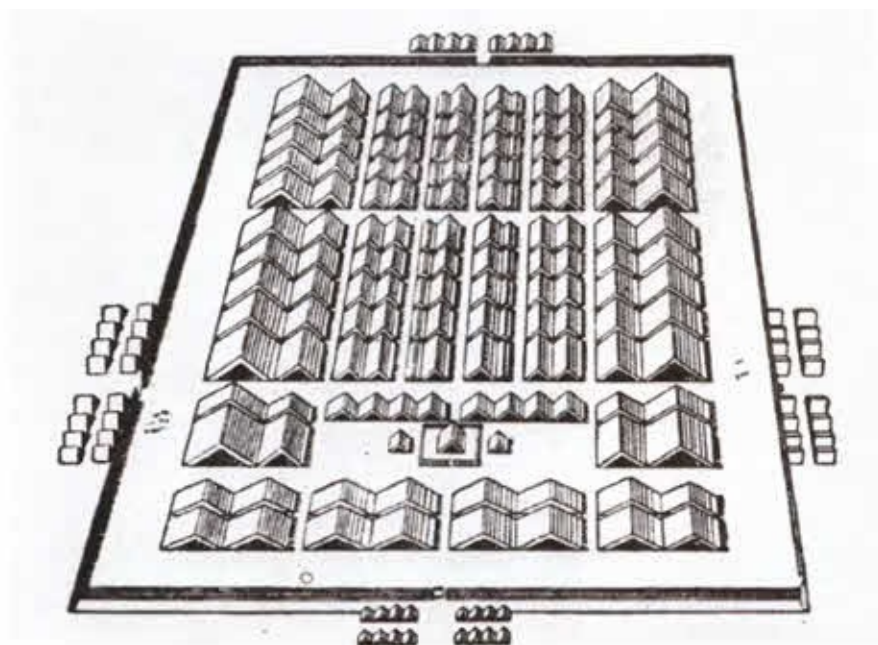
Меч и кинжалы кельтов. V в. до н. э.

Легионер. Реконструкция

Гадательная печень

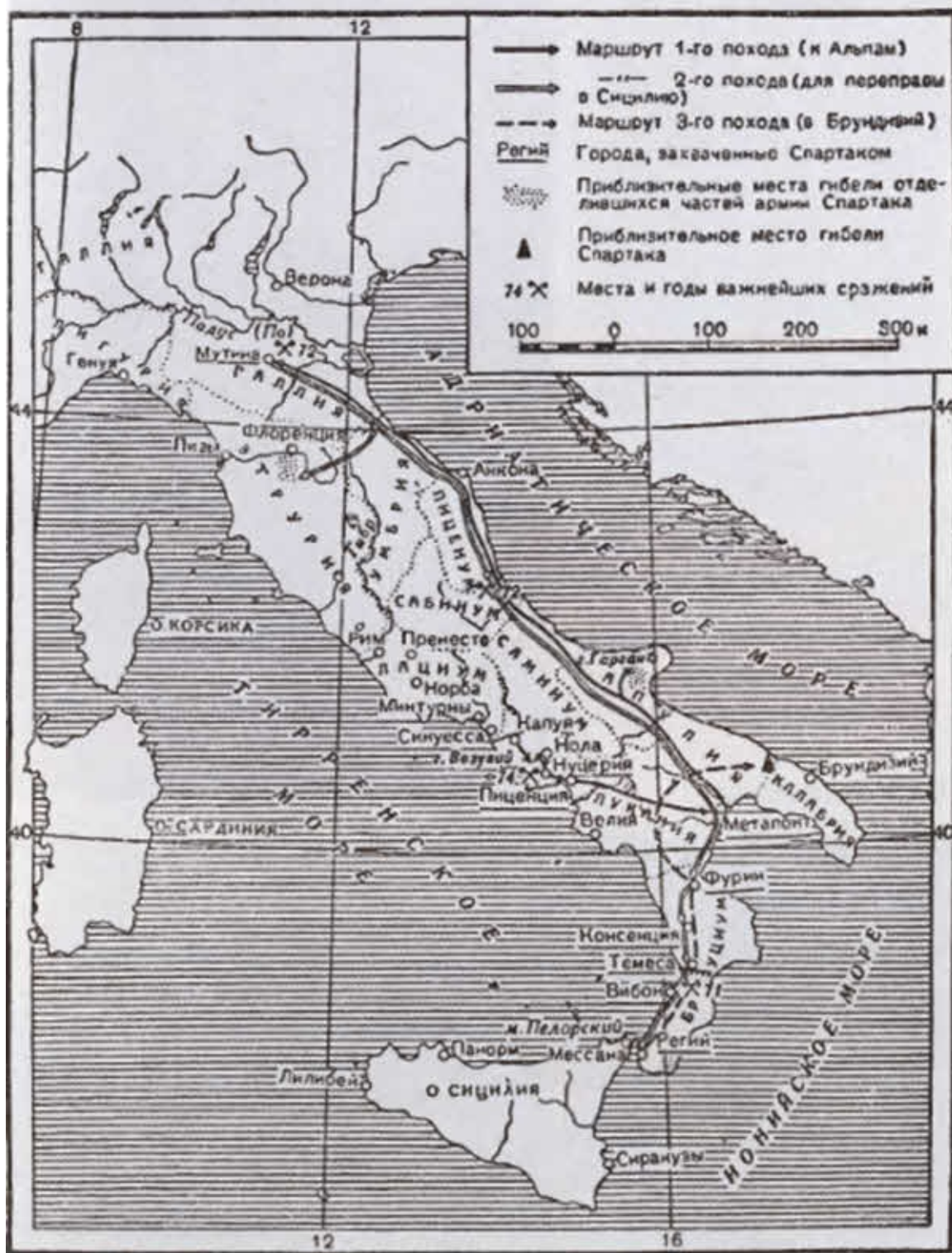
План римского военного лагеря

Германец

Жилище германцев

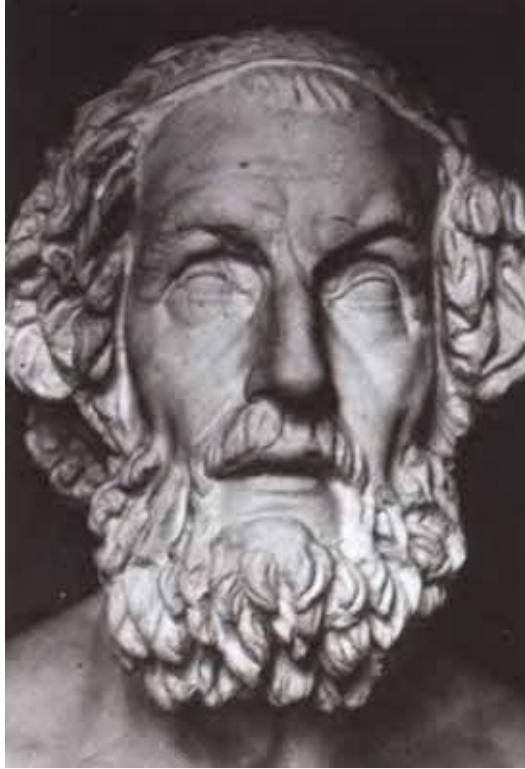
Маршруты походов Спартака

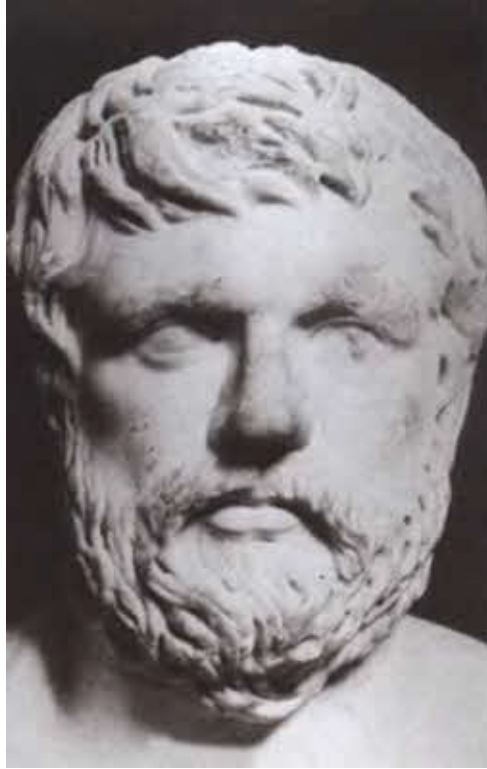
Западное Средиземноморье

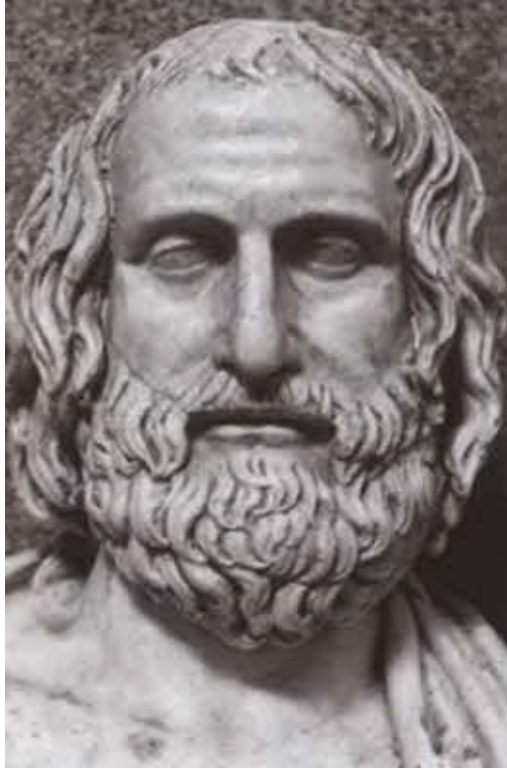
Убийство Сертория

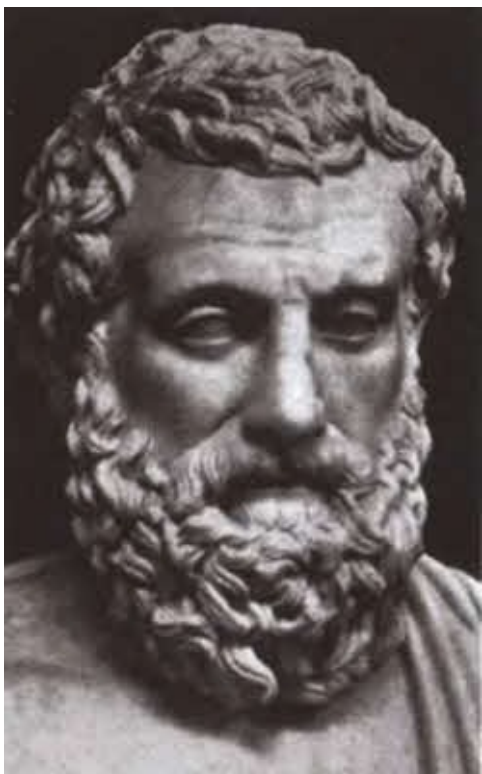
Гомер

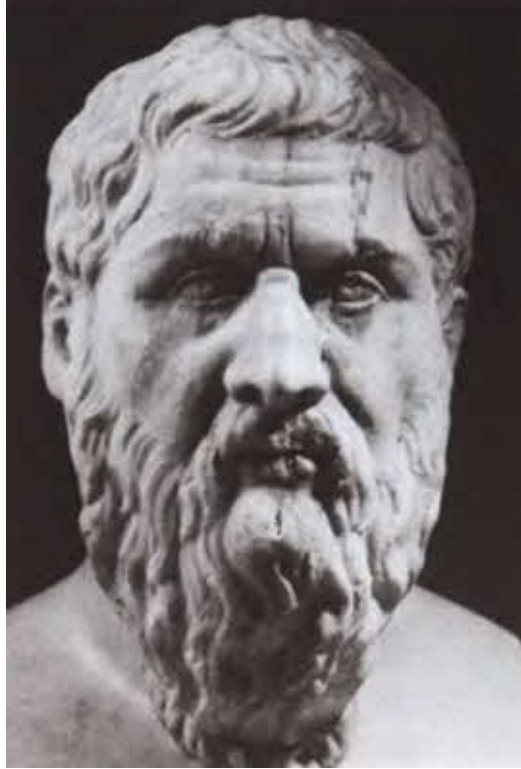
Ксенофонт

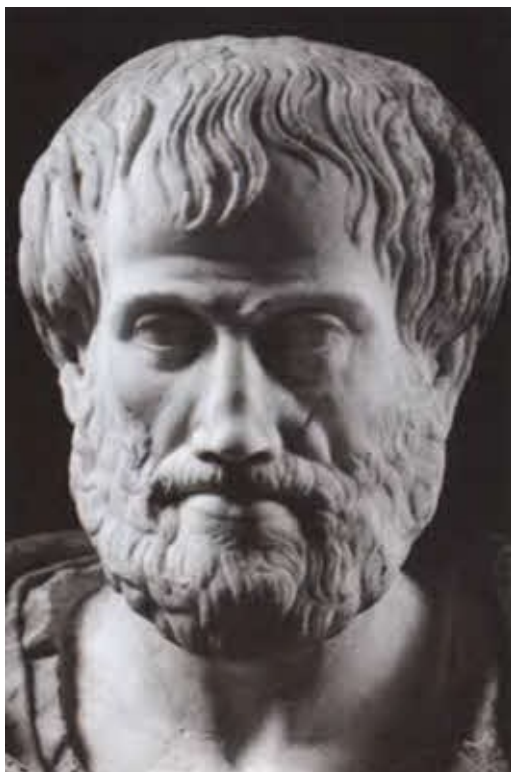
Ερμην

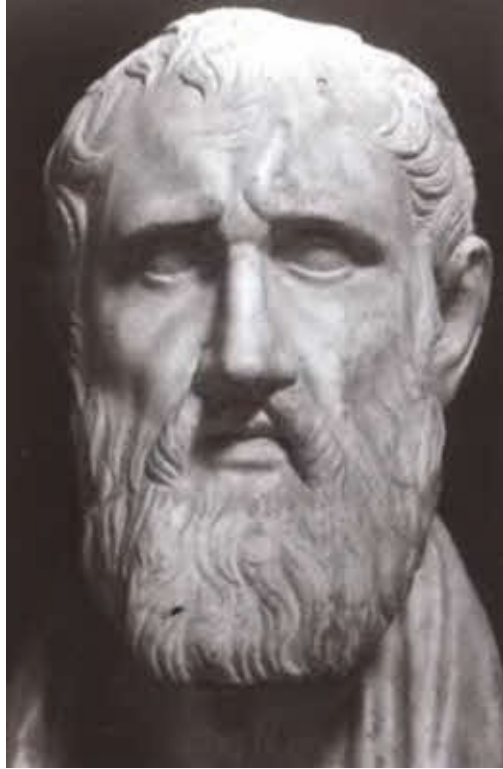
Софокл

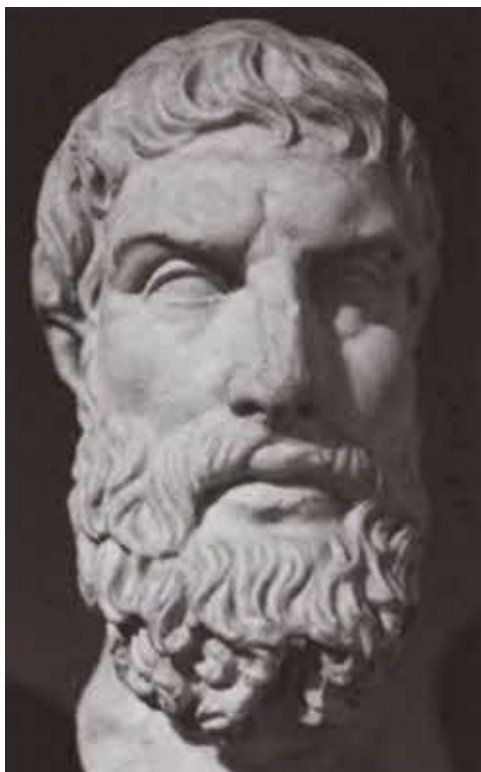
Платон

Аристотель

Зенон

Эпикур

Царь Эпира Пирр

Ганнибал

Александр Македонский

Братья Гракхи

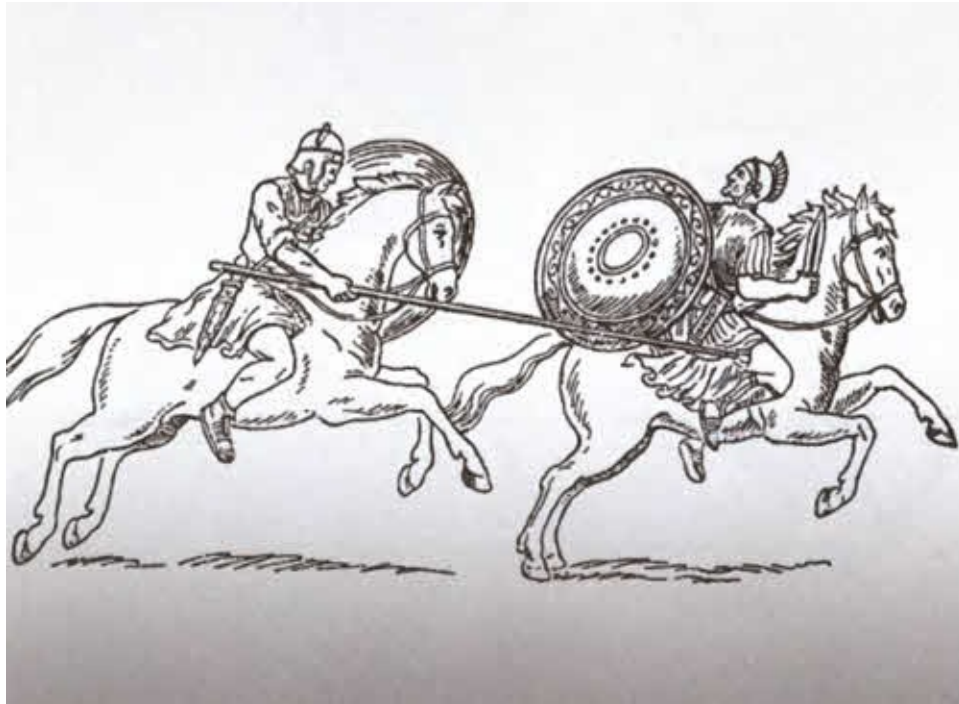
Сципион Африканский, победитель Ганнибала

Представитель рода Эмилиев Лепидов

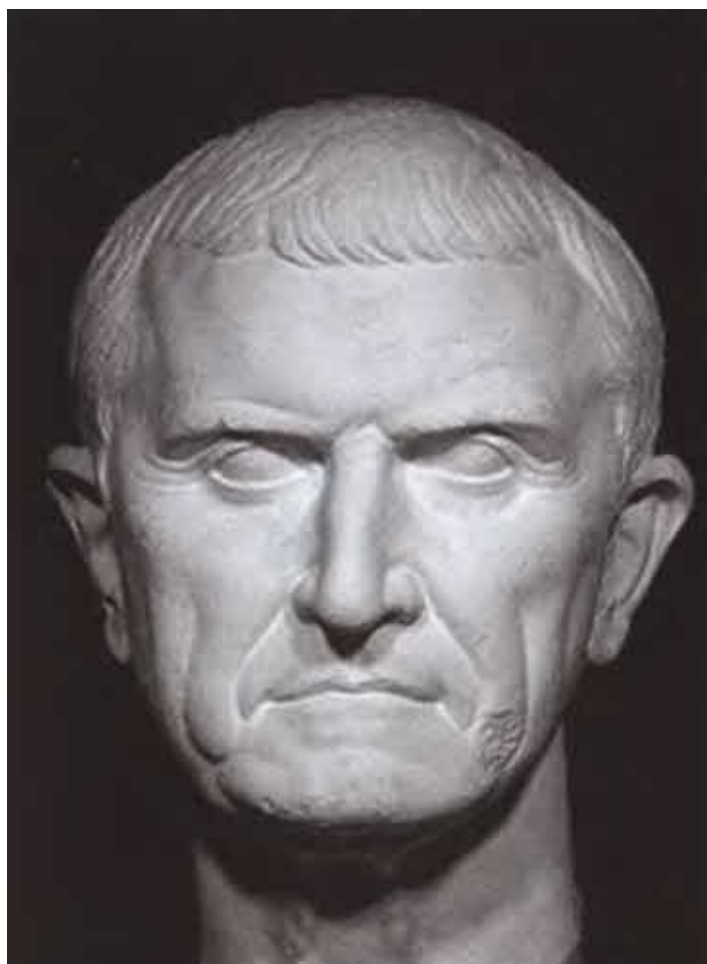

Побережье южной Италии

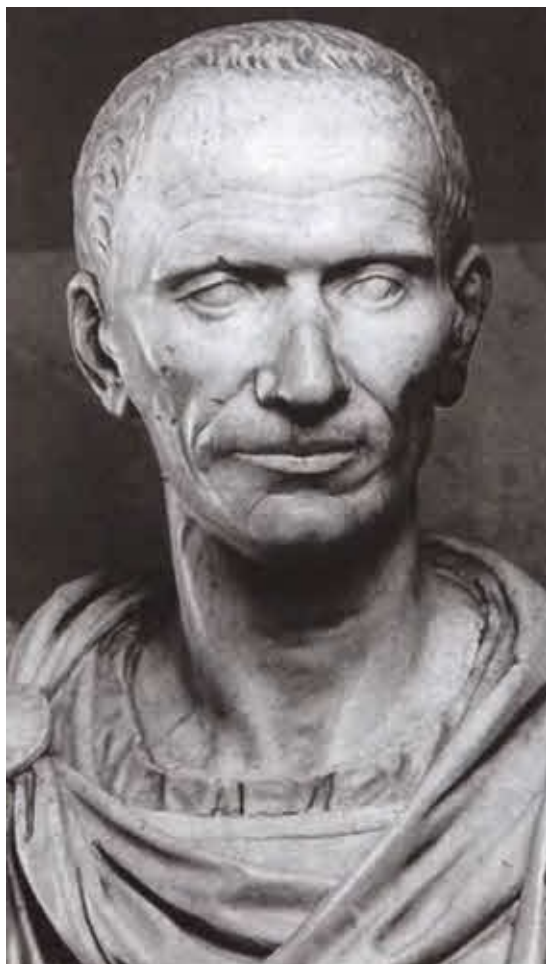

Последний бой Спартака.

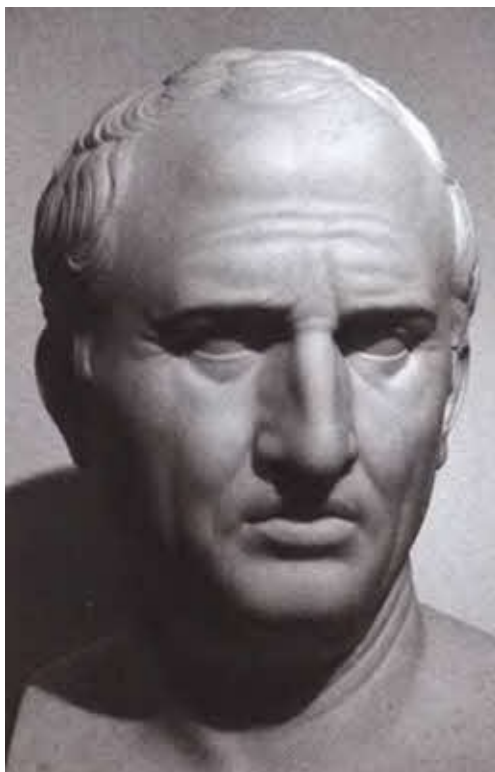
Фреска из Помпей (из дома Феликса)

Марк Лициний Красс

Гай Юлий Цезарь

Марк Туллий Цицерон

Марк Порций Катон Младший

К императору Траяну подводят пленных даков.

Фрагмент барельефа колонны Траяна в Риме

Спартак.

Скульптура Д. Фуатье. Лувр. 1830 г.

Капитолий — крепость Рима, символ его вечности

Памятник Спартаку в Болгарии

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Общие труды

- Маркс К. Хронологические выписки. М., 1938.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7, 21.
Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 32.
Всемирная история. В Ют. / Под ред. С. Л. Утченко, Д. П. Каллистова, Т. И. Павловской, В. В. Струве. М., 1956. Т. 2.
История Древнего Рима / Под ред. В. И. Кузищина (серия «Классический университетский учебник»). Изд. 4-е. М., 2005.
История Древнего Рима. Тексты и документы / Под ред. В. И. Кузищина. Т. 1. М., 2005.
История Европы. Т. 1: Древняя Европа. М., 1988.
Ковалев С. И. История Рима. Л., 1948 (2-е изд.: Л., 1986).
Машкин Н. А. История Древнего Рима. М., 1956.
Моммзен Т. История Рима. СПб., 1995. Т. 3.
Сергеев В. С. Очерки по истории Древнего Рима. М., 1938. Т. 1.
Ферреро Г. Величие и падение Рима. СПб., 1997.

Исследования

- Артамонов М. И. К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов // Вестник древней истории. 1949. № 1.
Брабич В., Плетнева Г. Зрелища древнего мира. Л., 1971.
Брашинский И. Б. Понтийское пиратство // Вестник древней истории. 1973. № 3.
Бюхер К. Восстания рабов в 143–129 гг. до н. э. Л., 1924.
Вейцківський І. І. До біографії Спартака // Вісник Львівського ордена Леніна державного Університету ім. Івана Франка. Серія історична. Львів, 1971. Вып. 7.
Велишевский Ф. Ф. Быт греков и римлян. Прага, 1878.
Белков В. Рабство в Тракия и Мизия. София, 1967.
Венедиков Ив., Герасимов Г. Тракийското изкуство. София, 1973.
Георгиев В. Българска етимология и ономастика. София, 1967.

- Георгиев В. Тракийският език. София, 1957.
- Горское В. Военное искусство Спартака // Военно-исторический журнал. 1972. № 8.
- Граков Б. Н. Скифы. М., 1971.
- Данов Хр. М. Древна Тракия. София, 1969.
- Заборовский Я. Ю. Некоторые аспекты политической борьбы в римском сенате // Вестник древней истории. 1977. № 3.
- Златковская Г. Д. Возникновение государства у фракийцев VII–V вв. до н. э. М., 1971.
- Каждан А. И. Религия и атеизм в древнем мире. М., 1957.
- Карышковский П. Восстание Спартака. М., 1958.
- Кузищин В. И. Античное классическое рабство как экономическая система. М., 1990.
- Кузищин В. И. Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н. э. — I в. н. э.). М., 1976.
- Кузищин В. И. Римское рабовладельческое поместье во II в. до н. э. — I в. н. э. М., 1973.
- Михайлов Г. Траките. София, 1972.
- Мишулин А. В. Спартак. М., 1950.
- Мишулин А. В. Спартаковское восстание. М., 1936.
- Мотус А. А. К вопросу о датировке начала восстания Спартака // Вестник древней истории. 1957. № 3.
- Мотус-Беккер А. А. Из истории восстания Спартака // Ученые записки педагогического института им. Герцена, 1948. Т. 68.
- Нечай Ф. М. Рим и Италики. Минск, 1963.
- Павлов Пл., Димитров Ст. Спартак — синът на Древна Тракия. София, 2009.
- Ростовцев М. И. Лекции по истории Рима. СПб., 1901–1902.
- Ростовцев М. И. Общество и хозяйство в Римской империи. М., 2000. Т. 1.
- Сергеенко М. Е. Помпеи. М.; Л., 1949.
- Сергеенко М. Е. Жизнь Древнего Рима. Очерки быта. М.; Л., 1964.
- Сергеенко М. Е. Простые люди древней Италии. М.; Л., 1964.
- Скифский мир. Сб. статей. Киев, 1975.
- Стоилов С. Спартак. София, 1964.
- Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М., 1976.
- Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969.
- Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965.
- Утченко С. Л. Цицерон и его время. М., 1972.

- Утченко С. Л. Юлий Цезарь. М., 1976.
- Фракийско-скифские связи. Сб. статей. София, 1975.
- Хёфлинг Г. Римляне, рабы и гладиаторы: Спартак у ворот Рима. М., 1998.
- Цицерон. Сб. статей. М., 1958.
- Цончева М. Художественото наследство на Тракийските земи. София, 1971.
- Чернышов Ю. Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в древнем Риме. Новосибирск, 1992.
- Шелов Д. Б. Махар, правитель Боспора // Вестник древней истории. 1978. № 1.
- Штаерман Е. М. История крестьянства в древнем Риме. М., 1996.
- Штаерман Е. М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи (Италия и западные провинции). М., 1961.
- Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964.
- Anticky Rim. Bratislava, 1975.
- Doer B. Spartacus // Das Altertum. 1960. Bd. 6. Heft 4.
- Grant M. Gladiatores. Wroclaw; Warszawa; Kracow; Gdansk, 1980.
- Gunter R. Der Aufstand des Spartacus. Berlin, 1979.
- Masaoki Doi. Why did Spartacus stay in Italia? Tokyo, 1978.
- Matt Leonard, von. La Sicile antique. Zurich; Paris, 1960.
- Oliva Pavel, Olivova Vera. Spartacus. Povstani spartacovo a spartacovska tradice. Praha, 1960.
- Ollivier M. Spartacus. Der grope Sklavenaufstand / Mit einem von H. Barbusse. Berlin, 1948.
- Orena R. Rivolta e rivoluzione. Il bellum di Spartaco nella crisi della repubblica e la riflessione storiografica moderna. Milano, 1984.
- Reinach Th. Mithridate Eupator, roi du Pont. Paris, 1890.
- Spartacus. Symposium rebus Spartaci gestis dedicatum. Sofia, 1981.
- Tudor D. Rascoalalui Spartacusa. Budapest, 1963.

Лесков В. А.

Л 5 °Спартак / Валентин Лесков; предисл. В. И. Кузищина.
— 3-е изд., испр. и доп. — М.: Молодая гвардия, 2011. — 350[2]
с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1316).

ISBN 978-5-235-03453-2

УДК 94(37)(092)

ББК 63.3(0)323

Лесков Валентин Александрович

СПАРТАК

Редакторы *А. Ю. Карпов, В. Г. Левченко*

Художественный редактор *Е. В. Кошелева*

Технический редактор *М. П. Качурина*

Корректоры *И. В. Аветисова, Л. С. Барышникова*

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 22.12.2010. Подписано в печать 20.06.2011.
Формат 84х108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 18,48+1,68 вкл. Тираж 5000 экз.
Заказ 10504

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127994, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-
mail: dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии:
127994, Москва, Сущевская ул., 21

notes

Примечания

Исократ (436–338 до н. э.) — преподаватель риторики и политический публицист в Афинах.

Ныне автор убежден в том, что Спартак принадлежал не просто к знатному, но к царскому роду; отсюда его выдающиеся военные и организаторские способности, умение вести людей за собой и талант дипломата.

Диктатура — экстраординарная римская магистратура, связанная с наделением одного лица чрезвычайными полномочиями для исправления дел в государстве. Диктатура вручалась сроком до шести месяцев с правом жизни и смерти. Сулла первый был назначен на неопределенный срок (назначил его принцепс сената и междуцарь Луций Валерий Флакк).

Историк Саллюстий характеризует их так: «Здесь (то есть в Азии. — *В. Л.*) впервые солдаты римского войска приучились амурничать, выпивать, питать пристрастие к статуям, картинам, расписным вазам, воровать их как у частных лиц, так и у казны, всё осквернять, не делая различия между божеским и человеческим. Само собой разумеется, такие воины, достигнув победы, ничего не оставили побежденным».

В обычном понимании вилла — загородное имение, в состав которого входят поля, виноградники, пастбища. Однако древние авторы (Баррон) часто понимали виллу и иначе: как «всякое владение, которое приносит большой доход благодаря вскармливанию животных».

Сулла за время войны с Митридатом взял в плен почти 200 тысяч солдат и офицеров и большинство их продал в рабство.

Гуманные хозяева ссылались обычно на авторитет Платона, говорившего в «Законах»: «С рабами надо обращаться хорошо, не позволяя себе оскорблять их, и даже, если можно, быть к ним справедливее, чем к равным».

Варрон говорил, что из трех рабов, покупаемых в Эфесе (крупный рынок невольников), один получает имя от продавца Артемидора — Артемас, другой — от области, где его продавали, — Ионик, третий по имени города — Эфесий.

Эта междоусобная борьба различных прослоек класса рабовладельцев (оптиматы хотели любой ценой утвердить принцип единовластия сената, их противники, популяры, — суверенитет власти народного собрания, то есть рядовых свободных граждан Рима) значительно ослабляла рабовладельческую диктатуру. Между тем рост угрозы со стороны рабов (этот класс делался все многочисленнее в результате частых войн и торговых операций, причем непрерывно росла его интеллектуальная мощь, так как в числе рабов оказывалось все больше архитекторов, ученых, инженеров, грамматиков и т. п.) настоятельно требовал усиления этой диктатуры.

Уже после смерти Гнея Помпея, когда ничто не обязывало его к лести, Цицерон отзывался о нем так: «Мой ровесник Гней Помпей, человек, рожденный для великих свершений, заслужил бы великую славу своим красноречием, если бы жажда еще большей славы не увлекла его к воинским подвигам. Речь его была обильна, он умел видеть суть дела; что же касается исполнения, то голос его обладал необычайной звонкостью, а движения — величайшим достоинством».

Цицерон не выносил этих народных трибунов, считая всех вредными смутьянами. Над их речью на сходках — простой, разговорной, пересыпанной грубоватыми остротами, — он всячески насмехался («некоторые ораторы уже не говорят, а лают»). О Г. Сицинии он отзывался так: «Человек бесчестный, но отчаянный шутник — только это в нем и было от оратора».

Фимбрия являлся начальником конницы консула-марианца Валерия Флакка (86 год). Он убил своего командующего и захватил в войске власть. Когда солдаты стали перебегать на сторону победоносного Суллы, кончил самоубийством (85 год).

Вольноотпущенник Публий Сир, современник Спартака и Цезаря, автор ряда фарсов, воспроизводя мнения своей среды, говорил: «Согрешить для господина — это добродетель», «Умно ведущий себя в рабстве имеет долю в господстве», «Если ты повинешься неохотно, ты — раб, если добровольно — помощник».

Заговоры известны и в прошлые десятилетия. Так, в 186 году до н. э., когда был раскрыт «заговор пастухов» в окрестностях Тарента (Апулия), согласно расследованию римского претора в деле участвовало по крайней мере до 7 тысяч человек! В Аттике в ответ на известие об успехах сицилийских рабов (восстание 137–132 годов до н. э.) составила заговор тысяча человек, а в самой Италии, в Синуессе — 4 тысячи рабов.

Мегалетийские игры заимствованы из фригийских религиозных обрядов, из Пессинунта, считавшегося обителью Матери богов. Слава этого святилища не знала себе равных. Мегалетийские игры были введены в Риме во время несчастий Ганнибаловой войны по совету прорицательницы Сивиллы.

В глазах римлян такая очистительная жертва имела большой смысл. Пираты в это время вновь распространились по всему Средиземному морю и причиняли много бедствий Италии. Люди, консервативно настроенные, считали это наказанием богов за величайшую развращенность сограждан.

Апулия — хлебный край — славилась производством пшеницы, вина, масла. Осенью, после уборки урожая, торговцы на осликах свозили их к морю. Здесь они грузили свой товар на суда в Брундизии и Таренте и развозили его по адриатическому побережью Италии, по городам Лукании и Калабрии.

Г. Юний — председатель суда, судившего Оппианика.

Таковы официальные, в немалой степени подозрительные, цифры Лукулла, взятые из его восточных реляций.

Благодаря Лукуллу Л. Магий получил полное прощение, возвратился в Италию и как состоятельный человек жил в Кремоне. Его сын Нумерий Магий позже был начальником мастеровых у Помпея и участвовал в гражданской войне на стороне последнего против Цезаря.

Интересно отметить, например, объем познаний древнего архитектора: «...должен быть человеком грамотным, умелым рисовальщиком, изучить геометрию, всесторонне знать историю, внимательно слушать философию, быть знакомым с музыкой, иметь понятие о медицине, знать решения юристов и обладать сведениями в астрономии и небесных законах» (Витрувий).

Галлы присылали помощь союзникам (например, Клуенцию в 89 году — Аппиан). Галльский отряд имел при себе Цинна (Аппиан). А консул Карбон имел даже кельтиберскую конницу, присланную из Испании (Аппиан).

Саллюстий резюмирует расхождение во мнениях в следующем абзаце: «Немногие благоразумные одобряли (предложение Спартака. — В. Л.) и говорили, что им нечего искать другого метода отступления; это были люди свободного духа и прославленные... Но часть по своей глупости, полагаясь на все прибывающие силы, жестокие характером, иные, позорно забывши о своей родине, главнейшая же масса по рабской своей натуре, не стремясь ни к чему другому, кроме добычи и удовлетворения своей жестокости (не хотели принять предложения предводителя)».

Численность легиона колебалась у римлян в зависимости от обстоятельств и трудности войны в пределах от 3,5 до 6 тысяч воинов.

По римскому обычаю на каждый легион полагалось по 300 человек конных из римлян и 900 — от союзников.

Дальнейшая судьба Макра оказалась такова. С помощью Красса и при содействии Помпея он добился в последующие годы претуры, потом получил провинцию, где сумел, по обычаю всех римских наместников, хорошо нажиться. По возвращении в Рим в 66 году он был привлечен к суду, и Красс, недовольный некоторыми его действиями, этому не воспрепятствовал. О последующем Плутарх рассказывает: «...Лициний Макр, человек, имевший уже сам по себе большую силу в городе, да притом еще пользовавшийся поддержкой Красса, будучи привлечен Цицероном к суду за хищения и полагаясь на свое влияние и благосклонное к себе отношение, ушел в то время, как судьи еще голосовали, к себе домой, наскоро остриг голову, надел как бы в знак того, что выиграл процесс, белую тогу и двинулся было снова на форум. Встретившись же у порога с Крассом, принесшим известие, что судьи единогласно вынесли обвинительный приговор, Лициний вернулся к себе, слег в постель и умер. Дело это создало Цицерону (он был тогда претором. — В. Л.) репутацию ревностного блюстителя законности».

После первой речи Цицерона на процессе 70 года и свидетельских показаний против бывшего наместника Г. Веррес признал свое дело безнадежным. Уплатив требуемые с него 40 миллионов сестерций, он добровольно удалился в изгнание на Кампанское побережье. Несмотря на выплату баснословной суммы, он был по-прежнему страшно богат (Цицерон сильно занизил сумму украденных им в Сицилии денег и стоимость различных ценностей). Эти богатства и погубили Г. Верреса, подведя после 27 лет царской жизни под мечи убийц, присланных триумвирами. По иронии судьбы Г. Веррес, не занимавшийся больше политикой, попал в проскрипционные списки вместе со своим бывшим обвинителем М. Цицероном. Последний угодил в них и был убит по настоянию своего личного врага М. Антония.

В латинском языке слово «веррере» означает «мести». Шутники предсказывали, что Веррес окажется всё выметающей «метлой» для провинций.

Каст — имя кельтской аристократии. Известно, например, имя сына царя секванов Кастик. Известен также в древней Иберии (Испании) город Кастакс.

Публикор, вероятно, родом из Этрурии (она вместе с Самнием особенно пострадала от репрессий Суллы). И именно поэтому он избрал ее главным театром боевых действий, заменив Спартака в качестве верховного вождя (71–70).

Ветераны согласно указаниям Суллы (82 год до н. э.) осели в Италии следующим образом: Трансальпийская и Цизальпийская Галлии — 10 тысяч человек, Этрурия — 40 тысяч, Умбрия — 10 тысяч, Пицен — 10 тысяч, Лаций — 10 тысяч, Кампания — 25 тысяч, Лукания и Брутий (собственно прибрежные крупные города — Гурий, Консенция, Метапонт) — 5 тысяч человек. Всего, таким образом, на землях, отнятых у 47 итальянских городов, стоявших в войне на стороне марианской партии (Капуя, Нола, Нуцерия, Помпеи, Теан и т. д.), Сулла расселил 120 тысяч ветеранов.

О дружбе своей с консулами 72 года Цицерон упоминает в речи «За Клуенция»: «Доблестные мужи, недавно бывшие у нас цензорами (Л. Геллий и Гн. Лентул были цензорами в 70 году. — *В. Л.*), оба — мои друзья. В особенно же близких и сердечных отношениях, явившихся следствием взаимных услуг, нахожусь я с одним из них, как вы большей частью знаете (то есть с Геллием. — *В. Л.*).

...Что же касается специально Лентула, моего доброго друга, — имя которого я произношу с тем уважением, которого требуют его выдающиеся качества, равно как и тот высокий сан, которым почтил его римский народ...»

Позже Калхант был побежден в прорицательском споре Мопсом в роще Аполлона в Мизии и умер от огорчения.

А вообще-то это был галльский обычай. Страбон говорил: галлы «носят золотые украшения-ожерелья вокруг шеи и браслеты на руках и запястьях».

Считалось, что выливаемое на землю вино и дым сжигаемого мяса кормят души, выходящие за этой поживой из-под земли.

Инсубры, как уже говорилось, — самый многочисленный и сильный галльский народ, живший за рекой По. В 222 году римляне взяли галльскую столицу Медиолан и превратили ее в сильно укрепленный муниципий. Недовольные галлы выселились в Свободную Галлию, в Аквитанию. Оставшиеся постепенно приняли латинский язык и обычаи.

М. Катон (95—46 до н. э.) — выдающийся политический деятель конца республики, видный военачальник, враг Цезаря.

Цепион (102—70 до н. э.) — старший брат М. Катона, его любимый друг и единомышленник.

Всякий, кто соглашался покупать имущество проскрибированных, становился объектом ненависти сограждан. Сулла отлично знал это и, желая приобрести как можно больше сторонников, не колебался многое из имущества убитых партийных врагов раздавать совершенно даром или «в долг», который он потом простил.

Один из них, как говорили, упал с неба. От его сохранения, по словам нимфы Эгерии, зависело сохранение Рима. Нума приказал сделать еще 12 таких, чтобы никто не знал настоящего и не мог похитить его. Хранились щиты сначала в храме Весты, а после пожара в 191 году до н. э. в доме весталок у форума, у подножия Палатинского холма, в особом тайнике.

Цицерон совершенно откровенно признавал, что плебейские массы Рима и Италии, не говоря уже о рабах и вольноотпущенниках, во все времена были страшно недовольны сенатом: «Вооруженные силы и отряды, осаждающие государство, более многочисленны, чем защищающие его, так как чуть кивнешь дерзким и пропащим людям — и они уже пришли в движение, да они даже и по своей охоте восстают против государства; а вот честные люди почему-то малодетельны, упускают из виду начало событий и только по необходимости, когда уже дело идет к концу, начинают действовать».

Это было вполне в римских традициях. Раздавал бесплатно народу хлеб в годину дороговизны (по 1,5 модия), будучи эдилом, оратор Гортензий (76 год). Друг Цицерона всадник М. Сей, эдил 74 года, выдавал народу зерно в период дороговизны хлеба за свой счет по очень низкой цене (1 асе за модий).

Цицерон отмечает, что «самым большим недостатком неискушенной толпы» в Риме являлись «колебания, непостоянство, склонность к частой смене мнений, напоминающей перемены погоды», а Саллюстий в «Инвективе против М. Цицерона» (54 год), говорит, что римский народ «настолько развращен, что он готов торговать собой и своим достоянием».

Это было признанием крайней опасности положения. Обычно на войну отправляли 4 римских легиона (остальные — союзники). Только после поражения при Каннах на войну было отправлено 8 легионов, «чего раньше никогда не бывало у римлян» (Полибий). То есть против Спартака при назначении Красса действовало 10 римских легионов (6 — Красса, 4 — консулов).

Самыми значительными членами ее были: консул Л. Муммий, разрушитель богатейшего Коринфа, и Кв. Муммий, сторонник Т. Гракха, избранный на место низложенного народного трибуна М. Октавия (133 год); он погиб вместе с Т. Гракхом, и тело его бросили в Тибр.

В основании Фурий (443 год до н. э.) принимал участие «отец истории» Геродот, здесь нашел прибежище бежавший от врагов Алквиад.

Неблагоприятные для Красса сведения о действительном положении дел в Сицилии все-таки достигли ушей сената. Их-то и имел в виду Афинея (III век н. э.), когда писал: «...если бы Спартак не погиб в открытом сражении с Лицинием Крассом, он задал бы нашим (то есть римлянам в Сицилии. — В. Л.) необычайно трудную работу, как Эвн в Сицилии».

До своего консульства Цицерон прославлял Помпея как верный член помпеянской партии. Он сам в этом многократно признавался, заявляя, что с Помпеем его соединило «не какое-то случайное обстоятельство, а мои давние, задолго до того предпринятые и обдуманные мной труды».

До настоящего времени из обширной переписки Цезаря дошло не больше десятка писем, все они относятся к эпохе гражданской войны (49–48 до н. э.). Вот одно из них:

«В дороге, март 49 года.

Император Цезарь шлет привет императору Цицерону. Хотя я только видел нашего Фурния и не мог ни поговорить с ним, ни выслушать его, как мне хотелось, ибо я торопился и был в пути, уже послав вперед легионы, тем не менее я не мог упустить случая написать тебе и послать его и выразить тебе свою благодарность, хотя я и часто это делал и, мне кажется, буду делать чаще: такие услуги оказываешь ты мне.

Так как я уверен, что вскоре прибуду под Рим, прежде всего прошу тебя дать мне возможность видеть тебя там, чтобы я мог воспользоваться твоим советом, влиянием, достоинством, помощью во всем.

Возвращусь к сказанному выше: прости мне мою торопливость и краткость письма. Остальное узнаешь от Фурния». (Фурний (81—? до н. э.) — человек «больших достоинств и доброты» (Цицерон), друг Помпея, потом Цезаря и Антония. Был народным трибуном (в 50 году), эдилом, претором, консулом, у Антония — наместником Азии.)

Один из его предков, П. Лициний Красс «Богатый», был верховным понтификом в эпоху борьбы с Ганнибалом, другой — П. Лициний Красс Муциан, консул, верховный понтифик, — командиром армии, направленной на подавление восстания Аристоники в Малую Азию. Проиграв битву при Левках, погиб от руки фракийца, едва не попав в плен (131 год). Он был известным оратором, знатоком права, другом Тиберия Гракха и участником замышлявшихся реформ, тестем Гая Гракха.

По словам Флора (II век), подобная картина наблюдалась и при императоре Августе. Готовясь к войне с Друзом Старшим (Германиком), полководцем Августа, германские племена херусков, свевов, сугамбров казнили на крестах 20 римских центурионов, «начали этим актом жертвоприношения войну».

Что Крассу так и не удалось в первой битве разгромить Ганника, это засвидетельствовано Плутархом.

Жена Спартака, фракиянка по происхождению, «пророчица и одержимая дионисовским вдохновением» (Плутарх), выступала одновременно и как жрица фракийского бога Диониса — Салмоксиса. Она являлась активной участницей задуманного Спартаком предприятия и заботилась об укреплении его влияния в массе. Приснившийся ей однажды сон — змея будто бы обвила голову Спартака — она толковала как знак «великого и грозного могущества», которое выпадет в будущем на его долю (после гибели Спартака в это «пророчество» задним числом было внесено добавление насчет «несчастливого конца»).

Когда заговор оказался раскрыт, жена Спартака вместе с ним бежала на Везувий и всю войну играла видную роль во всех делах повстанцев.

По римским поверьям физическая смерть была лишь началом новой жизни — самостоятельной жизни души под землей. Душа, однако, нуждалась в еде и питье, которые надо было приносить ей периодически. Если ей в этом отказывали, она покидала свою могилу и всячески старалась наказать своих близких за небрежность: насылала на них болезни, поражала их скот и земли бесплодием.

Полибий говорит: «В военном деле не столько значат открытые действия силой, сколько вовремя употребленные меры хитрости».

В распоряжении Помпея, когда он вывозил свои пять легионов из Италии через Брундизий, спасая их от натиска Цезаря (49 год до н. э.), было 80 кораблей.

Флор: «Тарент, создание лакедемонян, некогда столица Калабрии, Апулии и всей Лукании, славился величиною, стенами и гаванью, а также удивительным местоположением. Будучи расположен у входа в Адриатическое море, он рассылал корабли во все страны: Истрию, Иллирик, Эпир, Ахайю, Африку, Сицилию».

М. Лукулл вел войну во Фракии чрезвычайно энергично и жестоко. Он подкупал вождей, сжигал деревни, грабил города и святилища (из святилища Аполлона в городе Аполлонии он увез огромную статую бога скульптора Каламида и, освятив, поставил в Риме, в храме Юпитера на Капитолийском холме). С целью запугивания фракийцев М. Лукулл приказывал рубить руки пленным воинам и в таком изувеченном виде отсылал их к своим. К концу 72 года Фракия им была усмирена.

Такая у андабатов была конструкция шлемов.

Умер в начале III века до н. э.

Утверждение это является сомнительным. Некоторые факты относительно других крупных битв при сравнении с итогами последней битвы Красса со Спартаксом настораживают и заставляют сомневаться в достоверности числа павших из войска Спартакса.

Пять лет спустя, передав Помпею командование в войне с Митридатом (66 год до н. э.), оскорбленный Л. Лукулл (Помпей осмеивал его победы как «эфемерные» и «театральные») заимствовал из этих ругательств свои возражения для желчных ответов сопернику. Он говорил: «...Помпей явился сюда сражаться с тенью войны, он привык-де, подобно стервятнику, набрасываться на убитых чужой рукой и разрывать в клочья останки войны. Так, Помпей приписал себе победы над Серторием, Лепидом и Спартаксом, которые принадлежали, собственно, Крассу, Метеллу и Катуллу. Поэтому неудивительно, что человек, который сумел присоединиться к триумфу над беглыми рабами, теперь всячески старается присвоить себе славу армянской и понтийской войн» (Плутарх).

Ему исполнилось только 34 года; Красс же, хотя ему шел 42-й год, не мог надеяться на успех при сопротивлении Помпея.